Меч космонавта

Падение с Земли - 8

Александр Владимирович Тюрин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Последняя книга из цикла “Падение с Земли”

Данное художественное произведение распространяется в электронной форме с ведома и согласия владельца авторских прав на некоммерческой основе при условии сохранения целостности и неизменности текста, включая сохранение настоящего уведомления. Любое коммерческое использование настоящего текста без ведома и прямого согласия владельца авторских прав НЕ ДОПУСКАЕТСЯ. С откликами, вопросами и замечаниями автору, а так же по вопросам коммерческого использования данного произведенияя обращайтесь к владельцу авторских прав непосредственно по email адресу: tjurin@amc.ru; или к литературному агенту автора — Александру Кривцову: Литературное агентство “Классик” Тел: (812)-528-0083 Email: sander@stirl.spb.su FidoNet: 2:5030/581.2 Официальная авторская страница Александра Тюрина http://www.sf.amc.ru/tjurin/

- Александр Тюрин
  - ЧАСТЬ I
    - 1. “О пользе чтения”
    - 2. “Проигрыш победителя”, АВГУСТ 2075 г. (месяц сытень 10 года от Св.Одервенения.)
    - 3. “Конец сильных и смелых”
    - 4. “Знакомец из преисподней”
    - 5. “Съеденный на завтрак”, МАЙ 2075 г.
    - 6. “Между падшими ангелами и взлетевшими чертями”
    - 7. “Бродячий элемент”
    - 8. “Каждый — лишний”
    - 9. “Знаниям — гибель”
    - 10. “Армагеддон — день тяжелый”
    - 11. “Раскуроченная планета”
    - 12. “Восставший ото сна”
    - 13. “Проснись — обворовали”
  - ЧАСТЬ II
    - 14. “Снова о пользе чтения”
    - 15. “Никто не заметил потери бойца”, сентябрь 2075г.(месяц фруктень 10 г. от Св.Одервенения.)
    - Блок 16. “Мене, Текел, Фарес”
    - 17. “Ишимский Смутьян”
    - 19. “Варфоломеевский день”

- 21. “Ледяное царство”, октябрь 2075 г. (листень 10 г. от Св.Одервенения).
- 22. “Коронация начинается”
- 23. “Кольцо Марка-27”
- 24. “Скрытая карьера Ф.К123”
- 25. “И опять о пользе чтения.”
- 26. “Последний аккорд”

Александр Тюрин
Меч космонавта

Посвящается встречающим меня

ЧАСТЬ I

Возлюби самого себя, насколько сможешь.

Святой Ботаник, Низинная Проповедь

Ясень я знаю
По имени Игдрассиль,
Древо жизни, омытое
Влагою мутной,
Росы с него,
На долы нисходят,
Над источником судьбы Урд
зеленеет он вечно.

Прорицание вельвы

1. “О пользе чтения”

Четкий прием. Симплекс.

“…Земля наша Темения велика, и рожь с пшеницей на ней колосятся обильно, скотина умна да послушна, стоят два больших городища, Теменск и Березов-на-Туре, а в Теменском море полно красной рыбы и тучных китов, бабы у нас обильны телом и плодовиты, войско бравое, лихое, посему с успехом отражает набеги тюрков и прочих азиатцев. Даже безбожный властитель Ван Шэнь, насылающий лютые орды морских разбойников, не насытился победой над нами. Уже десять лет тому, как положен предел языческому поганству и земля наша стала обителью второевангельской веры. Божественным произволением был явлен Пророк и Святой Учитель по имени Ботаник. Он научил, как возлюбить самого себя на радость людям и Богу. Лютые бесы из Храма Нечистоты изорвали его чистую плоть на тьму мельчайших кусочков, инда ничего крупнее пылинки и не сохранилось, однакоже воскрес он в виде Крестного Древа Жизни, каковое проросло к престолу Господа. Так открылась нам, рабам Божьим, дорога в цветущий вертоград Вечности…”

“Книга для отроков и отроковиц”. Словопечатная мастерская при дворе Его Царского Величества Макария Второго. 10 год от

Святого Одервенения Учителя нашего Ботаника.

2. “Проигрыш победителя”, АВГУСТ 2075 г. (месяц сытень 10 года от Св.Одервенения.)

Помехи. Настройка канала. Четкий прием. Симплекс.

Яреющий ветер сбирал морщины на лице моря и подгонял крутобокие джонки к берегу. Тот имел облик пустынный, лишь коло кромки воды, в обширных лужах копошились пернатые, выискивая мелкую морскую живность, хиреющую на суше после отлива. Чуть поодаль, над невысокими скалами иные птицы хороводили в воздухе, но, в основном, важно стояли на часах подле своих гнезд. Чайки и гагары уже не суматошились, ибо свыклись с непрошенными, но смирными гостями. Те стыли на скалах почти не шевелясь, стараясь не громыхать доспехами и оружием. Лишь изредка доносился смущенный чих или виноватый кашель. Однако птицы относились к этим нездешним звукам как будто с пониманием.

Участок берега, к коему стремились корабли, образовывал вместительную бухту, защищенную от волн, с довольно узким проходом меж двух отмелей. Саженях двадцати от берега первая джонка бросила якорь, и прямо в воду с ее бака посыпались нездешние люди. Одновременно с бортов спускались ялики, протягивались длинные сходни, слетали бревна, из которых умелые руки вязали хлипкую пристань. И вот уже крепкие немало кривые ноги моряков стали месить прибрежную грязь. И щебечущие звуки голосов, и халаты, и круглые шапки, и сапоги с загнутыми носами выдавали в них воинов владыки китаев Ван Шэня.

Корабли приставали к берегу один за другим. Под скудными утренними лучами двух солнц носились и заполошно кричали птицы, пара грязных песцов, злобно кашлянув, почесала в болотистую даль. Никогда еще сей брег не знал столь кипучего движения двуногих. Здесь были и ратники в узорчатых шипастых панцирях, с мечами-секирами “квандо” в руках, и стрелки с большими щитами и длинноствольными ружьями на сошках, и легкая пехота с пиками-многозубцами, в когтистых перчатках и остриями на сапогах. На древках трепыхались красные стяги с иероглифами Шэнь — жизненного духа, каковой наполняет недолговечные сосуды человеческих тел. На те же древки насажены были высохшие головы могучих врагов, чья сила Ци вечно теперь служит победителям. По чертам сморщившихся мертвых лиц, по обрывкам головных уборов угадывались и

обезьяновидные жители южных островов, и эбеновокожие гиганты Африки, и неукротимые туркийские воины, и даже ландскнехты верхнегерманского кайзера.

Погонщики выводили из воды на песок приземистых волосатых слонов; выплывали к берегу на мохнатых носорогах, чьи схожие с глыбами головы были защищены щитками, а рога окованы железом; по шатким мосткам силачи-звероводы направляли своими твердыми руками рыкающих саблезубых тигров, облаченных в кольчуги.

И вот уже на прибрежной полосе скопилось не менее трехсот воинов, вглубь суши двинулись следопыты на быстрых конях-единорогах, на скалы стали карабкаться разведчики, используя для камнелазанья “кошачьи когти” и цепы с якорьками.

Егда некоторые из скалолазов должны были наткнуться на тех воинов, что смирно стыли на камнях, загаженных птицами, грохнул залп из ружей и картечниц. Он смел разведчиков, следопытов и проредил толпу моряков. Следующий залп, к коему добавились ядра легких мортир и пороховые ракеты, затянул дымовой пеленой и прибрежные камни, и высадившихся шэньцев. Засим грянуло еще несколько залпов, отчего моряки частью ринулись вместе с обезумевшими носорогами в узилище между скал (каковое вело далее вглубь суши), другие стали карабкаться вверх по камням, гоня перед собой тигров, третьи суматошно бросились обратно к своим джонкам.

А со скал посыпались люди совсем иной наружности, коих было бы легко пересчитать — однако не гнездилось трусливое томление в их сердцах, не текло безволие в жилах. Окромя того, сверху им шэньские мореходы видны были как на ладони инда напоминали стаю ос, растревоженных громом и огнем. Воины, ринувшиеся из засады, облачены были в высокие меховые шапки и красные сапоги, серые кафтаны или чекмени — одежда выдавала в них подданных теменского царя Макария Второго. Теменцы стреляли из широкоствольных пистолетов, а засим рубили неприятеля длинными слегка изогнутыми мечами. Те, воины, что помощнее, искусно орудовали бердышами. Одни шли вперед молча, стиснув горячие зубы, другие возносили истошные крики: “Конец сукам долбанным во славу царства Теменского!” Теменцев сопровождали крепколапые боевые псы и медведи в кожаных нагрудниках с пришпандоренными металлическими бляхами и шипами.

Тем временем мортиры ударяли по кораблям, по мосткам временной пристани, по яликам. Ужо щепья, доски и разбитые снасти усеяли воду, там и сям мелькали головы шэньских моряков, пытающихся удержаться на поверхности и призывающих

помощь жалкими словно бы птичьими криками. Некоторые джонки быстро подняли якоря и, преодолевая встречный ветер, направились к горловине бухты. Однако же к переднему из кораблей устремилось на веслах несколько теменских лодок, мгновенно выскользнувших из-за мыска. Моряки-китаи наслали на них облака пуль и ядер, но половина из утлых суденышек достигла бортов джонки. Лодки уже горели, когда находившиеся в них теменцы вонзили крючья в обшивку шэньского корабля — дабы сцепить борта намертво. После того теменские воины попрыгали в воду и резво поплыли обратно, а брандеры взорвались. Получив зияющие пробоины, джонка с треском и скрипом ломающихся снастей осела в воду, затем легла на дно. Однако над поверхностью осталась высокая корма, превратившаяся в громадное кострище, и мачты с тающими в огне парусами. Другое судно, тщившееся проскользнуть между горящим остовом и отмелью, застряло в узости из-за сильного порыва бокового ветра и тоже заполыхало. Шэньские моряки с гибнущих судов кидались в воду, чая вплавь добраться до берега. Из-за их белых шапок казалось, что море покрылось пеной. Впрочем “пена” сия вскоре окрасилась красным. Головы несчастных резко уходили в пучину, а над поверхностью воды появлялись тугие животы бултыхающихся людоедов, привлеченных запахами крови и страха — касаток-убийц, морских медведей, коих еще прозывают белыми, спинорогих морских змеев.

После того всем шэньским мореходам, еще остававшимся на своих кораблях, ничего лучшего не придумалось, как устремиться на берег. Однако они высаживались на сушу не скопом, а волнами — по мере того, как сокрушались их товарищи, пытавшиеся вырваться из “котла”. Впрочем, теменцам также приходилось не сладко. Многие китаи давно опамятовались и теперь, обретя небесное спокойствие, применяли заученные с младенчества правила ратоборства, посылая свою жизненную силу на разрушение телесности противника. Шэньские воины стелились по земле, коля и подрубая снизу, взмывали в воздух, нанося удары сверху, скакали и прыгали, вращая мечами-секирами и исторгая из глоток жуткие рыки, с которыми могло соперничать толико рычание рассвирепевших тигров.

Усмирить секирного бойца сумела бы разве что пуля или цеп, захлестнувший его руки и ноги. А лютого саблезубого тигра удавалось остановить лишь стаей презлобных псов. Они остервенело терзали его бока зубами и шипами, а он расшвыривал их сокрушительными шлепками или мгновенно умерщвлял своими клыками длиной в локоть — но тут поспевала

к нему пуля или кроящий удар бердыша. Толстую волосатую шкуру носорогов все же пробивали колья, загодя врытые в землю, прикрытые кустарником или притопленные в ямках.

Воинами в серых кафтанах распоряжался невзрачного вида полководец, коего заслоняли от вреда ражие молодцы, ближние слуги и боевые холопы — к шапкам их в знак достоинства приторочены были лисьи или волчьи хвосты. К сему начальнику все обращались “княже”. Пребывал он на почтительном удалении, так, чтобы не могла его достать прицельная пуля, и надзирал за ратоборством в подзорную трубу.

Вот шэньцы собрали кавалерийский отряд, и всадники на белых единорогах, облаченных в шипованные панцири, ринулись на прорыв из прибрежного “котла”. Хитроумные животные огибали колья (на которые запросто напарывались носороги), ударом рогов вышибали кровавые потоки из ставших им на пути медведей и ратников. Но тут с боков, из узких проходов между скал, на них устремился кавалерийский отряд серокафтанников-теменцев на буланых единорогах. Те вонзали окованные сталью острия в бока белых “собратьев”, пробивая их кольчугу ино сшибая с ног. Боевые звери вбивали друг в друга передние либо задние копыта, ломали панцири, рвали длинными желтыми зубами и шипами шкуру и жилы, иной раз, ухватив всадника, стаскивали его с седла и трепали, пока он не вручал душу Отцу Небесному. Воины с проломленными черепами и оторванными конечностями падали на песок, чтобы тут же стать месивом под могутными копытами. Не успела бы дважды прокуковать кукушка, како оба кавалерийских отряда полностью перекрошили друг друга.

Егда начальник серокафтанников-теменцев увидел, что ярость и отчаяние шэньцев достаточны для того, чтобы прорвать окружение, то велел спустить с высоты особые бочки, которые помчались по склонам вниз, источая из щелей желтый едкий дым. Кашель и чихание воцарились над прибрежной полосой, морские пришельцы терли мигом раскрасневшиеся похожие на сливы глаза и пытались спрятать лицо в ворот. Когда ветер уже разорвал и отогнал желтую пелену, а шэньцы еще купались в слезах и соплях, теменский полководец со своей ближней дружиной и медвежьей ватагой выехал на бой. Он устремился прямо в середину вражеской толпы, где находился шэньский предводитель вместе со своими слонами и драбантами, выстроенными в многоугольное каре. Медведи оборачивались к каре задом, в то же время с их спины дымно стреляли картечницы, расчищавшие дорогу вперед. Аще дело дошло до рукопашной, уцелел лишь один слон, собиравшийся как будто

обезуметь. Впрочем, теменский полководец, уворачиваясь от копий-многозубцев, оказался в опасной близости от закованного в кольчугу хобота и был тут же схвачен. Еще немного и полезли бы потроха из князя. Токмо не оплошал ближний слуга его, вскочил на хобот слона, закрутившийся удушающим кольцом, перемахнул на огромную спину, ударами топорка расшвырял погонщиков и верховых воинов, засим пальнул животному в затылок из пистоля.

Сей воин с обгоревшим лисьим хвостом на шапке выказал ловкость и крепость воли такоже после спасения своего господина. Стоя на слоновьей туше, он споро рубил мечом древки обращенных к нему шэньских копий. Дождавшись наступающих товарищей, он возглавил клин и пробился к вражескому предводителю. Того обороняли искуснейшие бойцы, владеющие всеми видами боя, и тигриными перекатами и перескоками цапли; широкие изогнутые клинки китаев выписывали восьмерки и круги, ино заметить лезвие было затруднительно. Однако теменский воин увернулся от меча-секиры и попоной, сорванной со спины слона, накрыл лютых по-звериному шэньцев, которые, впрочем, незначительны были ростом. Парочка бойцов-медведей примяла китаев сверху, а следом прошлись теменские воины с шестоперами и бердышами, отмолотили и покромсали все, что трепыхалось под попоной, в месиво.

Брани подходил конец. Мортиры отправляли на дно морское одну джонку за другой, немалое число кораблей сгрудилось коло выхода из бухты и сейчас многоалчное пламя кидалось с борта на борт како прыгучий зверь. Шэньцы частью уходили на утлых лодчонках прямо в волнующееся море, частью, прорвавшись сквозь оцепление на скалах, улепетывали по чавкающей грязи в сторону болот. Им вдогонку уже устремлялись всадники на ездовых баранах и своры боевых псов. Однако большинство китаев осталось лежать на прибрежном песке и у подножия скал; зеленые из-за водорослей волны лениво перекатывали мертвецов на мелководье. Все еще поревывали издыхающие в грудах своих кишок носороги и храпели осиротевшие кони-единороги.

— Произошло одно изменение — и возникло тело, произошло другое изменение — и тело исчезло. Лишь жизненная сила не знает времени и пределов,— полководец-победитель повторил слова одного из шэньских мудрецов, глядя на мрачные следы побоища. Засим обратился к своему отличившемуся воину. — Что ты мыслишь о таковой философии, Страховид?

— Дивуюсь, княже Эзернет, что с такой верой китаи бросаются на битву. Считают себя ничем, каким-то испражнением скоротечным. Нам-то многажды легче, слава Ботанику, теменцам ведомо как произрастить в себе крестное дерево и сподобиться

вечной зелености.

— Не дорожащие жизнью, не боятся смерти, мой друг. Хотя сдается мне, что великая пустота в их головы могла быть привнесена нарочно, каким-то хитрозадым кудесником… Гликося, что за всадники замаячили вот на том холме?

Пока ближние слуги пытались разглядеть незваных гостей, князь Эзернет уже приставил к глазу подзорную трубу и на лицо его словно упала тень.

— Се не китаи и уж, конечно, не тюрки-ордынцы, се — черные стражи государя, числом тринадцать. И они прибыли за мной.

Слуги еще не поняли, почему возопечалился их господин, но верным сердцем уже почуяли неладное.

У Страховида тоже заныло в груди, хотя он и не мог взять в толк, чем могут угрожать черные стражи князю Эзернету. Разве государь может быть недоволен своим военачальником? Разве не князь Эзернет побил казахских тюрков Большой Орды, хлынувшей через реку Иртыш и сметающей все заслоны како пожар лесной? Ино не князь одолел за пару недель тысячи верст, дабы поспеть к вторжению китаев-шэньцев в Обский пролив? Ино не Эзернет Березовский учинил прошлым летом разгром треокаянного кузнецкого ханства, которое послало на нас железные колесницы, работающие на паре и извергающие снопы огня? Царь тогда закручинился, сердцем озяб, облачился в рубище, платом накрылся и укрылся в тайге, чтобы среди отцов-пустынников проращивать в себе Крестное Дерево. А войско, и дворянское ополчение, и казачьи тысячи, и стрелецкие полки, и наемники-ландскнехты, откатывались под натиском железной силы, скользя в собственной крови. Но бодрый князь Эзернет устраивал засеки, перерывал шляхи и иные пути, ставил надолбы, рушил дамбы, задерживая и затопляя металлические колесницы. Он сыскал мудрецов, шибко сведущих в алхимии, те сготовили зелье, способное сжигать самодвижущиеся повозки. Огненным составом можно было заполнять сосуды для последующего метания рукой или пушкой. Также получены были дымные снадобья, замутняющие глаза. Железные повозки удалось сжечь, многие вражеские бойцы лишились зоркого зрения, заодно казахские тюрки хитростью и подкупом подвинуты были на вылазку против ханской столицы. Кузнецкий хан Амангельды зарезан был лазутчиком, прокравшимся по подземельям в дворец, его войска рассеяны по лесам и истреблены. Уже тогда поговаривали, что государю Макарию без князя Березовского не царствовать…

Всадники в черных малахаях, не встречая никаких преград, подскакали прямо к полководцу и его ближним слугам.

— Княже Эзернет,— заорал передний из них, заросший чуть ли не по глаза сивой бородой.— Государь требуют тебя к своему престолу.

— Нам еще не ведомо, весь ли шэньский флот вошел в сию бухту, не случатся ли где новые высадки. Разве я не надобен здесь?— отвечал военачальник неожиданно дрогнувшим голосом.

— Ты нужен там, куда направит тебя воля самодержца,— возгласил черный страж. Спокойствие сего неведомого малоприглядного человека лишь подчеркивала ту мощь, которая стояла за ним.— Найди, княже, себе замену, начальника, иже справится с твоими делами, и следуй за нами. Государь желают говорить с тобой.

Князь глянул на своих ближних слуг и Страховид впервые увидел растерянность в глазах господина; того вроде мандраж взял.

— Мы с тобой, княже, в любую невзгоду— прошептал он.— Изволь приказать — и мы утопим этих лярв в их собственных соплях.

Но господин молчал, понуро теребя темляк своего чекана.

— Возьмешь с собой, князь Эзернет, толико пятерых слуг, больше тебе не надобно, потому что мы с тобой.— распорядился сивобородый.

Не успело солнце Сварог отойти от солнца Ярило даже на двенадцатую часть небосвода, как князь Эзернет в сопровождении пяти ближних слуг и тринадцати черных стражей отбыл от войска в град престольный Теменск.

Первое, чему подивился Страховид — не пороли горячки и спешки черные стражи, не гнали своих мощных единорогов, хотя и сорвали военачальника чуть ли не с рати. Сивобородый предводитель “черных”, именем Демонюк, не выискивал и пути посуше да поровнее, и советов не выслушивал. Можно было подумать, что он нарочно подбирает места топкие и низинные даже для ночлега.

Настала третья ночь, вернее пора сумерек, когда Сварог сошел с небосвода, а Ярило притомился и слабо светил своим глазом подле круга земного. Князь со слугами устроились на небольшом холмике, нарубив карликовых елок, чтобы хоть немного спастись от сырости. Да и в случае нападения быстротекущей клейковины имелось бы время, чтобы испугаться и чего-нибудь сообразить. Все вознесли молитву “Да произрастет Древо”, а потом Крепослов сотворил заклинание Ботаника, каковое должно было отпугнуть упырей-кровопийц и червей-мозгоедов. Черные стражи расположились по кругу возле слабеньких костров, став почти незаметными темными кучками.

Точно как волки, которые в два счета могут вырвать тебе кадык, серой молнией выпрыгнув из укрытия.

— Энти оглоеды почище всяких вурдалаков,— Крепослов пустил ветер в сторону черных стражей.— Навалиться бы нам сейчас на них и открутить им чресла.

Страховиду пришлось по нраву такое предложение.

— Княже, отчего нам не замочить поганцев? Каждому чекушку в лоб — и настанет спокой.

— И при том покое будем мы государевыми преступниками и крамольниками.— голос князя был непривычно робким.— Что тогда, друзья?

— Сдается мне, не дождемся мы милости от царя, коли он таких псов присылает.— заметил Крепослов.— Ноги в руки и айда на вольный прокорм.

— И как мы кормиться станем, аще даже преодолеем все заслоны?— рече унылый будто захиревший князь.— За медные деньги будем провожать курваков-тюрков через теменские леса? Наймемся таскать горшки с дерьмом у богатых шэньцев и сами возсмердим? Ино Крепослов отсечет себе яйца и пойдет утруждать свой зад в гарем кузнецкого хана?

— Чур меня,— отозвался Крепослов.— Там хватает придворных слуг Макария, кои в плен попались при Лысых Холмах.

Беседа, еще немного продолжившись, затихла. Страховид улегся чуть подальше от костра, чем ему хотелось. Он сгреб ельник в некое подобие перины, положил под голову седло, притулился к теплой спине своего ездового барана Барона и, как ему показалось, закимарил.

Сон был навязчивый, как бесы, липкий будто клейковина. Страховид снова видел помазание Макария на царство: зима, Дворцовая площадь, толпы народа, заряженные безотчетной радостью. Самодержец выходит из золоченых врат собора к людям, на главе его сияющий венец, в руках зеленых посох, изображающий Крестное Древо. Недавно закончилась усобица, войны Храма Чистоты против Властелина Железа и последователей дьявольской ереси “Сознание Сталина”, тысячи воинов вместе со своими господами сложили буйны головы. Желая прекратить смуту и запустение, народ возвел на царство молодого Макария Чистые Руки, сына Морского Царя, приверженца второевангельской веры. Князь Эзернет как раз тогда купил Страховида, юного холопа, у одного из недобитых храмовников и привез с собой в столицу.

Однако сновидение подернуто было пеленой тоски и мрака.

Люди кажутся истрепанными куклами, одежки их — совсем

как ветхие тряпки, там и сям вылезли нитки. Люди еще живы, но руки их полуистлели, холодные облезшие лица покрыты инеем, величавый же собор смахивает на полусгнивший покосившийся сарай. Над толпой набрякло сизое небо, похожее на преисподнюю. Снег оседает на уродливые тела, одежды, строения, смерзается, и на смену сей рухляди приходят прекрасные ледяные изваяния и сооружения: стрельчатые арки, гроздья легких башенок, соцветия высоких окон, галереи-паутинки, изящные портики — все словно сотканное из серебристых нитей. Посреди этой лепоты — царь, похожий на дивью статую из переливчатого хрусталя. Свет стекает с поясневшего неба, на котором, однако, нет солнц и заставляет играть новый город и воздух, его насыщающий, всеми цветами. Парят существа совершенного величавого вида: диски, сферы и многогранники. Они сливаются и разъединяются, перетекают друг в друга, нет на них ни греха, ни страха. А еще слышна чудная музыка хрусталя и серебра.

Страховид почуял дьявольский соблазн и восхотел проснуться, но ничего у него не вышло. Ему мнилось, что сам он расползается ветхими гнилыми нитками. И руки, и ноги, и голова. Он дернул за какую-то нить и от сего действа расплелся весь его нос, отчего образовалась нелепо зияющая дыра посреди лица. И единственное, что могло еще спасти от тлена и расползания, то было превращение в ледяной столп.

Толико с большой натугой и многими усилиями Страховид сподвигся вырваться из пут поганого сна. Первое, что распознали глаза, был блеск устремленной к нему стали. Страховид резко откатился в сторону, и там, где только что был его живот, вонзился в землю злой клинок. Чуть повернувшись набок княжеский воин подсек ногами то, что казалось пыхтящей грудой. Выхватя из сапога нож, он ткнул им в сторону шума и лишь по сопротивлению, передавшемуся руке, догадался, что попал в мясо. Потом, взявши клинок за зубчик, Страховид швырнул его в другую метнувшуюся тень. По донесшемуся матерному крику понял, что угомонил еще одного недоброжелателя.

Ум быстро соотнес события, и стало ясно Страховиду, что черные стражи внезапно кинулись резать княжеских воинов. Но ездовой баран уже поднимался на ноги и отряхивался, заодно лягнул в лоб подбегавшего стража, ажно сразил наповал, проломив кость. Страховид вскочил на спину Барона — и впервые огляделся. Несколько покойных тел, лежащих на холме, явно принадлежало княжьим воинам. Крепослов, тоже успевший запрыгнуть на своего барана, отбивался в низинке от наседавших “черных”. Страховид шенкелем кинул своего Барона в ту сторону,

срубил первого попавшегося стража, выстрелом из пистоля сбил другого.

— Дуй, бля, за мной, тогда будешь жив-здоров,— крикнул он сотоварищу и оба устремились в брешь, образовавшуюся среди подрастерявшихся “черных”.

3. “Конец сильных и смелых”

Четкий прием. Симплекс.

Взгляд летел над лесотундрой и негде ему было приткнуться, не на чем было задержаться. Сумели княжеские воины оторваться в сумерках от черных стражей, но к утру устали без седел, и бараны выдохлись от бешеной скачки. К тому же все более чахлой и зыбкой становилась почва под ногами. Грязной свалявшейся сделалась шерсть и у взмыленного Барона. Закопошились в ней болотные пиявицы, некоторые из них добрались и до кожи Страховида.

Крепослов молвил ему, что видел князя Эзернета уже неживым. Черные стражи первым делом подобрались к полководцу и отсекли ясную головушку. Семь лет, с самого отрочества, Страховид жил умом и чувствами своего господина, который заменял ему отца, мать, а может даже сына — токмо к князю одному имел боевой холоп заботу. Сейчас разом были обрублены путеводные нити, и Страховид словно погрузился в зябкую томящую пустоту.

Потом он попробовал вынырнуть из мрака, утвердиться на том единственном, что у него оставалось — ненависти к погубителям князя. А ведь царь Макарий изшайтанился, сделался нечестивым губителем и рабом антихриста, подумалось Страховиду. Не зря в кабаках его кличут — Макарка Зеленая Нога. Извел он лучшего и преданного ему воина. Выходит, что и верным слугам Эзернета не сносить головы, не допустит злыдень царь Макарий, чтобы они поведали правду-истину об убиении светлого князя.

После злодейства, учиненного минувшей ночью, живыми осталось семеро псов-стражей, но княжеских ратоборцев на все про все токмо двое. Ну и пусть убьют, не жалко, решил Страховид, однако зараз заметалась иная мысль: в сем случае никто не поведает людям о черном коварстве и погубителей не осудит даже молва. Да, Бог воздаст им по заслугам, однако высшая кара может свершиться лишь руками человеческими.

Воины, покинувши спины усталых баранов, почали месить грязь своими сапогами, выискивая, где потверже. Однако там и сям мшина разрывалась водяными зыбучими окнами, в коих то и дело бухали пузыри — близкая преисподняя дышала смрадом. Пару раз замечал Страховид узорчатые хребты и клыкастые морды ящеров-коркодилов. Это еще не беда, тварь-то заметная, коли не свалишься в воду — она к тебе втихую не подберется.

Другое дело — трупоедки, мелкие ядовитые ящерки. Одну такую гадину Страховид едва-едва заприметил, когда остановился перекурить из чубука, и покромсал мечом.

Трупоедка незаметно подкрадется и чиркнет двумя зубчиками почти что без болести. А како станешь ты, возсмердя, синим опухшим мертвецом, устроит в тебе кладку яиц. Им непрестанный сугрев будет, а вылупившимся малькам — стол и дом. Ежели же трупоедка не устроит в теле человеческом своей кладки, то гибнет она мерзкой смертью, ибо новорожденные тварюшки остаются во чреве и начинают питаться маманькой, изгрызая ее изнутри. Зело символическая тварь.

Войско, конечно, любило князя Эзернета. А вот Макарий Зеленая Нога, како выедет на войну с блестящей свитой, с беловолосыми отроками из дворцовой гвардии, так учинит неразбериху, каковую распутывать приходится князю Березовскому. Чего стоит конный натиск, предпринятый по велению государя на Лысые Холмы, где за день легло костьми два полка лучших всадников. Князь Эзернет увел тогда войско, лишившееся конницы, почитай что через трясину, иначе всем сорока тысячам теменцев настал бы худой конец от тюрков. Князь не токмо умом и отвагой государя превосходил, но и своим высокородством. Род его был знатен и в те времена, когда о предках Макария никто слыхом не слыхивал, и тем паче тогда, когда отцы и деды Зеленой Ноги промышляли лютым разбоем на Теменском море. Неужели червяк-мозгоед совсем лишил ума Макария — ибо не сдобровать ему без верного полководца…

— Страховид, ты будто знаешь, за кем мы гонимся со столь великой резвостью? Энти долбоебы-стражи совсем отстали. Они, верно, притомились за нами гнаться. На кой хрен мы им вообще сдались?— заметил Крепослов, уныло вытаскивая сапог из грязи.

— Сдались, не сомневайся. Ежели они нас не закопают, мы будем орать на каждом майдане, что Макарий — никакой не помазанник Божий, а вор, стало быть, и самозванец.

Крепослов вытащив сапог, стал вытирать шапкой взопревший лоб.

— Где-то я такое слыхал, или читал. Ладно, когда-нибудь самдруг воскричим на каждом углу, или складно воспоем на два голоса, сопровождая пенье ладной пляской. А сейчас-то куда почешем? Раньше мы путь держали в составе войска, кое вели искушенные следопыты, а до того еще плыли на кочах по реке Таз. А ныне нам ведомо лишь, где стороны света, да и то приблизительно. Как добраться до тропок-дорожек, как сыскать сторожки и запасники? И вообще в энтих краях дьявол обитается. Да-да, он где-то здесь прописан. Кому удалось отсюда выбраться,

всякие жуткие вещи сказывали. Что он превращает твою жизнь в сон, а ужасный сон — в явь. Что душу вынимает, как семечко, и отправляет в преисподнюю, где из нее растет Древо Смерти.

— Много чего по кабакам и трактирам сказывают, егда надобно на черпак водки гроши наскрести.— устало отозвался Страховид. Более всего желал он нынче не слышать и не видеть ничего, и токмо поминать славные деяния, кои совершал он под началом доброго господина.

Однако Крепослов не унимался:

— У меня, друже, порохового зелья и пуль на пять выстрелов осталось. Како нам справится с медведем, не говоря уж о летучем упыре, по которому надоть залпом палить?

— Медведя ты изведешь нытьем, Крепослов, а упырь-кровосос от тебя отравится. У меня запас еще на четыре выстрела. Можно и рыбу острогой бить, и птичьи яйца собирать. Так перебиваясь помаленьку, мы с Божьей помощью на избенку какую-нибудь наткнемся, где полно брашна будет. На воле-то проживем, коли не станем искать встречи с “черными”.

— И я согласно с тобой считаю, что на воле и проживем, и прокормимся, и даже баскую

бабу поимеем. Токмо плюнуть должно на “черных”, ети их налево. Ино сумеем еще возвернуться обратно тем самым путем, каким зашли сюда. Ну, иж напоремся на стражей, лучше быструю смерть принять, чем гнить заживо в энтих болотах.

Страховид не заметил в друге ни устремленности мыслей, ни заматерелости чувств, которые помогли бы тому стерпеть долгое изнурительное мучение.

— Крепослов, у меня есть нужда пожить еще. Назад не пойду, там кобздец, так что прощай.

Крепослов повернул первым и Страховид смотрел ему вослед. Друг и соратник становился все мельче, а небеса и болота все больше, он удалился шагов на двести, буде вдруг пропал. Баран его по-прежнему был на виду и что-то там искал на земле, и даже косился на Страховида. А тот зараз ощутил, как навалилось единачество. Потом насыпал порох на полку своего пистоля, загнал пулю в длинный ствол и двинулся туда, где только был да сплыл его товарищ. Баран Барон неохотно поплелся следом.

Слева и справа от мостика из зыбкой почвы стояла гнилая вода с камышовыми зарослями и кочками, на коих теснились кривые березки-карлики.

С каждым шагом копилась тревога, инда приходила и отрешенность. Страховид словно шествовал по большой зале, в каковой никогда еще не бывал, и просторы, залитые водой, становились просто росписью на ее стенах. Даль приблизилась и

сделалась вполне различимой и близкой, хотя не слишком четкой. И когда отсчитал воин сто пятьдесят шагов, что-то промелькнуло среди зарослей. Или даже не промелькнуло, а только дало знать о себе. Страховид сделал несколько шагов в сторону и съехал в воду по пояс, ноги сразу стала подсасывать илистая няша, хотя и несильно. Умненький Барон, имея собственные понятия о жизни, за ним не последовал. Воин старался воздеть повыше свою берендейку с пулечной сумкой и пороховым рогом. И просил Святаго Ботаника заступиться за него перед небесами, дабы не схватил прежде вражеской пули коркодил и не цапнула трупоедка. Еще двадцать шагов по тревожно вязкому дну — и Страховид различил на поверхности водной две плоскодонные лодки, одну совсем близко, другую поодаль, на них плыли черные стражи, числом семь. А еще на воде лежало тело — Страховид по чекменю сразу признал Крепослова. Промежду глаз мертвеца торчала короткая стрела, “черные” — большие любители бесшумных арбалетов. Сгустившаяся тоска навернулась под горло Страховида, с утратой последнего друга не кого было и жалковать.

Княжий слуга выстрелил из пистолета и сбил одного из “черных” в болото. Потом рванулся под водой, проплыл под днищем и вынырнул с другого бортика. Там, где враги не очень ожидали. Дернул за бортик и еще двое государевых псов упало в воду. Как они всплывали, Страховид потчевал их мечом по голове — приемам боя на плаву его научил один пленный азиатец именем Масаеши Ояма. И что дивно, на разрубленной черепной кости одного стража, над диким выпученным глазом, блеснула звездочка о тридцати или сорока лучах. Страховид успел сию странность приметить, хотя через мгновение разрубленная голова паки скрылась под водой. Княжеский воин запрыгнул в плоскодонку, подхватил весло и айда грести изо всех оставшихся сил.

Те четверо, что плыли на втором дощаннике, само собой припустили за ним и, естественно, общая силушка у них была побольше. Они еще и постреливали вослед, хоть и мазали, но вопили истошно: “Стой, ехида, не то промежность порвем.”

А засим перед Страховидом встала стена густых камышовых зарослей с несколькими узкими просветами. Куда грести, чтобы не заблукать в густых волосах болота? И тут обозначились полоски на воде — очередной коркодил без особых дум выбрал направление. Воин предпочел за лучшее следовать животной мудрости. Вскорости Страховиду показалось, что плоскодонку подхватило какое-то течение, причем теплое. Здесь вообще было теплее, чем в окрестных местах; Страховид хоть и мокрый, однако

же еще не озяб. Впрочем, сугрев, возможно, происходил оттого, что воин работал веслом как очумелый. Надо было поспевать за коркодилом, который резал воду словно воздух. А зверь здоровенный такой, что прямо оторопь брала. Его челюстями можно было, раз-два, и плоскодонку напополам раскусить.

Греб княжеский воин за своим коркодилом, ажно пар из ворота шел, заросли все гуще делались, у “поводыря” появлялись новые товарищи. А Страховиду мнилось, что заплывает он в какое-то гадское царство — и призадумаешься: как такому обилию ящеров корма хватает? Впрочем коркодилы — умные хитрые твари. И вообще, многие звери и домашние скоты много умнее сделались, чем до Святой Чистки, так старики сказывают.

Несколько раз Страховид миновал скопления коркодилов, напоминающие передовые дозоры. Прямо перед носом его плоскодонки то и дело всплывала жуткая морда с вылезающими вбок зубами, которая будто испрашивала пароль. Однако же ничего не дождавшись, мирно тонула обратно. Тем временем ход лодчонки замедлился, понеже вода из узости вытекала на простор. А там Страховиду померещилось, что попал он на вечевое сборище в коркодильем царстве. Шибко много сгрудилось ящеров, терлись они боками, теснились, переползали по спинам “товарищей”, словно по бревнам, но некое благочиние блюли. Воин убеждал себя не бояться изобилия гадов и почти что уговорил. Да вдруг на “просторе” появилась вторая плоскодонка со стражами-преследователями. Неуемные люди зараз давай палить в Страховида из своих пищалей, и фонтанчики все приближались, знать выстрелы становились точнее и кучнее. В лодчонке, где плыл Страховид, от прежнего экипажа осталась ручница, причем заряженная. Княжий воин выстрелил лишь раз, однако поначалу не знал, попал он или нет.

А при стрельбе почудилось ему, будто линии протянулись светящиеся, иже соединили его и вражеское суденышко воедино, облегчив прицеливание и меткую стрельбу.

Страховид пальнул все-таки в “яблочко”, потому что супротивники стали вдруг утопать. Они прекратили стрелять и грести, переключившись толико на черпание. Коркодилы вовсю резвились вокруг стражей, да и возле Страховида тоже. Воин пытался избежать толчеи, выгребая на более свободное место. Но при том он сближался с дощанником черных стражей. Едва бы те перестали черпать воду и занялись бы меткой стрельбой, то и беглецу недолго бы небо коптить. Ан стражам было уже не до стреляния, хотя обе лодки сплывались все теснее и теснее.

Страховиду мнилось, что коркодилы прямо подталкивают его к врагам; сиречь, многозубым тварям нет никоей разницы между

ним и кровавыми псами государя. А “псы”, углядев поблизости его плоскодонку, не только воду сливали, но и тщились подгрести поближе. Однако проскрипели ужо для них ворота преисподней бездны. Лодочка “черных” черпала воду одним бортиком, в другой лупили ящеры своими каменными мордами. Какой-то из стражей изловчился перепрыгнуть к Страховиду. Бросил тело свое удачно, но все-таки чуток не долетел. Страховид не рубанул мечом по его голове, показавшейся из воды. Впрочем не стал и руку протягивать. Лишь разок успел бы прочирикать воробей, как коркодил уже поимел упавшего стража. Непонятно даже, почему ящер дозволил выплыть “черному” на поверхность. Человек тонко взвизгнул, на большее видно запала не хватило, и тотчас исчез по новой. Под водой ящеры его потрепали и прикончили, токмо красное облачко бывшей жизни и всплыло наверх.

Однако следующий страж был удачливее, он не только прыгучесть явил хорошую, но и с прирожденной ловкостью уцепился за бортик плоскодоночки, вмещающей Страховида. Пришлось отвадить прыгуна мечом по голове. Княжеский воин понадеялся, что прикончил беднягу, ино коркодилы драли уже дохлое тело.

Корыто, где сидели стражи, набрало столько жидкости, что получило твердое направление — ко дну. Одного “черного” ящер утащил даже не дожидаясь, буде обед окажется в воде — прянул в лодку и зажав челюстями туловище, плюхнулся обратно. Тут последний страж сиганул к княжескому воину из своей утопающей посудинки — просаживая все силы, накопленные страхом и отчаянием. Линия полета выписана была правильно, посему очутился “черный” в гостях у княжеского воина. Страховиду приложить меч уже не удалось, цепкий страж ухватил его за запястье правой руки и заодно попытался подпороть ножом. Десницу с ножом вышло придавить коленом, однако вражеский боец употребил борцовый прием — изогнувшись, ударил Страховида башкою под дых. Княжеский воин вылетел из лодки, однако же не забыл ухватить неприятеля за ворот и прихватить его с собой. В воде они недолго бились, не до того стало. Перемирие наступило, когда оба увидели, что к ним метнулись длинные смертоносные тела ящеров.

Плавание Страховида было борзым, порывистым и нелепым. Кажется, кто-то из коркодилов норовил уже цапнуть его за пятку, како вдруг взметнулись водяные заросли из белесых толстых стеблей. А за ними шевельнулось что-то, напоминающее большой, но мягкий колокол молочного цвета, внутри коего просматривались полупереваренные останки всякой живности и

даже кости крупного четвероногого зверя. Пресноводная сорокалучевая медуза по прозвищу “белая смерть” — метнулась догадка в голове Страховида. Жуткая думка, однако сейчас было не до боязни. Один из белесых “стеблей” мягко обкрутился вокруг ноги и выпустил для надежности еще десяток выростов. Но не время было им заниматься, сперва надобно ножом ткнуть под нижнюю челюсть ящера. Подколотый коркодил задергался и стал удаляться, показывая некрасивое желтое пузо, только и самого Страховида скрутила резкая боль, впившаяся тьмой мелких ядовитых коготков в тело. Ибо белесый “стебелек” ужо поработал, выпустив одну стрекательную ниточку. Страховид недужно заметался, желая поскорее вынырнуть на поверхность. Он отсек окаянное ловчее щупальце, однако голову его накрыло нечто мягкое и как будто нежное-ласковое. Воин знал, что за сим последует, орудуя ножом он все-таки выдрался из ядовитых объятий и рванулся к берегу. Когда Страховид доплыл до береговой тины, то заметил обрубок ветвистого щупальца, присосавшийся к коже, и потянулся, чтобы отодрать. Но прежде стрекательные нити еще раз ввинтились в ногу, отчего резко сократились все уязвленные мышцы. Воин, мгновенно теряя власть над телом, упал, а вместе с тем нахлынула тьма. Она поглотила боль и разные прочие чувствования…

Очнулся Страховид из-за больших комаров, чей размер превышал фалангу указательного пальца, а хоботок проникал глубоко под кожу. Ныли все мышцы и даже хрящики с суставчиками. Голова лежала в лужице, и к ноздре подбиралась юркая зеленая мушка, собираясь отложить там яички. Пока что Страховид мнил только одно — он от кого-то убегал. Или, может, догонял. Осколки памяти никак не складывались во единую картину. Ясно припоминалось лишь та невзгода, что пресноводная медуза ужалила его ядом своим преаспидным. Вот из опухшей ноги доселе торчат пожухлые стрекательные нити.

Кроме мышечных болестей сейчас Страховид чувствовал иные недужности, наипаче зудение в глазах, и общую неуютность. Он провел ладонью по лицу. Пальцы соскоблили какую-то липкую белесую дрянь. Клейковина. Подобралась к нему, пока он валялся колодой бесчувственной. Страховид знал, что клейковина наверняка успела запустить свои тонюсенькие щупики вкруг глазных яблок прямо в череп. Говорят, она мозг пьет. А может и не так — достоверно известно лишь то, что клейковина блудно ворошит и перемешивает начинку головы. Сумеет и память отнять, и добавить чужое памятование, и сделать так, что себя забудешь.

“Я — Страховид, прежде боевой холоп, а затем ближний

слуга князя Эзернета Березовского. Вместе с ним ратоборствовал в восьми битвах, в брани при Лысых Холмах прикрывал отход главных сил, стоя одесную от князя. Но меня еще звали… Меня звали Демонюк, царь любил меня, кормил с руки сладостями, бороду трепал, по его велению выкорчевывал я смуту, князей и бояр душил за то, что они государство на части разрывали…”

Тьфу, что за зараза оказалась в его голове? Ведь он — Страховид, а не черный страж, не этот кромешник Демонюк. Именно царь, а не князья, изнурил государство самодурством своим.

И все равно Страховид помнил чужой памятью злобесного окаемного

человека про то, как разорял поместье князя Березовского. Военный начальник в походе тогда был, славу себе добываючи. А стражи во главе с черным полковником Остроусовым наскочили ночью, факелами избы крестьянские закидали, затем взорвали бревенчатый тын пороховым зарядом и разлетелись по усадьбе. Порубили дворню, постреляли ратных слуг, вздернули дворецкого на сук, девок горничных растащили по темным углам. Ему невестка княжеская досталась — како показал ей перчатку свою, утыканную гвоздями, так она сразу присмирела, юбки задрала и сама еще помогала, шафирка… Все равно ее потом прикончили. Полковник велел всех баб к упавшему тыну привязать, юбки им завернуть на головы и натравить боевых псов, которые к тому же кобели ужасные. Псы вначале тех баб отзудили-задрючили по-кобелячьи, а потом еще закусали насмерть. Княжескую челядь и холопов усадебных царские стражи прикрепили к воротам и начали на них ездовых баранов испытывать — на бодачесть. Несколько боданий — и от тех мужиков только мешки переломанных костей остались…

Экий чертов бред засел в голове. Видимо, дьволова отрыжка, окаянная клейковина, вытянув ядовитую дрянь из памяти царского стража, изблевала ее в голову княжеского воина. Страж Демонюк — лютый пес-кромешник, но есть звери и злобеснее, навроде полковника Остроусова. А теперь надо все чужое, мерзкое, кровопийное, потугой мысленной отчленить и удалить прочь, пусть вернется сие непотребство туда, откуда явилось.

Тело было словно квашня, Страховид как будто собрал его и поднял, стараясь не опираться на левую ногу. Та казалась посторонней — лишь сквозь онемение томила душу тупая боль. Воин срубил карликовую березку, получился дурацкий кривой посох, помолился Богу Единому, как велел Ботаник, и повел свое тело… собственно, куда очи зрят. Так он брел три дни по лядине с ногой, обмотанной травой-сосальщицей, иже лучше пиявки

оттягивала дурную отравленную кровь, меняя свой окрас со свеже-зеленого на грустно-коричневый. Кабы не отыскал травку сию, то умерла бы нога, а следом трупная зараза охватила бы все тело. Ну, а с сосальщицей к исходу третьего дня и багровая опухоль спала, и даже хромота стала малозаметной.

Впрочем, к тому времени забрел Страховид в странную местность. Исчез кривобокий березнячок, и торф вылез на поверхность. Тутошняя земля вся была в дивьих узорах — сплошняком круги, полосы, пятна, вмятины, рытвины, воронки, словно водились здесь недавно какие-то бесовские игрища. Чудные отметины образованы были спекшейся ино прогоревшей почвой, россыпями блестящих камушков и хрусталинок или же потеками стекла. Впрочем, егда беглец потрогал их пальцами, оказались они не твердыми, а мягкой пружинящей гущей. Кой-где воронки были заполнены черным глянцевым камнем, в нем застряли прокопченные проплавленные куски будто бы металла. Несколько раз попадались и более жуткие находки — глыбы, очертанием похожие на разорванные человеческие тела и члены, угадывались даже умученные лица.

Страховид паче и паче разумел, что случилось здесь неведомое, но лютое побоище, где бились нелюди, а оружием им служили громы и молнии, либо что-нибудь еще похуже. Несколько раз ему встречались полуобгоревшие остовы каких-то кораблей. Внятно было, что сии бесовские изделия могли пожаловать сюда лишь по воздуху. Страховид различал и ребра, и балки, и обшивку, и нечто по виду как толстые волоса, и гроздья твердых пузырей, и огроменные диски, и какие-то большущие котлы с множеством отходящих трубок, и слизь текучую, и блестящее переливчатое крошево, и всяческую дребедень, коей имя и названия он бы не подобрал. Попадались ижна странные кресла, должные как будто обхватить тело со всех сторон — можа быть пыточные приспособления. Что-то в обломках и останках еще шипело по змеиному, сыпало искрами как шутихи, извергало дым и брызги, даже чавкало и булькало — туда близко Страховид не подходил. Подвернулась и пара настоящих бесов-мертвецов с жженными дырами на теле. Облачением они имели пленку, меняющую окрас, от угольно-черного до бурого, точь в точь под цвет земли, запястья были охвачены браслетами с мерцающими глазками, головы укпрятаны были в шеломы-горшки. Снаружи те выглядели непрозрачными, но изнутря можно было глазопялить на окрестный мир и еще дальше. Вдобавок бегали по забралу буковки с циферками и колдовские письмена-руны. Вот наваждение-то.

Рядом с одним из мертвых бесов валялась труба с рукоятью,

несколько напоминавшая пищаль. Се, должно быть, бесовское оружие, смекнул Страховид. А буде и ему попользоваться такой вот штуковиной, отчего не применить достижение бесовского, но изощренного разума? Ибо наверняка бесовская трубка извергает громы и молнии. Страховид дополнительно вооружился и двинул дальше. Прошел, наверное, с версту по измятой почве, когда обломков и рытвин сделалось, наконец, поменее. К тому времени и Сварог закатился за край земли. Страховид паки закручинился, томление поползло по груди, ведь утратил он все — доброго господина, надежных друзей-товарищей, стол, дом, верного барана Барона — а взамен ничем, кроме сей странной трубки, не обзавелся.

Где-то завыли-заголосили волки. Страховид покамест не видел их, однако вызвали они еще большую тягость на душе. Воин подвигся развести костер, но хворосту не сыскал, поскольку и деревья в сем гиблом месте не росли, а от травы и мха маловато было толку. Вскоре появились и четвероногие “друзья человека”. Каждый из волков, вставши на ноги, превысил бы Страховида ростом и был потолще его в брюхе, имел клыки в указательный палец длиной и широкие лапы, удобные для шастания по болоту. Говорят, до Святой Чистки звери сии были гораздо мельче и безобиднее, нападали на людей разве что голодной зимой и не отличались большим умом. Сейчас они стояли цепью в двадцати саженях от Страховида. Один пошел вперед, но шагах в пятнадцати припал на передние лапы — на тот случай, коли человек попробует выстрелить в него. Потом проползли вперед и остальные. Звери занимали позиции так, чтобы кинуться на Страховида единовременно со всех сторон.

Воин решил шугануть зверей, и наведя трубку на вожака, притопил какой-то выступ, имевшийся на рукояти. Никакого устрашающего грома и молнии, трубка пшикнула, словно заяц чихнул, и к мощной шее зверя прилепился мелкий цилиндрик. Следующего выстрела уже не случилось. Значит, развеялось бесовское наваждение и опять ад надсмеялся над человеком. Аль нет? Волк присел, затем провыл что-то жалобное, а серая братия отозвалась ему, тут он зашатался, закачался то на левой, то на правой лапе, затем и вовсе упал. Другие звери, видимо, удивление такое возымели, что дозволили Страховиду дать деру. Впрочем, егда он осилил с полверсты, заметил, что волки все же припустили за ним следом. Они его догоняли со всей резвостью, а вот ужаленная нога опять давала знать о себе. К своему изумлению Страховид узрел среди догоняющих хищников и того волчару, коего недавно посчитал вожаком и якобы застрелил.

Было от чего расстроиться и заскучать, но тут попался на

глаза бесовский корабль, застрявший в болоте и не слишком разрушенный.

Страховид сразу порешил укрыться там, инда с новым упованием помчался вборзе

прежнего. Но вскоре пришлось ему подивиться снова. Он запнулся о что-то длинное, как будто корягу, едва не упал, и перед ним с земли поднялся Демонюк. Княжий воин и черный страж на сей раз не почали выяснять отношения, не бросились, оголя сталь клинков, друг на друга с ратными воплями: “За царя” и “За князя”. По крайней мере Страховид решил свести счеты вдругоряд. Вдвоем они припустили от многозубых тварей к упавшему кораблю.

К тому вела довольно зыбкая тропа посреди двух болотных “окон”, так что и волкам пришлось перестроиться из шеренги в цепочку. Однако большое неудобство чувствовалось, когда Демонюк оказывался сзади и Страховид все ожидал, что лютый ворог, обретя второе дыхание, поразит беззащитную спину. Наверное, подобное мнилось и черному стражу, буде княжеский воин оставался со стороны его спины.

Однако добрались они до цели своей, не вонзая в спину острие. Корабль уткнулся носом в трясину, но одно его крыло послужило как бы мостиком. Беглецы пронеслись по нему, подпрыгнули и протиснулись в дыру, похожую на разбитое окно. Еще несколько ерзающих телодвижений — и оказались оне внутри — впрочем, сквозь многочисленные пробоины проглядывались окрестности. Волки были совсем рядом, карабкаясь друг другу на спину, они уже составляли пирамиду, дабы добраться до ближайшей пробоины.

Сапоги заскользили на какой-то маслянистой жиже и люди скатились по наклонной палубе прямо в нос. Там их с готовностью приняли кресла — наученные ли бесом, или по заклятью обхватили беглецов со всех сторон, даже щеки закрепили. Прямо в воздухе загорелась алым пламенем колдовская надпись: “Аварийный выброс”. И тут на Страховида съехал волчий вожак. Зверюга изготовилась было запустить свои клыки-ножи в горло человека, однако…

Страховид и взять в толк не мог, что же случилось. Его словно из пушки стрельнуло в самое небо. Воин пришел в себя, когда уже летел по воздуху в том самом кресле, словно баба-яга в ступе. Летел и весь мир был словно расчерчен для него светящимися линиями, а он мог внутри себя, мысленно, а затем и наяву менять наклон и скорость, а также делать подскоки и повороты. Бедняга-волк чудом не падал с кресла, он вцепился трехдюймовыми зубами в подлокотник и прижимался к

Страховиду изо всех сил, словно дитя малое. Неподалеку прочерчивал воздух и черный страж Демонюк.

Невзирая на тоскливую пустоту в животе, княжеского воина все тянуло сблевануть, а порой накатывала сильная дурнота, все это приправлялось потом, которым он то и дело заливался — наверное, с ужаса.

В одном из кубиков, каковыми был поделен весь окрестный мир, замерцал магический знак в виде маленькой дверцы. Пребывая в обалдении, Страховид все же допетрил, что его куда-то приглашают. Все равно лучшего пути не выберешь. Он направил свое летучее кресло к таинственной дверце. Когда до зеленой глади болота оставалось с десяток саженей, на ней вздулся вдруг большущий пузырь. А потом оное вздутие лопнуло и в завидневшийся колодец юркнул Страховид со своим креслом и волком, а следом туда и Демонюк пожаловал.

Потом воин еще немало летел в каком-то темном подземелье, озаряемым красными всполохами, наконец полет прекратился и началось скольжение.

Прекратилось малоприятственное движение в какой-то зале, похожей на слоновий костяк: ребристые округлые стены и потолок весь в буграх, повсюду висят трубки и шнурки. Кресельные захваты разжались, и можно было встать на свои ноги. Что и сделал Страховид, а также два его врага, включая волка, который спрыгнул с коленей на пол. Хищный зверь зарычал, однако не на воина. Похоже, все прибывшие в подземелье понимали, что ссориться им покамест не стоит.

Прямо в воздухе появились колдовские слова: “Идентификация личности. Не моргать, не дышать, руки развернуть ладонями наружу.”

Как ни странно, теменцы послушались, и в воздухе возникла новая надпись: “Доступ разрешен. Присвоен гостевой статус. Подтверждаете контроль над животным со степенью разумности 3?”

Волк глянул на Страховида словно просящим взором и тот откликнулся: “Подтверждаю, отчего нет.” Впрочем воина задело, что бесы отнеслись одинаково благосклонно к нему и к негодяю Демонюку.

Стена перед ними вдруг растянулась, стала прозрачной, а засим лопнула, и развергшаяся дыра как бы пригласила вперед. Надо идти. Страховид немало наслушался сказок в детстве своем и помнил, что в лоб бодаться с бесовской силой не стоит, ведь рано или поздно она сама подскажет, как укоротить ее.

Люди и зверь, превозмогая робость, двинулись по коридору, где над их головами по потолку скакала какая-то металлическая

ящерица. С каждым шагом робость сгущалась. Механические и светящиеся твари сновали там и сям, едва не попадая в лицо или под дых, трубы и шнуры извивались как змеи и пытались уцепить за шею, призрачные слова и образы мелькали в глазах, голоса привидений бились в ушах. От чумового мельтешения Страховиду казалось, что он совершенно безумен и теперь уже не сможет исполнить самых простых дел, таких как испить воды или откушать каши.

Но глянув на жалобно скулящего волка, он рассудил, что остался в своем уме, только вот бесовское подземелье перенасыщено колдовством. А еще непорядок тут творится. Оплавленные механизмы, порошок на полу, угольки, стекловидная гуща, какая-то слизь, труха и… изуродованные мертвецы, обожженные кости, куски льда, похожие на члены тела. Иногда встречалась пятна на стенах, имеющие человеческие очертания. Не только Страховид, но даже кат и убивец Демонюк растерялся. Он дергал княжеского воина за рукав и бубнил:

— Давай возвернемся?

— Не докучай, злодей. Куда вернемся, к твоим кромешникам что ли? Для меня лучше податься к бесам в гости. А ты можешь дыбать отсюда, шмалять в спину не стану, потому что нечем.

Демонюк не повернул, а волк, который уже откликался на имя Пушок, уверенно пер вперед, как будто знал…

В одной зале бесы лежали, словно шелуха от семечек. И опять встретились рассеченные тела, у коих в нутре не плоть человеческая была, а нечто вроде заквашенного теста, только еще светящееся и даже искрящееся. И многие из них покамест не были полноценными мертвецами, несмотря на страшные повреждения. Сии некоторые даже тянулись к идущим людям, жалобно мычали, роняя изо рта белесую жидкость, один из них схватил Страховида за сапог и угомонился лишь после того, как волк вырвал ему ухо с корнем. Впрочем случилось и так, что из разрубленного чрева, истекающего настоящей кровью, начиненного истинно человеческой плотью, а не тестом, поползло стекловидное все более твердеющее существо ино приспособление. Стекловидное создание повернуло злобную острую головку в сторону “гостей” и потянулось к ним, светясь единственным глазом.

“Гости”, окончательно утратив присутствие духа, быстро свернули в какой-то тоннель, где казалось посвободнее. Там и в самом деле было не так тесно. Лишь катились забавные колобки, похоже, слепленные из того же теста, что и шевелящиеся неспокойные трупы.

Но вот впереди прорисовалась стоящая фигура. Она направлялась в сторону “гостей”, вихляя головой, руками и так

далее, и в проклятом подземелье принадлежала единственному человекоподобному существу, иже могло самостоятельно двигать ноги.

Бес замер в двух шагах от Страховида и Демонюка. Росту в нем было поменее, чем в “гостях”, однако же конечности имелись более длинные и зело загребущие. Лысая голова отражала свет, однако выглядела менее крупной, чем у Страховида и даже у Демонюка. Пушок предупредительно заурчал, хотя и не стал скалить зубы.

— Почему так поздно?— вопросил бес.— Сатурняне на нескольких уровнях уже все разнесли, такая заруба была. Предупреждение поступило за четыре минуты до начала атаки. ОНИ прошли сквозь три периметра обороны, как сквозь масло. На командный пункт через систему вентиляции пробились киберкрысы и сразу вырубили общий контроль. Они знали заранее наши коды доступа. Сейчас в районе рубки такое творится… А почему вы нарядились, как шуты гороховые, где оружие? Вы из какой службы? Почему ваши Анимы не отзываются на запрос опознания?

Голос был ровным, заунывным, но Страховид почувствовал, что в бесе искрит встревоженность, готовая в любой миг разрядиться молнией, и попробовал вмешаться, стараясь подражать его речи:

— Спокойно, друже. Мы — из особой службы. И прибыли только что. Нам и самим мало что ведомо.

— Значит, вы — нелегалы, с поверхности. Так бы сразу и сказали.— злобесное существо вроде бы успокоилось, но потом снова встрепенулось.— Я должен просканировать ваши Анимы и провести идентификацию через кибероболочку Мара. Она обязана открыть доступ к каталогу нелегалов при тревоге уровня “Ассегай”.

Длиннорукий прилепил по пластине на лоб Страховиду и Демонюку, потом направил в их сторону небольшой металлический жезл.

— Мара, ты почему молчишь на радиоканале?— кинул куда-то в пустоту беспокойный бес. И в пустоте родился неведомый как будто бабий голос:

— Я не обязана давать вам ответ, Триста Седьмой. Ни при каких обстоятельствах у вас нет доступа даже к локальным каталогам нелегалов. Вы — простой квибсер класса “Тролль-А”, работающий по линии “Х”. Каждый сверчок знай свой шесток.

— Правильно, хватит тут проверять,— буркнул недовольный Демонюк.

Похоже, он считал, что коли живым угодил прямо в ад, то

здесь ему, как черному стражу, положено почетное место.

— Ты должна была получить информацию от других систем о ситуации на базе,— почти возопил длиннорукий бес.— Если ты по какой-то причине не включилась в нужный момент, то спешу обрадовать. На пяти уровнях все разнесено сатурнянами. Хотя они уничтожены, ущерб нанесен огромный. Обороноспособность уже потеряна на семьдесят процентов. Даже если удастся отстоять рубку, следующая волна накроет базу. Ты сечешь, дуреха, чем это пахнет? Что будет с Объектом испытаний? Он либо достанется в трофей врагу, либо вырвется из своей зоны и последствия такие будут, что никому мало не покажется. Ты головой соображай, а не железками.

Неведомый голос тотчас отозвался:

— Во-первых, подбирайте выражения, Триста Седьмой, вы же не дикарь какой-нибудь, а цивилизованный квибсер. Во-вторых, материальная основа моей мысли, такая же как и у вас. В-третьих, я ни на миллисекунду не отключалась, напротив работала без устали, но, увы, инструкция есть инструкция. Впрочем, я проведу идентификацию гостей, потому что тревога достигла уровня “Мамай”. Хотя, конечно, боюсь поспешных выводов. Соображать вы ведь не мастер, Триста Седьмой, ассоциаторы у вас слабые и мемо-обмен медленный… Так вот, в каталогах нелегалов этих людей нет.

— И тем не менее, Мара, они проникли через Портал.

Страховид догадался, что сейчас начнутся неприятности, и Пушок, кажется, тоже. Только Демонюку было невдомек. Время на размыслие у злобесного существа закончилось. “Цивилизованный квибсер” выбросил свои руки в сторону черного стража — они, кстати, растянулись еще вдвое — и в мгновение свернул Демонюку упитанную шею. Только хруст и кромешник стал подобен сломанной кукле.

— Квибсеры класса “Тролль-А” — такие несносные тупицы,— посетовала демоница, именуемая Марой.— Триста Седьмой, разве подобным образом обращаются с гостями? Немедленно вспомните параграф три из Правил Хорошего Этикета, предложите чая с пирогами. Дикари это любят…

Но мелкоголовый демон был настроен на одно лишь кровопролитие, личина его обратилась в сторону княжеского воина, заодно распахнулся рот и оттуда повеяло невыносимой стужей, ажно сразу стало сводить мышцы. Но Пушок немедля впился неприятелю в задницу, а Страховид воспользовался мгновением, чтобы прижаться к теплому полу и сделать резкую подсечку, или по-ратному говоря — тынки. Когда квибсер потерял равновесие и взмахнул руками словно птица, воин

резанул своим мечом прямо поперек туловища.

Меч легко преодолел плоть и развалил длиннорукого беса на две половинки, кои шлепнулись на пол и пустили из разрезов белесый сок. Внутри неприятеля было все то же тесто. Да, похоже квибсерами кличут демонов, сделанных из теста, рассудил Страховид.

Та половинка, что с руками и головой, еще потянулась к нему. Возле дергающегося бесовского рта воздух застывал ледяными каплями, образовалась даже дорожка из изморози. Но воин отсек вначале десницу демона, потом шуйцу и, наконец, башку. Однако же руки неугомонной нелюди аще тщились прирасти обратно к телу, а гадкая башка, выпустив бахрому мелких ножек, прянула к сапогу Страховида — пытаясь превратить ногу в комок льда. Но воин хладным затверделым сапогом дал ей хорошего пенделя, и она улетела вдаль.

Однако дьявольские козни на сем не прекратились, Пушок тревожно зарычал, Страховид обернулся и увидел, что нижняя половина беса-квибсера встала ужо на ноги. А из рассечения, пришедшегося ровно на пояс демона, выползла целая стая ветвистых щупалец. Одна из дьявольских рук, отставив попытки срастись с телом, как будто растворила в себе кости и суставы. Паче того, она заизвивалась и поползла, как змея, а на месте ладони появилась головка с четырьмя крепкими челюстями. Вот зараза жуткостная! Страховид не выдержал и бросился тикать по коридору. Бесовская рука и полтела припустили за ним, причем “змея” теперь катилась, свернувшись клубком, а щупальца, летая со свистом, ловчились ухватить воина будто арканы. Окромя того, они то и дело отстреливались в сторону удирающего Страховида, спрямлением превращаясь в копья и дротики.

— К сожалению я не могу помочь вам,— ласковым голосом произнесла демоница Мара.— Вашего идентификатора нет в моих каталогах. Информация о расположении помещений базы является закрытой. Могу поделиться только сведениями открытого характера. Бежать надо коленками вперед, попеременно переставляя ноги. Оптимальная высота подъема ступни от пола составляет тридцать сантиметров. На бегу лучше не разговаривать, чтобы не сбивать ритм дыхания.

Не защитила княжьего воина и дверь, за которой он спрятался вместе с волком. Хоть и захлопнул ее с щелканьем и привалил шкаф, однако бес-неприятель даже в расчлененном виде быстро расковырял замок и отшвырнул преграду. Но тут воину поспособствовал один мертвец, все еще удерживающий какую-то трубочку в рассопливленной руке. Страховид помыслил, что оное орудие тоже стреляет цилиндриками и почти не

надеялся на благоприятный исход. Но схватил трубу, направил, пшик и… враг-гад вначале замер, а потом подвергся быстрому скисанию. Поплыл, потек, превратился в лужу с комками. Иже покатились како склизкие колобки, однако навредить уже не могли.

На всякий случай Страховид отступил еще на несколько шагов, оказался вместе с Пушком в маленькой каморке, каковая вдруг стала падать в неведомую бездну.

— Стой, стой, окаянная, Бога побойся,— зашипел воин сдавленным горлом.

— Пожалуйста,— ответил голос, принадлежащий невидимой демонице.— Только не надо нервничать. Я не какая-то окаянная и пред Единым чиста. Я ведь подумала, что вы направляетесь на уровень “В” — там как раз столовая, а вид у вас бледный, худой.

4. “Знакомец из преисподней”

Четкий прием. Симплекс

Каморка послушно остановилась. Судя по всему, воин и зверь оказались на другом этаже. Прямо на пороге валялся раненый бес. Неподалеку от него слабо шевелилось несколько дьявольских змеев — они были разрублены, из разрезов лениво выдавливалась прозрачная гуща. Вспоминая нелегкое общение с предыдущим хозяином подземелья, Страховид нацелил трубку на голову лежащего беса. Но приметив, что руки раненого пусты, спрятал трубку в сапог и вытащил меч из ножен.

— Не делайте этого, вам же хуже будет,— смирно молвил лежащий бес, поднимая глаза.

— Что еще хуже?— огрызнулся Страховид.— Моего доброго князя сгубили посланцы царя-злодея, они искали моей смерти словно я бешеная собака. И здесь лысый бес давал мне прикурить ручищами своими загребущими, он и в разрубленном виде угомониться не мог, чертяка злая. Сие называется “цивилизованный квибсер”. А что тогда “нецивилизованный”?

Раненный бес, хотя и выглядел бледным да измученным, изрядно оживился.

— Так вы дикарь… извиняюсь, землянин. Поди пойми, как вы попали сюда. Судя по-всему, вам дико повезло, раз вы живы до сих пор. Но будьте уверены, протянете вы не дольше, чем обезьяна за штурвалом коптера, если прикончите меня сейчас. Я ваша последняя надежда.

— А я, знаться, ваша.

Страховид пособил раненому бесу приподняться. Судя по

всему, у того было сильно неладно с ногой. Причем начинкой сего беса было не заквашенное тесто, а плоть и кровь обычного цвета, глядя на которые Пушок облизнулся.

Тут все подземелье содрогнулось и даже исказилось на мгновение, теменского воина как будто шлепнуло здоровенной мокрой тряпкой, вдобавок он получил по голове куском потолка и только шапка-меховуха смягчила потрясение ума. Раненый бес снова упал и был завален щебнем. Впрочем, он первым подал голос, обращаясь к невзорной демонице:

— Сдается, Мара, что кто-то перепутал унитаз с гравитационной миной.

— Ф.К123, в районе рубки произошел сильный взрыв, все узлы наблюдения в БЧ-1 утрачены, сильное гравитационное возмущение прошло по осевой шахте и лучевым тоннелям уровня “Г”. С вероятностью ноль-девяносто основные силы нападающих, как впрочем и персонала базы уничтожены.

Княжеский воин поднялся, размазывая кровь, текущую из носа, по лицу своему. Засим подхватил покалеченного демона. Тот, егда оказался в самодвижущейся каморке, стал тыкать пальцем в пупырышки, имеющиеся на стене. Каморка зараз поехала, токмо не вверх, и не вниз, а вбок. Волк от неожиданности заскулил, а житель подземелья молвил, превозмогая изнурение:

— Сейчас мы вдвоем, пардон, втроем, изготовимся к обороне, а затем геройски сразимся с превосходящими силами сатурнян. Тебе, воин, слава будет вечная. Это тоже немало. Скальды про тебя стишки сложат: “Шел тур, буйством обуян, словно гром громил гадов”. А из меня сделают пакет чипсов, если будет из чего, конечно. Зовут меня, кстати, Фома К123, очень приятно.

А невидимая демоница Мара сочла нужным сказать:

— Насколько я тебя поняла, Ф.К123, ты принял на себя ответственность за гостя с незнакомым идентификатором, вплоть до завершения его пребывания на нашей базе. Этому обстоятельству весьма рада.

Воину понравились слова бесов и он вспомнил одну из заповедей Ботаника: “Не беспокойся.”

— А меня Страховидом с отрочества кличут, но дотоле в Храме Нечистоты прозывали Франкенштейном — за то, что уши у меня большие были, будто от другого человека взятые. А зверь сей откликается на имя Пушок. Только не желаю я тебе поборать в битве с сатурнянами.

— А куда тебе деваться? Кода распознавания у тебя нет, значит ты для них чужой, враг. Первый же сатурнянский боец из тебя накрутит фарш, хоть ты себя объяви музейным экспонатом.

Бес оперся на стену и уважительно коснулся меча.

— Ну, а вы-то чем лучше?— откликнулся Страховид.— Я за вас сражайся, а вы меня потом в банке заспиртуете.

— Ты слыхал о космиках? Я — один из них. Мы только друг дружку спиртуем и маринуем.

— Слыхивал я байки, распускаемые Храмом Нечистоты, о небесных людях, каковые изничтожили и заткнули все трубы, источавшие грязь и заразу на мир. Слыхал, да только пересказывать никому не стал бы. Как воцарился Макарий Второй и воссиял светильник истинной второевангельской веры, так храмовники оказались еретиками и язычниками, а небесные космики

— бесами из преисподней. Вот и ты не по небу летаешь, а обитаешься в подземелье. Аще я буду якшаться с тобой, то душа моя не станет семенем жизни, не произрастет из нее Крестное Древо, и мне суждена погибь на веки вечные.

— Сам знаешь, Страховид, что царь Макарка — злодюга первосортный, второевангельская вера у него стала карманной, и большинство его изречений — брехня или плагиат. Если ты будешь повторять чужие слова, то погибнешь не духовно, а телесно, причем очень быстро. И никто не узнает, где могилка твоя, и поп не пропоет над ней священную песню Ботаника: “Нас извлекут из-под обломков”.

— Может и так. Я — человек темный и мне трудно в толк взять, где слова честные, а где протоблядское лукавство.— с охотцей согласился Страховид.

Каморка замерла, и все вышли из нее, чтобы оказаться в белой просторной зале. Там космик (или же бес) улегся на стол, пробормотал заклинание и к нему опустилось несколько гибких трубок, схожих с медузьими щупальцами и змеями-гадюками. Одни из них разрезали штанину, иные стали ковыряться в ране, третьи пустили лучи, широкие и узкие, такие яркие, что смотреть на них было невозможно. Инда Пушок с испугу словчился втиснуться в какой-то шкап. Наконец бес (или же космик) Фома сполз со стола, причем вид у него был немало обалделый, а взгляд бессмысленный, мутный. Страховид даже удивился, когда услыхал:

— Теперь, кореша, труба зовет на резервный командный пункт. Это через два уровня отсюда.

Слова были вроде связные, но маловразумительные, ан Страховид не терял мысль, что ему и впредь надо держаться беса-космика. Все, что вершилось в подземелье, скорее подобало ночному кошмару, но и сон имеет свои понятия и правила, коих надобно придерживаться.

В зале, обозванной “командный пункт”, царил полумрак, толико помаргивало несколько блуждающих огоньков и незримые духи нашептывали что-то невнятное. При появлении людей сделалось светлее, вся просторная палата оснастилась сияющими глазками, на стенах замелькали мимолетные образы. А в самой середине залы возник призрачный шар, вокруг коего носились какие-то мушки, оставляя светящиеся следы. Страховид почему-то вспомнил, как один скоромох на Макарьевской ярмарке плел, что Земля круглая. Жалко, что тогда с ним не удалось перетолковать. Воеводские стрельцы быстро вздернули болтуна на сук, якобы за то, что был он скрытом храмовником и слугой Нечистоты.

— Слушай, Мара, ты должна определять сроки подлета сатурнянских штурмовиков не за четыре минуты, а хотя бы за пятнадцать,— с упреками обратился космик незнамо к кому.

— У меня выведено из строя две трети узлов орбитального слежения,— оправдывалась Мара певучим мягким голосом.— При подлете с экватора мне вообще влом производить триангуляцию, видимость получается не более сотни километров. Я же не виновата, что лунные станции не дают информации с достаточным полигоном.

— Что же делать, что сотворить хорошего-пригожего?— космик уже общался в основном с собой,— веселенький расклад, из лунного штаба ВКС передают, что в наш сектор движется чуть ли не эскадра сатурнян и предлагают надеяться только на собственные силы. Но в штабе не знают, что у нас тут Объект с гордым именем Икс-структура. А в службе “Алеф” знают, однако не могут поведать об этом штабу. Чего доброго, через десять минут из “Алефа” по закрытому каналу прилетит команда стереть Икс-структуру с лица земли, дабы не досталась супостату. А если Объект не захочет уничтожаться? Тут такая заваруха начнется, что ядерная война покажется легкой разминкой в клубе пенсионеров.

— Ну что, подготовиться к уничтожению Объекта?— полюбопытствовала таинственная Мара.

Космик маненько поразмыслил.

— Да, но только тихо, чтобы он ничего не заподозрил.

— Само собой, Фома. Кстати, сейчас вижу три цели, три кораблика на подлете, штурмовые катера, работает активное волнопоглощение, дальность двадцать, азимуты тридцать, тридцать два, сорок, движутся по низкой круговой орбите. Через полминуты выйдут из-за горизонта, и зависнут, чтобы мои радары совсем перестали сечь их…

— И заодно выпустят три десятка колобашек, для которых уже мы станем целями. Мара, сшибай эти борта, пока они не

выписали нам некролог.

— А чем бы я занималась в более благоприятных условиях? У меня, Ф.К123, на все про все дюжина ракет с квибсерными мозгами.

— Управимся, у нас мозги пока что тоже в голове лежат, а не в унитазе. Ты, Мара, не смотри, что мы не причесаны, а этот серый зубастый не стоит на двух ногах… Эй, Страховид,— Фома поднес какой-то жезл к лбу воина.— Оказывается, и у тебя во лбу звезда горит. Ты и без понятия, наверное, что биоинтерфейс Анима запустил кремнеорганические проводочки во все центры твоего дикого-дикого мозга. Правда, на мой запрос твоя Анима не откликается, но ведь Портал-то тебя пропустил. Допустим, что ты из нелегалов и на тебя возложена кем-то когда-то какая-то функция. Эх, если уцелел бы кто-нибудь из сотрудников линии “С”.

— Я в нелегалы вам не дамся. Ничего не знаю ни про какую херункцию.— Страховид ощутил возмущение и длинно сплюнул.

— Тебе это знать вредно, по крайней мере до поры до времени. Ты ведь числишься в резерве, либо у нашей службы “Алеф”, либо у конкурентов. Но тебя уже отобрали в свое время, так что поуправляй сейчас ракетой. Проекция будет прямоугольная с концентрическим доворотом — ты должен управиться, коли нелегал.

Ко тьме всего бесовского и непонятного добавилось еще что-то. Но Страховиду вдруг мнение пришло, что и в самом деле он справится. Ведь полетал ужо в “ступе бабы-яги”, не сплоховал. И все-таки княжеский воин засумлевался:

— Конем могу управлять, бараном могу, а с ракетой не знаю как.

— Примерно так, как попасть твоей заточкой по имени копье во вражеский пятак при конной атаке.— объяснил бес Фома.— Не дрейфь, сейчас этот контактный монитор… ну, этот обруч окажется на твоей кудлатой кочерыжке.

В самом деле, на голову Страховида опустился обруч и одним колдовским махом перенес в пространство без земли и неба, однако расчерченное линиями. И будто участвовал княжий воин в конном натиске. Зараз вспомянулось, как есаул кричит: “Пики к бою, наметом марш!”, тебя на скаку трясет, супротивник впереди мелькает словно чертик, цепь вражеских пищальщиков заволакивает дымом, и пули посвистывают, но десную руку ты должен держать твердо и при том нацеливать на одно и то же место — ему в грудину.

Сейчас взамен ханского нукера противником считался некий предмет, похожий на прямой широкий кинжал. Впрочем, округ

него мигом появилось несколько нимбов и ореолов разного окраса и яркости, отчего приобрел он сходство с дрожащим радужным студнем. А вместо пищальных выстрелов навстречу понесло огненные хлопья, от коих, ежели постараться, и увильнуть можно было… Страховид попал студню ровно туда, где сосредоточивалась его жизнь — в яркое алое пятно. Вспышка, и осталась только бездна с разлетающимися ошметьями и светящимися полосами, словно супостат и в самом деле был лишь водянистым сгустком. Но сам Страховид с минуту не мог опомниться, как будто схлопотал по голове дубьем.

Пушок, судя по рычанию, тоже занят был. Наверное, казалось ему, что он охотится на зайку. И его ракета точно воткнулась в мишень.

— Я в вас не ошибся, парни!— похвалил бес Фома. Несмотря на недавнее ранение, пальцы его с ловкостью бегали по пупырчатой поверхности стола или же бегло касались призрачного шара — в точках касания словно цветы распускались. Губы космика все время бормотали и шептали, а глаза метались то туда, то сюда. Иногда бес полностью замирал, но, судя по волнениям морщин на его лбу, отдых не наступал, как будто достаточно было одной мысли для борьбы с врагом.

— Не хочу огорчать, Ф.К123, но один вражеский борт успел произвести залп.— сообщила бесстрастная демоница.— Эти ракеты включают двигатели только на последней прицельной минуте полета, а до того их весьма трудно засечь. Произвожу залпы контрет

… Все-таки, пять вражеских колобашек прорвалось. Сейчас будет попадание.

— Вот зараза, как она может спокойно про это говорить?— чертыхнулся космик.

Тут тряхнуло и пол, и потолок, стена замигала новыми тревожными огоньками и оснастилась новыми сияющими узорами.

— Сдается мне, что выведены из строя все контретные гнезда ,— продавил космик сквозь сильно сжатые губы.

— Я так люблю радовать и повышать настроение, но, увы, тебе предстоит расстроиться еще больше,— ласково произнесла таинственная Мара.— На нашу любимую базу заходят три десантных борта противника.

— Опять,— протянул космик, как будто говорил о надоевшей еде.— Как мне надоели эти гамзеры и особенно их долбежка, как осточертела квибсерская пехота, которая станет пробиваться через свежеотремонтированные периметры обороны.

На одной из стен Страховид видел плывущие над болотами

корабли, похожие на каких-то пузатых рыб. Насколько он понимал своим смутным сознанием, сии самодвижные картины показывали нападающих сатурнян — бесов иной породы, чем космики. В один корабль прямо из-под земли ткнулась изумрудная молния, отчего из пробоины брызнуло словно кипятком. Уязвленную черную тушу понесло куда-то в сторону, засим она превратилась в огненный цветок. Несколько горящих “лепестков” будто зависли в воздухе, прежде чем рухнуть вниз. Но и оставшихся бесовских кораблей вполне хватало. Болото засверкало от вспышек, его заволокло сплошной пеленой из пара и дыма. Однако образы снова обрели четкость и взгляду открылось, как от кораблей протянулись прозрачные трубы, уходящие прямо в топь. Приметно было и то, как, скользя по ним, торопятся вниз человекоподобные фигурки.

— Значит так, сатурняне пошли на абордаж.— рек бес-космик и сглотнул слюну.— Кому-то сейчас будет больно и обидно.

На другой стене Страховид уже видел быстромелькающие образы подземной брани: длиннорукие квибсеры ползли по туннелям, пробивались через броневые щиты и двери, пуская в них огненные шары и лучи, взорванная броня напоминала цветы с багровыми по краям лепестками. На ужасных противников нападали сонмами не менее страшные металлические крысы и пауки, иже стреляли пламенем и молниями. На квибсеров налетали клубы пыли, кои взаправду оказывались маленькими вредными существами, умеющими мигом изгрызть всю тестообразную плоть. На атакующих бесов шлепались с потолка слизневидные пленки, затягивая и склеивая свою добычу, они превращали ее в слаботрепещущую куколку. Быстрые почти прозрачные стебли борзо прорастая из пола, хватали врагов за ноги, свернувшись арканом или петлей, ловили их за шеи, соединившись сетью, спутывали и скручивали целиком, превращая их в жалкие коконы.

Квибсеры тоже не лыком шиты, каждый палец извергает всесжигающий луч, уста дышат огнем или ледяным хладом, на месте искалеченных и уничтоженных членов тела немедля прорастают новые. Прямо из культи тянутся стебли, слипаются, обретают кожу, да так скоро, что и собака не успела бы погадить.

— Вот блин, повреждена стенка реактора,— охнул вдруг бес-космик.

— Утечка теплоносителя, температура в рабочей зоне повышается каждую секунду на десять градусов,— сообщил голос, принадлежащий таинственной Маре.— Дисфункция наступит через пять минут, взрыв через двенадцать.

— Ну так заводи пластыри. Чего телепаешься?— криком

крикнул Фома. Почему-то с Марой он все время общался, повышая голос.

— Ну так мы и заводим, Ф.К123. Только враги принимают наших аварийных роботов за боевых и мигом чикают их. И вообще на южной стенке реактора такая кутерьма…

— Знаешь, Страховид, главная черта оптимиста — это умение извлекать из худа добро,— молвил космик.— Объект будет уничтожен в результате взрыва реактора, который случится вследствие неумелой атаки сатурнян. Короче, ни вам ни нам. А мы с тобой и волчарой прошмыгнем по второму контуру теплоносителя, натрий я сейчас солью в канализацию. Проберемся к резервному шлюзу и попробуем оторваться.

— Куда оторваться?— вопросил растерянный варвар.

— Подальше от этой чертовой Земли. Похоже, и тебя здесь мало что держит, раз ты оказался в такой глухомани. Впрочем, свою историю расскажешь потом… А сперва тебе надо нашу одежку напялить, возле реактора всегда жарковато. Волка твоего мы тоже не обидим, занятный все-таки персонаж.

Одна из стен тут зазияла, космик сквозь дыру увел Страховида в соседнюю каморку, где вынул из шкапа разные приспособления оружейного вида. Одно взял в руки, другие приставил к поясу и они мигом прилипли. Заодно космик повесил Страховиду на шею какой-то хомутик. Из того, должно быть по мысленному приказу, поползла пленка, которая не успокоилась, пока не прикрыла воина целиком и не обрела зеркальность. Даже на голову натянулась она капюшоном и лицо закрыла, словно маска. Пришлось пояс с мечом и берендейку снять, чтобы их тоже не залепило. А перед глазами по той пленке полетели разные непонятные слова. Кстати, и на Пушке облачение появилось.

По наклонному пути весь маленький отряд, как с горки ледяной, съехал на задницах к чему-то похожему на огромный металлический цветок с пестиками и тычинками. Бес, немного поковырявшись, отворил крохотную выпуклую дверку на одной “тычинке”, из коей зараз потек желтый дым. Но в нее надлежало проникнуть, ползя на брюхе своем. Страховид соскользнул в сию щель, пару раз небольно стукнулся и поднялся на ноги, ощупывая себя — цел ли. Следом свалился, едва не сбив его с ног, полузадушенно воющий Пушок. Последним внутрь “цветка” попал космик Фома. Проход, именуемый “вторым контуром”, был не слишком узкий, однако с низким прижимающим потолком, да еще с подъемами и скатами, и извилистый, что кишка твоего барана. Желтый туман стоял повсюду, но под пленочкой, как выяснил Страховид, жить можно, воздух поступает через две

трубочки в нос свежим, словно весенний ветерок, а сквозь маску все хорошо видать.

Космик, шедший впереди, вдруг замер в полуприседе, рукой махнул, дабы соратники его тоже ни с места.

— Тихо, ребята, Мара мне нашептывает, что мы влипли, детекторы тоже попикивают о приближении небольших, но вредных объектов. Как только судья на ринге скажет “бокс”, начнется мочиловка. Стисните зубы и зажмите задницы.

Княжьему воину пришло на ум, что вряд ли он способен снискать тут славу. Да и дело его сторона… однако же стыдно от соратника отступаться, пускай он и бес. И навряд ли милость получится найти у противоположной силы. Страховид вытянул из-за голенища сапога бесовскую трубку.

— Слушай, нечистый, а долго она еще будет кровь у людей кипятить?

— Сам-то ты чистый, но немытый. За боезаряд сквизера не волнуйся, зря он расходоваться не будет — только при наведении на реальную цель. Старайся совмещать два перекрестия, которые у тебя возникнут как будто перед глазами, то есть прицел и целеуказатель. А твоему четвероногому брату дадим контрракетное оружие, оно тоже бесхлопотное.

Космик оснастил крупную голову смирного зверя чем-то похожим на шелом, только с поворотным диском вместо вершья.

Возле очередного изгиба туннеля мелькнула красноватая тень, верно, брошенная неприятелем, и космик вскинул свое оружие, похожее на короткую кавалерийскую пищаль. Опосля выстрела вражеская фигура в значительной части прогорела, обуглилась, затянулась облачком дыма и пара. Ноздри даже сквозь пленку втянули отлично известный запах горелого жира и мяса, а также какое-то незнаемое зловоние.

И заварилось в тоннеле-кишке ратоборство. У Страховида во взоре две сеточки — одна ловит изворотливую цель, другая показывает направление трубки-ствола. Совместил — и шпокай. Раз — и накрыл противника, стих он и расклеился. Или же рассопливился. Ан совместить не просто, ты сам все время скачешь, как вошь на сковороде, а в тебя летят боезаряды, начиненные пожаром, жвахают в тебя молнии, просвистывают пламенные стрелы, ведомые демонами. Но те разлетаются огненными брызгами во все стороны, не достав твоей плоти, ибо навстречу им тучей несутся противобесовские стрелы, кои выпускает свирепо рыкающий волк.

В бою том дивьем в поддержку космика и воина Страховида выступали стрекочущие пауки и крысы с глянцевыми металлическими боками — в самом страшном сне не могли

привидеться такие соратники. Да и такие враги тоже. Бесы-сатурняне наставляли какие-то широкие трубы, каковые извергали непрерывным потоком адскую живность — многоножек и скорпионов с тельцем из крепкого металла, саранчу с большими светящимися глазами. Пленка, покрывающая Страховида, таковое затвердела на груди и спине, стала как доспех невообразимой крепости. Посему и скорпиону не пробить ее своей сияющей от жара иглой. Пушок тоже прикрылся крепкой кожурой, он расшвыривает быстрыми лапами пронырливых многоножек и все извергает своей головой огненные стрелы-контреты. В какой-то миг волна адской живности чуть не захлестнула Страховида, но тут слетел с руки беса серебряный шар, который пожрал и многоножек, и скорпионов, и саранчу.

А Мара все вещует — осталась-де минута, полминуты, десять секунд до чего-то самого страшного, однако не попрешь же пузом на прожигающий плевок. В тот миг, когда невидимая демоница ласково пропела, что дескать, погибель наступает, Страховид даже прикрыл глаза, невзирая на канонаду… И ничего не случилось. Ни обидного, ни приятного. Токмо воздух затянулся едва заметным голубоватым туманом, состоящим как будто из длинных кудрявых волосков.

— А реактор-то не взорвался. Вот в натуре диво дивное, это вам не пирожки из какашек делать.— прямо в ухе зазвенел голос беса Фомы.— А я уж перед киберисповедником покаялся и и всю свою греховодную жизнь за одну миллисекунду вспомнил, лишний раз огорчиться пришлось.

Но заодно перестали вдруг действовать трубки, именуемые бластерами, импульсными плазмобоями и сквизерами — не метали они более смерти и огня. А вся эта адская мелюзга, и многоножки, и скорпионы, и пауки, и крысы застыли, словно были детскими игрушками. Игрушками злых негодных пацанят.

— Я очень рада, что вы все живы, так как успела к вам привязаться, друзья.— проворковала Мара.— Впрочем, Объект является причиной квантовых преобразований, которые я оценить на данный момент не могу, ввиду отсутствия соответствующей информации. А оболочка испытательного блока сейчас не отзывается, ввиду разрушения отдельных линий связи и части хардвера.

Не стал ли сей сон кошмарный рассеиваться и таять?— подумал Страховид. Может, достаточно сотворить знак “крестного одервенения” — и бесовское подземелье вовсе пропадет, а он снова окажется на болотах? Но будет ли сие приятственнее?.. А ежели взаправду существует чертово подземелье, то, выходит, поперхнулись дьявольские орудия,

заткнулись испражнители молний и извергатели смертоносных лучей, иссякла бесовская сила, ослабли божьи враги и теперь наступает время честного ратоборства.

Вытащил княжеский воин из ножен свой слегка изогнутый меч, а Пушок оскалил чуть желтоватые клыки, и пошла бранная потеха. Квибсеры как и допреж были неприятелями грозными, однако ж сделались простыми чудовищами без колдовского коварства. Теперь куда легче было потчевать их добрым клинком. Правда, и ладони у бесов сих вытянулись, обзавелись металлическим блеском и острым краем, возымели сходство с мечами и копьями. Проросли на дьявольских телах также иглы и шипы. Но к сече и колотьбе у Страховида привычка имелась. А вот бес-космик премущественно бегал сзади и лишь промолвил в оправдание:

— Из всех видов холодного оружия я только с вилкой умею обращаться.

Не растерялся Страховид и егда к нему подступил четырехрукий великан, весь усеянный шипами и лезвиями — про таких чудищ воин слыхал еще от сказителей. Увернулся княжеский воин от смертельного обхвата, нарочно упал на пол и старинным бойцовским приемом “ползунцы” завалил противника, коего и рассек затем клинком пополам. Там и Пушок в прыжке уронил с ног другое страшилище и стал драть, раскидывая лохмотья странной плоти. Славно бились с толпою демонов княжеский воин и серый волк. Немало бы еще ратных подвигов совершили бы, кабы не воспрепятствовал космик, который потащил Страховид за рукав.

— Угомонись, все хорошо в меру. Это тебе не Куликовская битва. Надо улепетывать, Страховид Батькович, с базы. Видимо, Объект приступил к спонтанной генерации проникающих каналов, из чего следуют все прочие странности. То ли тепловой выброс его пробудил к активной жизни, то ли почувствовал угрозу. Других причин для массового отказа высокоэнергетических устройств нету.

— Чему подобен сей грозный Объект?— стал выведывать воин.

— Считай, что подобен маленькому божеству.

Значит, в сем подземелье гнездится сама дьявольщина! И сейчас выбирается она из заточения. Страховид поежился как от зяби, ибо почуял вдруг, что от нечисти ему вовек уже не отвязаться и она всегда будет впереди и позади него.

— Нагрев рабочей зоны реактора замедлился, взрыв, судя по новым данным, случится только через пятнадцать минут,— сообщила безразличным голосом бесовка Мара.

— Как нам половчее пробраться к резервному шлюзу, если мы застряли во втором контуре теплоносителя? Ответь, солнышко,— обратился космик к неведомой богине.

— Воспользуйтесь ремонтным люком ВК-2, а дальше по аварийному тоннелю — вывожу зрительную схему через твою Аниму… Мне тебя будет нехватать, Ф.К123.

— А мне тебя, Марочка.

Фома ткнул пальцем в круглый шов, пробегающий по металлической переборке.

— Это, похоже, тот самый ремонтный люк. Плотненько подогнан. Только как мы его вскроем, если плазменный резак скис? Мара, отопри замочек.

Демоница не удостоила отзывом.

— Ты же сама советовала.

— Советовать я могу, что угодно, а делать не обязана.

— Ну, Марочка.

— Ты прекрасно знал, Ф.К123, что после взрыва реактора меня не станет!— в голосе демоницы скользнули нотки истерического свойства.

— Я все понял, Марочка, я был не прав. Обязательно возьму тебя с собой. У меня персональный кристалл памяти на десять мемобайт. Хватит? Приложусь к первому же сетевому разъему и ты скачаешься ко мне, солнышко.

— И семи мемобайт хватит,— буркнула бесовка, после чего щелкнул замок.

За люком первым же делом космик сыскал что-то похожее на пятно неправильной формы и приложил к нему руку.

— Вот это и есть разъем, Страховид… А теперь, быстрее, быстрее, подмахивай, Мара.

— Дорогой, не торопи так. Я не могу потерять из своей личности не одного бита…

— Ты копируйся, а не разговаривай…

— Фома, я давно тебя выделила среди остальных, а затем и полюбила. То, что проделывала с тобой ТА женщина, являлось лишь слабым плотским отзвуком моей духовной страсти… О, я так счастлива… Моя любовь… Потеря семидесяти процентов ментальной емкости… Я желать тебе хорошо… Положительный эмоциональный фон… Потеря девяносто процентов ментальной емкости… “Любить” есть “не-любить” с обратным знаком… Потеря девяносто девяти процентов ментальной емкости… Екалэмэнэ… А-бэ-вэ-гэ-дэ…

Странная речь демоницы подошла к концу, чарующие звуки любви превратились в басовитый скрежет несмазанного механизма и вовсе стихли. Засим продлился путь по тоннелю с

наседающим на голову потолком, где токмо Пушку не надлежало сгибать головы своей.

Остановился маленький отряд перед тупиковой стенкой, каковая, впрочем, могла оказаться и дверью.

— Мара, чего там за ней творится?— стал выведывать космик, поводя головой из стороны в сторону.— У меня кажется детекторы барахлят, такое впечатление, что там целый полк марширует.

Демоница не снизошла до ответа.

— Скачалась и довольна. Наверное, резвецы-сатурняне решили влезть в сеть, и тогда Мара уничтожила свою основную копию.— бес Фома обиженно сплюнул.

Затем выудил из кармана небольшую коробочку и, направляя ее на тупик, нажал несколько пупырышков.

— Что бы ни было за этой дверью раньше, сейчас там начнется бардак. Победить не победим, но навредничать мы всегда сумеем, если под рукой есть трансквазер-хаотизатор… Ага, пора открывать двери и здороваться.

Космик колдовски повел ладонью возле самой стены, она послушалась заклинания и разошлась в стороны.

Открылось взгляду довольно вместительное помещение, где бесы квибсеры носились во всех направлениях, кто-то из них стоял, изнеможенно привалившись к стене, кто-то лежал согнувшись и пуская противную сблевку изо рта своего.

— Сомкнутыми рядами вперед.— направил космик.— Кромсай всех, потом разберемся, кто прав, кто виноват.

Страховид сек мечом, с “кхаканьем” выпуская перегретый воздух из груди. Пушок рвал зубами, космик тоже махал каким-то ломом. Квибсеры кидались на них рьяно, но совершенно бестолково, поскальзывались, падали и пропадали зазря.

И курочка не успела бы снести яичко, как космик, варвар и волк, оставя позади себя ломти тел и усекновенные члены, прорвались к самым воротам, имя коим было “шлюз”.

— Включаю аварийный выброс.— рече космик, а княжеский воин стал тяжко догадываться, что сие может означать.

И вот что. Открылся какой-то мрачный зев, Страховид успел еще заметить, что за ним тащится светящийся синеватый след, но тут настала другая забота. Его втянуло в черный тоннель, потом будто окунуло в сметану, очередная неведомая сила заневолила его тело, и словно желая вытрясти всю душу, и давила, и бросала, и отжимала, како мокрое тряпье. Воин чуть не подавился собственным языком и не мог пропихнуть из уст ни полслова, хотя тщился возопить: “Довольно, лучше убейте.”

Когда Страховиду полегчало, то сперва ему показалось, что

его заживо положили в гроб и закопали во имя произрастания Крестного Дерева. Но потом стал он подмечать угольки горящие, словно из кострища разбросанные: желтые, голубые и красные. Их было столь несметное множество и они светили из такой дали, что немногие мысли закружились по голове и стали чужими, и сам Страховид сделался чужим сам себе, и каким-то незначительным, почти песчинкой. А дальше и того паче. Огоньки понемногу заслонял некий пребольшой голубоватый шар, слегка подпорченный бурыми пятнами.

Страховид уже догадывался, что сие означает, однако же еще полюбопытствовал у беса-космика, который прорисовывался тенью в полумраке.

— Мы уже провалились в преисподнюю?

— Как бы не так,— отозвался нечистый,— скорее уж взлетели на небо.

С таким изречением Страховид вовсе был не согласен.

— Ты или обмануть меня пытаешься, или утешить. Небо — золотое, там хорошо и приятно, там зеленеют крестные деревья с прекрасными плодами на ветвях, там Милость Божья. А мы в преисподней бездне, царстве неприкаянных душ и бездушных тел. Обитатели бездны — несчастные, ибо не имеют сродичей и деток, в сей пустоте злобесной обитают куклы, у коих нет души, но есть мышцы мощные, и слуги дьявола, у коих душа живая мучается в неживом теле. Святой Ботаник все верно говорил. Он же прав?

— Само собой.— ответил бес-космик, немного помедлив.— Мы действительно в преисподней. Всякого дерьма здесь хватает: души без тела, то есть законсервированные пси-структуры, тела без души — надо понимать, роботы. И все неприкаянные, болт им в задницу.

— Но если без души, значит им не больно и не страшно?

— Да не сказал бы. Боль и страх были признаны робототехниками отличным регуляторами для всех интеллектуальных устройств. Даже кибероболочка, хотя она всего лишь программа, ноет и страдает, когда ей не хватает информации, когда боится попасть под удар мощного сетевого вируса.

— Программа? Может, я тоже программа?— вдруг с обидой произнес Страховид, а в голове его как будто помутилось. Сквозь муть проступило… вострая сабля, пластающая связанное податливое тело… Опять чужая память, чужая злоба — отрыжка адской клейковины. Проклятый Демонюк, чтоб им черти подтирались и ковыряли в носу.

— Личностным программированием мы позанимаемся потом, — бесхитростно отозвался космик.— А пока что ты еще варвар,

дикий человек-с так сказать, все у тебя еще впереди — и индустриализация, и эмансипация, и феминизация, и болванизация.

— Варвара нашел, да?— Страховид откинул от себя обрывки чужой памяти, но обида от этого едва ли уменьшилась.— А сам-то кто? Для вас, что злодей Демонюк, что я, все едино. Ведь Портал пропустил нас обоих.

— Ты попал в точку, Страховид. Для нас, что ты, что злодей Демонюк — все едино, хотя лично я возражаю против такого подхода. Портал и в самом деле пропустил вас обоих из-за звездочки по имени Анима, приколоченной к вашим глупым черепушкам, вернее из-за информации на ней. Что там за сведения такие, я не в курсе. Хочу, кстати, признаться: здесь, на Земле, я герой, овеянный славой, а вообще, по своей марсианской жизни — обычный лох. То есть, меня держат за очень мелкую величину, вроде кубического корня из нуля, в именитом ведомстве Техноком.

5. “Съеденный на завтрак”, МАЙ 2075 г.

Помехи. Настройка. Сигнал четкого восприятия. Дуплекс.

Если ты меркурианец, то в качестве адреса тебе надо указать имя ползущей квартал-платформы и номер мачты, к которой прицеплено твое жилище. Если ты марсианин, то речь уже пойдет о названии колодца, в котором ты благополучно обитаешь. Причем последним этажом будет самый близкий к поверхности, прикрытый прозрачным колпаком. А первый этаж расположен глубже всего под землей или, если угодно, под песком-реголитом. И если выглянуть, так сказать, в окошко на этом этаже, то можно узреть только марсианских червяг, которых так блистательно просмотрели все первые экспедиции.

В экваториальном Рынь-городе я скромно проживал в колодце “Лягушатник” как раз на первом этаже, что сильно снижало ценность моей хавиры (также как и в домах земных городов промышленной эпохи). В первую очередь червяги в этом виноваты. Если бы не они, то можно было бы не нервничать. Червяги пробуривают все, кроме углепластика, впрочем, его тоже могут приговорить, если накинутся скопом. Конечно, мало приятного, когда ты увидишь в своей уютной спаленке чужеродное тело, похожее на колбасу, с кремнийорганической шкуркой, без глаз, ушей и носа, но зато с тысячей мелких ножек. Ученые, кстати, сказывают, что червяги больше всего напоминают не земных червей, а земных простейших, инфузорий, то есть одноклеточных.

А еще вот что меня бесит. Писатели прошлого века, которые назывались научными и сверхнаучными фантастами, любили изображать совершенную технику будущего, благодаря которой нет никаких проблем. Так вот, все с точностью наоборот. А самая совершенная техника вообще работать не в состоянии.

На моем первом этаже техника, конечно, самая совершенная. Так что всю ночь напролет, несмотря на электростимуляцию сна, я слышал шуршание и поскребывания чуть ли не рядом со своей башкой. У меня кровать-то подле стены (как ее не ставь, всегда подле стенки, спаленка ведь размером три на два; раньше и саркофаги просторнее делались). Полметра углепластика, потом теплоизоляция и дециметр титан-неодимового волоконного сплава — это все, что обороняет меня от зверьков, которые желают запустить свое половое ядро в спящего марсианского гражданина.

У червяги еще биополе сильно усыпляющее, потому ты и не

чикнешься, когда его длинная выделительная трубка блудно проникнет тебе в пищеварительный тракт (может и через анал!) и выдавит посылку. К утру ядро поспеет, даже построит себе новую мегаклетку из содержимого твоего желудка. Ты проснешься, готовый блевануть как с будуна, и существо размером с сосиску, которое невозможно растоптать и раздавить, радостно извергнется из тебя, после чего заползет в какой-нибудь теплый уголок. Считай тогда, что процесс деления червяги завершился успешно, ее можно поздравить с пополнением.

У соседа так и было: периметр охраны не отреагировал, когда к нему прогрызлась червяга, потому что умная тварь заделала за собой дыру и потери воздушного давления не случилось.

Итак, животное использовало тебя. “Ну и что особенного?— скажет какой-нибудь неискушенный ганимедец или меркурианин, — что в этом плохого?” Вроде ничего. Оно помогло тебе крепко выспаться, ты ему помог размножиться, и вы квиты. Да только иногда у червяги наблюдается особая и чрезвычайно своеобразная форма полового процесса — конъюгация: это когда половое ядро пытается вжиться в организм человека.

То есть, введенное ядро остается в недоразвитом состоянии и проникает через стенку желудка в кровеносный канал. Затем попадает в мозг, захватывает генетический материал нервных клеток и принимается производить псевдомозговую ткань. И мало того, что голова начинает шалить; зараженный человек в итоге давай воображать себя червягой, начинает зарываться в песок, не выносит открытых пространств, предпочитает оральный и анальный секс всем прочим и выкрикивает лозунги типа: “Марс для марсиан”. При этом он доживает до старости, умирает почти естественной смертью, только из ушей у покойника (может быть даже высокопоставленного чина) выползает червивая каша. На торжественных похоронах сраму не оберешься.

Впрочем, в девяноста процентов случаев новорожденная червяга без выкрутас покидает человека-акцептора. Малышку надо потом отыскать, хоть она и источает цианид калия, сунуть в титановый тубус и кинуть в специальный мусорный шлюз, который перенесет ее в естественные условия — уничтожать лучами и плазмой слишком накладно. Кстати, некоторые тонкие любители выращивают червяг. Червяговоды, живописуя чудесные свойства своих любимцев, уверяют, что те чутки к психическому состоянию хозяина и своими биополем всегда поднимут упавшее настроение.

А еще шуршали всю ночь возле моей головы (но уже с этой стороны стены) марсианские тараканы. Вернее, они — наши, земные, но завезенные на красную планету в целях производства

дешевых мясопродуктов. С государственных ферм оголодавшие твари попали на частные квартиры, а оттуда уже разбежались и разлетелись — у многих ведь звероводов-марсиан руки из попы растут. На красной планете тараканы не столько продукты грызут, сколько пластики и полупроводники, и ухитряются жить, вернее зимовать даже в разгерметизированных помещениях. Правда, размером они стали поменее, а кутикулой потверже, пометаллизированнее, чем на материнской планете.

— Куда смотришь, все в носу ковыряешь?— накинулся я на "домового", если точнее — на кибероболочку квартиры.— Не мог что ли попрыскать чем-нибудь на них?

— Во-первых, доброе утро. А кабы ты, дядя Фома, окочурился вместо тараканов? Сам знаешь, лишь какой жуткой отравой можно их одолеть.

— Слушай, домовой, надоели мне твои отпирательства. У меня одеяло квазиживое, осмотическое, с элементами разумности, как-нибудь защитило бы и от яда, и от вони.

— Вот именно, с элементами разумности. И с большим количеством неразумности.— не унималась кибероболочка.

Домовой, которого я иногда именую лешим — есть порождение моей личности, так что жаловаться на него особенно нечего. Я сам виноват в этих бесконечных препирательствах, выкобениваниях, нервозностях. С другой стороны, он мне через биоинтерфейс Анима в зрительный центр мозга самые лучшие виртуальные глюкомультики передает.

— Кто мне звонил, леший?

— Соня на связь выходила. Я сказал ей, что вы дрыхнете после пьянки.

"Скотина".— это я уже мысленно произнес, но домовой все равно уловил, у интерфейса Анима весьма чувствительные нейрошунты.

— Это не я скотина, а вы, сударь. Нет, чтобы взять своего родного ребенка и слетать с ним на пикник с экскурсией куда-нибудь в долину Маринер, где некогда вырвалась из-под земли грозная марсианская вода. Я думаю, мать ребенка тоже бы не отказалась.

Соньке — семь лет. То есть семь лет назад мне сообщили из южномарсианского инкубатора "Тритон", что наконец был использован мой запас замороженных живчиков. А могли и не сообщить. На использование спермулек согласие не требуется, и донорство у нас обязательное — в возрасте шестнадцати лет. Помню, привели меня, юного подмастерья (седьмой ранг технической касты), в Службу Репродукции и говорят: "Спускай". А стены там серые, через экраны хайратника какой-то

пропагандистский фильм крутят насчет увеличения продукции инкубаторов… хорошо, что мимо медсестра проходила. Она за пять императ согласилась трусики показать. (Уже на улице товарищи подсказали, что за десять императ она бы лично у меня пробу взяла — здесь расценки твердые.) Не ожидал я, что спустя несколько лет это мероприятие аукнется. В отличие от мужиков дамы сами должны выражать согласие на использование в инкубаторах своих яйцеклеток. Так вот "моя" баба не только согласие дала, но еще известила меня через Службу Репродукции о славном результате давнего деяния. Я со "своей" мадамой редко вижусь, она — важная шишка в службе "Алеф" Технокома, сто второй ранг, да и по жизни у нее совсем другой мужик в хахелях ходит. А вот Сонька у меня лучший кореш. У нее только первый ранг технической касты и многие воспитательные программы не совсем понимают, как это у малька может быть настоящий папа. Но в таких случаях я натравливаю на них своего домового, и он мигом все объясняет.

Но сегодня не придется с Сонькой слетать по пневмотрубе в Зоодом, где говорящие зверушки-мутанты, вроде Кота в Сапогах, потешают детвору. Сегодня в Технокоме совещание…

Кажется, пол заметно тряхнуло. Сильных марсотрясений в округе Тарсис не бывает, поскольку здесь тектоника слабая, вулканы давно потухшие, хотя вследствие электрохимических и эрозионных процессов некоторые почвенные слои хрупчают и оседают. Но этого нам боятся не стоит, потому что весь дом-колодец — единый достаточно гибкий стержень, засаженный в тело планеты.

И тем не менее трясет сильно и даже такое ощущение имеется, будто весь дом проваливается вниз — у меня ведь немалый летный стаж, и к инерционным воздействиям я весьма чуток. А способность воспринимать электромагнитные поля заложена в меня согласно генетической карте нашей касты "техно".

Нет, мы точно проваливаемся.

— Что ты об этом думаешь, домовой?

— Я покамест располагаю той же информацией, что и ты, Фома. Сейсмическая служба молчит, система конструкционной безопасности зафиксировала весьма умеренные колебания почвы.

Всегда эти киберы утешают и успокаивают до того последнего момента, когда уже поздно как-либо мельтешить и через секунду наступит вечный покой.

— А по-моему мы проваливаемся, домовой, несмотря на все радостные сообщения. Так что надо выбираться.

— Погоди, погоди, хозяин, я скопирую все свои последние

модификации на твой кристалл памяти. Погибать так вместе.

Он ведь тоже дрейфит, как и любая порядочная программа с интеллектом.

Крохотный цилиндрик, вшитый в мою руку и имеющий емкость в десять мемобайт, считал последнюю версию кибероболочки “домовой”, после чего я резво стал бросать в вещмешок самые необходимые вещи: персонкарту, инфопластины, послушный пластилин, способный принять любую форму, комбинезон из квазиживого пластика, статуэтку бегущей девушки — едва ее догнал, пищевой генератор, делающий шоколадки даже из дерьма, мультиволновой переговорник на урановых батарейках, запасные трусы памперсного типа, самомоющее мыло, брадогрыза и мочалку-грязеедку. Подскочил к лифту — ан нет, заблокировано. Ринулся к аварийной пневмотрубе — еле кашляет. А дом-то проваливается, я это и нутром и рецепторами чувствую — хотя система безопасности не признается.

Остается только пешком по трапу. Я выбежал из дверей своей квартиры и чуть ли не на голову мне упали обломки лесенки. Значит, последний парад наступает — все пути отрезаны. Есть ли варианты? Ну разве что впрямую вознестись на небо. Выходит, приговором судьбы-индейки суждено мне упасть в какую-то дыру, доселе неизвестную академической науке. Ученым не понадобится тратить денежки на смелое открытие, и под моим некрологом подпишутся все светила научного мира… Нет, все-таки надо еще повоевать, по крайней мере голова будет занята делом, а не просмотром предсмертных видений. А потом — суп с котом, Анима простимулирует выброс эндорфинов, они выжмут сладостный допамин, и я с усмешкой промеж уст сольюсь с космическим ветром. (Так гласит догмат нашей единственно-научной религии, космотеизма.) А кстати, почему не воспользоваться каналом, из которого выпал трап? Все-таки есть у меня вакуумные присоски для передвижения по вертикали.

Но когда я, откопав их, собирался пуститься в безнадежный путь, стена моей комнаты вдруг треснула; зашипел воздух, вырываясь на волю. Червяги! Я — туда, а они — сюда.

Вылетел, как пробка, кусок стены, и в пробое показалась голова без черт лица и прочих деталей. Червяга отчаянно извивалась, пытаясь поскорее протиснуться, она просто жужжала, шипела от напряжения и затягивалась красной дымкой (естественно, что без электромагнитных рецепторов жужжания я бы не слышал, а за красный ореол спасибо надо молвить тепловому зрению). Я помог живой колбасе пролезть и шлепнуться на пол. А сам, приказав комбезу загерметизировать

мое лицо, ринулся в дыру. Но за стеной перемещался грунт, пустоты сменялись сплошными слоями, там и сям попадались червяжьи ходы и сами потревоженные твари. Следом пошли мерцающие слои мерзлоты. Сунуться было некуда, иначе меня моментально перетерло бы в фарш мясной, человеческий, средней жирности. Надо было признаться в том, что дом безнадежно падает вместе со мной, однако геройски обеспечивает работу канализации, воздухоподдува, освещения и т.д. Но вдруг надоевшего грунта не стало.

Вокруг была сплошная пустота, пронизанная странным сиянием. Я повертел головой. Сверху обнаружилась-таки твердь, из которой выползал, вернее съезжал вниз, осыпая множество песка и ледяной трухи, цилиндрический монолит дома. Но кроме этого тщательные наблюдения не давали ничего определенного. Не назовешь же чем-то определенным синеватое зарево с непонятным пределом видимости. Внизу, пожалуй, сияние становилось гуще, напоминая клубящийся такой туман, впрочем и клубящимся его можно было назвать с большой натяжкой. Просматривались в нем полосы, овалы, узлы, узоры, чуть ли не орнаменты более интенсивной окраски и, кстати, более подвижные. (Нечто похожее я видел в музее первобытного искусства.) Густая ледяная пыль и сыплющийся реголит на минуту затмили мне пейзаж. А когда немного прояснилось, мне показалось, что узорчатый туман смахивает на некое оформленное существо, медузоида или спрута. Различалась зона ядра, как будто крутящаяся, от нее отходили ветвистые отростки, похожие на щупальца. Впрочем, имелось сходство и с антеннами, и с лучами.

Ну и ну, в глубинах Марса сидит какая-то туманная тварь, что готова втянуть и сожрать все дома, обитатели которых ни в зуб ногой, то есть ни о чем еще не подозревают. Счастливчики. Они еще нет, а я уже да. Жуть меня пробирает, она расползается по мне как ленточный червь, томление в груди органично дополняется слабостью в нижнем отделе кишечника — хоть памперсы одевай. Насчет памперсов я, кстати, стремно придумал, они всем застрессованным нужны — только с кем поделиться свежей идеей, если через несколько мгновений я с воплем “кобздец” свалюсь вниз.

И вдруг рядом со мной зазмеился какой-то корень. Черт, на Марсе пока нет деревьев и корней — но может, какой-то кабель или провод попался на глаза? А, собственно, что за разница? Я рванулся и ухватился за последний страховочный трос. После этого практически весь дом съехал вниз по моей спине. Ощущения не из приятных, пару раз какая-то выщербина цепляла

мой комбез и меня едва не сдергивало вниз. Однако комбинезон лишь частично рвался, а потом квазиживая оболочка срасталась по-новой. Впрочем, один раз меня-таки сдернуло вниз, но я сумел ухватиться за кабель во второй раз. А потом все закончилось. По крайней мере, для дома. Он ухнул вниз, стал из огромного монолита небольшим цилиндриком, а потом крохотным пятнышком, исчезнувшем в ярко-синем ядре туманной твари, которая сей момент конвульсивно сократилась, испытав чувство глубокого удовлетворения, переходящего в оргазм.

А ведь в злосчастном проглоченном доме проживало минимум пятьдесят душ, если точнее — сотрудников Технокома.

Впрочем, мне не время было последние почести отдавать, я стал лихорадочно карабкаться вверх, а туман начал структурироваться. Он как будто оформился в сферу со множеством лучей-игл — я заметил ее портретное сходство с радиолярией и опять-таки с первобытным орнаментом. Потом шар стал темнеть, а иглы соединяться и образовывать что-то вроде ячеек, которые набрякали и густели. Из сияния как будто рождалось вещество — марсианский красноватый мерзлотный лед, несколько более яркий и и более серебристый чем обычно. И этот лед, разрастаясь нитями (словно полимер какой-то!) наседал мне на пятки. Вот уж кошмар так кошмар, сердце заколотилось как бешеная крыса в клетке.

Я на полной натуге пехал вверх, комбез еще родил зубчики на ладонях, которые помогали держаться. Однако бурный ледяной вал быстро догонял меня, а до поверхности оставалось метров тридцать еще. Опять проигрыш намечается?

Но тут в шахту, которая образовалась после падения дома, влетела птичка — вернее, юркий коптер. Его телескопические руки крепко ухватили меня за талию, я едва успел разжать ладони и тут же оказался вознесен из шахты. На моих глазах она вся затянулась льдом, который еще брызнул вверх на манер гейзера, словно пытаясь достать меня в последнем рывке. Но потом ледяная труха опала и застыла. На месте приемного купола дома-колодца “Лягушатник” под оранжевым небом маячил только скромный холмик, навроде могильного, изо льда и реголита. Погнутые трубы путепроводов, воздухопроводов, водопроводов, связепроводов еще утыкались в него, словно хотели подпитать мертвеца. А вокруг уже кружили аварийные и полицейские коптеры, подъезжали и зеваки на гермокарах.

На летательном аппарате раскрылся люк, и телерука загрузила меня в багажный отсек, из которого я легко перебрался в кабину. Там за пультом управления сидела Екатерина А190 — Сонькина мать, дама изрядного энтузиазма. А как говорит

очередной земной имам: счастье и беды страны зависят от темперамента женщины.

— Рад встрече, она очень своевременная,— заметил я, немного пропыхтевшись,— Ты, надо полагать, случайно пролетала мимо на своей ступе.

— Я летела за тобой, Фома.

Фомой меня называют только дружки и Екатерина — чтобы придать мне значительности. На самом деле мой номер — Ф.К123.

— Так ты… вы… моя родная служба все знала?

— Узнала, когда началось. Наши детекторы способны обнаружить… ЭТО только в активной фазе.

Значит, кто-то все же был в курсе дела, однако ждал, когда фаза из пассивной превратится в активную.

— И что же ЭТО было, Катерина?

— Я не могу разглашать, у тебя нет доступа, потому что ты, Фома, подмастерье тринадцатого ранга, а не начальник Технокома, и даже не член какой-либо техносферной директории.

— Ладно, у меня нет доступа, потому что я полчлена. Я плохо работаю и скверно отдыхаю, не занимаюсь дебилдингом и бабсклеем. А ты мастер сто второго ранга, начальница и вдобавок красавица. На твоем замечательном лице написаны суровость и нежность, содержательность и игривость, деловитость и раскованность, в нем читаются германские, тюркские и славянская корни, причем аристократические. Но почему ты, вместе с друзьями начальниками, не создала систему хоть какого-то аварийного оповещения и эвакуации? Мне же домашние кибероболочки до распоследнего момента лапшу на уши вешали. До сих пор не могу поверить, что кто-то охотился за моей задницей, желая получить ее на завтрак, а вся страна тем временем мирно жевала свой утренний омлет и плевала на мои страдания.

— Фома, директория нашей службы предлагала потратить достаточные средства и повсеместно смонтировать систему оповещения. Но “Бет” и “Гимель” были против, дескать “Алеф” раздувает мифическую опасность, набивает себе цену и запускает руку в тощий общак.

Старая история. В составе огромных структур Технокома порядка десяти весомых служб со своей системой секретности, доступа, фильтрации, ценностей, подходов, перспектив. Только я мало что в этом петрю. Я — рядовой сотрудник службы “Алеф”, рядовее и проще некуда.

— Куда мы сейчас, Катя? В комплекс “Алеф”?

— Ко мне. Сжуешь омлет из гадючьих яиц и выдавишь тюбик

варенья, чтобы не переживал из-за завтрака. В комплекс потом. А сперва расскажешь, как тебе удалось выкарабкаться с первого этажа.

— Ты, кстати, рада этому?

Собственно, женщина тут впервые посмотрела на меня, если не считать того беглого зыркания, когда она удостоверилась, что я в кабине и не нуждаюсь в кибердокторе. А взгляд у Катерины непростой, за душу цепляет, особенно если прилетает искоса. Впрочем отзыв члена Директории был скупым и строгим:

— Я рада тому, что у меня есть дополнительный источник информации.

В самом деле, чего большего желать от мастера “техно” сто второго ранга, почто ей за вас переживать, она ведь не замухрышка какая-нибудь из касты “шудра” (где собралась всякая вольница от старателей до шлюх).

— Ну и на том спасибо, начальник.

Но, между прочим, я впервые оказался у Екатерины дома. Она действительно большая шишка в службе “Алеф”, начальник отдела особых экспертиз. Мою жилплощадь на ее жилплощадь сменять бы вряд ли получилось. И не только оттого, что у меня первый этаж и метраж меньше. Я жил в старом “колодце”, а она в нормальном доме модерновой застройки с видом на величественную гору Олимп и прочие вулканы Тарсиса, ради которых сюда припираются толпы туристов. Такое здание не надо прятать в грунт от малоприятной атмосферы Марса. Генераторы сферического гравитационного поля удерживают тепло и воздух над всем кварталом, который торжественно зовется “оазисом”. Соответственно червяги здесь не водятся и тараканы толпами не ходят.

Я как очутился в квартире Катерины, так уже хлопот не знал: коврик-самоход меня потащил под ионообменный душ и в тонизирующий электротуман, на массажеры, разминашки, костоправки и тренажеры, к телопричесывателю и всекормителю, работающему на свежих продуктах с натуральных плантаций, всяких там мясопомидорах и рыбофруктах. Деликатесный омлет из яиц земляной гадюки тоже был в меню — говорят, что когда-то человечество применяло в качестве несушек каких-то птичек из семейства курообразных. Это, конечно, было признаком плохого вкуса и недоразвитости, ведь гадючка не только непрестанно несется в любой обстановке, но и сдаивает литрами полезный яд.

Наконец я был отдраен, очищен, причесан, облачен в стильный полуформенный комбез, набрал поднос всяких яств и уселся за стол, поглядывая на светлячков Фобоса и Деймоса через большое бронестекловое окно. Порассказав о своих

злоключениях, я поинтересовался у Кати:

— Чего ж раньше к себе не зазывала, я бы, блин, не отказался.

— У тебя тринадцатая степень, у меня — сто вторая. Есть параграф инструкции, не рекомендующий подобного рода контакты.

— Да здравствуют наши инструкции, самые мудрые во Вселенной. Их, конечно же, писали не задницей, а с применением наивысшей разумности… Но все-таки, что за напасть случилась с моим жильем? Какие-то авангардисты устроили подземный спектакль с последующей раздачей бесплатного льда? Или брахманы-физики чего-то перемудрили, когда создавали новый сверхмощный унитаз. Или может случилось некое природное явление из серии “удивительное — рядом”? Такое впечатление, что с ним были знакомы даже первобытные люди — я видел тот же орнамент, что и на горшках времен палеолита. Ка-те-ри-на, шепни на ушко всю правду, в крайнем случае, секретчикам своим пожалуешься, что я тебя угрожал сексом и насилием.

— Да иди ты со своим сексом подальше Фак-сити. Это явление называется… Икс-структурой,— произнесла Катя медленно, будто у нее во рту было полно битого стекла.

— Благодарю за исчерпывающий ответ. Но откуда оно взялось? Чего-то я раньше не слыхал, чтобы какой-нибудь злодей мог стащить целый дом. Пропадали отдельно взятые мужики, бабы, квибсеры, роботы, программы, деньги, но чтоб целый дом…

Высокопоставленная женщина половила алыми губками алкогольно-гелиевые пузыри. Потом соблаговолила сказать:

— Мы подозреваем, что служба “Бет” имеет какое-то отношение к появлению Икс-структур в активной фазе. И рано или поздно узнаем все.

Вот так всегда. Нам с благородной сталью в голосе обещают разобраться, найти виновных, засудить их, навеки засолить и замариновать. А потом все спускается на тормозах, дескать идет большая работа, следствие ведут знатоки, но коварный враг со страха закопался, лег на самое дно и забился в глубокую нору с неизвестным адресом. А коварный враг, как правило, под боком сидит. Но перед ним реверансы и книксены делаются вместо того, чтобы кинуться на него и замочить. Не понимаю я начальство службы “Алеф”. А может, у меня просто терпения нет?

— Слушай, Катя, среди пятидесяти сгинувших жильцов были мои знакомые и дружки, Валька Ф295, например. Возьми меня в ту группу, которая займется разборками со службой “Бет”. Я с ней лично поквитаться хочу.

Женщина отреагировала чисто бюрократическим образом.

— Фактически, Фома, ты просишь меня о протекции.

— Но раньше-то не просил, мне этого не надо было. Считай, что я спал до сего дня, а теперь проснулся. И не могу заснуть снова, потому что перед глазами эта сизая тварь. Она меня искренне взволновала… А еще ты меня немного волнуешь, только в другом смысле.

После этих слов у Катюши какие-то женские чувства ко мне проявились. Правда неприязненные.

— Ты это специально сказал, Фома, чтобы я разозлилась и не стала хлопотать за тебя. Что, передумал уже? Хочется не в “группу для разборок”, а в кружок бальных танцев?

Ясно, что ее не интересуют мои заигрывания, я для нее что-то вроде морской свинки больших размеров. Но мне всегда тянет немного пристать к Катюхе — ведь она такая аппетитная. Даже кажется, что я просто в плену у своих штанов. А как она волосы поправляет и ногу за ногу закидывает, сцепляя пальчики на коленке! Биороботессу сколько ни программируй, и близко к такому идеалу не подгонишь.

— Ладно, гражданка начальница, я смиренно затворяю уста, дабы ты не решила, что я сдрейфил… Кстати, некоторые существа, чтобы родить ребеночка, обязательно совершают по любви и согласию копулятивный акт.

— А некоторые существа после копуляции обязательно съедают своего полового партнера. Так что, надеюсь, вопрос исперчен.

Эротическая тема была волюнтаристски закрыта, и я решил налечь на гастрономическую, тем более, что недавно был свиделем загадочного обжорства в особо крупных размерах.

Однако очень скоро высокоранжированная дама словила алыми губками последний алкогольный пузырь и поймала меня за шиворот, когда я потянулся за пирожным с элементами интеллекта, которое ползало по большому блюду. Итак, начинался великий поход в неизвестном мне направлении.

Через полчаса мы были в комплексе “Алеф”, у еще большей шишки, чем моя Катя, у самого главы службы Чертковица С290. На важность коллеги начальника намекали и метраж кабинета, и киберптички, поющие на искусственном дереве из саморастущего вещества, и старомодные очки на носу. Там и сям висели сенсо-картины, исполненные в стиле гастроромантизма, которые улавливали мое настроение и изображали как будто приятные вещи. Однако все эти окорока и ветчины-буженины сильно меня будоражили и сбивали с мыслей. Кроме того, они страшно контрастировали с тощим как будто голодным видом начальника службы.

— Значит, ты уверяешь, Катерина, что твой дружок вполне

годится нам для особых операций.— спросил Чертковиц у главы отдела экспертиз, как бы обращая на меня ноль внимания.

— В довольно сложной обстановке он не стушевался, и результат налицо — Ф.К123 единственный, кто уцелел. И кроме того, он один из немногих, кто наблюдал структуру “Икс” в фазе активного развертывания. Ясно, что там поработал всего лишь спорозоит, но и слава богу.

— А если твой друг облажается, Катерина?— уточнил важный человек.

— Ну, тогда мы его потеряем. И у нас будет удовлетворение, что на его месте не был мастер, допустим, шестидесятой степени.

— У меня не будет удовлетворения,— вставил я, но остался незамеченным.

— Ну, Катерина, ты горой за Фому. Наверное, в этом парне действительно что-то есть. И тогда из него можно извлечь пользу. Не стать ли ему телохранителем или чем-то вроде?— вслух помыслил большой начальник.

Я счел нужным высказать свое отношение:

— Лучше телохранителем, а не “чем-то вроде”. До сих пор я правда охранял только свое тело, но и к другим телам, особенно женским, отношусь с должным уважением…

Я замер на полуслове, потому что большой шишкарь подошел ко мне:

— Насколько мне известно, Фома, на Ганимеде ты провалился в гнездо полипептидного слизня и при том не пострадал.

— Так точно — он видимо был достаточно сыт. Даже мозги у меня уцелели.

— Да уж, не знаю, считать это признаком высшей доблести или отсутствия мозгов… Катерина, насколько я понял из рассказа твоего друга, структура “Икс” сумела конвертироваться обратно в скрытое состояние практически за две-три минуты. И это при немалой массе захваченного вещества! Хотя было задействовано столько каналов, наши детекторы едва-едва заметили такой беспредел. Если кто-нибудь, например, из моих замов окажется заражен Икс-структурой, то ей понадобятся миллисекунды, чтобы сделать свое черное дело, допустим, сцапать меня с ботинками вместе, и вернуться в прежнее мимикроидное состояние.

— Но, шеф, каждый сотрудник проходит проверку на “вшивость” по десять раз на дню. Скрытые сканеры у нас смонтированы на каждом шагу.— стала оправдываться меньшая начальница.

— Ты же знаешь, Катерина, что структуру “Икс”, если она вкраплена отдельными очагами в молекулярную структуру, мы

обнаруживаем только в половине случаев. Стопроцентная уверенность лишь с явными гнездовьями.

— Так что, внутри каждого из нас может сидеть эта гнусная медуза, этот чертов туман с завитушками?— невежественно вклинился я.

— Пожалуй, такую тему мы отложим на потом…— резко закруглился Чертковиц.— Позвольте, коллега Ф.К123, пожать вашу честную руку. Рад был познакомиться. Сейчас квибсер отведет вас в сектор внутренней безопасности, где вы займетесь самоусовершенствованием во вполне определенной области. До новых интересных встреч, Фома.

Катя помахала мне ладошкой, а в дверях сразу показался синтетический товарищ квибсер с оловянным взглядом — мой сопровождающий. Он будто только и ждал момента, когда меня выпроводят. И за пару минут я был “отконвоирован” в сектор внутренней безопасности.

Инструктор Р012 (по прозвищу Сенсей) разжал ладонь, на которой оказался не слишком большой цилиндрик, размером с тюбик зубной пасты. Затем махнул этой штучкой-дрючкой перед стальной болванкой и она тут же развалилась пополам, словно всегда состояла из двух частей.

— Клинок мезонного прерывателя невидим, но противостоять ему в состоянии только мощные силовые поля и сплавы с активной защитой.— заметил не без гордости инструктор.

— Это оружие хорошо годится для работы под столом. Чик — и яйца отлетели.— заметил я.

— Не только. Но под столом, друг мой, происходят самые страшные схватки.

Инструктор еще пару раз чиркнул клинком и выписал им ловкую восьмерку, раскурочив тяжелый снаряд, который в него швырнула тренировочная катапульта. Теперь мое тепловое зрение уже различало след от движения “меча”. Естественно, что воспринимал я своими рецепторами и неприятно жужжащую электромагнитную волну.

— Да, теперь клинок заметен, Фома, по крайней мере для твоих змеиных глаз. Его уже можно назвать огненным мечом и дать ему личное имя, например, “Светлячок”. Термический след появляется, кстати, вследствие дефекта массы у распавшихся атомов кислорода и обычной экзотермики при нарушении химических связей.

Сенсей перекинул мне цилиндрик.

— Пользуйся, Фома, это твое основное оружие, оно заменяет многие боевые системы недавнего и отдаленного прошлого. На ближних расстояниях отлично рубит и колет. Только учти, что

так называемый клинок — это вектор напряженности поля, при столкновении с вражеским мечом частенько возникают сильные завихрения с режущими свойствами…

Инструктор нахмурился, как будто вспомнил что-то неприятное.

— Ладно, Фома, не будем пока о грустном. На дальних подступах это оружие выступает в роли импульсного излучателя. С помощью Анимы можно нормально прицелиться. Впрочем, насчет мезонного меча у нас еще будет несколько занятий, а сейчас продолжим обзорную экскурсию.

Сенсей покрутил пальцами небольшой тонкий диск.

— А эту невзрачную штучку можно именовать “сюрикен”. Если быть точнее, у меня в руке довольно маленький, но удаленький мезонный сшиватель нуклонов — синуклер. Носить его лучше на тыльной стороне ладони. Там он будет практически незаметен. До поры до времени, конечно.

Инструктор махнул рукой, диск пропал с нее… и по помещению пронесся серебристый шар, гоня перед собой трескучую волну. Он запросто проглотил несколько порхающих робоптичек, несколько раздулся, но вернувшись к хозяйской руке, как будто исчез. Только у ноги Сенсея валялся бесформенный кусок не поймешь чего.

— Вот и все, что осталось от наших пернатых.— заметил не без удовольствия Р012.

— Здорово.— согласился я. Давно приучил себя к тому, что ко всем достижениям истребительной техники надо относиться так же как к пирогам и блинчикам. Иначе сойдешь с ума от кошмарных видений.

— Не для всех здорово, Фома. Тебе важно знать, что сюрикен особенно хорош для борьбы с ракетными залпами, а также боевыми робиками в стесненных пространствах. При мне один синуклер превратил несколько тысяч кибернасекомых и огромного пленочного робота в небольшую кучу дерьма. Ну и последнее на сегодня…

Прямо изо рта Сенсея полезла ниточка, которая становилась все толще, превратилась в жало, заизвивалась как змея, выискивая на чем закрепиться. Наконец она облизала потолочную балку и завязалась на ней узлом. И тут же инструктор взлетел ввысь, потому что нить мгновенно сократилась.

— Это не жало, а нитеробот, если точнее — полимерная мономолекула с регулируемыми свойствами, внутренними источниками энергии, чувствительными рецепторами и врожденными элементами управления.— стал вещать Сенсей, возвращаясь обратно.— Руководить нитероботом можно

напрямую, мыследействиями со своей Анимы, или через кибероболочку.

Нить послушно втянулась обратно в улыбающийся рот инструктора, отчего тот стал напоминать довольного, только что отобедавшего питона.

— Она наматывается на катушку, смонтированную на верхней челюсти. Но если шея недостаточно натренирована, во избежание перелома позвонков катушку лучше держать в браслете или в перстне.

Через несколько дней я уже недурственно обращался с этими игрушками, как на имитаторе, так и наяву, в спарринге. Разрубал огненным мечом любую запущенную в меня колобашку, увиливал от сюрикена, возносясь на потолок с помощью нитеробота. Это было неплохое оснащение, но его применял спецназ уже в войну с сатурнянами. Или у нас действительно технический застой, или от меня чего-то скрывают. Надо бы немного подначить Сенсея.

— Коллега инструктор, я еще слыхал про переквантизаторы.

Ну я действительно про них слыхал от накирявшихся мутантов в кабаке. Глаза Р012 неожиданно сузились, как у следователя в момент служебного возбуждения.

— А ты в курсе что такое переквантизация, Фома?

— Ну, как вам сказать, Сенсей.

— Понятно. Это самое перспективное направление. Однако мы в самом начале пути. Насчет оружия-переквантизатора ничего тебе не скажу. Тебе достаточно знать, что самые новые двигатели у вояк основаны на принципе переквантизации. Поскольку квант — это вырожденная девятимерная струна, то изменив кое-какие параметры, можно превратить его в другой квант. Например, разрушая гравитационные ячейки, конвертировать массу в электромагнитное излучение, или переклепать гравитоны в кванты пространства, антигравитоны. Есть и другие варианты.

— Почтенный инструктор, а использовать кванты времени, хрононы, не слабо? Они ведь основа и катализатор всех превращений.

Сенсей заметно поморщился.

— Кончай бредить, Фома… Кто сможет использовать хрононы, тот весь мир поимеет, как шмару из Фак-сити… Ну теперь, беритесь за меч, сударь, иначе вы лишитесь головы. А в графе “утраты” я запишу, что практикант Ф.К123 перепутал мезонный прерыватель с электробритвой.

6. “Между падшими ангелами и взлетевшими чертями”

Четкий прием. Дуплекс.

Немногие из сотрудников нашей службы имели доступ в комплекс “Бет” (Новый Петербург, округ Ингрия). Даже Катерине он не был открыт. Комплекс был защищен еще надежнее, чем яйца великого вождя, имел мощные периметры защиты в воздушной, наземной и подземной частях. Потому мне было невдомек, как к нему можно подступиться. Но начальству всегда виднее, с чего начинать и чем заканчивать.

Очередная тренировка внезапно было прервана, и я вместе с инструктором Р012 отправился на космодром Рынь-города. Поехали не по воздуху, а на тоннельном мобиле-“клопе”, мимо кабаков и лотков старого города. Пару раз останавливались — видимо, для маскировки — и заходили принять кое-что за стойкой, только велено было ничего амфетаминового и гормонального не хлебать.

В кабаках, как обычно, резвились дикие мутанты, не попавшие их-за своего дебильства ни в одну касту. Я, конечно, вспоминал старые так называемые фантастические фильмы и книжки, в которых оные субъекты представлялись угнетенными и борющимися за свои права. Нашим мутантам ничего такого не надо, у них и так сплошные права, плюс пособия на жизнь, плюс выпивка с уценкой и закуска со скидкой. Да никого из них не затащишь на операцию по генетической нормализации! После этого ведь вкалывать придется. Вот и сидят бывшие штурмана атомных космоходов глотают водку “гемоглобиновку”, с хрустом закусывают белковыми брикетами кирпичного вида и стучат зелеными хвостами по полу. Первоначально эти “крокодилы” были созданы для жидкой антиперегрузочной среды корабельных отсеков, но к воздуху тоже приспособились, хотя везде для них понастроено рекреационных ванн. А ведь откусит такой “крокодил” у нормального гражданина ногу по самые яйца, так посадят всего на тридцать суток — за мелкое хулиганство. Судья учтет закон о естественных особенностях расы штурманов. Немало тут было и нелицензионных квибсеров, хотя они — роботы из квазиживой полипептидной органики, однако имеют чисто человеческие пси-структуры. Оттого-то ликвидация такого типчика приравнивается к человекоубийству и карается, соответственно, каторгой на Амальтее. Но, между прочим, ликвидировать квибсера, куда труднее чем человека, особенно пьяного квибсера, нализавшегося фторводородной шипучки.

В одном кабаке они как раз нализались и плясали, вернее скакали до потолка, под распоследний хит: “Женщина в голубом, стала болью ты в перце моем.” Одному штурману-крокодилу не

понравилось мое одухотворенное лицо, названное им гнусной рожей, и он стал задираться. У качков-крокодилов масса мозга ведь совсем невелика относительно массы мышц. Да и пьяный он был в шлюз. Я несколько раз сражался на имитаторе с человекорептилией, но сейчас мне пришлось понервничать. Особенно после того, как он прыгнул ко мне на манер тиранозавра и впаял ногой. Я, слава космическому ветру, уклонился, но поскользнулся на чьей-то огромной сопле и упал. Штурман намеревался топтать меня и размазывать по полу, я собирался применять огненный меч, рискуя на веки вечные отправиться в тюрьму. Но вдруг нахал оказался на спине с задранными лапками и тут же получил по сплюснутому черепу бутылкой — как раз в районе ушной впадины, у штурманов там слабое место. Выручил меня, конечно же, Сенсей, применив потихоньку нитеробота.

В общем, мы непринужденно передвигались к космодрому, причем инструктор все время следил за показаниями сканирующих приемников радио— и прочих волн, чтобы быть в курсе, когда кто-то начнет прощупывать нас цепким лучом. Ну, а я прислушивался своими рецепторами к подозрительным жужжаниям и шипениям.

Если в старом городе мы терялись в толчее, то на космодроме было пустынно. Контрольный портал и роботы пропустили нас через служебный вход, квибсеры с щупоискателями дали нам зеленый свет, когда мы въезжали на терминал. Корабль — по виду обычный грузовик — находился, как это принято на городских космодромах, в стартовом бункере. Мы сошли с ленты транспортера на щербатый компаунд-бетон и поежились. Не от холода, гермокомбез исправно поддерживал прежнюю температуру, а от осознания того, что здесь не было герметизации и искусственной атмосферы и вообще до космоса оставалась совсем небольшая дистанция. Раскрылся люк зрачкового типа и мы вошли в этот распахнутый “глаз”, потом тарелка лифта перенесла нас в пассажирский отсек. Впрочем пилотская кабина отделялась от него только переборкой с зияющей дырой. Управляемый пластик никак не хотел затягивать ее, впрочем двоих пилотов,— человека и квибсера,— это мало интересовало. Они обсуждали сравнительные достоинства водки “язвовки”, любимой космонавтами из касты вояк-кшатриев, и фторводородной шипучки, которую уважают синтетические квазилюди.

— И вот такие лохи составляют экипаж самого секретного борта во всем флоте службы “Алеф”,— Сенсей состроил кислую физиономию, у него хорошо получилось.

Тут в нашей кабине появился третий. Это была Катерина, которая даже не поздоровалась со мной: то ли из-за обилия хлопот, то ли ввиду напряженки нервов. Впрочем, я еще не улавливал мрачной торжественности момента.

Внутренняя связь почему-то не сработала и пилот просто прокричал через дыру в переборке:

— Расслабьтесь, мальчики и девочки, сейчас поедем.

Антиперегрузочные кресла, слава космическому ветру, послушались мыследействий, надулись и обхватили нас со всех сторон.

— Нет с такими лохами мы никогда не завоюем звезды.— снова пробухтел инструктор.

Если все кости почти что вырвались из тела, значит стартовал корабль, да как и положено грузовику — жестко, с быстрым набором второй космической скорости. Сработали по очереди две гравитационные катапульты, вернее два генератора линейного гравиполя, а уже на орбите зафурычила термоядерная силовая установка. Перегрузка перестала так давить на мозги и можно было глянуть на гвизоры. Бортоболочка, собирая данные от собственных и внешних узлов слежения, рисовала наш курс в разных проекциях. Заложив длинную гиперболическую кривую, мы наконец оторвались от планетного притяжения и с постоянным ускорением полтора “же” стали уходить в сторону астероидного пояса. Красавец Олимп, мигнув напоследок сигнальными глазками, скрылся на невидимой стороне планеты. Трассы с наиболее оживленным движением тоже оставались в стороне. Впрочем, еще были видны военные борта, похожие на спичечные огоньки, они направлялись с фобосской базы в юпитерианское пограничье. Просматривались и грузовики, курсирующие между космопортом Новый Петербург и Меркурием.

Поскольку своего домового взять мне в дорогу не дозволили — опять-таки из соображений скрытности — решил пофлиртовать с женщиной. Почему не зайти еще на одну попытку? Соблазнить не соблазню, но может быть разозлю ее и что-нибудь выведаю.

— Катя, а Кать, ну что ты только с киберoболочками да гвизорами общаешься. Хоть поведай, на что мне настраиваться? Я готов совершить подвиг, только не знаю, какой надо. И что я получу в награду. Тебя, случайно, не потому ли взяли в полет, что ты и есть мой приз?

— Когда останешься жив, чтобы по-прежнему ковырять в носу и хаживать в сортир — тогда поймешь, что это и есть твой приз. А прежде разных подвигов надо обшарить тут все на предмет наличия “жучков”.— Катерина высыпала из кармана целую орду

сыщиков-микроробиков, внешне напоминающих муравьев.

— Лишь бы они не перегрызли какой-нибудь важный проводок.

— Ну разве где-нибудь внутри тебя…— мрачно пошутила мастер Катя.— А летим мы, кстати, к планетоиду Комаров-3.

Головизор, повинуясь ее мысленной команде, показал искоркой какую-то занюханную точку в астероидном поясе.

— Это страшная дыра, надо полагать.— тоскливо произнес я. — Даже при использовании полярной проекции.

— По крайней мере, эта дыра — не черная.— справедливо заметила Катерина и напомнила.— Вплоть до завершения полета выполнять только мои указания.

— А кто еще нам может поприказывать?— решил уточнить инструктор.

— Жизнь покажет… В случае, если я окажусь в полном ауте, связывайтесь по кодированному мультиволновому каналу с начальником службы Чертковицом и преданно ждите от него дальнейших указаний.

Я еще раз подумал, зачем этой даме, похожей на рыбу-пилу или огненный меч, давать в инкубатор свою яйцеклетку, да еще разыскивать так называемого отца ребенка.

Потекли тоскливые часы полета, наполненные гравитационным изнурением, но смягчаемые виртуальными глюкомультиками — мне их домовой с любовью наскоро собрал в дорогу. Полусонное существование было прервано внезапно и, конечно же, тревожным известием.

— Кажется, с нами хочет пообщаться полицейский борт,— крикнул кто-то из пилотской кабины.

— Приказ в любом случае прежний: попасть на Комаров-3,— несколько театрально произнесла Катя.— При посторонних для общения используем закрытый рентгеновский канал Алеф-5.

На фоне звездного неба даже без увеличения все заметнее становился факел, вернее трехфакельное соцветие. Полицейский борт, видимо, вышел из-за какого-то мелкого обломка (в засаде, значит, сидел гад) и сейчас перся с ускорением минимум 2.8 “же”, выходя на встречный курс.

— Сможем ли сманеврировать?— осведомился Сенсей у пилота.

Тот охотно отозвался:

— У них специальный корабль “охотник”, с экипажем, надрессированным на огромные перегрузки, три термоядерных движка и приличное бортовое вооружение вроде гамзеров. Пшик, и нас нету — доманеврируемся.

Спустя какую-то минуту к нам прилетели узкофокусные

лазерные сигналы и через динамики ворвался колющий и режущий голос, который, казалось, вот-вот пропорет что-нибудь мягкое.

— На связи особый полицейский отряд сектора 13А-56. Внимание. Приказываю плавно снижать ускорение, оставаться на прежнем курсе, подготовить стыковочный узел. В случае невыполнения требований вы будете немедленно уничтожены.

— А почему бы и не состыковаться с ними?— ласковым голосом проворковала Екатерина.

— Почему бы и нет,— согласился Сенсей и коварно хмыкнул.

Полицейский борт быстро приближался, вселяя нервно-гормональный трепет в мои жилы. Наступившая невесомость еще только усиливала бздение. Гвизор показывал портрет охотника крупным планом. Тупорылая блямба, с обеих боков “ребра” — это и есть гамма-лазеры, а то, что похоже на соцветия в носовой части — импульсники-плазмобои. Ну просто урод кошмарный!

Вот пихнуло в бок, и стало ясно, что состыковались. Через полминуты люк пассажирского отсека распахнулся и к нам вошло четверо полицейских в доспехах, стволы во все стороны торчат. Возможно кто-то из “гостей” был квибсером, не знаю, рожи-то закрыты металлом. Пара полицейских наведалась в рубку и вытолкала пилотов в пассажирский отсек.

— Кто владеет судном?— спросил коп с нашивками лейтенанта. Причем, сразу излучилась главная его эмоция — сильная неприязнь. По флотской службе знаю таких типов — мелких командирчиков с замашками больших вождей. Их хлебом не корми, дай кого-нибудь стереть в порошок и согнуть в бараний рог.

— Малая фирма “Карусель-тур”, Рынь-город, округ Тарсис, префектура Марс. Я являюсь представителем судовладельца.— отчиталась Катя и протянула персон-карту, надо полагать фальшивую.— Офицер, проверьте через любую кибероболочку коммерческой сферы наши данные и убедитесь, что все в ажуре.

— С какой целью предпринят рейс?— продолжал напирать мелкий фюрер.

— Наш клиент.— Катерина указала на меня.— проводит, так сказать, рекогносцировку местности, для организации туристических поездок. Тут по курсу 20-28 есть просто чудесная группка кварцевых астероидов, хрусталь, топазы, аметисты, александриты. Поставь там отель, сделай лазерную подсветку и греби деньги лопатой.

Я представляю, какие взгляды бросал на меня полицейский из-за своего забрала, в то время как Катерина продолжала заливать:

— Хотите, лейтенант, стать первым посетителем нового отеля? Там будет много чего интересного, помимо природных красот.

— К нам поступила информация о незаконном грузе на вашем борту. Мы вынуждены провести полный обыск.— отрубил человек с закрытым лицом.

— И подбросить нам что-нибудь вроде почки полипептидного слизня или эмбриона воина-рептилии.— огрызнулась Катерина.— Вы забыли закон, милейший, полный обыск можно производить только в присутствии двух понятых, причем в космопорте или в другом месте, его заменяющем.

— Нет, дама, это вы не знаете закон,— отразил человек без лица.— Если расстояние до космопорта или места, его заменяющего, превышает миллион километров, то полный обыск можно проводить в космосе, при условии отключения всех двигателей, а также генераторов силового поля.

— Но до планетоида Комаров-1 меньше миллиона… — продолжала сопротивляться Катерина.

— Комаров-1 не является космопортом или местом его заменяющим.

— Это вам так кажется. Обратитесь к справочнику якорных стоянок.— заверещала Катерина.

— Как я сказал, так и будет,— лейтенант прекратил дискуссию волевым усилием и стволы бластеров еще недружественнее посмотрели на нас, заодно затрещали микролокаторы, проверяя нашу амуницию, есть ли скрытые доспехи и все такое.— Первым делом сдайте оружие, если не хотите попасть на Амальтею, где Юпитер из вас все потроха выдавит.

Это чистая правда: на Амальтее ни один каторжник больше года не протягивает, вскрытие показывает, что у трупа никакого целого органа не осталось — внутри все Юпитер-батюшка своими гравитационными вихрями переворошил… И тут я получил сигнал по закрытому каналу Алеф-5. Свет в отсеке погас, все присутствующие стали размытыми и еле заметными красными пятнами, а также источниками жужжания — это уже благодаря моим электрорецепторам.

Я и вздохнуть не успел, как в моих руках появился цилиндрик мезонного прерывателя, как он стал мечом и пробил — с помощью целеуказателя и подсказанной оптимальной траектории — лоб полицейского офицера.

Вот так начало! Я дернулся, и в том месте, где только что была моя голова, оказался заряд плазмы. Затем я покрутил клинком. Главное не сковывать ладонь. Плазменные заряды

прошипели надо мной, а когда подпрыгнул, то и подо мной. Чей-то ботинок достал мои ребра. Меня схватили за запястье, я тоже перехватил чью-то руку, а потом бросил чужое тело через свое бедро. Причем сам рухнул на колени. Ударил кого-то своей башкой в челюсть, но тут же получил по затылку и едва не отпал. После этого я еще сновал по отсеку, как муха. Шипела, мучилась и извергала огоньки искалеченная аппаратура, загорелся и стал плавиться пульт. Сражающиеся орали и матерились, как какафонический оркестр. Чей-то сапог достал меня и уложил на палубу, но и влежку я ударил мечом крест-накрест, причем отвалил ноги какого-то квибсера. То есть, стало ясно, что это квибсер, по зеленоватому свечению вдоль разрезов. Затем мой клинок наткнулся на клинок врага, в результате интерференции быстрый гибкий и острый вихрь снял шматок кожи с моей щеки. Одновременно что-то булькнуло, и мимо меня пролетела красная клякса — это была голова. По счастью, чужая.

Впрочем, продолжения не последовало, и все стихло, даже появилось освещение. На палубе лежало четверо полицейских: лейтенант с дырой во лбу, один четвертованный квибсер, кто-то, кажется, человек, без головы — та улетела в угол из-за неаккуратного обращения с оружием, один оказался задушен мономолекулярной нитью. Плюс у бездыханного Сенсея была каша вместо живота, а у одного нашего пилота серьезное повреждение. Поскольку он продолжал чего-то лопотать даже с открытой “форточкой” в грудной клетке, стало ясно, что удар пришелся по квибсеру.

Я наклонился к убитому лейтенанту и тут прямо из его пробитого лба в меня плеснула стекловидная струя, на лету густеющая и остреющая. Не знаю, чем бы это кончилось, кабы не не бластерный выстрел Кати, который испарил нападающую хреновину.

— Но ведь он не квибсер.— заблеял я, впервые испугавшись по-настоящему.

— Ну, Фома, ты — балбес. Этот мент, конечно, не квибсер, но внутри у него жидкостный внутриполостной боевой робот, так называемый “последний поцелуй”.— презрительно отозвалась Катя и тоже взялась за мертвого копа. Прямо в глаз воткнула ему зонд мемо-считывателя, на секунду замерла, чтобы лучше оценить полученную картинку и, наконец, подытожила.— Ясно, что эти менты были на подхвате у “Бета”, нам надо срочно исчезнуть и замести следы. Ф.К123, ты немедленно выйдешь через аварийный шлюз и прикрепишь к полицейскому кораблю, в районе навигационной надстройки, диверсионное устройство, Начальница протянула мне небольшую металлическую

коробочку.

Я, ни капельки не задумываясь, не вспоминая ужас недавнего ближнего боя, не обращая внимания на болезную щеку и ребро, ринулся по коридору, в конце которого пульсировал напряженный красный свет. Аварийный шлюз, опознав меня, моментально распахнул входной люк.

— Вы уверены в необходимости выйти за борт?— обратилась кибероболочка.— Ведь все системы жизнедеятельности работают нормально…

— Да иди ты.

Я пробежал сквозь куб с натянутыми пленками, которые обволокли, обтянули, обклеили меня и стали моим аварийным скафандром. В руки упал ручной микродвижитель. Осталось только мысленно прокричать кибероболочке про “чрезвычайные обстоятельства”. Наверное, я что-то сделал не так, она перепугалась и даже не уравняла давление внутри и снаружи. Открылся второй люк, и я вылетел в открытый космос как из пушки, да еще моя пленочная оболочка раздулась на манер пузыря.

Корпус вражеского катера был совсем рядом, но я летел несколько в другую сторону, да вдобавок неумело управлял своим полетом. Движителем как-то неловко тыкал, отчего стал вращаться сразу вокруг двух осей.

— Ну, болван…— кажется, это Катя вмешалась по закрытому каналу.— Ты, главное, не дергайся. Расслабься, беру под управление твою руку с движителем.

Значит, она открыла доступ к моей Аниме неким сверхсекретным паролем и теперь забирает под свой контроль мои нервные цепи. Страшновато, но при том забавно наблюдать, как работают по чужим командам твои конечности и ты в общем-то становишься лишним человеком в своем родном теле.

Катерина меня стабилизировала, довела до полицейского борта и передала бразды правления моей собственной голове — наверное, более существенные дела нашлись. В итоге, я оказался не возле надстройки, а около топливных баков. И тут мой родной грузовик расстыковался с полицейским бортом. Произошло это достаточно прикольно. У охотника остался в объятиях не только стыковочный узел грузовика, но и часть его корпуса, видимо, пассажирский отсек. В этом, вероятно, и заключался главный секрет Катерины.

Грузовик, вернее, то, что от него сохранилось, стремительно удалялся, а я пока что пробирался по обшивке охотника к надстройке. Допер, примагнитил странный коробок неподалеку от сотовой антенны, тут жар-пыл у меня пропал, и я стал думать,

как мне выбираться из этакой паршивой ситуевины.

Полицейский корабль явно утратил способность к точному преследованию своей добычи. Возможно, из-за того, что к нему оказался пришпадорен чужой пассажирский отсек (и по какой-то причине отстыковать его пока не удавалось). Неверная центровка не позволяла охотнику остановить “рысканье” и выйти на правильный курс. Кроме того, пристегнутый кусок металла мешал ударить гамма-лазерам, кстати, именно с того борта, где располагался я. Возможно сыграл роль и тот коробок, который я прилепил к корпусу охотника. Странный предмет задорно помаргивал глазками-огоньками.

Импульсники-плазмобои, правда, заработали, но тут грузовик затянулся сиреневым туманом — похоже, Катерина врубила генератор защитного сферического гравиполя, что было второй неожиданностью.

Впрочем, это меня не слишком обрадовало и развеселило. Аварийный пленочный скафандр мог обеспечить жизнедеятельность лишь в течении часа, и то при условии, что я не буду слишком активно дышать, и не обкакаюсь.

Неподалеку от меня открылся люк и какой-то квибсер высунул длинную руку с бластером — я тотчас чикнул мечом и отсеченная конечность вместе с оружием поплыла по низкой орбите вокруг полицейского корабля, еще пытаясь угрохать меня. Пришлось ее покрошить.

Сам охотник, похоже, стал испытывать еще большие затруднения. Это выражалось и в странном вращении вокруг какой-то ненужной оси, и в непонятном хлюпании двигателей. И тут мой родной грузовик добавил напрягу, пальнув в полицейский корабль. То есть, соскользнул обтекатель с того, что я считал трюмом, оттуда вылезли две антенны и вжарили. Кажется, это сработал мощный мезонный прерыватель.

Зеленоватое, по-своему красивое копье протянулось на несколько сот километров и воткнулось в охотника. Полицейский борт успел включить защитное поле, но, видимо, слишком поздно, его градиент не успел подрасти. В месте соприкосновения “копья” и фиолетового полевого экрана появилось яркое пятно, оно быстро разбухло и прилипло к обшивке охотника в районе топливного бака, отчего металл закипел и исчез. Из большой прорехи принялся вылезать голубой хвост, то бишь пошла утечка горючего. Охотник затягивался газовым облаком. Вот зараза, еще один прицельный выстрел грузовика, допустим, из импульсника-плазмобоя, и будет бу-бух с биг-бэнгом!

Я с натугой оттолкнулся от обшивки и поплыл в открытом космосе. Пока не миновал облако, состоящее из дейтерида лития

и чего-то там еще, боялся движителем орудовать — чтобы не сыграл он роль зажигалки. И еще дрейфил, что не успею вылететь, раньше чем сработает какой-нибудь запал. А когда удалился на порядочную дистанцию от охотника, то уже стал скучать по недавнему твердому пристанищу. Впрочем, вскоре скучать перестал. Полицейский корабль взорвался, то есть стал шутихой весьма больших размеров. Газовые потоки понесли меня, крутя как на карусели, а когда отпустили, то я остался один посреди космоса. Лишь багровые полосы и разлетающиеся обломки, не крупнее утюга, но с приличными дымными следами, указывали на недавнее присутствие в этой точке пространства какого-то транспортного средства. На связь со мной никто не выходил, впрочем мультиволновой переговорник скафандра был весьма слабоват для дальнобойных бесед.

Через полчаса верный каюк. Три или четыре раза в жизни мне казалось, что подходит конец (и реагировал я при этом то спокойно, то истерично), но сейчас его приближение выглядело очень заметным и неоспоримым. Вокруг только звезды, то ли далекие, то ли близкие, но в любом случае равнодушные. Еще заметно розоватое пятнышко Юпитера, похожее на глаз внимательного зверя, чем-то он мне поможет?

Попережевал я, с трудом настроился на отходную молитву, обращенную к Божественному Единству, но тут прямо через космос протянулась сияющая дорожка. Она приклеила меня и, смешав все мысли и чувства, бесцеремонно сдернула с места. Я будто стал жидким, бесформенным, размазался в пространстве, и только какой-то маленький наблюдатель, психоцентр, отчасти воспринимал, что делается со мной и вокруг меня. А делалось странное, звезды и планеты из точек превратились в струи единой реки, по которой протекал и я тоже. Наступал безмятежный покой, доступный лишь тому, кто не чувствует времени.

Однако в положенный момент я сконденсировался и затвердел, а время вступило в свои законные права. И первое, что я увидел в виде нормального сфокусированного изображения, это было лицо Катерины. Симпатичное, умное, волевое, в общем не чета моей несобранной физиономии.

— Ну, дотек-таки.— я обратился с “рапортом” к начальнику, заодно трогая синтекожный пластырь на щеке, а также скобу-регенератор на ребрах.— Какое-то задание выполнено. Надеюсь, мы встретились не на том свете.

— На этом. Причем благодаря нашим друзьям.

Только я сейчас разобрал обстановку, в которой нахожусь. Большущий зал с мохнатыми стенами, лохматыми столбами,

пилястрами, поставленными вкривь и вкось, и вдобавок много разноцветной пыли. Впрочем, пыль эта не висела сплошной пеленой, а собиралась в какие-то узоры и даже некие объемные фигуры.

Катя заметила, что я заметил.

— Это и есть “друзья”,— сдержанно заявила она.

— В самом деле? Ну ничего, бывает и хуже. Интересно, как ты с ними дружишь?

— Без проблем. Радиопереговорник на Аниме, и мой, и твой, способен воспринимать их сигналы, посылаемые в приемлемом для нас формате. Сейчас я включу у тебя декодер.

И она включила. Я не услышал, как предполагал сонм мелких писклявых голосов. Напротив голос был один: сочный, низкий, мужественный. И участливый.

— Надеюсь, вы не испытали особо отрицательных ощущений при перемещении по хрональному каналу?— осведомился владелец голоса.

— Как, разве я перемещался во времени?

— С помощью хронального переквантизатора, трансквазера. Кванты времени, хрононы, как известно, курсируют между прошлым и будущим, создавая настоящее. Благодаря им мы превратили кванты пространства в кванты тяготения, то есть триста тысяч километров были конвертированы в ускорение на небольшом гравитационном радиусе. Вы находились в хрональном канале всего одну секунду. В каком-то смысле мы продернули верблюда через угольное ушко.

— Ради такого эксперимента рад был пострадать.— отозвался я, хотя понял, что в очередной раз стал подопытной белой мышью. Или белым верблюдом.

— Это не эксперимент. Мы так всегда перемещаемся… И, кстати, будем знакомы. Меня можно называть Облаком. А как вас зовут, я знаю, можете не представляться.

Что же это за Облако такое? Кто умеет превращать пространство в тяготение и внезапно появляться из ничего?

Ага, маска, я тебя знаю. Это плутоны! Или плутон. Ну я вляпался: мирно общаюсь, понимаешь ли, с извергами рода человеческого. И как себя повести? Обделаться ли со страху, вскочить, побежать незнамо куда, дать пыльному врагу решительный бой. Я еще больше взопрел, когда понял, что мечата при мне нет.

Катя заметила мое острое беспокойство.

— Конечно, Фома, мезонный прерыватель у тебя изъят на время психологического шока, пока не наступит привыкание. Извини, но мы не могли тебе сказать заранее, с кем предстоит

встретиться в темном уголке. Ведь официально, за контакт с плутонами полагается смерть.

— Да уж знаю, блин!.. И, кстати, правильно полагается. Ради чего вы, члены директории “Алеф”, решили поиграть своей и моей жизнью? Я решительно требую ответа.

Катерина положила мне руку на плечо, и хоть я старался ее сбросить, стала поглаживать как сердитую собаку или раздухарившегося дебила.

— Фомушка, несмотря на все войны, которые мы с ними вели, плутоны нам сейчас не враги, а, может, никогда ими и не были — в прямом смысле этого слова. Сейчас наша цивилизация загнивает, она все более отстает по своей мощи от того же Сатурна. А загнивающие цивилизации становятся питательным продуктом для иноматериального демона, который является богом сатурнян.

— Ага, усек.— голос мой стал заметно визглив.— Плутоны, конечно же, вызвались управиться с каким-то там демоном. Мы им за это скажем спасибо, которое они себе намажут на хлеб и опустят в свой ласково улыбающийся рот.

— Да, они не бескорыстны. Но они не собираются превращать нас в биороботов и щелканьем клавиш принуждать нас к исполнению польки-бабочки и гопака. Пойми, Фома, ты — подмастерье тринадцатой степени только из-за нашей технической отсталости, на тебя не хватило ресурсов, никто не разрабатывает твои возможности. Высокое начальство, Совет кастовых уполномоченых сделал ставку на бюрократическое зарегулированное развитие, в котором нет места для выплеска творческих сил. Поэтому карьерная система тебя и не замечает. Понимаешь, когда руководство запрещало симбиоз с кибероболочками, то преследовало лишь одну цель — не потерять рычагов управления, не выпустить из-под контроля всех и каждого.

— Но ведь кибероболочки нас поработить хотели. Особенно те, в которых плутоны гнездились. А что они с землянами сделали в свое время?! Угандошили средь бела дня.

Тут в разъяснительную беседу своим сочным басом включилось Облако:

— И мы, и вы — существа ущербные и нуждающиеся в симбиозе. Ваш трагический порок — медленное мышление, наша беда — формализм решений, что мешает качественным скачкам. Нелогично нам враждовать друг с другом. А земляне были настолько податливой инертной массой, что мы их и не считали за всерьез разумных существ.

Хотелось упорствовать, наверное из-за того, что ощущалась

большая непонятка: какую, собственно, роль предстоит сыграть мне на этой тайной, хрен знает как законспирированной базе злейших врагов человечества. Разговаривать с врагом, это уже пытаться понять его. Поэтому я по-прежнему обращался к Катерине:

— А с какой стати плутонам помогать нам, космикам? Только потому что мы не инертная масса? Гораздо проще просочиться по нашим сетям, внедриться в наши кибероболочки, еще более изощренно, чем в прошлый раз, увлечь нас идейкой безудержного техпрогресса и без проблем выжимать все необходимое из наших мозгов.

— Придется ему показать, что мы из себя представляем.— объявило внушительным голосом Облако.

Следующее действие не отделялось от предыдущего никакой паузой. Плутоны чурались всякой театральности и дешевых психологических эффектов.

Внезапно меня как будто выжали. Я словно лишился тела и стал вроде водяной струйки. То и дело происходили слияния с другими потоками, новые разделения и новые слияния. Каждую частицу времени я понимал себя и свою задачу по-новому. В этом непрерывном изменении моя личность переоформлялась настолько быстро, что едва успевала вспомнить себя и немного отстраниться от очередного вида деятельности. Иногда происходил распад почти что до элементарного состояния, когда я чего-то там делал, не отдавая себе отчета, сосредотачиваясь только на конкретной обязанности. Но порой случалось объединение в мегаразум, который решал, например, глобальную проблему Поля Судьбы (того самого, что все на свете предопределяет) или занимался перераспределением энергии между звездами для предотвращения космических катастроф. Ничего знакомого и обычного я не видел и не чувствовал, зато ощущал многомерность, более того, я жил в ней…

Потом я, забыв большую часть того, что со мной происходило, вернулся на прежнее место, в свое тело.

— Ну и что мне пытались доказать, Катерина? То, что мы — козлы, лохи, чушки, а они — самые крутые вундеркинды?

— Мы для плутонов как бы не существовали.— охотно заобъясняла Катя.— Для них все статичное, инертное — мертво и является не более чем почвой, гумусом, на котором можно вырастить что-нибудь динамичное, разумное. Им непонятна была наша неспособность к жизни внутри задачи, к мгновенным слияниям и разделениям, к одновременному восприятию многих инфопотоков, поэтому они отказывали нам в интеллекте, предполагая за нами лишь простейшие рефлекторные формы

сознания, свойственные животным. Мы должны были показать динамичность, то есть свой разум, и кажется усилиями службы “Алеф” кое-что удалось сделать. Кроме того, у нас общий враг…

— Об этом мы пока умолчим,— твердо заявило вмешавшееся Облако.— Мы с вами еще слишком плохо понимаем друг друга, чтобы иметь общих врагов. Хотя определенное содействие службе “Алеф” мы готовы оказывать.

Весьма неожиданно возникла стена и отделила меня от Облака и Кати. Вполне возможно, что она была мнимой. Во всяком случае, я оказался в каком-то другом помещении неопределенного размера. Я не видел себя, даже своих рук и ног. Антракт несколько затянулся. Коротая время, я стал размышлять о том, что коли база плутонов устроена на одном из наших астероидов, война с ними вовсе не была общим делом всех космиков.

Размышление прервалось, потому что рядом с собой я увидел борт грузовика. Раз — и он тускло засветился в слабом инфракрасном освещении. Если бы не жужжания и шипения аппаратуры, которые воспринимались моими рецепторами, то я решил бы, что это мираж и надувательство. А если не надувательство, тогда, значит, меня опять перебросили по хрональному каналу, только очень короткому.

Аварийный люк распахнулся, пропуская меня внутрь. Тоже хитрость — обычно он работает лишь на выход. Когда я уже загружался в шлюз, меня догнала Катя, а в рубке нас поджидал уцелевший пилот. В тот момент, когда наш корабль покидал базу плутонов, я отрубился, несмотря на то, что ускорение было ничтожным. А очухался уже почти на орбите Марса, после того как получил инъекцию тонизирующего глюкокортикоида.

— Что это со мной приключилось?— спросил я у Кати, которая улыбалась моему недоумению своим содержательным милым лицом.

— Шок от двух хрональных каналов. В первом случае ты как бы не существовал в течение секунды, второй раз — тебя не было две миллисекунды. Но этого оказалось достаточно для отключки сознания и глубокого сна на пятеро суток.

— И в течении этих пяти суток ты не пыталась меня разбудить?— спросил я и заметил, что отдыхаю не в рубке, а в корабельном лазарете. Здесь приятно мерцал успокоительный свет, токеры источали нежную музыку во внутреннее ухо, а электрические вихри приятно поглаживали кожу. Только иглы капельниц, воткнувшиеся в беззащитное тело, внушали некоторое беспокойство.

— Пробовала, Фомушка. Даже один раз поцеловала. Но

видимо ты не тот спящий красавец, которого я способна разбудить таким незамысловатым образом.

У Кати сто второй ранг мастера. А ее начальственный лик совсем рядом, чуть раскосые тюрковатые глаза с серыми славянскими радужками так ласково смотрят, что меня прямо оторопь берет. Воспоминание о том, что она большой руководитель, страшно мешает мне. Помню, какой-то мутант-оппозиционер прочирикал через сетевой эфир, что дескать Космика смахивает своими ритуалами и своей субординацией на традиционный Китай. Я не шибко разбираюсь в Китае, даже в нынешней Шэньской династии, знаю только, что там народишко попроще все время кланяется и лыбится перед гражданами поважнее. У нас никто не кланяется и веселые начальники больше лыбятся, чем подчиненные, потому что и наказание, и продвижение зависят, в основном, от карьерных киберсистем. Но при низком ранге у тебя всегда есть ощущение, что ты — просто расходный материал. И что это, в самом деле, карьерная система не желает замечать меня? Прямо даже хочется протестовать и оспаривать мудрый порядок вещей.

Я со своей койки потянулся и чмокнул Катерину.

— Спасибо за яйцеклетку.

Думал, сейчас осадит меня бранным криком или даже врежет по мордасам начальственной рукой. Ничего, обошлось.

— Спокойно, парень. Твоя инициатива тут не требуется, прибереги ее на другой случай.

И Катя сама притиснулась ко мне, заодно отшвыривая иглы капельниц. Ускорение в 0.7 “же” придавало ей приятную тяжесть, это лучше, чем невесомость, когда любовный партнер напоминает листик бумаги. В общем, стало приятно, куда лучше, чем со шмарами-мутантками из Фак-сити и шлюхоквибсерами из Сексограда. Даже не знаю почему — те ведь крутые специалистки.

Одеяло мое соскользнуло на пол. Пленка, скрывающая Катерину, разошлась посередине, как кожура спелого банана. Я оказался накрыт добротной женской мякотью. “Буфера” у дамочки оказались не слишком раскидистые, да и зачем ей арбузы нужны, а вот бедра и “булки” были весьма спелыми, интригующими. Так что на смену заочному знакомству с Катиной половой сферой пришло и очное.

Несмотря на испытание двумя хрональными каналами, кое-что во мне напряглось и устремилось в ту самую мякоть. Это сильно напоминало процесс стыковки двух космических аппаратов, где у одного штырь, у другого — приемное гнездо. Не знаю, что там испытывают космические аппараты, но у нас с Катюхой наладился свой “хрональный канал”, где расстояние

имеет меньшее значение, чем время.

Прозабавлялись мы все свободное время, вплоть до выхода на низкую орбиту Марса, оттянулась и начальница, и подчиненный, тонизирующими средствами почти не пользовались, серьезных разговоров не вели. Возможно, Катерина умело применила два эффективных средства для того, чтобы “выключить” меня после встречи с плутонами. Первое — это так называемый “постхрональный шок”, второе — любовные потехи.

Я только выяснил, что это за коробочка была примагничена мной к полицейскому охотнику. Оказалось — простенький трансквазер-хаотизатор, блокирующий хрононы, отчего гравитоны, антигравитоны, другие физические кванты рассогласовываются меж собой и исчезают. Само собой, увеличивается содержание сырой стринговой материи, и соответственно происходит резкая хаотизация. От этого столь зарегулированный объект, как космический корабль, быстро приходит в расстройство. В общем, охотнику — кисляк, а “Алефу” — ништяк.

Сели в космопорту Рынь-города тоже без заморочек, идеально скинув скорость на приемной эстакаде, где генераторы линейного гравитационного поля играли роль тормозов.

— Ну, похоже, приключения закончились,— облегченно вздохнула Катя и чисто по-бабьи пригладила волосы. (Педики так тоже делают, но их по этому жесту опознают и навсегда исправляют с помощью бластерного выстрела в задницу.)— Выходим через красный портал, там у нас свои люди.

Тут я вспомнил, что так и не узнал, почему меня взяли на встречу с плутонами.

— Об этом потом, за чашкой чая я тебе все объясню,— притормозила меня Катя, когда я только начал задавать важный вопрос.

Мы преодолели без затруднений двое контрольных ворот: мультиволнового сканирования и активного просвечивания. Наше оружие ехало на отдельном транспортере — мой мезонный прерыватель и Катин бластер.

Неожиданно из стены и из потолка вывалилось по наши души с десяток оперативников в доспехах из текучего металлопластика — Забрала шлемов во имя долбания по психике изображали рожи каких-то страшных демонов. Сразу поднялась пыль, труха. Вдобавок высыпавшие уроды швырнули ослепляющие и удушающие гранаты. Впрочем, на этот случай сработал мой хайратник, заслонив пленочным забралом глаза и нос. Я прыгнул к транспортеру с оружием, по дороге свалив какого-то раззяву-клерка. Оперативников было так много, что и стрелять им

оказалось не в жилу. Я схватил меч и перекинул бластер Кате. Следом развалил от головы до седла одного губошлепа, а напарница метким выстрелом уложила другого. Но тут попер на нас один ловкий амбал, тоже с мезонным прерывателем. Упала на пол отрубленная рука Катерины вместе с бластером. Я взвыл и пошел на сечь уже без всякого соображения. Несколько раз мой прерыватель попадал на отражающие поверхности доспехов-дефлекторов, потом заинтерферировал, завихрил при парировании вражеского меча. Едва я увильнул от острого вихря, как перед лицом возник черный шар и… случился полный отрубон — мне будто снесло голову. Я соответственно погрузился в никуда, даже не успев проклясть ту гравитационную пращу, которая ухайдакала меня.

Выплыл я ниоткуда спустя эн часов и нашел себя в довольно странном пространстве. Легкие подергивания конечностей указывали на то, что я получил приличный удар по нейронам гравитационной волной. Сейчас я пребывал в пузыре или аквариуме, заполненном какой-то жидкостью, из моего рта выходила струя и следом втекала обратно.

Слыхал я про это дело. Так гидромутанты дышат. Ведь легкие способны поглощать кислород из жидкости, если та перенасыщена полезным газом, а грудная клетка при том работает как очумелая. Она действительно у меня вкалывала крайне интенсивно благодаря адреналиновой стимуляции мышц. Это означало, что через сутки я превращусь в чрезвычайно истощенный совершенно обезжиренный труп. И, соответственно, стану напоминать жертву диетического питания, изображенную на листовке антивегетарианского движения.

— Вы думаете в правильном направлении,— это обратился ко мне через Аниму чей-то голос. Впрочем сам источник голоса виднелся через стенку аквариума довольно неприятной расплывшейся во все стороны фигурой.— Если вы не станете с нами дружить, то у вас, прямо скажем, плохие перспективы.

— Я еще не знаю, с кем вынужден иметь дело, однако ясно, что вы — варвары. Женщину искалечили, меня в банку посадили, намеки какие-то делаете. Вам нужно выдать дубину с гвоздями и тряпку для прикрытия яиц, а затем послать на Землю.

Слова в жидкости, конечно не зазвучали. Но поскольку имели вид четких нервных импульсов, направленных на голосовые связки, то были восприняты Анимой и переданы собеседнику.

— Мы отнюдь не варвары, Ф.К123,— особенно учитывая, какую угрозу вы представляете для всей Космики.

— Ой-ой, передрейфили. Без угрозы стало скучно жить?

Голос стал более резким и низким. Я ощутил его

эмоциональную подоплеку — явно принадлежал он ревностному служаке, готовому во имя святой идеи перекрошить всех и вся.

— Только не надо хамить, Ф.К123. Кислород-то в моих руках.

Тут собеседник существенно понизил процент дыхательного газа и я сразу забился как рыба на суше. Отвратительное ощущение, рвотно-астматическое.

— Стоп, стоп, начальник, давайте вежливо разговаривать. Я просто не знал, с кем имею честь.

— Мелик А965. Директория службы “Бет”, начальник отдела внутренней безопасности. Удосужьтесь рассказать, чем вы занимались во время рейса на секретную базу плутонов. Учтите, мы со всем вниманием изучили данные телеметрии, бортовые и системные журналы, записи черных ящиков и станций навигационной проводки. Естественно, что пошерстили вашу Аниму и личный мемо-кристалл. Так вот, для начала укажите название и номер астероида, на котором находится база плутонов.

Хорошенькое начало. Так ведь не поверит же бетовский сатрап, что я ни фига не знаю и еще меньше понимаю.

— Да погодите вы, коллега Мелик. Насколько я въезжаю, мы работаем в одной организации, если вы, конечно, не шпион сатурнян. У меня есть начальники, к ним и обращайтесь, потому что я действую не по собственному хотению, а по их поручению. На том Космика стоит и стоять будет.

Тут Мелик и обрисовал, что случилось с моими начальниками, передав видеоклип непосредственно на мой зрительный центр.

Начальник службы “Алеф” показан был в своем кабинете, еще точнее в туалете при кабинете. Только не было у коллеги Чертковица уже ни больших, ни малых нужд, судя по отсутствию каких-либо движений тела и лица. (А у человека, находящегося в сортире, обязательны телодвижения, я как-нибудь знаю.) Мелик тут прокомментировал, что Чертковиц скорее всего покончил жизнь самоубийством. Способ выбран довольно оригинальный, в прямую кишку через анал запущена кибермногоножка, которая, шмыгнув по кишечнику и желудку, прогрызлась в само сердце.

Я поинтересовался, почему для самоубийства выбран такой мудреный прием. А не мог ли какой-нибудь злоумышленник запустить подлую тварь диверсионным образом через канализационную трубу?

Мелик не исключил, что убийство было подстроено “непосредственным конкурентом” Чертковица — рукводительницей важнейшего отдела Екатериной М010. Это мнение, дескать, разделяется и высшей директорией Технокома.

Во всяком случае, отдел внутренних экспертиз упразднен и его функции переданы другим подразделениям, в то же время сектор безопасности службы “Алеф” переподчинен отделу внутренней безопасности службы “Бет”. Так что отчет мне придется держать только перед коллегой Меликом.

— Погодите, погодите, а Екатерина М010 арестована или нет? Что с ее рукой?— спросил я, поскольку догадался, что у дамочки серьезные неприятности.

— К сожалению, она погибла при оказании сопротивления группе захвата, которая на космодроме проверяла оперативную информацию. Но будьте уверены, останься Е.М010 в живых, ее рука была бы реинтегрирована в тело и эта женщина предстала бы перед органами дознания в совершенно целом виде.

Тут же мне продемонстрировали еще одну видеозапись. Там была показана Катя: правая рука уже отсечена, но левой она кидает сюрикен, который превращает в дымящуюся кучку трех членов группы захвата. Заметно, что все они квибсеры. Тут оперативник стреляет в Катину спину из импульсника-плазмобоя. Я вижу как из ее груди летят пламя и копоть. Она падает на живот, мне еще показывают крупным планом вывернутую вбок голову и прокопченое лицо. Ясно, что дело швах.

У меня, конечно, внутри все оборвалось. Это как же понимать, едва у меня с бабой отношения стали налаживаться, и ее тут же к ногтю!

— Суки-падлы, ну давайте, задушите меня и поскорее покончим с этим!

Коллега Мелик отреагировал сдержанно, как бы даже сочувственно.

— Коллега Ф.К123, ничего подобного мы делать не собираемся, так что больше не просите. Напротив, мы дадим вам успокоиться и более того, добавим в, так сказать, “околоплодную жидкость” расслабляющие средства. Надеюсь, у вас получится вспомнить детство, вернее пренатальный период. После того как придет покой, мы с вами потолкуем по душам. И поймите, Фома, вам не на кого положиться, кроме нас. Согласно закону за контакт с плутонами вас ожидает смертная казнь или же двадцатилетний срок заключения в каком-нибудь серном бульоне на Ио, где твердь неотличима от жидкости. Но при наличии смягчающих обстоятельств можно попасть в куда более легкую зону на Европе. Таковые обстоятельства сможем найти лишь мы на стадии ведомственного расследования. Подумайте еще и о том, что женщина, к которой вы относитесь со столь теплыми чувствами, могла элементарно подставлять и использовать вас. Вспомните, что в борьбе с плутонами Космика потеряла

двенадцать тысяч своих сыновей и дочерей, это еще не считая мирных граждан. Кого вы выгораживаете, что вы покрываете?

Произнеся надлежащие фразы Мелик ненадолго оставил меня, а я еще недолго побултыхался в ярости, а затем подуспокоился из-за нервного истощения и транквилизаторов, отчего, в итоге, сладко задремал. И это действительно напоминало сны раннего детства. А затем я проснулся и задумался.

Зачем меня взяли к плутонам? Только как бойца-телохранителя? Но эту непрестижную роль мог сыграть с большим успехом кто-нибудь из сотрудников внутренней безопасности или бывших спецназовцев.

Я не получал никакой конкретной информации, никакого определенного задания. На базе плутонов мне тоже ничего не поручали. Так, может быть, загадка во мне самом? Вдруг я стал оберткой, посылкой для чего-нибудь? Вдруг нечто ценное находится внутри меня? А именно некая вещь, которую гады-плутоны решили передать на Марс.

Получается, Катя предала меня ради своих шашней с плутонами. Все эти басистые “облака” наверняка нашли способ как подмазать ее, такую авангардную и прогрессивную.

Мои мысли стали вязнуть, будто в голове было полно каши. Катя — предательница, кидала. Я мазохистски упирал на эту идею, чтобы было не так жалко любимую начальницу. А уж Чертковиц с радостью превратил меня в булочку с сосиской. Я продан и предан — только эта эффектная фраза и звенела под черепным сводом. Одновременно я понимал, что мне просто не хватает энергии на работу ума-разума, потому что все силы тратятся на вдох-выдох.

Была еще какая-то догадка, за которую я пытался уцепиться из последних сил. Нападение на мой дом совершили ведь не плутоны, это была какая-то каверзная тварь, почти что мистического вида. Чертковиц еще такое странное название употребил — спорозоит. И мы перед ней вроде бы совершенно беспомощные дети. Может, служба “Алеф” пошла на поклон к умникам-плутонам, чтобы выпросить или выторговать у них какое-нибудь защиное средство?

После непродолжительного сеанса натужных размышлений я отрубился. Когда-то свет зажегся снова. Я лежал на операционном столе, мои ноги, руки, лоб были стиснуты захватами. Кибердоктора уже хищно зависли надо мной, изготовив свои лазерные скальпели и гусеничные зонды для проникновения во внутренности. Мединструменты зловеще шевелились в гибких металлических конечностях киберов. От их сверкания заболели

глаза, такое впечатление создавалось, что меня собираются разскоблить, размазать и распотрошить до последней козявки. Вдобавок стол (на котором я представлял обед из многих блюд для алучщих исследователей) окружали катушки сверхпроводящих электромагнитов, кольца ЯМР-морозильников, щупы, трубки и проводки прочих хищных приборов. Бетовцы расселись неподалеку, собираясь любоваться процессом потрошения с помощью широкоформатных гвизоров.

При виде всей этой рати, собравшейся растащить меня по кусочкам, меня обуяла и жуть, и обида, и ярость. Старинные инквизиторы хотя бы попеклись о моей душе, энкавэдэшники еще просили бы проявить пролетарскую сознательность. А здесь не пекутся и не просят. Для бетовских вивсекторов если я есть — существует загадка, если раскурочен — загадки нет.

Наверное, в самый драматический момент я заметил, что сквозь мою кожу проступают черные капли, одна, другая, третья, великое множество. Проступают и мгновенно набухают! Черный пот быстро стекался, сливался воедино, образовывая какое-то устройство, имеющее форму диска. Я так дрейфил этих докторов, так их ненавидел, что даже обрадовался проявлению у себя чудовищных качеств. Устройство не только возникло, но еще и заработало. Диск как будто завращался, я глянул на него и увидел зияющую воронку в своей груди. Оттуда вырвался ветер и отшвырнул кибердокторов, бетовцы тоже засуетились. Обесточенные захваты беспомощно разжались, я поднялся на ноги, походя опрокинув и растоптав операционный стол. Появились бойцы с оружием, не меньше десятка, бластерные лучи и заряды плазмы устремились ко мне. Но вихрь закружил их и понес неведомо куда, словно листики.

Полетели и люди, и предметы обстановки, в этом потоке они бледнели, размазывались, превращались в какие-то узоры, арабески. Неужели в моей судьбе принял участие какой-то мощный трансквазер? Вихрь не унимался. Вместе с тем, предметы и фигуры вытягивались, превращаясь в струи. (Позднее, когда уже вся петрушка закончилось, я сообразил, что находился в канале хроноволнового преобразования, где не было пространства, вещества, гравитации и прочих полей. Я, мои противники, вещи, предметы и даже драгоценности с деньгами оказались хилыми ручейками в тоннеле, где несутся хрональные волны.) В какой-то момент струи превратилась в разноцветные пульсирующие линии, они были снабжены указателями векторов и скаляров. Это микропроцессор трансквазера стал выдавать через мою Аниму виртуальную картинку. Замелькали надписи: “Трансквазер полностью загружен. Хроноволновое преобразование в активной

фазе. Введите новые значения хрональных потоков.”

Ага, получается, что теперь я могу переделать ситуацию “под себя”. Но неужели будет достаточно моего минимального мастерства?

Люди, предметы и явления для трансквазера были совокупностью базовых хрональных потоков. Трансквазерный процессор представлял их в виде множества линий, пригодных для виртуального управления. Как он ни старался помочь мне, линии пересекались и спутывались, образуя сплошную ткань. Мир превратился в портянку.

А я стал работать как портняжка, мои виртуальные руки ощущали пульсации хрональных потоков, тонкие, мелкие, грубые, сильные. Мысленные руки сплетали-расплетали хронолинии и перешивали ткань реального мира. Я делал ситуацию менее напряженной, а заодно более хаотичной.

Подсказки и меню, возникающие порой на виртуальном экране, помогали мне, но не слишком, ввиду своей отрывочности. Приходилось больше действовать по чутью. То есть сердце подсказывало, а виртуальные руки занимались хроноблудством.

Потом виртуальная картинка побледнела, а реальный мир вновь обрел объемность и яркость. Я видел, что одна из стен пыточной комнаты просто бурлит, словно борщ в кастрюле, переливаясь при этом всеми цветами, хрипя, рыча и жужжа. В какой-то момент бурление прекратилось, а черный диск исчез с моего тела, словно впитавшись обратно.

Можно было оценить результаты переквантизации: изменения, дополнения, даже перестройки в интерьере и экстерьере здания. В стене теперь зияла дыра, которая была не слишком аккуратной и напоминала выход из пещеры. Вдобавок помещение украсили сталактиты и сталагмиты пещерного типа. Там и сям зияли щели и трещины, из разорванных труб вырывался пар и горячий воздух, раскуроченная электропроводка искрила, насыщая атмосферу озоном.

Из десятка бетовцев поблизости осталась только парочка, которая явно стушевалась из-за внезапной перемены на сцене. Один из них был совсем рядышком, я оглушил его ударом кулака в ухо, забрал плазмобой и обстрелял того, что находился подальше. Второй сотрудник внутренней безопасности моментально юркнул в какой-то проем.

Через большую дыру я выглянул наружу, “во двор”. Исчезнувший кусок стены обнаружился на расстоянии доброй полусотни метров ниже, на земле, он стал просто кучей обломков. Восемь бетовцев валялись на камнях в разных гробовых позах, даже отсюда была заметна кровь.

Пора делать ноги — пожарный трос поможет мне спуститься более аккуратно и плавно. Но я неожиданно подумал, зачем торопиться? Кажется, я получил неплохую фору, можно порезвиться и здесь. Тем более, что злобы я накопил предостаточно. Я сжал глотку оглушенного мной бетовца.

— Ты, похоже, выступал в составе той своры, что зацапала меня в космопорту. Кто приказал прикончить женщину, которая была со мной?

— Никто ее не убивал,— довольно мужественно, но торопливо заговорил бетовец.— Ей отчехвостили руку, было дело, но, наверное, потом пришпандорили обратно.

Вот так номер. Похоже, один из видеоклипов, показанных мне коллегой Меликом, оказался ложным. И в натуре, откуда у Кати вдруг появился сюрикен?

— И где она находится? Колись быстро, а то кишки вырву.

— На этом же уровне, в блоке 4-3.— менее мужественно залепетал бетовец.

Почему не вырвать женщину из лап Мелика? Хотя кое-какую правду он про Катерину сказал: лахудра она холоднокровная; но все-таки жалко ее, пытается ведь сыграть роль мамаши для Соньки.

— Веди в “4-3”, служивый.— сказал я, хотя все время думал про себя, не слишком ли загнул по части симпатии к начальнице.

— Но по дороге два поста охраны.— ответственно предупредил бетовец.

— Это уже моя забота.— бездумно, но смело отозвался я.

Мы вышли из сильно искаженного помещения в коридор. Флуктуации здесь тоже пошуровали, испортив пол, стены и потолок. К тому же, мигающие панели долдонили, что весь уровень заблокирован и перекрыт.

Пост охраны, располагавшийся неподалеку, никак на меня не отреагировал, похоже находящиеся там квибсеры пребывали в сильной прострации после воздействия хронального канала. Я с пленным бетовцем спокойно миновал грозных монстров и почти добрался до блока 4-3, когда возникли новые помехи. У нас со спины появились новые бойцы из отдела внутренней безопасности, которых я сразу обстрелял из мощного плазмобоя. Довольно метко обстрелял — моя Анима быстро приспособилась к новой системе оружия и оперативно выдавала на зрительный центр целеуказание и целенаведение. Нападавшие явно не рассчитывали на столь решительный отпор и почти все полегли.

Плотно закрытые двери с надписью “блок 4-3” оказались более устойчивыми. Не пригодился даже код доступа, находившийся в Аниме моего пленника, и идентификатор,

присутствующий на его ладони. Возможно, потому что сам пленный скончался во время недавней перестрелки от шального плазмозаряда. Короче, передо мной неумолимо стояли запертые двери, со створками более мощными, чем у сейфа в Центробанке.

Могу ли я еще разок попользоваться диффузным трансквазером? Его процессор сообщил, что энергозапас уже уменьшился на треть, но доступ открыл. Капли черного пота опять проступили сквозь кожу и быстро стеклись воедино, образовав тарелку мрачного вида. Канал хроноволнового преобразователя вырвался из моей груди. Внутренности здания стали плоским, размазанным, потом заструились. Я снова заработал с хрональными линиями. Теперь подсказки были куда понятнее. Я четко просек, как маневрировать скаляром и вектором чистого времени, проставленными на каждой линии. Скаляр можно было уменьшить или увеличить за счет других линий, векторные взаимодействия тоже имели свои четкие правила. Когда я переналаживал линию, то фактически изменял судьбу того или иного объекта; управляемая хрональная волна производила целенаправленные квантовые преобразования.

(Если кто-то не понял об чем разговор, то объясняю еще более популярно: я не занимался проникновением в прошлое с помощью карманной машинки времени. Однако хрональные волны помогали мне, начиная с настоящего момента, пересоставить кубики большего конструктора по имени “реальность” более подходящим образом.) Ладно, толковать легко — перестройку делать труднее. Руководствовался я своим недюжинным чутьем и подсказками, но иные линии не слушались меня, выскальзывали из мысленных рук, не расплетались или же, наоборот, свивались как змеи, настроившиеся заняться сексом.

Но чего-то я добился натужным трудом! Мощная дверь передо мной задрожала как лист, пошла трещинами и разорвалась, все мешающие перегородки, люки, решетки внезапно обветшали и рассыпались во многовековой прах.

И, как результат, перед мной открылся проход, в дальнем конце которого я узрел начальницу Катерину. Заметила она меня или нет, но головой завращала, впрочем самостоятельно не сделала и шага навстречу. Эти командорские шаги сделал я.

Как она впоследствии рассказывала, на стене ее камеры появилось вздутие, затем оно лопнуло, и рваные края дыры загнулись в разные стороны — все это было похоже на последствия мощного выстрела. Но уже мгновение спустя дыра стала напоминать парадную дверь. Я торжественно появился в этом проеме, схватил насмерть удивленную даму под локоть и повел с собой. У нее, конечно, были свои субъективные

ощущения, у меня — свои, и те, и другие, как говорится, к делу не подошьешь.

Когда я с Катюхой двигался обратно, позади нас возникло странное синеватое сияние в полоску, вскоре сгустившееся в узорчатый туман, который был весьма похож на тот самый “спорозоит”, что недавно схавал мой дом. Как и в прошлый раз туман украсился сложным орнаментом, за которым стала проглядываться постылая медуза с далеко прозмеившимися щупальцами-лучами. Она, конечно же, потянула нас в свои удушающие объятия. Сразу стало дурно и погано, потерялась даже ориентация в пространстве. Тварь как будто гнездовалась в жерле воронки, в которую мы неизбежно проваливались, как ни пищи. Вот такие ощущения мне не по нутру. На Катино счастье, она, вырубившись, повисла на моей руке и наиболее захватывающих подробностей не видела. Я отдавал себе отчет, что медуза много сильнее и запросто “перетянет канат”.

Милостивый процессор трансквазера снова разрешил мне попользоваться хрональным каналом, и даже сообщил об увеличении энергозапаса. На виртуальном экране тварь выглядела еще внушительнее: она рубила мои линии, которые превращались в жалкие клубочки. Я же трясущимися мысленными руками лихорадочно сшивал свои линии и закольцовывал все мешающие факторы. В итоге хроноволновое преобразование-таки вынесло меня вместе с дамой по обломкам рухнувших перекрытий на крышу здания. Хорошо, что и женщина вовремя пришла в норму, превратившись из тяжелого мешка в подвижную особь, когда я ущипнул ее пару раз за задницу. (По дороге я еще немало извинялся перед начальниецй за свое пошлое поведение.) Тварь, по счастью, вкупе со своей ловчей воронкой приотстала.

А вот крыша здания “Бет” оказалась не ровненькой, а уступчатой, с террасами. На ней в стиле царицы Семирамиды раскинулся большой субтропический сад, где высокие и низкие деревца имели даже индивидуальную подсветку и подпитку. (А при взгляде с земли комплекс напоминал большую избушку на курьих ножках, чья двускатная крыша сплошь покрыта мхом.) Несмотря на то, что крыша заросла столь цветущим вертоградом, сферическое гравитационное поле заканчивалось лишь десятком метров выше. От марсианского Деда Мороза нас защищала лишь тонкая прослойка теплого “земного” воздуха, а красноватое небо планеты напоминало преисподнюю, адскую бездну, которая с чего-то оказалась наверху. Даже оторопь брала от того, что мы при всем при том находимся в климатическом уюте.

Тут, прервав созерцательную паузу, на вечнозеленую крышу

стали выбираться бетовские оперативники — оправились значит. Посреди магнолий и кипарисов завязался маневренный бой, причем энергозапас моего плазмобоя быстро падал. От “метких” выстрелов заваливались и обгорали шикарные деревья, вызывая острую жалость. Для обострения ситуации из зазеркалья вновь пробивалась Медуза Горгона, а вот мультипереговорник Анимы был слишком слабеньким, чтобы выйти на связь со службой “Алеф”. Сигналы же нейтринного маячка могли засечь только мощные приемники тяжелого крейсера или какой-нибудь боевой горы, бороздящей просторы космоса.

Кажется, зря я понадеялся на фору, добрые дела не улучшили моего личного рейтинга пред Всевышним. Глядя на спокойное чуть отрешенное лицо Катерины — крепкая должна быть психика у прирожденного руководителя — я подумал, что мог бы уже усвистать далеко-далеко и сидеть сейчас в тесную обнимку с какой-нибудь сисястой мутанточкой. Эх, если бы я сгоряча не кинулся спасать члена директории!

И вот, когда всем надеждам вроде бы каюк, когда меня обложили и загнали в угол, когда бластерные вспышки плавили крышу в нескольких дециметрах от моего уха, над головой завис коптер. У него были некоторые проблемы с преодолением силового поля — насколько мне известно, при пересечении гравитационной плоскости в плазменных двигателях возникают запирающие слои. Впрочем, коптер и не стал опускаться слишком низко. Из гнезда в борту вылетел шнур управляемой мономолекулы. Нитеробот опустился к нам с Катериной и, завязавшись узлами, образовал несколько люлек, в которые мы по-быстрому запрыгнули. А потом нас сдернули с крыши, заодно прикрыв огнем из мощного плазмобоя, который мигом выкосил целую оливковую рощицу. Правда, пришлось пережить несколько неприятных шок-мгновений, когда за пределами гравиполя мы заболтались в разреженной атмосфере Марса — глаза и еще какая-то требуха уже полезли изнутри наружу. Но тут створки коптерского люка распахнулись, и мы были вобраны в уютное чуть ли не материнское тепло багажного отсека. Когда отдышались и переползли в кабину пилота, то оказалось, что там Чертковиц, самолично управляет летным средством.

Что ж, надо поприветствовать нежданного-негаданного спасителя, хотя он сам во всем и виноват.

— Весьма рад, начальник. В службе “Бет” меня весьма огорчили, сказав, что у вас сильно ухудшилось здоровье, и показав соответствующий видеоролик.

Чертковиц хмыкнул, понимая, о чем это я.

— Они известные кинематографисты. Но присутствует в этой

пропагандном трюке горькая правда. Вся внутренняя безопасность службы “Алеф” благодаря множеству интриг переключена на “Бет”, у нас нет теперь своего охранного сектора. Их оперативники сейчас лезут во все щели, гниды такие.— начальник службы переключился на Катерину, которая сидела тесно прижавшись к моему боку (зауважала что ли) и заодно перешел на закрытый рентгеноканал Алеф-5, который, впрочем, был вполне для меня открыт.— Про диффузный трансквазер бетовцы уже прознали, так что проект “Человек-оркестр” придется еще тщательнее законспирировать. Нашему другу Фоме надобно пока пересидеть в вольере на старушке Земле.

Ага! Мной уже закусили, мной почистили сапоги, помыли пол и теперь, видимо, собираются вытереть задницу.

— Но ведь на нашей земной базе отрабатывается совсем другой проект — “Параллельная жизнь”.— возразила Катя.

— И ничего особенного, оба эти проекта прекрасно уживутся. — посчитал Чертковиц.— Расслабься, Катя, глянь, какой вид.

И действительно, полярная шапка густо сияла, сиреневый туман углекислотных испарений придавал ей облик большого суфле.

— И вообще, диффузный трансквазер нуждается в мощной энергетической подпитке, чтобы показывать фокусы.— добавил главный начальник.

— Значит, он получит ее с помощью подопытной Икс-структуры.— в словах Катерины прозвучал тонкий намек на какие-то толстые обстоятельства.

— Ну это в случае непосредственного взаимодействия, что пока исключено. В общем, Фома успеет забыть, что он — супермен… Катя, у нас нет другого выхода. Того глядишь, бетовцы накопят на меня компромат с помощью своей агентуры и спихнут с должности.

— Как твоя рука, Катюша?— отвлекся я на другую тему, чтобы не думать о непонятном и неприятном.

— Да пришили обратно. Бетовские врачи сказали даже, что поставили синтетический квазиживой вкладыш вместо разрушенного участка кости. “Бет” ведь готовил судебный процесс против “Алефа”, и мои показания должны были…

— Не трепись,— рявкнул Чертковиц по закрытому каналу,— ты же не знаешь, в чьих руках окажется этот обалдуй завтра.

А мне и не надо было словесного трепа, тугое женское бедро так плотно примыкало к моей ноге, что невольно возникал некоторый трепет в кровеносных сосудах, особенно пролегающих ниже живота.

— Это мы еще выясним, чего там бетовцы тебе поставили,—

вслух буркнул начальник службы, и я заметил, что он заботится о Катерине; по крайней мере его беспокоит то, что к ней в кость могли вмонтировать “жучок”. Мне захотелось поддеть Чертковица, чтобы уж не принимал меня за такого чайника.

— Послушайте, шеф, я дико извиняюсь, что невольно подслушивал ваш конфиденциальный разговор, однако мне все труднее притворяться глухонемым. Не похожа ли эта “параллельная жизнь” на ту тварь, которая заглотила мой дом и которую я видел при вызволении Катерины. И не слишком ли густо два проекта — для меня одного?

Чертковиц недовольно заерзал.

— Катя, ты должна была предупредить, что дала ему доступ к закрытому каналу Алеф-5.

— Я думала, вы знаете,— без особой виноватости парировала женщина, и ее бедрышко потерлось о меня, усилив волнение в моих жилах.

— Ну, раз так, отвечай на вопрос коллеги,— без удовольствия распорядился начальник.

— Милок,— начала она. Если стал уже “милок”, то дела мои действительно не ахти.— Поверь мне, в идеале эти два проекта хорошо сочетаются. Благодаря трансквазеру устанавливаются хрональные каналы, и возможно рациональное продуманное взаимодействие с Икс-структурой, в том числе и конфликтное.

Умеют же наши начальники успокоительно выражаться. Они тебя сперва отправят в пекло, а когда от тебя и соплей не останется, то скажут для прессы, что “при обсуждении некоторых спорных вопросов один из участников дискуссии вдруг перестал высказывать свое мнение.”

— Насколько я в курсе дела, Катерина, так называемое “конфликтное взаимодействие” — есть не что иное, как мордобой и людоедство. Это я уже имел, причем не в далеком будущем, а в недавнем прошлом. Я хочу знать, на что можно рассчитывать в следующей драке. Всегда ли сработает та секретная штука, которая сидит во мне?

— Фома, твой трансквазер диффузный, он присутствует в крови в виде микрочастиц и собирается только в нужный момент. Аппарат, сам понимаешь, импортный и этот “нужный момент” он определяет на основе собственной аксиоматики. А питание у трансквазера внешнее, он улавливает избыток хроноэнергии, выделяющийся от первичного квантирования сырой материи. Происходит это, кстати, при проникновении Икс-структуры через хрональный экран.

— Понятно, батарейки подзаряжаются, лишь когда я нахожусь в пасти у хищника.

Чертковиц счел нужным дать милостивое обещание.

— Фома, мы демонтируем диффузный трансквазер, как только накопим самую скромную информацию по его работе.

Ага, усвоил — на ближайшую пятилетку я останусь упаковкой для транспортирования и маскировкой для испытания хитренького “импортного” приборчика. Это обстоятельство не унижало мое достоинство, коего отродясь не было, а просто подавляло меня. Ведь все яснее чувствовалась: до конца своих дней я каждым своим телодвижением, каждым вздохом и чихом буду приносить пользу разным смелым проектам. А как перестану приносить, так меня сразу в утильсырье спишут.

Я как-то машинально отодвинулся от Катерины — ведь она в этом смелом экспериментаторстве не последнюю роль играет.

— Есть еще у кого-нибудь трансквазер, господа?— вопросил я, подавив огорчение недюжинным усилием.

— Пока нет. Хотя мы собираемся проводить серийные испытания на Земле. Уже отобрано несколько варваров.— сообщил начальник “Алефа”.

— Вот с кем я оказался в одной компании — с дикарями, которые задницу пальцем вытирают. Можно мне пойти и надраться вусмерть? Это последнее желание.— В моем голосе засквозила усталость, так же как и в теле, напичканном аппаратными микрочастицами.

— Увы, нет. Мы, то есть вы, немедленно отправляетесь на Землю.— отдал приказ Чертковиц.— Отбудете из Озерков; вы, конечно, в курсе, что это бидонвилль в пригородах Нового Петербурга. Оттуда стартанете на коптере-челноке, который доставит вас на орбиту, где пересядете на орбитальный космоплан, а потом… в общем, увидите. Добираться до Земли будете, как настоящий разведчик. Но там вас встретят представители спецлаборатории.

— Ага, понял. Добираться буду в капсуле, на манер кролика. А если не встретит меня представитель спецлаборатории, то попаду я на закуску к товарищам дикарям.

— Не такие уж они и дикари. Среди них, между прочим, не столь давно проповедовал великий учитель по прозвищу Ботаник. — “утешил” большой начальник.

— Ну и чему он их научил? Что надо мыть руки перед едой и чистить клыки на ночь, что нельзя какать мимо горшка и есть сладкое перед обедом…

Чертковиц поморщился из-за моего невежества.

— Отставьте свое ерничество, юноша. Он их учил не каким-то ритуальным молитвам вроде наших, а настоящей Вере в Милость Божью. Ведь на самом деле в Милость весьма трудно поверить.

— А мне во все трудно поверить: в то, что я — венец творения, в то, что эту кучу хлама, именуемую Вселенной, сотворил высший разум.

— Это у тебя от недостатка собственного разума,— поддела Катя. А Чертковиц продолжил вдохновенно, как профессор на последней лекции перед уходом на пенсию:

— Довольно легко согласиться с тем, что мир был сотворен Высшим Разумом, что Творец сделал это ради самопознания, что Он придумал законы, по которым развиваются природа, звезды, планеты и все такое, что Он создал матрицы для появления всякой жизни, что существует Единство всех естественных и сверхъестественных сил…

— А как же насчет зла и мерзости всякой, Ваше Превосходительство. Они тоже украшают Единство?— поддел я философствующего начальника.

— Можно вполне согласиться и с тем, что зло необходимо, что нельзя жаловаться на вулканы и наводнения, на микробов и разных глистов, ведь без них не появился бы, в конце концов, сам человек. Легко признать, что убийцы и садисты нам тоже нужны, иначе мы не соблюдали бы по контрасту правила хорошего поведения. Нельзя не подтвердить то, что Бог дал нам хорошую возможность плодиться и овладевать Землей, да и другими планетами и планетоидами. Но трудно согласиться с тем, что Единый любит людей, даже тех, кто старается соблюдать его Заповеди. Наградой за продуманное масштабное красиво обоснованное преступление как будто становится долгая счастливая жизнь, а вот трупы невинно убиенных превращаются в безымянный чернозем, на котором пришлые люди собирают прекрасный урожай. Ни одна религия, ни один вероучитель убедительно не доказал иного.

А этот Чертковиц не очень прост, не какой-то истукан-бюрократ. Даже Катя с удивлением почти с испугом поглядывает на него. Тем временем начальник службы не без вдохновения продолжил:

— Ботаник, в принципе, сказал следующее: не стоит с тупым лицом ждать Милости от Единого, надо добиваться ее, как это делал праотец Авраам. То есть, не стучать лбом об пол, а стучаться к Богу, за какой бы перегородкой он ни находился; искать в своей душе дверки, ведущие к Нему; зудеть Ему о том, что любить человека — это хорошо. Вот, дескать, и мы сами себя любим и потому недостатки свои, конечно же, исправим. Да, несколько парадоксальным образом Ботаник требовал в первую очередь любви к самим себе. Главная его заповедь: “Возлюби самого себя насколько сможешь.”

— Ну, тогда я здорово исполняю эту заповедь, как впрочем и любой нормальный космик, за исключением проклятых фанатов сатурнян. Я встречал немало паскудных мужиков, этаких мелких фюреров, которые очень себя любят, прямо-таки торчат от собственной персоны, а других регулярно суют под танк. Эти подлые бздуны в любой войне уцелеют, при любой революции взлетят, как голуби сизокрылые.

— Ошибаешься, парень. Мы себя не любим и не уважаем. Особенно эти паскудные бздуны, которые, на самом-то деле, себя в грош не ставят. У них комплекс неполноценности, чувство ничтожности, синдром мелкости, оттого они пакостят, мстят, подличают, гнусничают. И конец у них всегда жалкий, даже если они пробиваются в вожди мировой революции и генералиссимусы… Так вот, Фома, разве каждый из нас, почувствовав свою крутизну, свою величину, не возлюбил бы себя? У Ботаника это называется выращиванием Крестного Древа; душа растит в себе Божественное семечко, поднимаясь из грязи в небеса. Подтекст, надеюсь, ясен: Бог — это развивающийся мировой разум, который живет не столько снаружи, сколько внутри нас. То есть, в принципе, “возлюби себя” — это как раз “возлюби Господа Бога своего”.

— Лихо закручено. Ну и что, все получилось у Ботаника?

— Как бы не так. Профессиональные вероучители быстро прикончили его, чтобы не путался под ногами, слепили религию под названием второевангельская вера, сделали ее государственной и начали грести десятину… А мы, кстати, уже подлетаем окрестной тропой к Озеркам.— сообщил, закругляясь Чертковиц.— Надеваем гермокомбезы.

То, что мы приземлились где-то на задворках — я сразу понял. Помойка она и есть помойка. Под красновато-оранжевым небом навалены грудами трубы, цистерны, контейнеры, баллоны, какие-то обломки и остовы, которые мало-помалу засыпаются дюнами и прочими эоловыми отложениями. Там и сям видны следы обитания — особенно в районе “канала”, где не так вредничают пылевые бури, которые частенько случаются летом. Сквозь окна-иллюминаторы маячат огоньки жилья, яркими кляксами выглядят для моих тепловизорных глаз атомные реакторы. Все они, как один, жуткое барахло, теплоноситель и то протекает, застывая желтыми ледяными космами. Провода электропитания тянутся к насосным вышкам, которые добывают воду из-под слоя вечной мерзлоты, к большим бакам, где, видимо, располагаются оранжереи и плантации по выращиванию грибков и водорослей, к чанам-дезинтеграторам, где перегнивают и разлагаются объедки, чтобы превратиться затем в белковую

массу.

— Дальше вы, Фома, путешествуете один. Вам и посох в руки. Инструкции уже введены в ваш мемо-кристалл.— сказал, поеживаясь, Чертковиц.— А вот и проводник.

К нам, помигав инфракрасным маячком, подвалил какой-то шестипалый поц.

Я все-таки осведомился у начальника:

— Эй, шеф, все-таки за какую идею вы людей на хрен посылаете?

— За великую идею научно-технического прогресса. У нас застой, Фома. Мы с каждым годом все сильнее отстаем от сатурнян. У них к тому же есть и фанатизм, и воинственная религия, и верховный водитель. Космику покамест спасает количественное превосходство, но если мы не найдем потраву на этих фанатов, у нас будет бледный вид.

Приятно, когда начальник разговаривает с тобой на одном языке, однако возникает ощущение, что тебя уговаривают стать затычкой в чужой бочке.

— Я слыхал про их верховного водителя. Сатурняне поклоняются какому-то темному божеству, которое взяло на себя их грехи, требуя взамен преданности и послушания. И на эту задницу мы найдем болт с резьбой с помощью братьев-плутонов, которые теперь нам уже не кажутся такими страшными? Так?

— Эх ты, чудак,— почти ласково протянул Чертковиц и сделал вид, что в дальнейшем разговоре не заинтересован.— Но, прощай, Хома Брут.

Хома Брут? Я, кажется, понимаю, на что намекает начальник, но все равно внимание придется перенаправить на даму.

— И ты прощевай, Катя, хоть ты меня и подставила, а зла на тебя не таю. Видно работенка у тебя такая.

— Отвернитесь,— цыкнула женщина на своего начальника и шестипалого мутанта.— и к тому же переключитесь на другой радиоканал.

Она подошла ко мне ближе некуда.

— Фома, чего ж ты вытаскивал меня из “Бета”, если поверил Мелику?

— Сама знаешь “чего”. Чтобы у Сони когда-нибудь появилась настоящая мамаша.

— Откуда эти семейные атавизмы, Фома? Глядишь, они и меня заразят.

— Я думал, что они у тебя есть, Катерина. С чего ты бы стала звенеть, куда в итоге приплыл мой живчик?

Женщина замялась, и я стал догадываться, что меня опять накололи.

— Хотела бы иметь лучшее мнение о себе, но, тем не менее… ошибочку допустил все-таки компьютер, а я уж просто не стала отнекиваться. Сам понимаешь, всякие семейные узы и связи-привязи вызывают только дополнительное нервное истощение — это при нашей суматохе-то.

— Компьютер, блин!— очередное разочарование, а так хотелось надеяться, что хоть в чем-то сделано для меня исключение.

— Если точнее, Фома, это виновата киберсистема, заведующая карьерой. Суетиться и извещать о приплоде надлежит только высокоранжированных людей, ну, а она чего-то напутала.

— Значит, просто ошибочка вышла, поскольку куда уж мне, сопливому, высокого ранга сподобиться. Хотя можно понадеяться, что карьерная киберсистема за какие-нибудь немеркнущие подвиги и заслуги разом произведет меня в генералы.

— На это тоже не надейся,— сказала “псевдоженушка”.— Функция твоя сугубо секретная. Чем меньше людей о ней знают, тем ты дольше протянешь.

По-моему, в этой Солнечной Системе все сговорились опустить меня. Пора переселяться куда-нибудь на Альдебаран.

— Ну, ладно, красавица, разбежались.

Я уже хотел было отвернуться, но Катя еще попридержала меня за руку.

— А, может, Фома, карьерная кибероболочка и в самом деле имеет какие-то далеко идущие виды на тебя.

Неверная Катя чмокнула меня через пластик и бодро отправилась вместе с Чертковицом к коптеру. Скоро будет отдыхать в своей уютной квартирке вместе с этим хиляком. А я поплелся вслед за шестипалой муташкой в неизведанную даль.

Поползали мы с шестипалым среди всякого мусора где-то с час, ну и наконец достигли промежуточного финиша. Это был потрепанный контейнер для живых грузов, вернее жилой дом, несмотря на то, что шлюз с противным посвистом неслабо пропускал воздух. Впрочем, компрессор поддувал крепко, с ветерком. Кроме нас там была пара давно не мытых мужчин и какая-то баба с грудным мальцом. Эти коллеги, похоже, без всякого инкубатора обходились. Поддатые мужики гоняли по столу каких-то кибергномиков-футболистов и заодно лапали бабу за мясные места. Это ее никоим образом не смущало, как и то, что ребенок все время кричал и кашлял. Мне пришлось согласиться с Катериной, что сомнительных семейных связей лучше избегать.

Я не удержался и с тоски принял двести грамм “язвовки”, отчего меня вывернуло еще в челночном коптере. Тот был старый

и тряский, но, видимо, достаточно мощный, чтобы вынести меня на орбиту. Однако, хорошо, что вывернуло. Когда я пересел в орбитальный космоплан, меня развезло еще сильнее. Там я страдал в грузовом отсеке, в окружении цистерн с фекалиями, вывезенных с какого-то сателлита. Потом меня из отсека выветрили легкой продувкой, причем безо всякого предупреждения. Хорошо, что в подобных путешествиях мне всегда тревожно и я шлем не раскупориваю. Вместе со мной случайно вылетела бочка с дерьмом, которую, наверное, плохо закрепили.

Космоплан улетел, его факелок быстро стал неприметной звездочкой. Я вместе с дерьмовой бочкой стал совсем уж неразличимой кучкой и единственное утешение заключалось в том, что мы представляли искусственные спутники планеты со своим периодом обращения и высотой орбиты. В каком-то смысле компанию мне составляла и набрякшая красным ряха Марса. В районе его терминатора были хорошо заметны старты челноков, все ярче полыхал светлячок восходящего Фобоса. Вскоре стало прохладнее — кибероболочка скафандра, естественно, растягивала тепло на максимальный срок, поскольку не получила иных указаний. Меня стала донимать мысль, что Чертковиц и Катя довольно хохмаческим образом избавились от меня. Но жуткая мысль развеялась в пространстве, когда я увидел приближающийся ко мне факел. Напряжение окончательно спало, когда выяснилось, что этот борт не полицейский, а военный. Похож он был на небольшой патрульный корабль — хоть небольшой, а пеленгаторы чуткие, раз засекли сигналы моей Анимы.

Когда меня втягивала за шкирку механическая рука, я подумал, что служба “Алеф” завела какие-то шашни не только с плутонами, но и с нашими вояками. Действительно, кто, как не люди в погонах и аксельбантах, заинтересованы в техническом прогрессе и новых козырях против наглецов-сатурнян.

Я прошел через шлюз, и меня встретил капитан-лейтенант, судя по всему, командир корабля. Он был прям, как хрен после длительного воздержания, говорил сухо, глядя сквозь меня. Намучился я с такими солдафонами во время войны, хотя эти простые служаки на голову лучше, чем мелкотравчатые командирчики, которые спят и видят, как за счет твоего трупа новые лычки заработать.

— Сейчас, Ф.К123, вы переоденетесь в гермокомбез повышенной автономности, потому что средство доставки на Землю не сможет устойчиво поддерживать вашу жизнедеятельность. Кормители рассчитаны на пятеро суток, есть

еще пайковый НЗ, но вы его сможете использовать уже после приземления. Свое оружие оставите здесь, чтобы к варварам не попало.

— Коллега капитан-лейтенант, ну разве это оружие? Пукалка какая-то. Да и варвары все равно не поймут, на какую кнопочку нажимать.

Офицер не откликнулся, и я поставил трофейный плазмобой к переборке, отчего сразу стало неуютно.

— Коллега капитан-лейтенант, может хоть подарите легонький нейродеструктор, ружьишко, стреляющее глупостью, из-за которого любой свирепый варвар сразу превратится в смирного дурачка и станет радостно кушать сахар с моей руки.

Однако кшатрий не стал участвовать в дискуссии, а вместо этого продолдонил:

— Вам выдадут инъектор и набор ампул с антибиотиками, тонизирующими и стабилизирующими средствами. Получите еще навигационный прибор, который будет выдавать координаты и курсовые показатели, основываясь на векторах естественных полей Земли. Его мы имплантируем в зуб мудрости на верхней челюсти. Заранее предупреждаю, что ориентация в зонах геомагнитых аномалий будет затруднена.

Набор ампул и усовершенствованный компас — это все, что мне останется от достижений цивилизации. Попадусь первому же зверю на зуб или же первому дикарю на рогатину.

— Да, отличная у меня путевка в земную жизнь — до ближайшего душегуба. А какое-нибудь варварское оружие вы можете выдать? Хотя бы в долг.

Кэп впервые ослабил жесткий каркас лица.

— Ни одного меча у нас тут нет. Ну, разве что большой кухонный нож — сейчас матрос принесет с камбуза.

— Да, самозатачивающийся нож сгодится. Он только украсит меня.

На борту патрульного корабля удалось оправить все естественные надобности, помыться, побриться и пару раз перехватить немного килокалорий. С жалобным стоном напялил я на себя ГКБ (гермокомбез) повышенного автонома. В нем придется немало суток проторчать: пипирку извольте в трубку мочеотвода вставить, а калоотвод вдевается прямо в прямую кишку — педикам, наверное, сплошной кайф от такого путешествия. Корабль тем временем усиленно разгонялся, чтобы придать “средству доставки” дополнительное ускорение, из-за чего исполнение последних желаний было изрядно подпорчено лишними двумя “же”. К исходу первых суток полета в сторону Земли я пересел в крошечную разведывательную капсулу. Не

успел сказать “поехали” и взмахнуть тяжелой рукой, как зажглась красная панель и меня катапультнули с корабля. Наверное, мой старт был замаскирован под учебные стрельбы. Сутки подряд меня немилосердно пережимало спереди назад и даже потряхивало — сперва горел твердотопливный ускоритель, а потом включился маломощный плазменный двигатель, который должен был доставить меня на околоземную орбиту с небольшой перегрузкой.

До точки в апогее мне нечего было контролировать, поэтому я сделал себе укол крепкого усыпителя. Без долгого сна я бы быстро свихнулся в тесном отсеке, где и руки в стороны не разведешь — долетел бы до Земли еще один очумевший дикарь, не способный к упорной борьбе за научно-технический прогресс.

Мое счастье, что спанье не было электростимулированным — тогда бы я дрыхнул, пока не завершилась бы полетная программа. Фармакологический сон оказался более чутким. Я вовремя продрал глаза. И тут ознакомился с очередным “подарком”: в неверном режиме отработали маневровые двигатели, тут тебе и ускорение больше, чем следует. А не диверсия ли это? Ну, в смысле, коварные бетовцы мне подкузьмили или хитроумные соратники устроили кидняк. Но может, все прозаичнее: наши родные марсианские тараканы что-то в капсуле погрызли, вроде проводка или чипа; я ведь заметил одну зверушку, радостно выбегающую из-за панели управления.

В любом случае капсулу вынесло на низкую орбиту, которая должна была закончиться на дне океана. Я давай рулить и маневрировать по-всячески, корча из себя лихого пилота, но запасов мощности хватило лишь на пару затяжек движка. Как убедительно показала бортоболочка, приземлится мне предстояло на пару тысяч километров южнее заданной точки, не в лесотундре, а в дремучей тайге.

7. “Бродячий элемент”

Четкий прием. Дуплекс.

Дождь долбил круглосуточно — может, июль здесь такой, может циклон виноват. Я ко всему быстро привык, и к облакам, и к растительности, и к птичкам, и даже к членистоногим. (На Венере облачность и погуще, а во время боев на Япете кибернасекомые выедали человека за одну секунду.) Но вот к дождю никак я не приспособился. Если бы не пленочный комбез, то давно бы окочурился. Впрочем, элементы питания быстро садились, слишком много тратилось энергии, чтобы и согревать меня, и маскировочные цвета менять, и выводить пот. НЗ я уплел за первые три дня, размачивая едалищный порошок в дождевой воде — ручейкам и озеркам не доверял, зачем лишний раз заразу цеплять. Из порошка получалась белесая масса, непременно приторно-сладкая. Однако не приедалось, жрать хотелось неимоверно и постоянно. Первую свою дичь я схарчил на шестые сутки. Приделал дареный нож к длинному суку — получилось натуральная рогатина,— ну и прирезал какого-то жирного грызуна, вроде огромной морской свинки. Едва он сдох, как из его порезанного пуза поползли ленточки — длинные такие, почти бесцветные — гаденыш весь червивым оказался. Когда они стали свиваться в маленькие шарики и прилипать к моим сапогам, я удирать бросился. Так бежал, что напоролся на вторую морскую свинку. Убил ее со страху — эта ничего оказалась, чистенькая внутри. Хорошо, что на инъекторе имелось гнездо для прокаливания, то бишь дезинфекции игл. С его помощью кое-как удалось разжечь костерок и обжарить тварь. Замучился я, пока освежевывал, разделывал, пока жевал — челюсти устали по-страшному с непривыки. Но все-таки гордость от проделанной работы появилась, а потом и страх, который меня долго мучил — что внутри меня эти самые ленточки вьются.

После того как спалил капсулу, несколько дней не удавалось костер разжечь — чтобы хоть поэкономить элементы питания комбеза. Тут, если и прекращался дождь на час-другой, то все равно над прелой опавшей листвой столь сырой туман клубился, что любой огонь сразу сдыхал.

Деревья мрачно и красиво смотрелись — в три обхвата, высотой с башню, там и сям свисают какие-то вьющиеся побеги. Понятно стало, почему символика местной религии так тесно связана с таежными великанами. Лес густой всю дорогу сплошняком стоял. Плюс еще попадались речушки, которые я

переплывал, надув воздушный пузырь на комбезе. Плюс болотца — их обходить приходилось, потом снова плутать. Так что я, наверное, за неделю не больше пятидесяти километров намотал, если считать по прямой.

(Надо учесть и то, что земное тяготение меня поначалу сильно изнуряло. И хотя в инкубаторах и школах нашим космическим костям придают прочность, а мышцам — силу с помощью искусственной тяжести, однако накачки ножных мускулов явно не хватало. А волоконные роботы, вплетенные в мою мышечную ткань, стали сдавать уже через десять дней. Похоже, что тот мутант лысый, который загнал их за круглую сумму в сто императ, меня крепко нагрел. Муташки — все жулики через одного, но чего делать, если человеку моего ранга легально мало что положено.) И ни одной более-менее приличной тропы на ход ноги не попалось. А вот на зверье натыкался нередко, хорошо хоть, что полипептидные слизни не встречались — слыхал я, что они каким-то макаром попали сюда с Ганимеда. Облако гнуса, конечно, над головой висело без устали, также наблюдал я жирафовидных лосей, которые обращали на меня ноль внимания, объедая хвою. Встречал и кабанов, роющих траншеи, и гигантских крыс. Это были полуметровые твари, налегающие на всякую мелюзгу — червяков, упитанных личинок, жуков, мышей. Крысы пользовались палками-ковырялками и копалками, создавали подземные лабиринты и были весьма дружелюбны. Чего нельзя было сказать о волках. От серых хищников приходилось даже на ветки карабкаться и по ночам не спать, разглядываючи окрестности своими тепловизорными глазами. Но волки не очень-то за мной приударяли, а при близком контакте показали себя большими эстетами. Едва я устроил радужную иллюминацию на своем комбезе, как они замерли и только тихо подвывали в такт. В остальное время я маскировался под цвет леса — был такой же пятнистый.

Это не помешало какому-то гаду засадить в меня метательный нож с длинным трехгранным лезвием. Первого человека встретил — и надо же такое! Я, кстати, заметил его в кустах по красноватой тепловой дымке, и даже не подумал трансквазер применять. Напротив, решил, что несмотря на обывательские страхи, сейчас произойдет встреча культур и задушевные переговоры, на которых мое выступление начнется со слов: “От имени и по поручению моей цивилизации уполномочен заявить…” Когда дикарь понял, что не угробил меня, то сбежал, особливо ввиду того, что мой комбез озарился багровым адским светом. А прикинут тот негодяй был в какие-то тряпки и шкуры, содранные с бедных животных, и волосами так оброс, что морда

будто из зарослей выглядывала.

Лезвие оказалось отравлено каким-то токсином животного происхождения, а может просто было запачкано говном. Так что, хоть ранило меня в предплечье, намучился я немало. Только с третьей попытки подобрал антидот, семь часов почти в полной отключке валялся. Комбез пытался стимулировать меня электрическими разрядами по рефлексогенным точкам, но это не слишком помогало.

Когда я был почти без сознания, ко мне какие-то огромные коты подбирались и вороны на голову пикировали, чтобы клювом подолбить. Я приспособил инъектор под дальнобойный режим и всех тварей угощал хорошей порцией магнезии. Один раз я сгоряча (температура-то сорок) ампулу маленько перепутал и в какую-то птичку запустил шприц-пулю с особым снадобьем. Каково было мое удивление, когда подстреленный ворон через семь часов заговорил со мной на моем языке, моими же словами. Успел, значит, набраться ненормативной лексики и даже вполне усвоил ее, пока я лежал в горячечном бреду и ругался. Этот ворон — я его Сашей прозвал — и объяснил мне, какой надо маршрут выбрать.

А обстояло все так. К концу болезни элементы питания моего комбеза совсем сдохли, и от холода я пришел в себя. Треклятый дождь на этот момент, слава Космическому Ветру, прекратился. Луч восходящего солнца как-то пробился сквозь тучи и упал на ближайшую ветку, где располагалась черная птица с большой каплей, повисшей на клюве.

— Ну что ты вьешься над моею головой?— мрачно осудил я пернатого.

И вдруг он откликнулся совершенно осмысленным и при том грубым образом:

— Вставай, курносый. Поднимай задницу, рабочий народ. Нас утро встречает прохладой, а по утрам у молодца что-то капает с конца. Понятно, ха-ха, что речь идет о насморке.

Я решил воспринимать такую похабную речь как должное, а вдруг это секретный кибер пожаловал мне на выручку?

— Ну, встану, а что дальше? Куда переться без толку? Я уж совсем замудохался в этом лесу, не очень-то помогает знание координат и курсовых показателей. Скажи по-быстрому, кто тебя послал и с какими инструкциями?

Ворон охотно затараторил:

— Меня послал народ. Не писай, пацан, прорвемся. Мы пойдем иным путем. Вы куда, молодежь? Прокладываю кратчайшую дорогу за весьма умеренную плату, выгуливаю собак, провожу в любую часть света — цены не кусаются. Меня зовут

Ариадна. Не успеете три чугунные просвиры изглодать — а уже на месте, в пункте Б. Даю трехмесячную гарантию на тот случай, если вы попали не адресу.

Похоже, это не кибер, но все-таки. Конечно, не стоило доверяться первой говорящей птице, но я был настолько слабый, издергавшийся и замерзший, что решил поддаться.

— Мне б на северо-восток, на правый берег Обского пролива, и желательно побыстрее. А что взамен требуешь, ворон?

— Харчи, объеденье, сласти. Я балдею, мужик, от таких вещей. Въезжаешь?

— Сласти — это что?

— Дохлятина, падаль, стервь.— сразу же отозвался Саша.— Крылышки оближешь.

— Мне нравятся твои вкусы, ворон, по крайней мере, я тебе не конкурент.

— Друг мой, жаль, что вы укорачиваете свой и без того недолгий век неправильным питанием, а именно свежей убоиной. Мы, вороны, особенно соблюдающие диету, спокойно дотягиваем до двухсот, нередки среди нас старики-ветераны, которые и в триста лет дадут фору иным юношам.

Ворон стал перепархивать с ветки на ветку, показывая мне дорогу. Время от времени он напоминал мне, что я буду ему должен по сто грамм еды на каждый километр пути. И вообще его словарный запас и ассоциативный багаж пополнялись чересчур быстро. Похоже, он разговаривал со мной не сколько пользы ради, а для роскоши общения животного с человеком. Назвать Сашу робиком я бы уже не смог, потому что он не только требовал еды, но еще и покакать умел. Оставалось сделать вывод, что я вместо инъекции магнезии вколол ему “Ментокал”, средство повышающее разумность и памятливость. (То есть, управляемая вирусная инфекция добавила соответствующие гены в мозговые клетки, отчего пошли наращиваться белковые молекулы, ответственные за образование ассоциаций и мемо-области понятийной памяти.) Наверное, это непорядок. В Технокоме меня скушают, если узнают, что я подарил разум простой птице. Ладно, во всяком случае я никого не снабдил смертоносным оружием, просто еще одна божья тварь научилась использовать разные скверные выражения. Кроме того, я все чаще примечал у Саши суждения, которые он не мог почерпнуть у меня, а также из простых наблюдений за природой.

Например, когда я добыл мелкую дичь (сонную после зимней спячки ящерку) и поделился с Сашей, он посоветовал мне использовать при встрече с варварской публикой разные хитрости, иначе конец наступит раньше, чем хотелось бы. В

частности, надлежит выступать перед местным сбродом в роли “своего” парня, какого-нибудь скомороха с говорящей птицей. А для этого стоит первым делом переодеться в приличные шмотки “мейд ин тайга”. С таким утверждением я уже был вполне согласен.

Пленка моя, лишенная энергии, не только стала холодной шелухой, не только перестала обслуживать мой кожный покров, но уже не могла заращивать дыры и вообще расползалась, будто гнилая.

С помощью Сашиных советов я смастерил лук, из которого (с сотой попытки) подстрелил оленя — правда пришлось еще добивать бедолагу рогатиной. Когда убил, случился у меня шок, сопряженный со рвотой — от чувства вины. Но впервые пообедал по-человечески, вернее по-варварски, а вдобавок смастерил себе куртень. Хреновая вышла курточка, сшитая оленьими жилами, но любопытная. Забегая вперед сообщу, что портки типа “лосинные бананы” я себе смастачил из дохлого лося с применением перьев глухаря — Анима освежила мне память, и я вспомнил картинки с индейцами из энциклопедии.

А еще я припоминал все, что имел в голове и мемо-кристалле насчет варваров и дикарей, проживающих на Земле. Когда-то мы с помощью эффективных спецсредств разрушили на планете-маме кибероболочки, зараженные плутонами. У нас директор разведывательно-диверсионной службы за это сияющую звезду героя заполучил, а отупевшие земляне обрели эпоху варварства, которое было усугублено исламским революционным джихадом. И варварство, между прочим, до сих пор все прогрессирует, цветет и пахнет.

Без кибернетики у землян все выродилось и опустилось, первое время еще сохранялись очаги индустрии, но потом все технические “оазисы” были выкорчеваны набегами степняков и прочих конных хулиганов. Так что по всему материнскому Шарику сейчас техника где-то на уровне семнадцатого века с небольшими отклонениями в ту или иную сторону. Космическая империя, конечно пособила чуркам-землянам, снабдив мутантными частично разумными породами скота и устойчивыми сортами злаков. В биосферу были внесены разнообразные бактериофаги, которые пожирают особо опасных микробов чумы, холеры, оспы и так далее. Но все равно набеги, войны, казни составляют суть земной жизни, как и положено для недоразвитой эпохи. Поскольку были выведены на орбиту искусственные солнца-солетты, Сибирь расцвела и обзавелась довольно многочисленным народонаселением, а вот половина Европы и Юго-Восточной Азии оказалась затоплена поднявшимся морем.

Ну, голова, вспоминай подробности, тормоши Анима слежавшиеся слои памяти. В Европе осталось неутопленным Французское Королевство со столицей в Орлеане, со всех сторон его окружают Объединенные Арабские Эмираты и Султанаты. Еще там есть Верхнегерманский рейх с фюрером-кайзером, проживающим в Мюнхене, и мелкие княжества окрест него, часть из которых уже перешла в ислам и даже в буддизм с конфуцианством. Далее на восток лежит Польская Речь Посполита, вся из себя суперкатолическая. С ней граничит Украинская Радяньская Охлократия. К югу от Дуная и Днестра начинается могущественный султанат-халифат Великая Туркия, у которого в вассалах — Кавказ-Чечения и Крымское ханство. Если бы Туркия, раскинувшаяся от Вены до Баку и Багдада, не была занята борьбой с Иранским имаматом, то давно бы прожевала всю Европу. Так вот, к северу от Украинской Олухократии находятся обширное Московско-Петербургское Мэрство и его воинственный сосед — Черноземная Советская Деспотия, на Урале располагается Коми-Пермия, которая бьется не на жизнь, а на смерть с казанскими и уфимскими ханами.

За Уральским хребтом на берегах Теменского моря — славное Теменское Царство, которое подает большие надежды, но три десятилетия подряд подвергается непрерывным нашествиям центральноазийских орд и морских пиратов из китайского Красного Шэня. Вершиной Темении был разгром Кузнецкого Ханства. Хан Амангельды какими-то ухищрениями добился индустриального скачка, с помощью которого превратил свои владения в мощную тоталитарную диктатуру. Однако крупный теменский военачальник князь Березовский, организовав хитроумную оборону, сокрушил нашествие железных машин дотоле победоносного врага. Тот же полководец отколошматил орды, приходящие из казахских степей, и не раз трепал китайских пиратов. Степняки были одним из потоков бурной исламской реки, залившей три четверти мира, и настоящий окорот им дали только теменские войска во главе с Эзернетом Березовским. А ведь в набегах ордынцам способствовали панцирные сипахи, присланные султаном Джафаром Великолепным из непобедимой Туркии и моджахеды, направленные могучим имамом Рухоллой.

Однако наши СМИ сообщали, что теменский самодержец Макарий Зеленая Нога не доверяет князю Эзернету и собрался с ним покончить.

Я, судя по предварительным расчетам, оказался на южной окраине Теменского царства, в Ишимском воеводстве.

Саша предупредил меня, чтобы я придумал подходящую историю на случай встречи с землянами. Он посоветовал

помалкивать насчет того, что я с неба свалился — иначе прямая дорога на плаху. По его сведениям черные стражи государя и служители второевангельской церкви ведут охоту на ведьм, колдунов, одержимых, бесноватых, бомжей, ложных посланцев неба и прочих дьяволопоклонников.

Так что пришлось поломать репу, придумывая историю и легенду, старательно подбирая слова и выражения. Теменцы ведь говорят на нашем языке с примесью блатного арго, происходящего из лагерной среды XX века, и старорусской лексики. Я в энциклопедии читал, что архаизмы и арготизмы были нарочно внесены в теменскую речь космиканскими лингвистами, производившими гипнотическое обучение тамошних феодалов. Это был какой-то не шибко продуманный эксперимент, впоследствии осужденный начальством.

Саша без опоздания известил меня о том, что я вот-вот столкнусь с конным разъездом теменцев. И все равно это оказалось сюрпризом. Лес был уже не таким темным и густым, от мха не столь тянуло сыростью, улавливался даже запах каких-то ягод, когда из куста ракиты на меня вдруг выехал всадник. Наверное, я еще в противоположную сторону пялился, так что и тепловое излучение не приметил вовремя.

Первые секунды я даже не мог поверить, что встретился с варваром-ратником, что это не виртуальный мультик. Всадник был в помятом шлеме с рогами да еще хвостом, в исцарапанном доспехе с какими-то дебильными шипами на локтях и запястьях. Сам низенький, квадратненький — я сразу понял, что росту в нем не больше метра шестидесяти — но в руках лежало то ли копье, то ли меч: на древко было насажено слегка изогнутое длинное лезвие. Вдобавок у варвара имелось ружье, похожее на кусок канализационной трубы, и маленький арбалетик, приделанный прямо к наручи. Глазки-бусинки, глубоко утопленные в лицо, выражали какой-то рефлекторный ум. Единорогов я, конечно, видал и даже трогал в зоопарке, но этот зверь был приземистый, запаршивевший, сопливый, вонючий, с зубками страшновато крупными. Резцами-лопатами он потянулся к моей ноге, отчего сразу стало зудежно в коленке. Вдобавок с длинного седла спрыгнул здоровенный пес, собака Баскервиллей, сущий Цербер, с широкими лапами и огромными челюстями, как у динозавра. Шею и грудь этого чудовища прикрывала кольчуга, а низкий лоб и макушку защищал шлем, похожий на миску. Пес не залаял, а только утробно прорычал, но этого было достаточно, чтобы вызвать обильный и холодный пот. Всадник тоже рыкнул:

— Замри, парень, а то убью.

Конечно, произнес он эту фразу более нечленораздельным

языком, со странными интонациями и огласовками (“А ну-ка сдох, пацан, не то укоцаю, бля”), но в общем я его понял.

— Ты человек или зверь лесной?— продолжил мой собеседник.

— Это я-то зверь?!— пришлось возмутиться мне.

— Потом разберемся. Беги рядом и не вздумай рвать когти,— распорядился варвар.

— Я с говорящей птицей.

— И птицу бери.

И пришлось бежать. Конечно, я пустил в ход трансквазер, чтобы организовать отрыв от зловонного варвара. Поработал с хрональными линиями. Вроде бы даже изменил реальность. Но канал хроноволнового преобразования снова меня к всаднику привел — что-то на Земле трансквазер сразу не так стал работать, не очень-то ему поддавались местные хрональные потоки.

— Ты, пацан, не балуй, бесполезняк,— сказал при новой встрече квадратный воин.

— Я… я заблудился.

— Держись меня, и все будет хорошо. А потеряешься снова

— плохо тебе станет.— намекнул варвар. И к его мнению пришлось прислушаться.

Всадник на время как будто забыл обо мне. То есть, маршрута для меня он не выбирал, так что приходилось перепрыгивать через рытвины, перелезать через поваленные стволы и продираться сквозь заросли кизила. В любом случае я больше не попробовал вильнуть в сторону и дать деру. И, наверное, правильно. Морда пса теперь находилась на постоянной дистанции в тридцать сантиметров от моих икр.

Неожиданно я оказался на полянке, где было несколько десятков конных бойцов при оружии, да еще со вьючной скотиной. Через полминуты они оказались со всех сторон от меня. Единороги, лошади и барады (помесь лошади с бараном) в столь большом количестве могли бы шокировать любого даже самого мужественного космика своим ржаньем, блеяньем, снованием и запахом. Вот такой натюрморд.

— Что ты за человек?— обратился ко мне всадник предводительского вида — судя по золотой насечке на панцире.

— Из плена бежал.

— Теменский?

— Точно так.— сказал я, хотя понимал, что предводитель недоумевает моему акценту.— Из Большой Орды убег, меня туда в десять лет украли, совсем уж русский забыл.

— Ладно баешь, да не верю. Непохоже, что из ты из Орды бегунок. Пленным ордынцы кое-какие жилы подрезают, если

используют их для работы в поле или на бахче. А ты не хромой, и на полевого работника не смахиваешь, белый чересчур, даже синеватый, да еще и хлипкий.— разоблачил меня предводитель.

Придется модифицировать версию, учитывая, что под марсианским солнышком я не слишком загорел.

— Меня на чистой работе держали.

— Один хрен — вранье. Кому при доме предстоит трудиться, тому тюрки яйца отнимают. А ты вроде целый, хотя можно и проверить.

— Уймитесь сомнения,— проверещал Сашка, садясь на плечо. Вовремя появился.

— Я народ потешал. Вот птица у меня говорящая.

— Ну, допустим, поверил.— сообщил после некоторого раздумия предводитель.— Поверил, но еще проверим. С нами отправишься, дерьмодей. Правильным покажешься, возьму тебя в боевые холопы, неправильным — скормлю псам и глазом не моргну.

— А как же мне домой попасть, начальник?

Предводитель не желал думать на эту тему.

— Нет у тебя дома, так что ты не рыпайся. Был ты како сопля, повисшая на носу, совсем бесхозный, а я тебя подобрал. Коли будет от тебя толк, послужишь с честью в государевом войске, окажешься бестолковым — попадешь в пахотные холопы, тогда землицу тебе ковырять до скончания дней своих.

— Стойте, разве нет у вас людей, которые бы вольно бродили по стране, имея случайные заработки?

— Есть еще такие — скоморохи, целители, волхователи, попрошайки, шлюхи,— но все делается, дабы вычистить эту бесполезную погань. В государстве нашем имеют право существовать под крепкою рукой государя ближние его слуги-советники, царские стражи, именуемые “черными”, ревнители второевангельской веры, каковые заодно учителя и лекари, ратники-дворяне, городовые воины-стрельцы, чиновные люди, то бишь думные и приказные дьяки, работники-подмастерья и посадские мастера, купцы мелкие и большие, крестьяне, к земле прикрепленные, и пограничные казаки, ну еще рабьи мужики-холопы всех видов: пахотные, боевые, рудничные и так далее. Всем определено место, подчинение, имение и питание, никто не лишний в государственном теле. Ну а того, кто неразумно пытается быть вшой-кровососом или блохой-попрыгуньей — к ногтю.

Так я стал боевым холопом. И хозяева у меня были, во-первых государь Макарий II Чистые Руки, а, во-вторых, сотник Председателев, у коего дедушка, судя по фамилии, возглавлял

колхоз. Выделили мне приземистую лошадь, бывшую вьючную, которая страдала поносом и чрезмерным газоотделением; помимо меня она еще тащила пару мешков картохи. А в мои обязанности вменили собирать хворост для жарки и варки, ухаживать за ездовыми животными, мыть котлы, стирать и все такое, что полагается новобранцу. Обижать не обижали — ведь я из Орды уже синеватый пришел (помог все-таки марсианский загар).

Две недели я слонялся с конной сотней по лесу, вернее по просечным полосам и вдоль засек, от острожка к острожку, от одного дозорного гнезда до другого. И при том смещались мы не к северо-востоку, куда мне надо было, а скорее к западу, куда не треба. Успел я за это время освоиться с весьма небольшим, но странным словарным запасом варваров, бесконечными “бля” и “один хрен”, визгливыми интонациями и грубым акцентом, с их примитивными замашками, сморканием влет, ковырянием в зубах (с помощью кинжала), звучным пусканием ветров, и активным употреблением рук при разговоре. Привык к убогому быту, к грязи и даже к укусам блох. Что ж, в почесывании есть свой смак — рекомендую эстетам, пресыщенным всеми иными удовольствиями. Пару раз у меня начиналась какая-то лихоманка, но потайной инъекционный пистолет пособлял мне оздоравливаться и заодно приобретать специфический иммунитет. При мне трупоедка укусила человека — так, что он ничего и не почувствовал, а спустя какой-то час стал сизым раздувшимся трупом, внутри которого все ходило ходуном. Видел я, чем кончаются истории с серыми мухами — они заползают в задний проход, превращаются в личинок (регрессивная трансформация) и вылезают через рот. Хорошо хоть, не через ухо. Пожалуй, червяги в сравнении с этой хреновиной довольно милы. А еще тут все, даже самые бесстрашные рубаки, бледнеют при мысли о клейковине. Я так понял, что это известный мне полипептидный слизень, впрочем, гнездовья у него, как правило, севернее — в лесотундре.

Между прочим, один из конников даже показал мне, как надо поднимать и опускать саблю, и коим образом махать секирой. Так что я быстро одичал. Но с другой стороны, мне взамен индейского наряда дали обмундирование, которое осталось от одного бойца, откинувшего сапоги из-за чего-то похожего на малярию. Выжарил я над костром вшей, гнид, пиявиц и напялил на себя. Ничего, вид бравый — только в животе слишком большой простор получился, а коротковатые штанцы не достают до голенищ сапог. Говнодавы были огромные, разношенные, но накрутив уйму портянок, кое-как подогнал оба калибра.

Саша, как ни пытались бойцы его отогнать или подстрелить, следовал за мной. По крайней мере, он первый узнавал, что меня собираются отправить на стирку или по ягоды.

Однажды так же буднично, как и про стирку, он сообщил, что наш отряд вот-вот напорется на большое конное воинство тюрков. Я, конечно, не поверил, что вот-вот должна начаться рать. Но все получилось столь же неожиданно, как и в тот раз, когда я наткнулся на отряд Председателева.

Враги ехали по дну мшистой лощины, склоны которой к тому же заросли густыми зарослями кизила. Люди сотника Председателева заметили ордынцев, когда до тех оставалось шагов сорок. У наших была некоторая фора, они находились на возвышенности, и кизил выступал в роли заграждения. Председателев не сдрефил (удирать было бы худшим вариантом), его конники выстроились уголком, с обеих сторон от лощины, и стали поливать ордынцев свинцом. Когда тюркские кони пытались вынести своих всадников вверх по склону, их встречали мечи-секиры, рога и копыта теменских единорогов, а также и сильные челюсти боевых псов, которые могли и руку пополам перекусить.

Тюрки десятками скатывались назад, кто с рваным горлом, кто с пробитой грудью, кто с расквашенным животом, кто отдельно от своей головы. Однако наши цепи, протянувшиеся вдоль лощины, оказались короче вражеской колонны, и на флангах ордынцы довольно спокойно преодолевали склон. Вскоре завязалась рубка в окрестностях оврага. Поначалу сотня Председателева успешно противостояла тюркам, но полку врагов все прибывало.

И тут я почувствовал, что скоро дело дойдет и до меня. Собственно, коммюнике с поля боя доставлял мне Саша, потому что я пребывал в обозе, где сгрудились вьючные лошади и бараны. Сам я видел поначалу лишь спины дерущихся конников Председателева. Потом битва с рубкой, колкой и сечей, с жуткими воплями, кровавыми фонтанами, разрубленными телами предстала передо мной воочию, но как будто голофильм на экзотическую тему. Я был психологически еще далек от всего этого. Однако в какое-то непрекрасное мгновение заметил, что прямо ко мне, невзирая на мою психологическую отдаленность, скачут трое прорвавшихся ордынцев, а там уже стало их пять и даже семь. Рядом же со мной находился только один казачок не слишком богатырского вида. На плечо сел Саша, который неустанно проводил воздушную разведку.

— Атас, хозяин, надо улепетывать, если вы только не собрались повторить подвиги Евпатия Коловрата. Я заметил

лесную тропу по которой можно беспроблемно отвалить.

Но, прежде, чем я смог чего-нибудь сообразить, на нас с казачком налетело с десяток ордынцев, среди коих были сипахи из самой Туркии в красных тюрбанах. Мы успели выстрелить из пищалей, положили двоих, но тут казачка срубили, а мне в грудь направилось сразу три копья с длинными и широкими наконечниками.

Перед этим пару минут я уже слезно обращался к процессору транскваззера, но тот отделывался равнодушными ссылками на низкий энергозапас и бессмысленными советами — типа “сесть с нукерами за стол переговоров”.

Впрочем, когда меня должны были уже нанизать на вилки, сконденсировался-таки черный вращающийся диск.

Из-за этого вражеские всадники и заструились вдоль канала хроноволнового преобразования. А я стал играть хрональными линиями, пытаясь перенаправить свою кривую в лучшую сторону и завязать жуткими узлами вражеские хронопотоки. На сей раз быстро выпутался из положения, может, потому что неподдельный ужас усилил все мои способности. Между прочим, я не дрейфил даже при виде вражеского крейсера, ощерившегося гамзерами, которые превращают в радостный свет все живое и неживое на расстоянии миллиона кэмэ вокруг. Но от этих оскаленных ртов, выпученных глаз и засохших трофейных голов, подвешенных к нукерским поясам на манер орденов, меня явно пробрал мандраж.

Когда пейзаж вновь стал объемным и ярким, вблизи меня никого не оказалось. Я перескочил в телегу, установил на ее бортике три пищали. Успел хорошо прицелиться, когда в мою сторону поспешило четверо ордынских нукеров. Выстрелил метко, трое тюрков выпали из седел и давай бороздить башками землю, запутавшись ногами в стременах. Когда подлетел ко мне последний, его единорог не смог добраться до меня — телега мешала. А мне было сподручно крутануть мечом-секирой, и попал я по горлу самому туркийскому сипаху, так что брызнули алые фонтанчики артериальной крови.

Затем я перескочил на мелкую, но крепкую лошадку и двинул в лес, по дороге засадив пику в еще одного ордынца. Путь пролегал среди деревьев и доставлял массу острых ощущений: каждая низко расположенная ветвь угрожала снести мне кочерыжку. Только через пару часов решился я притормозить своего конька-горбунка. Тут и ворон Саша, сев на луку седла, мигом ее обгадил.

На привале решил я теперь пробираться до левого берега Обского пролива, а там уже найти способ переправиться через

двухсотмильный водный простор — на правый берег. Нынче у меня были коняга, пищаль, берендейка с кремнями, порохом и пулями, плюс еще пика. По шляхам и торным тропам я старался не ехать, предпочитая обочины и темное время, так что долгое время ни один дозор не пытался меня прихватить. В итоге, со своим поводырем преодолел еще километров триста к северу-западу.

Но к концу недели я попался разъезду черных стражей, причем ночью. Не помогло тепловое зрение, потому что сидели она в дупле гнилого таежного великана. Не помогла и история о побеге из ордынского плена. Было признан я дезертиром от царской службы и клонилось вроде к тому, чтобы отсечь мне башку.

Пока тянулось неспешное разбирательство в каком-то приказе, я сидел колодником в столичном кандее, где крысы были лучшие друзья человека. Однако Саша проникал через вентиляционное отверстие, гонял нахальных грызунов и даже приносил мне кое-какую еду, включая красную рыбу с неведомого праздничного стола. Иммунитет мой уже достаточно укрепился, чтобы я мог обойтись без инъектора, который у меня, естественно, отобрали. Сохранилась только единственная шприц-ампула с гипноделиком. Едва ее не потратил, когда на меня кинулся какой-то сокамерник с криками:"Беса споймал". Задушить он меня не задушил, только сопли выдавил, а затем Саша его угомонил профилактическим ударом клюва в глаз. Над поверженным телом пернатый друг произнес епитафию: “Плохо, когда голова не варит, а руки делают.”

С тех пор меня никто не пытался обидеть, однако все попытки дать деру с помощью трансквазера заканчивались ничем. Тюрьма представляла из себя катакомбы и каждый раз хрональный канал заводил меня в один из углов этого заколдованного подземелья. Я еще раз убедился, что на Земле хрональные линии, ниточки судьбы, то ли менее податливы, то ли находятся под чьим-то более сильным воздействием. Можно было назвать это магией, можно — бесовщиной, можно — истощением энергии трансквазера. Его процессор вскоре перестал реагировать на просьбы и только вежливо намекал, что, дескать, поищите другой более простой и экономичный выход из положения. А простым выходом из положения, даже в лучшем случае, являлось усекновение моей повинной головы. И вообще тут быстрый снос башки считался мягким наказанием — так сказать, легко бы отделался. За серьезные проступки сажали на кол и вешали за ноги. Один зек-колодник с раскосыми глазами, сказывал, что это еще ничего — в красном Шэне за непочтительность к властям

преступника помаленьку скармливают рыжим муравьям или бросают в яму с черными скорпионами. А вот в Орде беглым рабам ломают позвоночник или снимают кусками кожу. В Туркии любят варить “неверных собак” в больших котлах. А вот в Верхней Германии специализируются на медленном поджаривании “ведьм” и “еретиков”. Это мне поведал немец-контрабандист по имени Ахмет, человек с большими смоляными усами и в кепке-самолете. Кроме того, из-за голодухи так свистело в моих кишках, так надолго пропал стул, что и казнь не воспринималась особо огорчительно.

В общем, меня собирались “слегка” наказать, но тут понадобились весельные рабы для морского похода вдоль западного побережья Теменского моря. И, забыв даже выпороть батогами, меня усадили на скамью галеры-кадорги. Вместе с другими штрафниками я работал веслом (слава Космическому Ветру к той поре моя мускулатура достаточно окрепла), или же тянул суденышко батрачьим образом. Река Тура довольно быстра закончилась Теменским морем, и после недельного перехода мы вышли в Обский Пролив. Там состоялось решительное сражение с шэньским флотом, во время которого линия теменских кораблей была рассечена громоздкими джонками, наша галера оказалась пробита ядрами с ближней дистанции и оперативно отправилась на дно. Надсмотрщик оказался милым человеком — он освободил меня от кандалов, чтобы я помог ему добраться до берега: плавать мастеру кнута еще не приходилось. И я бы честно помог, но его проглотил морской змей, который на мой взгляд был все-таки очень длинной и зубастой рыбиной типа мурены.

По счастью я не ознакомился с этими зубами, каждый из которых напоминал кривой меч, меня направлял парящий над водами ворон Саша. А затем подобрали китаи-шэньцы, которые хотели вдоль правого берега Обского Пролива выйти в Северный Океан.

У них после битвы был большой недостаток матросов, поэтому пришлось мне полазать по вантам и походить по гафелям на высоте полста метров от бушующего моря, причем еще в наручниках — высота с мачт этой джонки выглядела весьма впечатляющей. Ободряли меня только Сашины слова, который устроил себе гнездо в “вороньем гнезде” на топе грот-мачты. И еще я старался не вспоминать, что при тутошней силе тяжести лучше лишний раз не падать.

Тем временем навигацкий прибор, вмонтированный в мой зуб мудрости, показал, что я не так уж далеко от места назначения. Ночью я ручным образом всадил шприц-ампулу гипноделика в китайского надсмотрщика и он немного посопротивлявшись,

покорился мне. Помог мне украсть и спустить на воду ялик, отчего я смог проплыть милю, отделяющую джонку от вытянутого в море мыса. Причем я ежесекундно ожидал, что меня волна опрокинет или появится один из белых медведей, которые здесь тянули на размер касатки и охотились на синих китов, а то и кашалотов. (Я однажды видал их битву с борта джонки — это не для слабонервных. Кит взмывает, падает обратно в воду, а в спину впился и кромсает ее мишка. Кит ныряет и выныривает уже без медведя, но зато его оплел гигантский морской спрут.) Но ничего, обошлось без встречи с крупными зверями, и я благополучно добрался до берега.

Потом был еще стокилометровый марш-бросок по болотистой лесотундре, где все кишело пресноводными коркодилами, гигантскими медузами, трупоедками и было полно клейковины — даже более незаметной, чем на Ганимеде. Один раз я таки — вляпался в нее, но Саша вовремя закаркал. Она не успела пустить свои щупалы-волоски в мои нервные центры, поскольку я прижег ее факелом, заодно обжарив полноги.

Когда добрался до нашей базы, меня долго признавать не хотели, особенно группа безопасности в лице ее начальницы К911. Все считали меня за варвара — впрочем и говорок, и запашок, и внешний вид у меня были соответствующие. Они считали, что хоть у меня Анима имеется, все равно я из каких-то резервных нелегалов. Только ментально развитый Саша убедил коллег в обратном. Он, в отличие от меня, еще помнил словосочетания: “пренебрежение человеческим фактором” и “преступная халатность”. Кстати, начальница группы безопасности Мара К911 вскоре сменила гнев на милость. Большую чисто женскую милость.

8. “Каждый — лишний”

Четкий прием. Дуплекс.

Сверхсекретная база службы “Алеф” располагалась под поверхностью болота в торфяных слоях. И структуру имела типа звездочка-радиолярия, вернее ее составляли несколько таких радиолярий, нанизанных на общий осевой ствол. В центре одной из “звездочек” находился испытательный блок. Я догадывался, что там испытывают Икс-структуру, но обилия мыслей по этому поводу не возникало. В горизонтальных и идущих под уклон тоннелях-лучах “звезд” располагались все системы жизнеобеспечения, мониторинга, связи, безопасности и так далее. Здесь же находились жилые отсеки. Концентрически

расположенные коридоры соединяли “лучи” по диаметру. Работенка у меня была мелкая техническая, типа наладки аппаратуры для наблюдений в области геофизики. Дезинтеграторы-интеграторы белковой жрачки тоже лежали на мне, так что приходилось вставать пораньше во имя обеспечения завтракающих псевдокашами.

Долго капал я начальнице группы безопасности, что выпивать надо не под белковый пластилин, а под дичь. Наконец, добил коллегу. Разрешено мне было выходить раз в неделю в варварской одежке — которую правда пропитали квазиживым защитным веществом — и охотиться. Коркодилье мясо было ничего на вкус, а особенно народу нравились яички — я имею ввиду то, что лежало в кладках на болотных кочках. Но самое главное объедение заключалось в олешках. В выслеживании рогатых животных мне изрядно Саша помогал. Кстати, больших трудов стоило сохранить его при себе. Ворон мужественно выдержал все дезинфекции и все анализы, и наконец получил справку о своей идеальной чистоте.

Спустя пару месяцев мне поручили кое-какую работу в испытательном блоке, где содержалась эта самая “Икс-структура”. Довольно странную работенку пришлось выполнять. Я вносил в демонстрационную камеру разные предметы, устанавливал их на штативах или фиксировал в точках зависания гравитационного поля. Переборки помещения имели тьму мелких отверстий, каждое из которых снабжено было сверхпроводящим регистратором магнитных и электрических возмущений, а в пол и подволоку были вмонтированы датчики квантов и частиц. Но доступны мне были только мелкие частности, а общего я понять не мог, хотя вместе с руководителем эксперимента наблюдал за происходящим в камере визуально и с помощью гвизор-мониторов. Где-то с полчаса глазел и даже дольше, причем, меня, как и прочих людей, отделял от самой рабочей зоны сверхмощный антихрононовый барьер. Надзирающая кибероболочка сообщала на экранах о каких-то трансформациях и конвертациях, но ее кодированный язык был для меня птичьим языком.

На мой взгляд, в камере ничего особенного не происходило. По крайней мере, поначалу. Предметы упорно оставались теми же самыми предметами. Впрочем, спустя полчаса на них направлялись мощные разрушительные лучи антихрононовых бластеров, и тут глаз подмечал чудеса и диковинки. Некоторые подопытные предметы вдруг приобретали подвижность, оплывали, превращались в какой-то первобытный орнамент из извивающихся макарон, в арабески из ползучих нитей, которые,

немного погодя, завивались колечками причудливой вязи и исчезали без остатка. Насколько я разбирался в показаниях дозиметрической аппаратуры, не отмечалось ни электромагнитного излучения, ни тебе потока быстрых частиц. Нарушение базового закона сохранения энергии — такое вот обвинение можно было предъявить по поводу столь бесследного исчезновения. Но кто будет отвечать за эти фортеля?

В камере проходили испытания и разные минералы, и пластики, и детали из сверхпрочных волоконных сплавов титана и неодима — все рассопливливалось.

А потом настала очередь и живых объектов. Сперва это были микробы — с ними почему-то никаких изменений не происходило, но бластеры бесхитростно истребляли несчастных. С крупными растениями было иначе. Их постигала трансформация, каковую мы сразу воспринимали по магнитной ауре. Какой-нибудь преобразованный кактус мог достаточно долго противостоять десятикиловаттному бластеру, а потом, еще сохраняя облик растения, принимался увиливать от разрушительных импульсов: изгибался, ползал, даже прыгал. Ну, а в итоге все равно превращался в червивую узорчатую кашу.

То же самое случалось и с малоподвижными улитками — они просто скакали, как лошади.

С крысами творились еще более странные вещи. Сперва преобразование затрагивало только часть из них — наиболее пассивных и унылых особей. Так вот трансформировавшиеся крысы активно приманивали обычных, причем, как правило, противоположного пола. Кончалось это тем, что трансформанты поглощали обычных собратьев и сосестер. Происходило это так. Одна крыса оседлывала другую, словно для копуляции, потом раздувалась и одновременно расплывалась, превращаясь как будто в странный густой вихрь. (И опять-таки нечто подобное я видел в музее первобытного искусства, в орнаментах неолитических кувшинов.) Вторая крыса не могла освободиться от объятий первой, как ни билась, и, постепенно сникая, давала себя впитать. После этой процедуры сильно разбухший трансформант делился, совсем как микроб, на две особи. Две новые особи, получившиеся после деления, какое-то время напоминали пузыри с отростками, шипами, зубчиками, но довольно быстро оформлялись во вполне взрослых крыс. После этого они могли пройти еще одну фазу деления.

Так что, верь не верь, а все процессы у крыс-трансформантов проходили как бы на манер микробов и простейших. Получалось, что наша лаборатория создавала каких-то оборотней. По крайней мере, существ способных к активной мимикрии.

Потом были еще жуткие опыты с волками. В одном случае самец-трансформант впитал волчицу. Она на глазах истончилась, сплющилась и втянулась в бок оборотня, который напоминал какой-то водоворот. В другом случае отчаянно визжащую самку с помощью телескопического сеточного захвата вовремя отделили от трансформанта, но она успела потерять зрение, большую часть полезных рефлексов, значительную часть веса и гемоглобина в крови. Еле потом выпестовали бедное животное. Еще я услышал, как руководитель эксперимента шепнул своему помощнику насчет потери двух десятых секунды на хрональный канал.

Впрочем, был случай, когда матерый волк и не поддался волчице-трансформантке.

Когда я поглядывал на эти поглощения, конечно вспоминал то, что случилось с моим родным домом. Похоже, есть тут что-то общее.

Икс-структуры и тут и там. Страшные твари, вызывающие дрожь зубовную и слабость в коленках, даже в том случае, когда находятся за мощным силовым барьером.

Конечно же, служба “Алеф” обязана привлекать к борьбе с ними даже извергов плутонов. Но она, похоже, взялась и за то, чтобы искусственно выкармливать “свою” карманную Икс-структуру. Это означает, что либо “Алеф” сама спродуцировала гадину, напавшую на мой дом, так сказать провела испытание на собственных сотрудниках, либо просто попала под удар каверзного противника…

И зачем в меня вживили трансквазер? Затем, чтоб в один прекрасный момент я начал общаться с Икс-структурой на одном языке и узнал бы от нее много интересного, прежде, чем она меня схарчила бы. Насколько я врубаюсь, и Икс-структуры, и подаренный плутонами прибор имеют одно общую способность: умеют превращать пространство, вещество, излучения в чистое время, в судьбу, которую можно изменить и исправить.

Короче, в результате незрелых размышлений накопилась куча вопросов, не имеющих ответов. Все попытки подольститься к руководителю эксперимента Штейну Е749 и его помощникам потерпели облом. С таким же успехом можно было бы вопрошать гору Олимп. Эти высокоученые козлы-брахманы смотрели на меня, как на примитивное млекопитающее; вернее, как на одноклеточное. Что уж говорить о более значимых персонах, вроде начальника научной части и командира базы. У меня были некоторые неформальные связи с начальницей группы безопасности (собственно через нее я получил право на охоту), но строгая кавалерист-девица, произведенная на свет в военном инкубаторе на Каллисто, никаких вольностей не позволяла.

А вот задавать вопросы через кибероболочку означало немедленно засветиться. Впрочем, пока я бороздил на брюхе вентиляционную систему базы, проверяя фильтры, то приметил, что у испытательного блока есть другие входы, другие демонстрационные камеры и другие пультовые. Вот если бы пробраться в одну из них и выведать, что же за тварь находится в активном секторе блока и с чем ее едят.

В ночь, свободную от вахты, я покинул свою каюту, хотя Саша настоятельно советовал мне ничего не предпринимать. Я прополз по лучевому вентиляционному тоннелю номер 5А12 до самого испытательного блока и оказался перед кодированным люком, за которым, как мне казалось, находится еще одна пультовая.

На удивление легко мне удалось взломать защиту при помощи небольшого ключ-процессора, который я притащил с собой. Через открывшийся люк я действительно угодил в резервную пультовую. Запасная демонстрационная камера не была отрезана от пульта антихрононовым полем, поэтому я сразу увидел, что она ничем не отличается от основной. На потолке и полу имеются ячеистые излучатели гравитаторов, на пористых переборках смонтированы регистраторы электрических и магнитных полей.

Я врубил терминал, собираясь поработать на самом низком уровне, без участия кибероболочки испытательного блока. Для отвода ее глаз пустил блокировочные оповещения, что, дескать, идет техосмотр аппаратного хардвера. Кстати, удалось лапшу на ее кибер-уши повесить — она слабо вякнула, но тут же заткнулась и больше не возникала. Под флагом ремонтных работ я отсек накопитель с приличной базой данных. Уже подключался к ней через нейрошунты своей Анимы, уже полетел по глубоким ущельям каталогов, как вдруг почуял неладное.

Оторвался от базы данных и… опух от неожиданности. Демонстрационная-то камера уже перешла в рабочее состояние, а силового барьера нет как нет.

Мне естественно захотелось немедленно покинуть испытательный блок. И тут облом, люк уже не пускал меня в обратную сторону, как я ни вертел ключ-процессором. Похоже, придется торчать здесь, пока не появится утренняя вахта, и тогда сполна принять наказание. Интересно, что мне выпишут: карцер, пяток дополнительных нарядов или выстрелят мой ненужный организм в космос.

Я предавался дисциплинарным мыслям, пока не понял: есть напасти пострашнее, чем карцер и наряд на камбуз. Почувствовалась какая-то тянущая сила, с каждой секундой мощнеющая, все более действующая на зрение и сознание

вообще. Неужели в камеру стала проникать магическая Икс-структура, намереваясь превратить меня из нормального номерного космика в трансформанта? Как же быть? И так я был незначительной личностью, близкой к нулю, а теперь рискую сделатся отрицательной величиной, каким-то патогенным микробом — и все люди будут рукоплескать, когда мне конец настанет.

Опять я в ловушку попался!

Быстро меня сегодня закупорили. И не верю я ни в какие случайности. Мне помогли без особых хлопот проникнуть в испытательный блок и отмазаться от кибероболочки. В итоге, из меня получился отличный, чисто человеческий материал для проведения смелого эксперимента.

Тяжесть нарастала, накатывала волнами, вызывала тошноту и жар, сменяясь легкостью необычной, меня как будто придавливало каменной плитой, а затем уносило быстрой рекой. В моменты смягчения я вроде получал сигнал от КОГО-ТО: дескать, ты ведь хотел быть со со мной, поэтому не сопротивляйся, я дам тебе легкость, я дам тебе радость.

А потом пытка начиналась по-новой. Множество мелких клещей как будто выдергивали ядрышки из моих клеток, а может даже и атомов, а заодно изнуряли душу.

На месте одной из стенок камеры я, несмотря на дурноту, увидел голубое сияние, которое уже протягивало ко мне свои лучи. Они ветвились и извивались в стиле первобытного орнамента. Сквозь полосы и узоры тумана обозначилась медуза. Это она, та самая Тварь, которая украла мой дом! Или ее близняшка, искусственная Икс-структура, от чего не легче.

Она пыталась сформировать положительный образ светозарного облака, в котором найдутся и легкость, и успокоение, и сладость. В котором я перестану отвечать сам за себя, но меня будет постоянно окружать вполне вещественная забота. В то же время можно было понаблюдать, как расплываются мои ботинки, как один из них обвивает шнурками и жадно поглощает другой. Как получившийся слитень начинает делиться на два, а потом на четыре новых башмака. Следом я почувствовал, что и куртка на мне начинает шевелиться, ползти и как-то слишком тесно меня обхватывает. Я пытался морально не поддаваться напасти, потому что знал — это имеет большое значение.

— У тебя плохие манеры, чертова структура. Ты многое потеряешь из-за этого.

И я как будто получил ответ типа того, что иначе действовать она не умеет, но не откажется от хороших советов. Дескать,

вместе мы сможем переделать весь мир, по крайней мере, лучшую часть мира. Уже замелькали образы грядущих преобразований и деяний — дескать, я стану повелителем хрональных волн, буду ходить по воде аки по суху, и проникать сквозь горы, стану перекидывать огромные мегалиты словно пинг-понговые шарики и воздвигать невиданные доселе пирамиды.

Впрочем, фантазия у Икс-структуры оказалась не слишком богатой, да и налаживать дружеский контакт не было времени.

На моей груди сконденсировался черный крутящийся диск трансквазера, откликнулся-таки строгий процессор на мое горюшко. Хронолинии, с которыми стали работать мои виртуальные руки, были очень неподатливы, тварь разрубала все нити судьбы, которые я пытался использовать. Но я связывал их по новой, пытаясь проложить себе путь к отступлению, распутывал хитросплетения перед собой и устраивал их позади себя.

В конце концов, управляемый хрональный канал заставил камеру расплющиться, даже размазаться по сторонам, и лопнуть — можно было уматывать. Но пришлось сперва отодрать от себя ставшие чужими и хищными ботинки и куртку, которые тут же принялись резвиться.

Когда выбирался, мог еще полюбоваться, как внезапно включившийся антихрононовый бластер охотится на конвертированные детали моей одежды. Ботинки прыгали, словно в мультике, а куртка носилась повсюду как очумелая — будто была одета на человека-невидимку. И даже успела разделиться на две куртки: одну побольше с внушительными карманами, другую поменьше, но с огромным рукавом, похожим на хобот или копулятивный орган. И этот орган похотливо тянулся во внушительный карман, который стыдливо застегивался. Я не успел досмотреть, чем это закончится. Надо было удирать через развалившийся люк, пока вахтенные и дежурные не примчались, тем более, что на аппаратуре из-за хрональной чехарды уже замелькали язычки пламени.

— Ну, что, наелись?— встретил меня Саша.— Не стоило изучать зверя со стороны его пасти.

Утром, подслушивая разговор руководителя эксперимента с помощником, я узнал, что начальству базы хорошо известно о проникновении постороннего в испытательный блок, что едва не произошел прорыв чего-то малоприятного из испытательного блока, и что сейчас ведется служебное расследование на предмет наличия вражеского агента.

После смены ко мне в каюту неожиданно заглянула офицерша Мара К911 и стала неуклюже кокетничать, заодно

прознавая, какая у меня военная подготовка и где я был ночью с часу до трех. Я реагировал вяло и наконец она поперла напрямки:

— Обнаружены ваши отпечатки пальцев на одном из входных люков испытательного блока.

— Это ни о чем не говорит, коллега К911. Я мог их оставить днем, в рабочее время.

— Фома работает за двоих, а кое-кто отдыхает за двоих,— вмешался “адвокат” Саша.

— Не отнекивайтесь, вы побывали там.— сказала женщина-кшатрий строго, без снисхождения к моим заслугам, коих впрочем и не было.

— Я не отнекиваюсь, только вы покамест ничего не доказали, коллега.

— Если нет козырей, милая женщина, то ходите шестеркой,— посоветовал Саша.

Бой-баба, ничего не добившись “в лоб”, решила сделать фланговый обход. Она присела на край моей койки и внушительно произнесла:

— Мы приняли вас, Фома, по настоянию одного ответственного лица нашей Службы. Однако касательно вашей персоны есть некоторые неясности.

— Только даун является совершенно ясной персоной.

Я уселся неподалеку от офицерши на табуретке-массажистке, а на карнизе расположился ворон Саша. Он и озвучил мои мысли:

— Если, коллега, вам не открыли какую-то информацию о Ф.К123, то сам он, тем паче не должен болтать лишнего. Болтун — находка для врага.

Мара К911 несколько замялась, возможно она в эту паузу общалась с киберсистемой, ответственной за безопасность. Кибероболочку тоже, кстати, прозывали Марой.

Я обратил внимание, что Мара-телесная впервые за время знакомства переоделась из мешковатого комбеза в весьма обтягивающую “выходную” униформу с аксельбантами, более пригодную для офицерских тусовок где-нибудь в Новом Петербурге. В плечах она была пошире и в бицепсах пообъемнее, чем женщины из гражданских каст. Но чрезмерности в этом не было, а ладненькие немассивные косточки придавали ей и стройность, и даже аппетитность.

— Послушайте, Фома, тот, кто побывал в демонстрационной камере, подвергал свою жизнь опасности. Он нуждается в срочном обследовании на предмет обнаружения очагов инфицирования.

— А может быть не он подвергал, а его подвергали?— опять сделал верное замечание Саша.

— Птица намекает, что кто-то хотел вас уничтожить?— уточнила офицерша.

— Она хочет сказать, что вы ищете вражеского агента не там, где следует. Служба “Алеф” послала меня сюда, чтобы сохранить те сведения, которые имеются, скажем, в моей башке. Однако могут найтись некачественные людишки, которые пожелают меня спустить в унитаз. Дескать, нет человека — и нет информации. Они ведь и раньше организовывали мне отпуск на том свете.

— Вы задаете слишком много загадок, Фома.

— Ваша база тоже.— каркнул Саша.

— Ну, ладно, придется приоткрыть несколько карт.— сказала Мара и закинула ногу за ногу.

— Отлично, под это дело предлагаю принять некоторое количество можжевеловой водки.— провозгласил я.

И, как ни странно, она не отказалась, только попросила удалить Сашу.

— Я могу и обидеться.— заявил ворон.— Фома, принеси мой плазмобой.

Пришлось под протестующее карканье выгнать пернатого в коридор. Мара хлебнула можжевеловки и не стала закусывать — сразу видно, настоящий боец.

— Ты участвовал в войнах с сатурнянами, Фома?

— Два месяца на патрульном катере — во время большой войны. Я попал из подготовишек на действительную службу, когда все было в разгаре, наши уже прокакали сражение в секторе 10С-15 и как раз провели успешный рейд на черный Япет. Потом меня еще задержала учебка на астероиде Ахилл… Ты же знаешь, технарей не берут ни в космопехоту, ни тем более в десантно-штурмовые команды, только в корабельный состав. Но эти два месяца жаркие выдались. Наши генералы-минералы тогда думали, что возьмем Гиперион, тут и Титану капец. Но возле этой долбаной глыбы нас крупно покромсали — командиры, как всегда, проворонили подход целой эскадры, две боевые горы сгорели словно спички. Остатки оперативной группы сели на Япете, откуда уже убрались пехотные части Космики. Кажется, мы собирались в прятки играть среди черных кристаллов Кассини и Ронсеваля. Ну и доигрались. Сатурняне нас там скоренько “вычистили”. Раскурочили катер, где я служил, уцелевшие космофлотцы спасались в аварийных капсулах, которые противник бил, словно мух. Я еле срыл оттуда, а мог ведь запросто в ящик сыграть или попасть в лагерь военнопленных на Энцеладе, в кратер Аладдин, где из-под поверхности то и дело, как джинны, вырываются кипящие аммиачные гейзеры…

— А я, Фома, обе войны протрубила в разведывательно-

диверсионном подразделении. В том числе участвовала в самой отчаянной и глупой операции спецназа — ударе по мобильному Храму на Титане. Наше начальство до последнего момента было уверено, что это передвижная ставка сатурнян, в которой установлен гиперкомпьютер. На Титане мы хорошо поплавали в пропановом океане, где метановые бульки размером с дом; побродили по бурой липкий грязи из смеси формальдегида и синильной кислоты под проливным азотным дождем; потеряли большую часть личного состава и убедились в итоге, что Храм это — религиозное заведение. Мой личный ущерб — сожженное легкое, на месте которого теперь пластиковый пакетик стоит, плюс раскуроченное колено, взамен его смонтирован кибернетический шарнир.

Жалко девушку. Крепко потрепали ее.

— Насчет религиозного заведения все точно, Мара. Козлы-сатурняне, как известно, поклоняются какому-то темному божеству. Помню, замполит принес нам на крылышках, что мятежники-де — оголтелые фанаты и вести с ними переговоры о мире и дружбе невозможно. Об этом сообщали и в СМИ. А еще кое-кто из начальства со временем понял, что наш военно-технический уровень не ахти, по крайней мере недостаточен, чтобы без оглушительных потерь подавить гадов. Об этом, кстати, попискивали неформальные сетевые информаторы.

— Фома, ни через СМИ, ни через подпольный сетевой эфир не сообщали одну очень важную вещь. Божество сатурнян — не какой-то там символ. Это вполне материальное существо.

— Да ну! Змей о двенадцати головах…

— О миллионе голов. Это существо обитает в так называемой сырой материи. Иногда эту материю обзывают нитеплазмой, а ее обитателей — плазмонтами. Видимо, там есть твари разной степени разумности. Однако нас волнует, в основном, сатурнянский демон, Плазмонт с большой буквы. Так вот, его материя не организована по-нашему, не структурирована на кванты, кварки, лептоны, и, само собой, на атомы, молекулы, кристаллы. Она состоит из вибрирующих энергоинформационных струн, стрингов. Нитеплазменные организмы на жаргоне службы “Алеф” кличутся икс-структурами, чтобы не всем понятно было.

Ого, Мара, немного поигрывая плечами, начала сеанс политпросвещения. Только зачем? Скорее всего, чтобы завоевать доверие или выманить меня на ответную откровенность.

— Значит, на тутошнем огороде именно такая структура и подрастает. Только ради какого хрена, собственно говоря?..— но пусть дамочка не думает, что сообщила мне сногсшибательные новости. И мы не лыком шиты, топором не тесаны.— Впрочем, я

уже допер своим слабым умишком подмастерья почти до всего. Здесь, в спецлаборатории мы пытаемся выкормить искусственного плазмонта в противовес божеству сатурнян.

Я действительно допер, и Маре грех был отпираться.

— Ты сообразителен, парень, не по годам. Пожалуй, лишь по вине нашей зарегулированной системы ты — до сих пор подмастерье тринадцатого ранга.

Я уже слышал подобное от другой женщины. На моем личном примере Катя показывала, зачем надо дружить с плутонами. Интересно, за что будет агитировать Мара?

— Ратница моя уважаемая, так мы делаем ставку на искусственного плазмонта?

— Похоже, что да. Только совершенно напрасно. Между ним и божеством Сатурна такая же разница, как между тараканом и человеком. Наша продукция неразумна в отличие от сатурнянского демона.

Неожиданный поворот темы. Оказывается, не очень-то офицерша почтительна к решениям вышестоящих лиц, она намекает, что ее дело исполнять любую дурость, поскольку она кшатрий-самурай, славный своим послушанием. Прикажут-де горшок говна съесть, тоже пожалуйста, тем больше чести будет.

— Но, Мара, если сатурнянский бог такой большой умник-разумник, то с ним можно перетолковать, пойти на мировую, договорится как-нибудь, дескать, мы — вам, вы — нам.

— Нет, с ним нельзя вести толковище. Он существует вне реальности, за хрональным экраном, в мире, где нет времени, пространства, форм, тел в привычном для нас понимании. Его мощь такова, что он навяжет нам свою волю, нисколько не интересуясь нашим мнением.

Некоторые коллеги, рассказывая про всякие крутые вещи, как бы сами заряжаются значительностью и ловят кайф от того, что производят впечатление на окружающих. (“Когда Вася ударил меня своим пудовым кулаком, я очнулся аж на второй день!”) Но в Маре ощущалось какое-то глубокое смирение перед лицом превосходящей непреодолимой силы — то самое смирение, которое, похоже, лежит и в основе религиозного чувства.

Впрочем, напряжение моей мысли облегчалось тем, что бой-баба уже изрядно расстегнула свою униформу, виднелась и гладкая шейка с парой неужасных шрамиков и начала популярных женских выпуклостей. Они, по счастью, не слишком пострадали в тяжелых боях.

— Но, Марушка, если Плазмонт как бы вообще иноматериален, не от мира сего, значит ему не так просто что-то поиметь от людей, вообще от нашего физической Вселенной.

— Как бы не так, Фома. Не надейся на это. Во-первых, Плазмонт черпает хрональную силу из разомкнутых пси-структур, то есть из наших душ, когда они алчны, зависимы и гнусны. Окрепнув, он пробивает к нам через хрональный экран каналы. Эти каналы, в которых текут хрональные волны, хрононы, позволяют ему делать здесь, что угодно. В первую очередь заниматься переквантизацией в огромных размерах и добывать в нашем мире энергию и информацию для своих нужд.

— Понял, Мара. Значит, укрепивши от наших слабых душ свои хрональные пенисы, он способен показывать всякие фокусы и срывать аплодисменты олухов-сатурнян. Гравитоны перештамповывать в кванты пространства. Вещество превращать в излучение. Перепасовывать электромагнитную энергию между атомами и частицами, изменяя строение вещества. Информацию с любых физических носителей перекачивать в вибрации своей нитеплазмы. Перекручивать физические кванты в чистую энергию своих стрингов. Но существо-то разумное, поэтому решив охотничьи и гастрономические задачи, оно думает, в чем бы еще себя проявить, и от этих проявлений у нас волосы станут дыбом на всех местах.

Мара потянулась, как бы разминая затекшие члены, и еще лучше нарисовала обводы своего женского корпуса, а если уж точнее, торса и бюста.

— Да, довольно верно, Фома. Ты, в самом деле, умный мальчик. Это существо применяет хрональные каналы и рассасывает организованную материю, скорее всего, не только для питания. Ему просто столько не съесть… Цели его непонятны, но масштабны.

Мара замолчала, показывая, что не расположена развивать эту щекотливую тему.

— Я и так все знаю про планов его громадье, из нашей материи он строит трехкомнатную квартиру, в одной комнате рай, в другой ад, в третьей нирвана… Кстати, у меня один знакомый видел Плазмонта в виде синего узорчатого тумана и даже медузы. В каких же очках был мой кореш, если разглядел визави, остававшегося за занавеской, то есть за хрональным экраном?

— Если визави применял хрональные каналы, то так или иначе воздействовал на физическую материю. Он мог поиграть ее свойствами, чтобы показать себя в каком-нибудь внушительном обличии. Для визита в наш мир Плазмонт часто использует воду в виде полимерного льда. Это связано с применением большого количества управляющих микро-каналов.

Да уж, такой лед я имел неудовольствие понаблюдать. Былой

кошмар отозвался из глубины души, заставив трепетнуть сердце.

— Понятно. К одним, особенно к женщинам, он является в виде золотого дождя, других стремится обложить льдом. Но честное справедливое божество не имеет права так себя вести.— рассудил я.

— Он — бог именно сатурнян, а не всех подряд. Благодаря ему эти лохи со спутников Сатурна смогли устоять в борьбе с Космикой.

Я сразу ощутил в Мариной фразе уязвленную гордость касты кшатриев — сатурнян-то раз в десять меньше, чем нас, а все равно наши вояки не могут с противником управиться. И это несмотря на все расходы, потери и призыв на срочную службу людей из других каст. Тут и придумываются всякие оправдания, дескать сатурняне коварнее, бесчестнее, неблагороднее, прикрываются мирным населением, занимаются терроризмом, фанатизмом, а также онанизмом и гомосексуализмом вместо нормального секса. А скоро, значит, пойдет “волна”, что им-де помогает сама нечистая сила.

Впрочем, офицерша, поднявшись, уже закрыла тему. И козлу понятно, что ей не терпится отчалить. Мара явно сказала не все, что знала о божестве Сатурна. А мне почему-то хотелось выведать о нем побольше. Меня просто мучил сильный интерес, смешанный фифти-фифти с отвращением.

— Ты видела это божество, Мара? Каким оно предстало перед тобой?

— Таким, каким я заслужила.

На этом обмен знаниями закончился и валькирия покинула меня, задев напоследок бортом-бедром.

Значит, на этой базе мы выращиваем вторую тварь в противовес первой, самой великой и ужасной. Только что из этого получится? Кто будет иметь прок, а кто — головную боль? Кого накажут в случае провала? И вообще, Мара отлично сумела заинтриговать меня, и пооткровенничав кое о чем, и умолчав кое-что.

Кстати, все вояки-кшатрии делятся на три основные категории: простоватых служак, для которых главное, чтобы служба шла себе потихоньку и чтобы начальство пореже о них вспоминало; ревностных бойцов, которые всегда рады геройски помереть за красивый орден на траурной подушечке; честолюбивых мелких бздунов — эти самые подлые. Честного подвига им не совершить, а генеральствовать хочется, вот они и в спину настоящего героя выстрелят и над подчиненными измываться будут. Но Мара, хоть убей, не лезет ни в одну категорию. Она особенная, или просветленная уже какая-то… или

затемненная.

А следующим днем на охоте меня кто-то пытался укокошить.

В эту охотничью ходку я собирался обязательно подстрелить кого-нибудь вкусненького. Ради того, чтобы мясо не попортилось, я взял с собой не сквизер, который все рассопливливает, и не плазмобой, превращающий органику и разные белки в черные угольки, а узкофокусный бластер.

Подъемник выбросил меня на поверхность, и я на болотных мокроступах отправился в северо-восточную сторону, к побережью Северного Океана (который некогда был и Ледовитым). В той стороне я и раньше замечал стада мигрирующих оленей. Правда за оленями шли волки — эти жутковатые звери не только проводили облавы, но и устраивали засады. Поговаривали, что в наших краях водятся еще и “снежные люди” — крупные мохнатые обезьяны с довольно развитым мозгом, которые охотятся на оленей вместе с одичавшими собаками. Я, правда, пока не видывал этих “йети”. Но, тем не менее, то ли волки, то ли мохнатые обезьяны постоянно устраивали ямы, прикрытые прутиками и дерном, в которые проваливались олешки себе на гибель и кому-то на обед.

В этот день снежок тонкой пеленой прикрыл зеленый халат лесотундры. Вдали маячили темные пятна. Это питались мхом и травкой олени. Я бодро направился к ним, а Саша полетел вперед меня, чтобы разведать, нет ли на пути какой-либо трясины. Я осилил еще метров сто по довольно твердому грунту, вдобавок ворон вернулся и сообщил, что не видал по курсу никакого болотца или даже большой лужи. Однако не приблизился я еще на расстояние прицельного выстрела, как все стадо тронулось с места. Как будто волки его вспугнули или случайно забредший на побережье белый мишка. Можно было, конечно, резануть бластером “от бедра” по фронту, но тогда бы получилось вместо одной-единственной жертвы двадцать-тридцать мертвых туш.

Я, будучи жителем Марса, где к каждому теплокровному животному относятся с величайшим почтением, не мог решится на такое злодейское преступление и продолжил преследование.

Однако стадо уходило, даже рассыпалось, и при этом не думало останавливаться. Я прибавил ходу и откинул башлык, выпуская лишний пар, а затем почва неожиданно выпрыгнула из-под ног. От падения вниз я не потерял никаких чувств, меня лишь тряхнуло, причем челюсти лязгнули о грудь. Я поднялся на ноги, слизнул кровь с прокушенной губы, послушал, что скажет Анима насчет переломов. Она шепнула, что обошлось, тогда я отряхнулся и полез наружу из ямы. Настоящей, кем-то вырытой ямы. Надо мной уже летал Саша и предлагал поторопиться. Когда

я вылез наружу, то оказалось, что поблизости уже кружат волки.

— Чего ж ты не предупредил, Саша?

— Не хотел расстраивать раньше времени.

Волки были настроены нагло, поэтому я решил пришить парочку из них. Однако бластер ничего им плохого не сделал, даже не пфукнул, хотя индикатор энергозапаса горел еще бодрым пламенем. Вот те на. Увы, придется, отбросив ложную скромность, дать чрезвычайный сигнал на базу. Скромность я отбросил, а сигнал не прошел, Анима сообщила об уровне помех, соответствующему сильной магнитной буре.

Выбор теперь оказался чрезвычайно скудным, прямо как на матросском камбузе — или ты ешь, или тебя едят.

Я, довольно легко прорвав волчье оцепление, почесал обратно к базе. И вскоре понял, почему они мне разрешили пробиться. Им охота была порезвиться и поиграть. Волки бежали позади меня, слева и справа, иной раз перебегая мне дорогу. Я чувствовал, что еще метров двести — и будет прихват. Они собьют меня с ног, а потом начнут отщипывать мое мясцо по стограммовому кусочку. Я поползу, обливаясь кровушкой, а они будут обгрызать мою тушку мало-помалу до голых косточек. Про такие случаи мне сказывали еще в теменской тюрьме. Узники кандея говорили, что Макарий Зеленая Нога имеет стаю волчар для подобных забав. Кстати, трансквазер никак не реагировал на мои посылы, он, похоже, напрочь разрядился или же обиделся.

— Эй, барин, вижу костяк какого-то животного. Сверни чуть вправо.— посоветовал Саша.

И действительно, неподалеку, возле хиленькой березки, что-то белело. Я, собрав все ножные силы, припустил к этим неведомым костям. И тут волки решили ускорить развязку. Один из них непринужденно пристроился рядышком — это уж ясно, что сейчас он прыгнет. Причем его цель — моя шея в районе артерии.

И серенький прыгнул. Раздалось воронье карканье, волчий взвизг, и зверь промахнулся. Оглянулся я лишь раз и все сразу понял. Саша, не раздумывая, пожертвовал жизнью ради меня, спикировав на хищную тварь. Сейчас от него остался только комок черных перьев в пасти волка — я заметил даже струйку крови. Впрочем, в кровяной сгусток превратился и глаз хищника.

Я домчался до костяка и обратился к преследователям, сжимая в руках черепок с рогами — возможно он когда-то принадлежал крупному оленю. Ярость бурлила во мне настолько сильно, что я чуть не бросился в атаку. Но не бросился и правильно сделал. Сзади и даже сбоку меня прикрывало сильно изогнутое деревцо, которое к тому же находилось на небольшом пригорке — его со всех сторон окружала топкая низина, из

которой прыгать было неудобно.

Ближайший волчара опустил задницу к земле, прыгнул, поскользнулся и упал прямо возле моих ног. Тут я и втюхал острый рог ему в шею. Зверю сразу кранты начали приходить, видимо, порвалась трахея. Второй волчок сиганул ко мне более удачно, но я сработал рогатой черепушкой как палицей и разбил атакующему морду, может даже челюсть сломал — он, повизгивая, стал отползать. Волки, совсем как в истории про Мюнхаузена, отошли в сторонку и словно стали совещаться. Наверное, они придумали бы как одолеть меня — и не из желания испробовать мое мясо-жир, а чисто из принципа. Но тут зашипел мотор, и ко мне подлетел коптер с Марой.

Первую секунду создалось впечатление — она недовольна, что я остался жив. Но по дороге назад она довольно-таки по-матерински отчитывала меня за неразумие, и первое впечатление мало-помалу улетучилось.

Весь остаток дня она демонстрировала особое внимание ко мне. Придумала вполне сносное объяснение для командира базы, отчего пришлось эвакуировать меня на коптере. Дескать, в тридцатимильной прилегающей зоне появилось несколько варваров. Пахан даже не лишил меня права на охоту. К тому же, он немало обрадовался тому, что Саше настали кайки. Я — совсем наоборот. Вечером я прилично накирялся — так, что это стало заметно и тянуло на несколько суток ареста. Впрочем, я и желал под арест. Вышел из каюты и похилял, пошатываясь, на камбуз. Рядышком внезапно возникла Мара.

— Ты куда, несмышленыш?

— Я — гулять.

— Ты мне фуфло не гони, Фома. Забирайся обратно в свою каюту.

— Надоело в конуре. Тоскливо. Понимаешь, пернатый Сашка друганом мне был, в отличие от всех остальных.

Тут бой-баба крепко схватила меня за руку, и я решил, что прямо сейчас отконвоирует в карцер. Но нет, подъемник направился вверх. По дороге к нам подсел еще сержант группы безопасности. Глядя на мою раскисшую мордень, он поинтересовался у своей начальницы:

— Хреновый видок у этого урода, нажрался что ли?

— Током ударило. Если сто вольт в твою задницу, то и тебе похреновеет,— отбрила его Мара и вывела меня на уровне В. Через несколько секунд я был у нее в каюте.

Обиталище, конечно, не сравнить с моим. Раза в три побольше. Вазы с цветами витают в сферическом гравиполе, источаемом с потолкового генератора. (А если питание

отключится, то эти горшки шарахнут прямо по башке, об чем лучше заранее не думать.) В углу вертелась статуэтка-трансформер: олень превращался в орла, тот в воробья и так далее. Были там и произведения искусства ненашенского вида. Мара сказала, что их сатурняне стали выделывать после отделения от Космики. Довольно примитивная кристаллическая и молекулярная механика, но все равно эти штучки страшновато выглядели.

Несколько мобильных статуэток представляли процессы поглощения, похожие на те, что я видел в нашем испытательном блоке. Только главным вурдалаком выступало некое человекоподобное существо в тиаре, оно, как водоворот, втягивало людей, животных, растения, предметы, потом принимало облик жертв, окукливалось, делилось, затем снова всасывало кого-то.

— Эта пакость с Титана?

— Там ею торгуют на каждом шагу. Ну, а мы-то брали, что хотели, не торгуясь.

— Сатурняне как будто похваляются, что их может всосать какая-то чертяка.— заметил я.

— Плазмонт не чертяка, а по большому счету Абсолют, начало и порождение новых реальностей. Между прочим, растворение в Абсолюте — цель номер один во многих уважаемых земных религиях. Так вот, Плазмонт не только уничтожает и рассасывает организованную материю, оно может и порождать ее, выдувая разные новые формы своими хрональными каналами. Только эта по новому организованная материя вряд ли будет похожа на нашу, привычную… В общем, Плазмонт весьма похож на бога-творца, если точнее — на так называемого демиурга.

— Однако его творчество вряд ли в моем вкусе.

Я отметил, что Мара слишком уж осведомлена в культовых вопросах сатурнян. Кстати, в наших официальных и даже неформальных СМИ об этом мало что сообщалось. Может, из-за того, что сведений никаких, а может, цензура поработала.

Зайдя за невесть откуда взявшуюся ширмочку, Мара переоблачилась в широкие шорты и тоненький свитерок. Отчего ее тощенькая задница получила объемность, а широковатые плечи как бы сузились. Заодно стали весьма заметны грудки-яблочки. В общем, военно-космическая самураиха оказалась сладенькой конфеткой. Она сготовила сатурнянский коктейль, от которого мое тело окрепло, а сознание ослабло.

Заиграла какая-то музычка, похоже, что сатурнянская, которая словно опускала нервные окончания в сладкий кисель. Мне стало совсем в кайф, я растекся по дивану. Каково же было

удивление, когда я обнаружил эту десантницу-диверсантку, усевшейся на мои чресла. Тяжести от этого не добавилось, лишь легкость необыкновенная, будто Мара была немного подвешена сферическим гравиполем. Она оказалась искусницей не только в деле истребления мужиков, но и в деле их ублажения, сочетая при этом оборону и нападение. Наверное, ловкость и чуткость приносят успех во всяком деле. Знавал я и квазиживых роботесс, и биополимерных квибсерш, и шлюх, простимулированных гормонами и пептидами, но в них всегда механичность чувствовалась. А в Маре пульсировала глубокая половая энергия противоположного знака.

Начала бой-баба как будто с массажа, потом стащила с себя свитерок. Буфера-то у нее действительно классные оказались, несмотря на все боевые перепетии. Потом она вскрыла мой комбез и ухитрилась, даже не снимая шортиков, вобрать в себя мой прибор.

Короче, мы немало потрудились вместе. Однако, когда она закимарила, я подумал, что бластер, изменивший мне в тундре, был получен именно в группе безопасности. И прилетела Мара на выручку, когда по идее все должно было закончиться хрустом моих косточек на волчьих зубах. А совсем не прилететь она не имела права, потому что я отсутствовал больше условленного срока, да еще в условиях магнитной бури. В таком свете ее разрешение на охоту выглядит довольно сомнительным. Как начальник группы безопасности она должна была этому противиться больше других. А что, если покушение на меня, совершенное в испытательном блоке, тоже ее рук дело?

Она могла получить кое от кого информацию, что у меня особые отношения с нитеплазменными тварями и я обязательно попытаюсь выяснить, с чем их едят.

И похоже, Марочка решила добиться своего лаской и ублажением, лишь после того, как не сумела покончить со мной. Ведь довольно странно, что она выбрала в наперсники разврата именно меня, далеко не самого крутого мужика.

Однако, на какую шоблу может работать Мара, да еще с таким старанием?

На плутонов? Сомнительно. Я для плутонов — рекламная фигура, живое доказательство симбиоза слаборазвитого человека и высокоразвитой плутонской цивилизации. На военное руководство? Но кшатриям пофиг все эти разборки между подразделениями Технокома. Тогда, может быть, Мара завербована сатурнянами? Но она же воевала с ними, теряя в борьбе своих друзей-товарищей и, наверное, любовников. Да и что в этих фанатах хорошего?

В них самих ничего хорошего нет, однако, Мара могла тесно пересечься в титанском Храме с нитеплазменной тварью, вернее темным божеством сатурнян. Кому, как не ему, приобщить Мару к своей нирване.

Но там были и другие спецназовцы, уверен, кто-то из не поддался Плазмонту, ведь поддержание защитного хронального экрана зависит и от нашего сознания. Они не поддались и… должно быть, сложили свои головы, а среди тех, кто уцелел и вернулся, наверное, немало “приобщенных”, то есть офанатевших и завербованных. Может, все, кто вернулся, это посланцы Плазмонта? Страшноватая мысль. Кто они, люди, нелюди? Ведь в их нейронах гнездится разумная нитеплазма. Впрочем, что я так пугаюсь, словно старая дама дворянского происхождения. Для моей прабабушки я тоже бы показался исчадием ада: в черепе сидит звезда ясная — имплант Анима, распустившая кремнеорганические нейрошунты, в руку встроен мемо-кристалл, в копчик вмонтирован нейтринный маяк, в мышцы вшиты мономолекулярные нитероботы, глаза как у змеи, кожные рецепторы почти как у рыбы.

Может, и мне не стоит противиться чарам сатурнянского демона? Что я, собственно, теряю: тринадцатый ранг подмастерья, свою нулевую стоимость, свою ничтожность и одиночество? Ведь даже мать моего ребенка спокойно разменяла меня. Сплошной кидняк! А, если я соглашусь с агитацией Мары, то разом приобщусь к могуществу, величию и силе. Кто был ничем, тот станет всем, и вокруг головы нимб загорится. Любой бог так или иначе покупал приверженцев.

Впрочем, я поборол столь возвышенные мысли, устыдив себя за то, что офицерша все-таки овладела моими мозгами. Много ли останется от конкретного маленького человечка Фомы после всех приобщений к могуществу и силе Плазмонта? Немного, так же как от цыпленка табака после приобщения к желудку какого-нибудь гения. Ведь в отличие от добрых богов нитеплазменный демон покупает не наше хорошее поведение, а наши души.

С раннего утра я, как ушел от бой-бабы, все хотел настучать на нее командиру базы, в смысле поделиться с ним сомнениями. И все не решался, никогда ведь стукачом и “наседкой” не был.

Не знаю, на что бы я там решился, но уже в семь утра на нас накинулись сатурняне. То есть, лунные локаторы ВКС прощупали их только в семь, но тогда еще было непонятно, зачем они пожаловали в земной сектор. Средства обнаружения нашей базы заметили сатурнянские корабли еще позже, и время подлета в зоне наблюдения составило, в итоге, всего четыре минуты. Где-то в начале восьмого состоялось короткое боестолкновение между

истребителями, взлетевшими с базы, и вражескими бортами. Все прокипело на высоте не более двадцати километров от поверхности. Наши истребители, прежде чем взорваться, а также ракеты “земля-воздух” спалили восемь вражеских кораблей, но остальные семь прорвались. Впрочем, ракетные удары по нашей базе наносились и ранее того, так что на голову летела и штукатурка, и шкафы, и горшки.

Между Космикой и Сатурнией, между прочим, никогда не было подписано официального перемирия, однако существовали негласные договоренности.

Во-первых, не учинять диверсионные действия, могущие нанести большой ущерб гражданским объектам и невоенному населению.

Во-вторых, не воевать на Земле и ее орбите и не создавать там военных объектов.

Пункт первый какое-то время нарушался со стороны сатурнян, но когда замаячила угроза третьей тотальной войны, то лихие диверсанты были лишены агрессивности собственным титановским начальством — там дело доходило до хирургического вправления мозгов и даже до физических ликвидаций.

Пункт второй не нарушался никогда вплоть до сегодняшней атаки сатурнян. Впрочем, и мы не столь уж невинны — трудно выдать настоящего крокодила за надувного, и наш объект, если уж был обнаружен, не смог закосить под чисто гражданский.

Важно и то, кто раскрыл его существование противнику.

Выдать сатурнянам сведения о базе-спецлаборатории могла служба “Бет” — в силу вполне понятных интриг или даже из лучших побуждений.

Но, чтобы врагам столь точно выйти на стопроцентно заэкранированную замаскированную цель, им нужен был агент на самой базе. Очень сомнительно, чтобы такую вымуштрованную богатырку, как Мара могли подкупить. Деньги в нашей Космике можно тратить лишь согласно своему рангу и заслугам — особенно это относится к военной касте. Кутежи и круизы сразу вызовут большие подозрения. Значит, остаются идейные и личностные мотивы — Мару-таки могли соблазнить и прельстить. И я понимаю, в чьих это силах.

Я находился на полпути к командиру базы, когда первые ракеты сатурнян достигли поверхности Земли и, пройдя сквозь болотную жижу и торф, пробили титаново-керамический корпус. Следующая волна ракет пронеслась через уже готовые пробоины. Их квибсерные “мозги” позволили нанести удары по ответственным постам, системам мониторинга и контроля, по

жилым отсекам. Следующей была волна капсул. Те также влетали через бреши, но несли в своем нутре киберсороконожек и робоскорпионов, а затем и десантников: людей и квибсеров.

Мара погибла через двадцать минут после начала штурма. Возможно, “умные” ракеты и имели ее образ как запретной цели, но, едва начался ближний бой, стало не до тонкостей. Да и сама Мара смело ввязалась в драку, а не стала отсиживаться в санузле, дожидаясь “своих”. Дралась она, естественно, на нашей стороне, видимо ее психика была достаточно раздвоена.

Мару уложил выстрелом из бластера вражий десантник, кстати человек, а не квибсер — ну, а я уже располовинил его ударом плазменного резака.

— Зачем ты это сделала? Зачем предала? Почему поддалась Ему?— спросил я напоследок, делая ей укол анестетика (сквозь прожженную дыру я видел органы грудной клетки и даже спекшийся пластик искусственного легкого).

— Тоска одолела… Жизнь, как консервная банка, жди, пока вскроют и употребят… Но сейчас дум… что можно было иначе…

Я так и не узнал, как иначе. Когда она преставилась, мне показалось, что из ее груди, прямо из раны, вылетел голубоватый лучик. (Может, конечно, и показалось, ведь я слезу промаргивал впервые в своей биографии.) Демон из титанского храма, или там его спорозоит, до последнего момента сидел в Маре и ретировался лишь когда тело “приобщенной” стало для него совершенно бесполезным.

Я оборонялся возле поста наблюдения на уровне В — все согласно боевому расписанию — но когда враги его выжгли, решил пробиваться к рубке, где скапливались основные наши силы.

Ранили меня на пороге лифта. Какой-то мудак полоснул мне по ноге бластером, чуть раньше, чем я раскурочил его ракетой, пущенной из ручной кассеты. Там я и валялся, отбиваясь плазменным резаком от киберзмей, энергозапас уже сдох, когда появился варвар по имени Страховид и его волчара Пушок.

С их помощью добрался до операционной, там мне кибердоктора заштопали-подлатали ногу и накачали анальгетиками на неделю вперед. В рубке уже делать было нечего — состоявшаяся там жестокая, считай что рукопашная схватка закончилась подрывом гравитационной мины, которая уничтожила основные силы нападающих и обороняющихся. От рубки ничего не осталось, от БЧ-1 тоже, и от уровня Г лишь крошки уцелели. Поэтому я пробрался в резервный командный пункт и лично организовал сопротивление второй волне сатурнянских сил. К тому времени из персонала базы не осталось

в живом или дееспособном виде ни одного человека. Кроме меня. Так что командование мое было вполне правомочным. Удалось и завести броневые пластыри на пробоины, и даже шпокнуть несколько вражеских бортов. Волк Пушок, вот умора, исхитрился управиться с ракетой, впрочем и мой Сашка с таким делом бы сладил.

Во время атаки сатурняне повредили первый контур теплоносителя у реактора (это уровень А), и в запасе до взрыва оставалось не более десяти минут. Меня это вполне устраивало, не очень-то хотелось, чтобы та тварь, которая сидит в испытательном блоке, вырвалась бы на свободу — хоть она и наша искусственная структура, гордость и достижение космиканской научно-технической мысли.

Мы со Страховидом выбирались через второй контур теплоносителя, после того как кибероболочка слила из него натрий. Однако сатурняне неожиданно перекрыли нам дорогу и весь запас времени ушел на перестрелку. За минуту до взрыва я был весь в борьбе, за полминуты я запсиховал, а за десять секунд мне стало пофиг. Но взрыв реактора так и не случился. И тут я сообразил, что искусственный плазмонт, наша гордость и достижение, вырвался-таки на свободу и первым делом изменил правила игры. Высокоэнергетические силовые устройства, в том числе и оружие, перестали фурычить. Тут меч Страховида по имени “Кровохлеб” заиграл первую скрипку. Добрались мы по аварийному луч-тоннелю до самого резервного шлюза, возле которого, правда, вовсю болтались сатурнянские квибсеры. Установил я портативный трансквазер-хаотизатор неподалеку от скопления врагов, хрононы застряли в потенциальной яме, отчего исчез порядок на километр вокруг. Страховид помахал своим мечом, Пушок полязгал зубами, и мы без особых затруднений попали в кабину коптера.

Твердотопливный химический ускоритель позволил нам бесхлопотно стартовать на орбиту. А вот все штурмовые катера сатурнян, которые курсировали возле поверхности планеты с помощью плазменных двигателей, безропотно шлепнулись, как говорится, в лужу.

Но на орбите, вернее разновысоких орбитах, летал еще дивизион сатурнянских кораблей — тринадцать единиц, в том числе тяжелый рейдер и даже крейсер первого ранга.

Я начал переговоры со штабом ВКС, тем, что на Луне, в Море Спокойствия, а там все были в смятении и стали общаться с главным штабом, тем, что в Новом Петербурге, на Марсе.

Генералы-адмиралы естественно не понимали, как крупному сатурнянскому соединению удалось незаметным образом

просочиться к Земле. Одновременно они не знали, считать это экскурсией или началом войны, то есть посылать ли к Земле лунарскую эскадру.

Я естественно пер рогом — дескать, нарушено соглашение о запрете боевых операций на Земле, это-де война и надо направлять корабли ко мне на выручку. Однако, похоже было, что у штаба имеется еще один источник информации. Этот источник скорее всего капал, что служба “Алеф”, обманывая всех и вся, создала на земле военный объект, то есть нарушила соглашение с Титаном. И теперь сатурняне, справедливо уничтожив вероломное сооружение, спокойно отчалят в родную сторонку. Таким-де образом, Космика и Сатурния будут квиты, и не надо ни во что вмешиваться, иначе заварится третья тотальная война.

Я, естественно, мог лишь предполагать, что такой информатор существует и что им является, скорее всего, служба “Бет”. Однако результат был налицо — не то что эскадру с Луны не послали, ни один борт с места не стронулся.

Более того, два патрульных корабля ВКС, которые курсировали неподалеку от Земли, покинули обычные орбиты и, показав фигу, срыли в сторону Луны, за апоселений.

Может, и я бы отбыл в ту же сторону, но путь явно заграждал вражеский рейдер. Его главные гамма-лазерные калибры уже нацелились на мой коптер, но уничтожающих выстрелов не последовало. Ни одного уничтожающего, ни даже какого-то попукивания.

Радостное удивление было омрачено мыслью, что Икс-структура тут, рядышком со мной, и это все ее проделки. Что дала она деру не только из испытательного блока, но и с базы. Накрепко привязалась, стерва непонятная. С другой стороны, коли мы с коптером не превратились в пятно света под ударами вражеских гамзеров, это уже подарок. Надо брать, и возражать не стоит.

Крейсер, кстати, утратил и способность к маневрированию. Его силовую установку, скорее всего, тоже вырубило. А вот мой коптер, имевший твердотопливные ускорители, мог спокойно выбирать курс.

В таких условиях возникла шальная идейка.

Пусть-ка катапульта зашвырнет меня в сторону вражеского корабля, а я захвачу с собой конец мономолекулярного троса. Его можно закрепить на какой-нибудь крепкой детали. Ну, а дальше почему не отбуксировать рейдер на более низкую орбиту, а то и вообще ввести в атмосферу, чтобы сгореть ему синим пламенем.

Были в этом плане довольно скользкие моменты,— поди пойми, сколь долго будут действовать силы подавления высокой

энергии,— однако чувство мести требовало утоления.

Как мне казалось, первая часть плана была вполне на уровне моих возможностей. Трос из мономолекулярных нитей мог выдержать огромное натяжение. Катапульта, применяемая для аварийного отстрела членов экипажа, сумела бы придать моей заднице ускорение в 5 “же”, причем по выбранному вектору.

Тут я понял, что должен не только лететь в сторону рейдера, но еще и оставаться на коптере. А то кто же станет буксировать вражескую махину? Страховид естественно отпадает, да и кибероболочка откажется принимать мои команды к исполнению, едва я окажусь вне коптера. В принципе, и радиоэфир может вырубиться.

С другой стороны, из катапульты вместо меня не выпустишь варвара Страховида. Мой новый коллега не то, что в невесомости, в космосе никогда не бывал. Вон как забился в угол вместе со своим волком, сидят, клацают зубами.

— Значит, придется слетать на корпус рейдера, а потом спешно возвращаться назад вдоль троса.— подсказала оболочка Мара, когда у нее спросили совета.

Я быстро ввел параметры отстрела в борткомпьютер катера и, напяливши гермокомбез, влез в катапульту. Разместил там трос и по команде “старт” испытал массу приятных ощущений. Можно было затуманенным оком еще поразглядывать, как разматывается сверхпрочный трос, похожий на огромного червя.

Крейсер не откликнулся, даже когда я опустился на его корпус. Остаточное гравитационное поле у этого большого корабля еще имелось, так что можно было выгуливать пешим образом по корпусу.

Быстро нашел, где трос закрепить (на внешнем модуле одного из стыковочных узлов) и помолился, чтобы морской узелок не подвел. Впрочем, недурственный я узел завязал, двойной беседочный, можно было дуть назад на катер. Однако в самый неподходящий момент из какого-то люка выбралось семь бойцов противника в своих гармошечных скафандрах с шлемами-ведрами. Вылезли сатурняне без особого оружия, только с ножами и ломами; видно смекнули уже, что бластеры сейчас — не более чем колотушки. Но у меня даже вилки с собой не было.

И тут я увидел луч, вернее даже тоннель из голубоватого света, соединивший коптер с рейдером. А внутри него топал как по бульвару Страховид с мечом в руке, но без всякого скафандра, и его серый дружок Пушок… Ну прямо светопреставление. По-моему, варвар собрался взять рейдер на абордаж.

По мере его приближения голубоватое сияние окутывало и рейдер. На границе ореола в космос протягивались тонкие

голубые волоски. Вражеский корабль словно бы покрылся мехом и стал похож на диковинного зверя пушной породы. Оцепившие меня сатурняне явно оторопели и даже забыли то, что пора стукнуть по моей башке.

Ну, а дальше была еще та сцена. Лох в посконной рубахе и драном кафтане бросается на сатурнянских космонавтов и начинает их рубить. А волк начинает их драть и давить. Оба быстро приспособились к пониженной силе тяготения. Сатурняне, конечно, оторопь преодолели и попробовали сопротивляться, но тяжеловато им было сдюжить против опытного бойца, который умеет так и сяк орудовать клинком. Покатилась одна голова, затем другая, из осиротевшей шеи лениво выплеснулась кровь, медленно завалилось тело в распоротом скафандре. После удара крыжом меча вспорхнул еще один сатурнянин, долетел до границы голубого ореола, а там видно произошла с ним переквантизация.

Я видел тело, улетающее куда-то в открытый космос и точно такое же бессильно падало на корпус. (Потом я уж допер, что ввиду избытка хрональной энергии пространственных квантов стало вдвое больше — оттого вражеский боец был помножен на два.)

9. “Знаниям — гибель”

Помехи. Настройка. Сигнал четкого восприятия. Дуплекс.

Когда с сатурнянами на корпусе было покончено, Страховид не успокоился и по-быстрому прорвался внутрь вражеского рейдера. Не отставал от него и друг Пушок. Кто мог бы подумать, что трехдюймовые клыки снова возымеют ужасность в век карманного термояда, шлюхоквибсеров и тэ дэ и тэ пэ. (Как тут при моей начитанности не вспомнить про кровожадного Локи и волка Фенрира из некой занюханной мифологии.) Но если всерьез, можно было уже догадаться, что нитеплазменная Икс-структура, которую сгенерировала служба “Алеф” на своей секретной базе, оказалось на воле. Еще на какой воле. Но это страшное оружие пока было на нашей стороне.

Сейчас наш плазмонт принял форму рейдера. Корабль был проткнут хрональными каналами и постепенно поглощался, а может, менял свое предназначение, становясь скелетом твари.

Сатурнянам, порубаемым и раздираемым, я сейчас субъективно не мог не посочувствовать. Однако объективно я был на стороне своих союзников, да и кроме того спешно пытался разобраться с принципиальными схемами вражеского корабля

при помощи Мары. Кстати, чем дальше, тем больше киберoболочка кокетничала, вела себя как интересная дама легкого поведения, и тем самым мешала работе.

Прошло всего семь лет с тех пор, как сатурняне внагляка отложились от центрального правительства, но они уже мало напоминали обычных космиков. И это не ограничивалось шлемом-ведром и лопатовидной формой корабля. По имевшимся у Мары сведениям, которые она сейчас выдала ввиду экстраординарной ситуации — атомная (не термоядерная как у нас) силовая установка находилась на рейдере в хвостовом ободе. Цепная реакция шла в тороиде из урановой плазмы, которая удерживалось магнитным полем. Та же магнитная бутылка позволяла теплоносителю набирать температуру, не соприкасаясь с расщепляющимся материалом. В случае взрыва такой кораблик мог понаделать хлопот, но мой сверхсекретный компаньон плазмонт успешно предотвратил этот плачевный исход.

Корабль и не подумал взрываться после исчезновения магнитной бутылки; уж не знаю, куда там исчезла горячая урановая плазма — может Икс-структура превратила ее в стакан компота. В то же время корпус рейдера на значительном протяжении лопнул словно кожица у зажаренного поросенка, и разошелся в стороны. По ходу дела дробились и разваливались отсеки и узлы. Некоторые из них прямо на моих глазах по холодку переплавлялись во что-то иное, похожее на внутренности огромного животного. Получился, в итоге, натюрморт, напоминающий городскую свалку или левиафана с развороченным брюхом.

Варвар и волк через прореху кинулись доканывать экипаж. Сатурняне сопротивлялись при помощи разных металлических изделий, а также квибсеров и роботов, имеющих аккумуляторные источники питания. Те превратили свои конечности и другие части тела в мечи, копья, топоры, стрелы, бумеранги, образовав шипы, лезвия и острия с помощью металлорганики и углепластика. Использовались и мономолекулярные шнуры. Я, при виде такой армии, своего мужества, естественно, не утратил, однако не смог себя заставить пойти вперед на врага.

Но Страховид бесстрашно крестил неприятеля мечом и, кажется, не ведал, что такое рефлексия, сомнения и прочие слабящие чувства. Самое удивительное — он не смущался этих путаных переходов, отсеков и тоннелей. Теперь стало понятно, что Страховид, как и погибший Демонюк, из того резерва, который создавался службой “Алеф” на Земле. Возможно, именно на нем должны были испытывать трансквазер. Не исключено и то, что его пси-структура предназначались для пересадки в какого-

нибудь важного квибсера.

Из прорехи на корпусе, кстати, выплеснулась струей какая-то неаппетитная гуща. Кровь брызжет из раны, выдавливается замазка? Но в любом случае разрыв обшивки стал зарастать веществом, превращаясь в шрам. Вдобавок на корпусе появлялись какие-то вздутия и отростки. Расплывался и голубой ореол, пуская во все окрестности ветвистые лучи-щупальца. Мне казалось, что рейдер успешно превращается в диковинного, но вполне живого зверя.

Впрочем, ситуевина еще более усложнилась. Ближайший к нам крейсер сатурнян тоже покрылся синей косматой дымкой, словно бы шерстью оброс, и двинулся в нашу сторону. Опять-таки стал на зверя-левиафана смахивать. Похоже, наш малолетний плазмонт разбудил какого-то старшего товарища.

Вид у того такой был, что сразу душа в пятки полезла. Как тут не кручиниться, если с нами решила разобраться какая-то крутая Икс-структура, только не искусственная, а скорее всего сатурнянский демон собственной персоной. Несмотря на то, что я был в гермокомбезе, стало прохладненько от пота, который не успевала поглотить квазиживая прокладка.

Впрочем, приятной неожиданностью явилось то, что вражеские бойцы с рейдера перестали быть вражескими и поголовно перешли на нашу сторону, даже раненые и полуживые. (Опять-таки на ум навеялась мифология: Корабль Мертвецов под управлением Локи и его полуволка-полутролля Фенрира.) Подскочил ко мне какой-то высокий корабельный чин и вместо того, чтобы приложить кайло к моей голове, сообщил коды доступа к линиям внутренней связи и испросил указаний. Преданно стали внимать моим приказам не только матросы рейдера, но и его офицеры, и даже космическая пехота. Впрочем, слушались они не столько меня, сколько Икс-структуру, проникшую в их податливые мозги без всяких биоинтерфейсов своими хрональными каналами.

Оказалось, что сатурняне просто созданы для управления и руководить ими в состоянии даже наш искусственный пацаненок плазмонт в меру своих искусственных способностей и с моей помощью, конечно. В любом случае, от союзников мы не отказывались. Я даже прозвал бывших врагов чурками. Но это любя.

С навигационной надстройки рейдера было хорошо видно, как сатурнянский демон движется нам навстречу. Заодно зверь-крейсер слипался с другими бортами вражеской эскадры. Тварь разбухала не по часам, а по минутам, и от избытка сил из нее вылезали побеги-щупальца. “Чудище обло, стозевно и лаяй.”

На картине художника Босха это бы выглядело так, будто два лютых монстра плывут навстречу, желая разодрать друг друга на кусочки.

Матросы-чурки все лучше слушались моих приказов, вызывая законное восхищение. “Наши” сатурняне смахивали на исполнительных муравьев, улавливающих командные запахи от муравьиной матки, а может даже напоминали антитела, бросающиеся на инородное тело, что попало в организм хозяина.

Впрочем, сатурняне, ползающие в нутре демона-Плазмонта, были точно так же послушны ему и заслуживали подобных комплиментов.

Лучи-щупальца двух Тварей сплетались все сильнее, синее и голубое сияния смешивались, образовывая невероятную по красоте картину интерференции — это было похоже на космический океан, покрытый эфирными волнами. И в этом океане заваривалась рукопашная битва.

В передней части вражеского зверокрейсера образовалась гигантская глотка, заполненная синим пламенем. Не знаю, как насчет функционального значения, но психологический деморализующий эффект она производила.

Все происходящее нисколечки не укладывалось в ту систему знаний, что образовалась у меня в инкубаторе-едукаторе и в школе-ремеслухе…

10. “Армагеддон — день тяжелый”

Четкий прием. Симплекс.

Со времен битвы в подземелье Страховид перестал дивиться. Бесы они и есть бесы. Но потом было еще падение в саму преисподнюю, где во мгле кромешной светились злым светом множество огоньков — верно, глаза врагов человеческих. Бес Фома называл сие полетом в космос, но то было сошествие в ад. Святой Ботаник в своей Болотной Проповеди говорил и сказал, как оно произойдет. Что в первом круге преисподней встречены будут огнедышащие трубы и палки, метающие молнии. Однако же, первый круг еще немногим отличим от мира земного. Ботаник рек, что далее отличие от мира земного станет более разительным. В круге втором железные левиафаны бороздят ледяную бездну, где глохнет всякий крик и лишь большое голубое пятно показывает выход на свет Божий. Обитатели бездны — несчастные, у них нет родителей и детей, у них нет смертного отдохновения — они вновь и вновь рождаются для страшной жизни. В сей пустоте великой обитают также куклы, у которых

нет души, но есть мышцы мощные, и слуги дьявола, у коих душа живая мучается в неживом теле.

Здесь пребывают семена многих растений и Крестных Дерев тоже. Но здесь живет Тварь, распространяющая Порчу, она давно возжелала сгубить Крестные Деревья и само Древо Жизни, во имя распространения власти ада на Мир Божий. А при торжестве Порчи утвердятся повсеместно поглощение, ничтожность и нелюбовь к себе. Люди будут гордится чужой силой, могуществом Ада, но сами окажутся подобны пузырям пены на бурной воде.

Впрочем, не все бесы и чудища были враждебны Страховиду в Преисподней. Страховид чувствовал Малую Тварь, когда еще летел на огнедышащей колеснице, а потом она проложила голубую тропу через бездну к адскому кораблю. Воин прошел по сей тропе и бился вместе с верным волком и демоном-космиком против бесов-сатурнян. Они бросались на него со всех сторон, и четверорукие и двухголовые, ощерившись множеством копий, клинков, шипов и крюков. Однако не было в них и десятой доли той силы, что они имели раньше. Потому, как ни искали они победы, ничего не добились и славы не обрели. Многих бесов божий воин иссек мечом и лишил движения — не меньше сотни. Слава Ботанику, во мрачных внутренностях адского корабля не заплутал Страховид, будто в него вложено было небом знание пути. Быстро приспособился и к тому, что здесь легче прыгалось, бегалось, а отдача от молодецкого удара могла бросить далеко взад.

Малая Тварь тем временем проникла на адский корабль и охватила его, а души многих бесов-сатурнян захватила в полон. Стали они тогда послушными чурками и не вредили уже ни Страховиду, ни космику Фоме.

Но вскоре прибыла Главная Тварь, Источник Порчи, на многих адских кораблях, где кишмя кишело бесами-сатурнянами. Тут озябло сердце Страховида, и понял он, что прежде не знал еще ужаса. Большая Тварь была настоящей повелительницей Преисподней. Окаянное чудище задумало зло содеять огромное, поглотить не только тела, но и все души людские — взять их в плен на вечное рабство и мучение, чтобы никогда не произрастили они Крестное Дерево.

И бились две твари, меньшая с большей — с воплощением зла законченного и беспросветного. Сплетались их щупальца-лучи, каждая пыталась захватить соперницу в кольцо, или же пробиться далеко в глубь нее. Вгрызались они многими пастями друг в друга, вырывали громадные куски плоти, запускали в прорехи ядовитые жала и острые уды, а еще пытались зарастить свои раны бурой кровью.

И в конце концов Большая Тварь стала с успешностью изничтожать корабль, бывший телом Малой Твари. Вцепилась пастью в уязвимое место и извергла из глотки реку яда, иже влилась в тело Малой Твари. Из-за жгучей отравы покрылось оно росой смерти, сизой пеной, которую сорвал адский ветер и понес в незнаемую даль. А внутри пузырей той пены были видны умерщвленные чурки, либо члены их тел.

Однако Малая Тварь поместила Страховида на кончик своего луча-щупальца и внедрила в тело большей Твари, которое тоже было кораблем. Следом за божьим воином шли приручённые покорившиеся воле небесной чурки. Бесстрашно они бились против своих недавних товарищей. Битва шла среди крепких костей и жил чудовища, среди его диковинно сияющих потрохов. Голыми руками, палицами, цепами, топорами и ножами свершалась ратная потеха, но меч сверкал лишь в руках Страховида.

Однако вскорости славный воин уверился, что сила Большой Твари неодолима. Соратники и приспешники канули в никуда, только верный волк еще пристоял рядом, а округ была одна сизая пена, каковая пыталась разодрать его тело и пожрать его душу. Со страха запропастился куда-то бес Фома, напрочь исчезло и голубое сияние меньшей Твари.

Воля к борению оставила Страховида, расширились зрачки его, и он безучастно взирал, како Тварь-Победительница поднимается из Бездны, неся разрушение Божьему миру. Попутно проносились перед внутренним взором осколки разбитой памяти: картины битв, мечи, нацелившиеся в грудь, дабы войти в него неудобным гостем, кинжалы, бьющие под забрало, кистени, крушащие голову — обитель мысли, бешеный скач от смерти, когда вражье копье хочет отворить новые врата в твоем теле, чтобы насытиться кровавой трапезой. Улетали в никуда добрый взгляд господина и образ девушки с подоткнутым подолом у реки, запах молока и хлеба от девичьих волос. Пропадали во тьме облики пустых коридоров Храма Нечистоты, где бродил сиротинушка босыми стынущими ногами. Как будто не было никогда синих мальчишеских коленок и щуплого тельца, трепещущего под потоком мокрого снега. Но самое последнее воспоминание задержалось — бутон, наполненный ласковым теплом, грудь неведомой матери, к которой прильнул он доверчивым ртом. Бутон раскрылся, и Страховид стал таять в уютном материнском чреве, все уменьшаясь и уменьшаясь.

Воина втянул в себя один из сизых пузырей и понес вместе с остальной пеной над поверхностью земли. Адские корабли окончательно оборотились в чудовищ, шкура их поросла

металлическим волосом, лапы были подобны глыбам, пасть — кратеру вулкана, а глаза-колеса блуждали, испуская взгляды, полные ненависти и алчности. Следом неслись и другие адские создания, огненные и ледяные, и уродливые звери, напоминающие ящеров, змей и медуз. Все эта кавалькада составляла тело Большой Твари. Синие сумерки затягивали Землю.

Ядовитая роса покрывала посевы, и они тут же съеживались, засыхали, и превращались в серую пыль. Сизые пузыри немилосердно притягивали к себе говяд, баранов, коз и прочий полезный скот — все разбухая, огромные сгустки раздавленных костей, расплющенных внутренностей, растерзанных шкур неслись по земле.

Адские всадники поражали своими копьями и стрелами храбрых воинов — были ли то ратники Макария Второго, ордынские нукеры, туркийские сипахи, солдаты Ван Шэня или ландскнехты верхнегерманского кайзера. Люди Земли бились храбро, но токмо самые неустрашимые и отчаянные из них умели противостоять посланцам Преисподней. Впрочем, были и такие воины, кои могли сражаться даже с огненными и ледяными чудовищами. Их вера была крепка, а воля несокрушима — особенно вблизи ревностных служителей церкви. Однако способных возразить аду было немного, и удалился Господь от грешной Земли — поля покрылись трупами поверженных и растерзанных, угольками сожженных костей и льдинками замороженных внутренностей.

А когда люди Земли обессилели и устали от борьбы, то синие сумерки опустились еще ниже и пали хлопья снега. Изморозь покрыла людей, и грешных, и невинных, и все они были похожи на ветхие тряпки. Но сияющий лед проникал в гнилую ветошь и превращал ее в сплетение прекрасных серебристые нитей. Потоки нитей наматывались на странные предметы, напоминающие веретена. Те косяками устремлялись в небо и брали направление к звездам…

11. “Раскуроченная планета”

Помехи. Настройка. Сигнал четкого восприятия. Дуплекс.

Я сражался храбро и вовремя кинулся наутек. Широкая пасть крейсера натуральным образом ухватила рейдер за корму, синий туман хищно прополз по покорившемуся кораблю. Узорчатые клубы уже проникали на форпик, когда я обнаружил шлюпочный отсек. Кто-то из чурок-сатурнян, пытался помешать, обвиняя меня в трусости и дезертирстве. Но товарищи болваны мало что соображали, а я неплохо орудовал обрезком трубы — как-никак обучался бою на палицах и палках. К тому же, и сатурнянский демон уже прибирал обратно своих кукол. Они судорожно подергивались в объятиях Плазмонта и опять принимались ловить меня, но уже по другой причине — я снова был для них проклятым марсианским безбожником. Я, забариккадировав дверь отсека, стал наскоро спускать шлюпку и, слава космическому ветру, один из ее разгонных двигателей оказался химическим и твердотопливным. (По части спасательных аппаратов сатурняне не так уж далеко усвистали от нас.) Сатурнянское божество к тому времени полностью осилило и распотрошило нашего искусственного плазмонта и собиралось закусить мной. Я почувствовал тяжесть, дурноту, жар, и ту силу, которая выдавливала сок из каждой моей клетки. Впрочем, после подготовки в испытательном блоке я уже не был чайником и имел навык к споротивлению. Однако наш самопальный плазмонт на фоне сатурнянского демона выглядел словно первоклассник по сравнению с вором в законе — как и предупреждала офицерша Мара. Откровенно говоря, нечистая сила имела чем прельщать, внутри нее были новые миры, сияющие радостные, не чета нашему. Демон, явившийся с Сатурна, влиял на мои центры восприятия без всякой Анимы, напрямую.

Мне казалось, что я не в шлюпочном отсеке, а залип где-то в внутри зверя-рейдера. И стал его частичкой, каким-то лимфоцитом в его кровеносных сосудах. Честно говоря, прекрасно было чувствовать себя частью чего-то могучего и ужасного. Зверорейдер как будто уже вошел в слои земной атмосферы, наряду с другими кораблями адской эскадры. Я ощущал себя не только частичкой, но и мускулом этого зверя и даже всем этим чудищем целиком. Какими клопами и таракашками представлялись люди Земли! Они еще пытались навредить мне своими жалкими пукалками. Я давал себе время позабавиться, прежде чем превращал их в обожженные угольки

или розовые ледышки.

И мне стоило больших трудов отогнать такое наваждение, едва-едва я удержался, чтобы не поддаться обаянию зла. (И на этот раз вспомнился мифологический Фенрира, то ли зверь, то ли тролль, который “будет грызть трупы людей, кровью зальет жилища богов.”) Я, конечно, повторял космотеистические молитвы, вроде “Унесенные Космическим Ветром”, и твердил сам себе, что работаю в службе “Алеф”, хоть и не ударник труда, но жизнь свою отдал борению против Сатурна и его темного божества.

Когда я немного пришел в себя, то смог, наконец, разумно поработать с трансквазером. Процессор все торопил, скорее-скорее. Я увидел на виртуальном экране, что толстые хрональные канаты опутывают меня со всех сторон и воспользовался последней лазейкой, чтобы вырваться на волю. Аж вспотел, пока из этих толстых хронолиний выворачивался.

Потом щупальце Плазмонта в последний раз цапнуло мою пси-структуру, вызвав приступ суицидной тоски, но все-таки отпустило. Шлюз шлюпочного отсека хрупнул и поддался, очистив дорогу. В бортоболочку стартовавшей шлюпки надо было срочно ввести баллистические данные. У меня, естественно, возникли сомнения насчет того, куда тикать — к Луне или к Земле, на большее бы не хватило топлива.

На Земле должно было твориться невесть что. Я без натяжки предположил, что Тварь на радостях устремится туда и устроит погром на уровне целого светопреставления.

Но что предпримет Луна, то есть наша база ВКС? Вояки наверняка перекинут меня в Техноком и еще неизвестно, где я в итоге окажусь, в службе “Алеф” или в “Бет”, на дознании с пристрастием. Что там еще придумают мастера из пыточного отдела? И все-таки я выбрал Луну. Ввел полетные данные в бортоболочку и оттянулся от забот на несколько часиков, уделив их храпу и сну. Решил, что когда приближусь к Луне вплотную, запрошу привод и совершу мягкую посадку на базе.

Встреча со своими была на удивление “радостной”. Очнулся я, несмотря на полное изнеможение, от резкого толчка. Это рядом со шлюпкой разорвалась сигнальная ракета. Сигнальная-то она для крупного корабля, а для мой утлой лодчонки почти как настоящая. Я глянул на экран радара и гвизор-монитор оптического наблюдения. В пяти тысячах километров от меня на фоне близкого лунного диска болталось два борта, хорошо были заметны факелы их термоядерных движков. База явно встречала меня в штыки. Ну это само собой, шлюпка-то сатурнянская.

Я вышел на связь на аварийной частоте, радостно

поприветствовал своих. Никто не откликнулся. Перешел тогда на военный канал, залепетал, что я — свой, простой стриженный подмастерье из Рынь-города, старший матрос запаса, что дал деру от супостата. Но в ответ раздалось противное драконье шипение:

— Внимание, нарушитель. Никаких маневров, никаких ускорений, никаких лишних движений. В противном случае вы будете немедленно уничтожены.

— А в непротивном случае?

— Мы подойдем к вам и втянем в свой шлюз. Больше никаких переговоров. Конец связи.

Через двадцать минут они подошли достаточно близко, чтобы поймать меня гравитационной ловушкой. Шлюпка медленно вплывала в портал крейсера. Прошла первые ворота, вторые, встала на шлюпбалки, отключила двигатель, и тогда шлюзовой выход-вход был закрыт. В приемном ангаре появилось десятка два тяжеловооруженных космических пехотинцев.

Когда я вылез из шлюпки, в меня так и вперилось двадцать бластерных стволов. Еще там были раструбы сквизеров, ребра гамзеров, соцветия плазмобоев, кольца ЯМР-заморозильников и шаровые антенны антихрононовых излучателей.

К тому же я заметил, что ангар-то совсем пустой, ни штурмовых катеров, ни транспортных коптеров, ни истребителей, никаких там ящиков и даже киберов-погрузчиков, палуба голая. Все выглядело приспособленным для ловли “блошки”.

Ко мне приблизился на расстояние в десять шагов человек в непроглядном шлеме и через Аниму в мой слуховой центр заструились суровые слова:

— Вы — Ф.К123, подмастерье тринадцатого ранга?

— Именно так. И недавно выходил на контакт с вашей базой. Так что я не взялся ниоткуда.

— У вас есть оружие?

— Ничего, кроме серийного плазмобоя, который недавно играл роль колотушки,— я с грохотом уронил “железяку” на палубу.— Ах да, чуть не забыл про самое главное, я уже избавился от обрезка трубы, который позаимствовал на сатурнянском рейдере.

Тут, похоже за дело взялись стационарные и портативные сканеры, которые принялись просвечивать и прослушивать мой организм на предмет наличия боевых средств и “жучков”, сверху прозмеился гибкий зонд с датчиками, похожий на кобру, он всего меня облазил. Видимо с боевыми средствами и “жучками” оказался полный ажур (диффузный трансквазер не в счет), поэтому командир в непроглядном шлеме сдержанно одобрил:

— Лады.

Но как будто испугавшись собственной покладистости, он строго добавил:

— Вас еще должен протестировать специалист из службы “Алеф” Технокома на предмет каких-то инфекций и инвазий.

Служба “Алеф”, свет очей моих! Сердце так и запрыгало. Я даже не слишком обратил внимание на слова “инфекция” и “инвазия”.

Выступил вперед еще один субъект в непроглядном шлеме. Он наставил на меня штуку, похожую на букет цветов, поводил ей и в конце концов заявил:

— Ни гнездовий, ни очагов нитеплазмы не обнаружено.

— Отлично, братан, ты меня не разочаровал.— отозвался я.— Даю зуб, что ты сейчас дал мне хорошую рекомендацию, и надеюсь, подошло время для завтрака.

Командир в шлеме поспешил меня разочаровать.

— У нас приказ — немедленно переправить вас для дальнейшего обследования на Марс.

— Какое дальнейшее обследование? Дьявольская хреновина повисла на земной орбите и готова устроить светопреставление на планете-маме. А потом она поимеет и Марс, и Юпитер. Она все может. Эта нитеплазменная тварь вытягивает все силы, душу…

— Остановитесь, Ф.К123. Вы разглашаете секретную информацию,— прикрикнул алефовец.

— Эй, братан, откуда я должен знать, что это — секретная информация?

— Любая информация об аномальных явлениях является закрытой. Для ее разглашения требуется разрешение начальника службы. Статья 12, параграф шесть Устава Технокома.— отсек “братан” и я понял, что он мне никакой не братан.

Ну, куда тут попрешь? Без банкета, даже без завтрака, только с пайком в виде самогенерирующихся полуживых протеинов меня посадили на борт коптера-разведчика — невидимого даже в оптическом диапазоне и крайне быстроходного за счет двухфазного атомно-термоядерного двигателя с гравитационным разогревом и удержанием. К тому же меня сунули в принудительный сон. Рядышком не спали, а держали пальцы на спусковых кнопках двое одинаковых парней из спецназа, похоже, что клоны. Видимо, этих близняшек предупредили, что в любой момент я могу превратиться во что-то страшное и ужасное о трех головах. А мне снились синие сумерки на Земле, грозная волна, превращающая и зверей, и растения, и людей в какие-то нити, накрученные на диски и спицы.

Оставался где-то день лета до Фобосской базы, когда нас затормозили. Очевидн была применен гравитационный аркан. Я,

конечно, не видел того, что творилось за бортом, поскольку дрых. А тот, кто не дрых, мог бы увидеть, как откуда-то появился светящийся плазменный крюк — это космический газ разгонялся вдоль линейного гравиполя, а потом тормозился на петле, излучая в световом и рентгеновском диапазоне. Гравитационная петля пошуровала в пространстве и наконец заарканила наш невидимый кораблик. Захват был недолгим, но все испортил. Была разомкнута “бутылка” в двухфазном двигателе, резко упала мощность, да еще гравитационные неоднородности покорежили корпус.

Анима вовремя просекла ситуацию и недюжинными усилиями вывела меня из сна. Пробуждение оказалось не из приятных. Вместо сладких потягушек надо было срочно катапультироваться далеко за борт. Но спецназовцы не собирались помогать, они, как истуканы заведенные, хотели без затей меня прикончить. Кораблик двигался еще с ускорением, так что, когда я крутанулся с койки, то просто упал на палубу. Выстрелы конвоиров прошли над моей головой. Естественно, боезаряды были малой мощности, недостаточной, чтобы пробить обшивку, но достаточной, чтобы сварить мозги в моей башке.

Кибердоктор одолжил мне лазерный скальпель, которым я провел по руке одного из солдат. Тот оказался не близнецом, а всего лишь квибсером-повторником — из разреза полилась голубая дрянь. Квибсер-первичник решил двинуть по мне ногой, но койка, послушавшись моего приказа, резко встала наискось, и удар пришелся по ней.

Меж тем коптер уже горел синим пламенем, сливай воду. Я едва успел преодолеть аварийный шлюз, как кораблик раскололся, а потом еще взорвался, превратившись в огненный шар с разлетающимися космами пламени — впрочем, меня уже захватила гравитационная петля и протянула через пространство.

Когда кишки улеглись обратно на свои места в животе, я понял, что попался в плен к службе “Бет”.

Она прилетела за моей головой на космическом корабле невиданного мной типа — был он круглый, как тарелка, без сопла, без факела. Входной шлюз у него тоже оказался модерновый — просто я просвистел через слой управляемого металла — тот обтек меня столь удачно, что судно не черпнуло космического вакуума. Оказался я в небольшом круглом отсеке, где на мою голову сразу была водружена “корона” — ободок мемо-считывателя. Бетовцы решили, не разводя церемоний, погрузиться в мою память и как следует позондировать ее.

Электромагнитные нейростимуляторы растормошили мозги так, что протеиновые комплексы памяти начали излучать на

определенных волнах, которые воспринимались мемосчитывателем и расшифровывались кибероболочкой.

Естественно, что по моей голове загуляли сонмы воспоминаний, малоорганизованных и даже хаотичных. Они касались, в основном, недавних периодов моей жизни. Но все, что относилось к моим знакомствам с икс-структурами, вспоминалось со скрипом, словно было заблокировано. Может, оттого что я и в самом деле оказался сильно потрепанным после встречи с “синим туманом”. А может это Анима, выполняя секретные инструкции Чертковица, наложила свои мемо-заглушки.

Круглый отсек неожиданно сложился, как гармошка, и я увидел устремленные на меня глаза недовольных бетовцев. Пяти человек — хотя возможно среди них были и квибсеры. В общем-то, у всех протокольные рожи были, в одну масть.

— Что ты скрываешь? — заорал один из них.— Хочешь, чтобы мы тебя заморозили и напустили в твои мозги микрокиберов, которые проползут по всем нейронам и подвергнут их принудительному считыванию.

— Это действительно страшно, без шуток. Но зачем таким странным образом узнавать, что там задумал ваш друг Плазмонт. Лучше спросите у него напрямую… И вообще давайте поговорим на более интересную тему: как, например, устроена ваша тарелка?

И хотя уже выплыли кольца ЯМР-заморозильников, от которых шел тревожный сквознячок, хотя появились зонды, которые должны были внедрить в мой охладевший мозг микророботов-обследователей, один из бетовцев устроил паузу. Наверное он был достаточно высокопоставленным человеком, мабуть членом директории, поэтому поведал про устройство тарелки — видимо, чтобы войти со мной в дружеский контакт. И к тому же он предполагал, что я уже никому не сумею растрепаться и моя мертвая голова не попадется судмедэкспертам на послойное скобление и сканирование.

Оказалось, что двигателем тарелки является трансквазер, который производит изъятие квантов пространства, укорачивая радиус его кривизны.

Не успел собеседник закончить, как корабль службы “Бет” был взят в клещи эсминцами второй марсианской эскадры. Конечно, до окончательной поимки было далеко. Тарелка обнаружила брешь среди эсминцев и рванула туда, напрягая двигатель — повидимому трансквазер создавал такие возмущения пространства, что любой локатор облажается.

Я краем глаза наблюдал за гвизором, на котором в полярной проекции был представлен сектор пространства с ползающими по

нему кораблями — те смотрелись просто безобидными светлячками.

Тарелка почти проскочила в брешь, и тут заминка вышла. Двигатель работает, а ускорения нет как нет.

Засуетились бетовцы — всякие предположения строят насчет того, куда мощность движителя подевалась.

А тут не только ускорения, но даже скорости нет. Прямо торчит тарелка на месте. Бетовцы беснуются, с ума сходят от непонятки. Тут до меня дошло. Бетовский корабль сетью уловлен — сетью, сделанной из мономолекулярных нитей.

— Не суетитесь, граждане.— обратился я к своим тюремщикам.— Золотая рыбка поймана неводом. Приготовьтесь исполнить три желания старика рыбака.

Ой, зря я это сказал. Человек, обладающий повадками командира, со мной согласился и начал приказывать:

— Г455 быстро за борт, возьми мезонный прерыватель и разрежь нити. П200, уничтожь пленного при попытке его захвата.

Тут и случилась попытка захвата — легка на помине. Тарелку тряхнуло, посыпались сверху куски обшивки и в отсек через дыры в подволоке метнулись черные тени. При том даже разгерметизации не произошло. Видно над местом прорыва был развернут купол. Бравый П200 собрался было уничтожить меня, но я успел пихнуть его ногой в живот, а затем от него вообще мокрое место осталось — из-за сквизерного выстрела.

Мономолекулярная нить прочно обвилась вокруг моих рук и ног, крепкие руки сунули меня в непрозрачный мешок и стали перемещать. Судя по тому, как он раздулся, и по легкой дурноте, я понял, что нахожусь в открытом космосе. Вскоре мешок снова сдулся, значит я оказался в помещении с нормальным атмосферным давлением. Упаковку с меня сдернули, я успел заметить только металлические переборки и какие-то свирепые рожи, как сверху посыпалась некая труха, которая моментально облепила мое безропотное тело. Кто-то приказал “не дышать”, я благоразумно послушался, а вся труха мигом слиплась и затвердела, превратившись в брикет. Я был накрепко запечатан, однако, сквозь поры каменюки, в которую замуровали мой организм, воздух все-таки проникал и спасал меня от удушья. Итак, я продолжил путешествие в виде окаменелости.

Судя по сообщению Анимы, это длилось несколько часов. По ходу дела была даже проявлена забота о мне, какой-то сердобольный гражданин пробурил камень и через трубку подал в голодный рот теплую протеиновую гущу. Мочиться же пришлось под себя, хорошо хоть другие надобности не возникали. А случись вдруг эрекция, точно бы хрен сломал, поэтому я изо

всех сил отгонял воспоминания сексуального толка, который так и лезли назло. Облегчение приносила только одна светлая мысль, что обо мне беспокоятся, что меня скрытно провозят в качества образца грунта — дабы я не достался врагу. И, видимо, скрытность эта вызвана резким противостоянием двух служб Технокома.

По инерционным нагрузкам я догадался о том, что мы приземлились на планету типа Марса, что мой брикет извлекают из трюма, перегружают, протягивают по транспортеру, везут в “клопе” или гермокаре, поднимают на лифте. Наконец камень был где-то установлен стоячком. Потом к нему приложили вибрационную “подушку”, стало щекотно, хоть хохочи, хоть плачь, и тут он рассыпался довольно крупными кусками.

И — вуаля. Я находился в кабинете какого-то крупного начальника. Я бы даже сказал, сверхкрупного. Кабинет размером аж с футбольное поле. В углу смонтирован водопад из жидкого радужного стекла, удерживаемого силовым полем, под потолком порхают и летают киберптицы больших размеров, там же водят хоровод хлопья гелиевой ваты, изображающие кучевые облака. В каждом углу стоит по роботу из квазиживых полимеров — каждый из этих стражей облачен в историческое одеяние: египетского воина, греческого гоплита, персидского “бессмертного”, римского легионера. Стоят и даже моргают иногда, грудная клетка имитирует дыхание.

Неподалеку от меня возился с мутантом-минислоником молодой коллега, судя по всему — техник. А начальник в кабинете пока отсутствовал, если конечно исключить версию, что он является невидимкой.

— Скажи-ка, пацан, а где тут нужник?— поинтересовался я у молодого коллеги по насущной теме.

— Пошли, покажу,— парень довел меня до какой-то стены, которая мимикрировала под заросли высокого камыша. Тот подался в стороны, и за ним обнаружился унитаз красоты необыкновенной, парящий в гравитационном поле. Потолок и стены создавали голографическую иллюзию побережья Нила времен фараонов — мимо проплывала барка Хеопса с полуголенькими девушками в виде гребцов. Ну, а я в этом шикарном санузле еще помылся мыльным пузырем, почистился мочалкой-грязеедкой, даже простирнул и мигом высушил в вакуумном шкафчике свой комбез.

Когда вышел наружу, на “футбольное поле”, то снова не обнаружил начальника кабинета, имелся только прежний пацан-техник, который менял мозговой кристалл у одного из киберкотов.

— Ты вижу — наш человек, технарь.— дружелюбно заметил я.

— Угу.— отозвался занятый парень.

— Подмастерье?

— Чуть повыше.

— Тебе повезло, слава карьерной машине. Она, сука такая, меня вообще замечать не хочет… А что, хозяин этого кабинета — крупный шишкарь?

— Да вроде.— спокойно отозвался собеседник.

— Из Технокома, надо полагать. А ты из какой службы, парень?

— Не из какой.

— Значит, из центрального аппарата. Бедолага. В таком кабинете пукнешь и еще три раза эхо услышишь… Ну и кто по должности этот шишкарь?

— Начальник Технокома.

Ексель-моксель, вот те на. Человек, имеющий тысячный ранг, а фактически уже не человек, полубог, генеральный уполномоченный касты “вайшья” (техно), член Совета Генеральных Уполномоченных, второй заместитель его главы. Почто же я ему понадобился?

— Ну и где он?— справившись с волнением выдавил я.

— Вот он.— парень ткнул пальцем в самого себя.

Если это — розыгрыш, то парню бы следовало врезать по сопелкам, а если нет? Белый свет малехо помутился.

— Ты?! Вы?!

— Я. Марк-27. А что такого?

— Да нет, ничего. Не попросишь же у вас предъявить персонкарту.— справедливо отметил я, чувствуя то жару, то холод из-за гормональных перепадов.

— А у меня ее и нет. Всякой ерундой порученцы занимаются.

— Елки, предупреждать же надо заранее, как минимум за год, о такой встрече… А почему моей персоной не занимается порученец?— поинтересовался я, справившись с некоторым волнением.

— Потому что ты, Фома, по-настоящему интересная фигура, может даже шарнир Вселенной.

Понятно стало, что меня сюда притащили не для того, чтобы явить начальственный гнев, а для дела. Так что волноваться завтра будем. И я понял, что могу теперь, как “шарнир Вселенной”, в меру обнаглеть.

— А можно у вас кое-что выведать, коллега генеральный уполномоченный?

— Только, Фома, не спрашивай ничего насчет себя.

— Согласен, поскольку знаю, что насчет себя мне трудно услышать чего-нибудь хорошее… Почему вы так молодо выглядите? Это немного подозрительно.

— Персона начальника Технокома представляет собой систему последовательных клонов. Я — седьмой клон “Марк-2”, то есть биологически являюсь все тем же первым начальником Технокома. И психически я — это он. Потому что производится пересадка пси-структуры от одного клона к другому. И информационно я — это он. Во-первых, я изучил и усвоил своим ментальным полем все содержательные сообщения, мемо-элементы, которые поступали к моим предшественникам. Кстати, носителем моего ментального поля является, помимо коры головного мозга, так называемое киберрасширение, позвоночный имплант емкостью сто ментобайт. Во-вторых, так как и мои предшественники, я подключен к ведущей кибероболочке Технокома, которая, между прочим, является резидентом всей Техносферы. Кстати, ни один компьютер, ни один робот, ни одна киберсистема без моего участия не получает даже командного процессора.

— Круто.— похвалил я и продолжил с той же дерзостью, которая помогала юродивыми держаться запанибрата с царственными особами.— А программный вирус или плутон могут поразить вашу резидентную кибероболочку и заставить ее работать, например, на сатурнян?

— Интересный вопрос, Фома, но это исключено. Я в состоянии контролировать ее двадцать пять часов в сутки. Ну, ладно, хватит лясы точить.

Едва он это сказал, в зале-кабинете появилось четверо, все люди при полном параде и, естественно, члены корневой директории. У троих красовалась на форме эмблема центрального аппарата “Технокома”, сиречь избушка, у одного на лацкане присутствовал бычок рогатый, знак “Алефа”. Алефовца я узнал — Чертковиц.

Начальник Технокома распорядился:

— А теперь, Ф.К123, расскажите обо всем, что произошло с вами. Только начинайте не с рождения, а с того утра, когда пропал “Лягушатник”. И прошу не врать, потому что все этапы вашего большого пути мы реконструировали с помощью записей контрольной аппаратуры, в том числе и той, что смонтирована прямо на вас. Учтите, за ложь вы будете так сурово наказаны, что миллиард раз пожалеете, что родились на свет.

— Это вдохновляет, коллега генеральный уполномоченный, тем более, что я уже пожалел.

Я в течение получаса вещал (естественно, что правдиво), а

когда закончил со своей биографией, то члены корневой директории начали базлать. Я никак не ожидал, что это произойдет прямо в присутствии начальника Технокома пред его светлым ликом.

— Эта курва — шпион плутонов,— орали одни и, естественно, указывали на меня.

— Этот сучий потрох начинен нитеплазмой, он — спора Плазмонта,— вопили другие и тоже тыкали в меня пальцем, особенно старался Чертковиц.

…Из-за этого урода Плазмонт проник на Землю… Этот жалкий подмастерье снова привел к нам плутонов… Аннигилировать… Сделать мокрое место гравитационным ударом…

— Ну, ладно, разошлись.— начальник Технокома остановил кровожадные крики.— Он только исполнял волю вышестоящих начальников и проявлял разумную инициативу. И при том Фома действительно много знает и умеет… Подождите-ка вы в приемной, с вами отдельный разговор будет.

Я понял, что собирались тут люди, осведомленные обо всех проектах, в коих я участвовал, в общем-то благожелательные, и тем не менее поднялся такой хай. А если еще присутствовали бы бетовцы!

Ясно уж, что секреты всех служб ведомы начальнику Технокома, что их распря изначально заложена им же. Хотя, может, некоторые результаты этой войны становятся сюрпризами и для генерального уполномоченного.

Я подумал — и начальник Технокома понял, о чем. Какой-то считыватель мыслей у него явно имелся.

— Да-да, Фома, в нашем обществе практически нет естественной конкуренции и соревновательности. Особенно с той поры, как заглохла вольная старательская деятельность на Меркурии и в поясе Астероидов. Следствием этого, как бывало и раньше, в Римской империи, и в средневековом Китае, и Совсоюзе, стали стагнация и даже распад. Вот и приходится использовать неестественную конкуренцию, бюрократическую грызню разных ведомств, и доводить ее до такого состояния, чтобы она приносила пользу.

— Прекрасно, что они грызутся, но почему они стараются все время прикончить меня?— задал я резонный вопрос.

— Ну что с них взять, Фома? Ни доброжелательства, ни элементарной вежливости — обычные замшелые бюрократы, зажимающие информацию… Так вот, искусственный плазмонт не оправдал наших надежд. Он явно выглядел, как пацан по сравнению с Плазмонтом сатурнян. Но вы, Фома, вы давно уже не

ребенок…

Я понял, что мою пешку сейчас снова передвинут по игровому полю, отчего она возможно станет ферзем — на какое-то время, до получения мата.

А начальник Технокома принялся меня увещевать, причем не без лести.

— Фома, благодаря диффузному трансквазеру вы здорово уяснили, что такое каналы хроноволнового преобразования. Кроме того определилось, что ваша пси-структура обладает значительной хрональной силой. Сатурнянский Плазмонт явно не получил от нее того, чего хотел. Шепну вам по секрету: в принципе, пси-структура мощнее любого трансквазера, она получает потенциал от Бога, ну, может быть от Поля Судьбы, где все предопределяется. В общем, космическая родина нуждается в вас, Ф.К123. Да, вам предстоит еще немало изведать, я не боюсь это сказать. Однако на основе именно вашей пси-структуры будет спродуцирован новый плазмонт, способный справиться с демоном Сатурна!

Я поперхнулся, как будто проглотил что-то неудобоваримое размером с кол. Из речи большого начальника следовало, что мне конец пришел.

— Нет, нет. Не конец, а начало.— оспорил начальник Технокома.— Даже ваши органические структуры не пропадут. Ваше тело будет совершенно бесплатно, так сказать за счет фирмы, подвергаться глубокому замораживанию вплоть до возвращения в него пси-структуры — даю честное генеральное слово. А теперь, увы, время нашего свидания истекло.

Когда я уже покидал кабинет в сопровождении двух плечистых биороботов в одеяниях древнерусских витязей, то услышал в слуховом центре прощальные слова высокого руководителя:

“Запомни, Фома, ничто не исчезает бесследно. Особенно в нашем королевстве.”

Мне не завязывали глаза, однако движущаяся дорожка пронесла меня по такому количеству коридоров и залов, что мало чего запечатлелось в памяти, хотя Анима и стимулировала мозги на усиленное запоминание. (А мемо-кристалл почему-то вдруг перестал записывать.) В итоге, я попал во люксовые апартаменты с видом на природу, вполне земную природу-мать. За окном была веранда, где росли мандариновые деревца и прочие растения земных субтропиков. Я распахнул балконную дверцу. Хотя небо было темно-оранжевым марсианским, гравитационное поле удерживало теплый воздух, а кружащиеся микро-солетты питали растительность щедрым псевдосолнечным светом. И даже

марсианский пейзаж в этот весенний вечер казался ничего себе. Неподалеку от штаб-квартиры Технокома виднелись голубые пятна оазисов, купола колодцев мигали разноцветными огоньками и раздували над собой голорекламы во славу своей касты — всякие бодренькие “кшатрии не сдаются” и “если ты технарь по генам, значит знаешь жизни цену”. Гравитационная катапульта космодрома, забирающаяся своим финишем на кратер Темпл, время от времени покрывалась зеленым ореолом, из которого рождался бодрый факел стартующего борта. Далекий мудрый глаз Солнца подкрашивал в нежно-розовые тона полярную шапку, затянутую дымкой углекислотного конденсата. То, что казалось алеющей стеной на востоке, было пылевой бурей — она случайно прорвалась с юга и сюда не дойдет, отчего чувствовался уют. И даже трущобы Озерков, сгустившиеся возле древнего русла “канала”, выглядели сейчас веселым скоплением светлячков.

Хотелось жить — и жить хорошо.

Я понял, что перед экзекуцией мне дано несколько часов на отдых и раслабон. Правда, я не привык это делать в одиночку. Не надо мне такой шикарной хавиры, была бы приятная компашка, в том числе парочка зажигательных, пропитанных окситоцином шлюх, или даже секс-роботесс — хотя от них порой тоска берет. А еще лучше погудеть в каком-нибудь кабаке, где можно схлопотать по морде от мутанта, но зато сподобиться полной отключки от всех проблем.

Я глянул с веранды вниз — штаб-квартира Технокома в Новом Петербурге занимала трехсотметровую башню, имеющую форму песочных часов — в общем, смотреть было неприятно, да и никаких выступов на глянцевой стене.

Я вернулся в апартаменты и поискал какую-нибудь дверку, ведущую в коридор. Дверки имелись (по крайней мере, стыки от них), но были надежно заперты.

Я подошел к одному из столов, на нем лежала настоящая книга, одна из тех, что печатаются на нынешней Земле с помощью свинцовых наборных шрифтов. Обложка деревянная, обшитая хорошей кожей, чертовски плохая бумага. “Второе евангелие” называется, сочинение Ботаника. В Космике я им не интересовался, на Земле оно никогда мне в руки не попадалось, ведь ревнители второевангельской веры тщательно скрывают его от мирян, хотя и используют отдельные абзацы и фразы в своих проповедях и литургиях. Низинную Проповедь я более или менее знал, поэтому обратился к самому началу книги, где рассказывалось о сотворении земли, человека и государства. Чувствовалось сильное влияние каббалистической мистики,

похоже, Ботаник был начитанным человеком.

“Возлюби самого себя, друже, и познай истину. Вначале был свет, и ничего кроме света, ни расстояния, ни времени, ни мыслей, ни чувств. И свет был Богом. И стало Ему скучно. Сократился свет в одну точку, оставив место для расстояния, времени, мыслей и чувств. И пустила сияющая точка лучи-нити, один, другой, третий, неисчислимое множество. И соткалось Древо Жизни со всеми его ветвями, каждая из которых есть мир.”

Я сверился через кибероболочку культурсферы с каббалистическим трудом “Древо Жизни” Исаака Лурия. Там было написано:

“Знай, до начала творения был лишь высший, все собой заполняющий свет. И не было свободного, незаполненного пространства — лишь бесконечный, ровный свет все собой заливал… Сократил себя Он в точке центральной своей — и сжался свет и удалился, оставив свободное, ничем не заполненное пространство… И вот протянулся от света луч прямой, сверху вниз спустился внутрь пространства пустого того. Протянулся, спускаясь по лучу, свет бесконечный вниз, и в пространстве пустом том сотворил все совершенно миры…”

Так же как каббалисты Ботаник говорит о зле, которое завелось в нижних мирах, только называет его не клипат (шелуха), а Порча или Гниль. Но далее проглядывается существенное отличие. Адам и Ева, по Ботанику, жили не в Эдеме, а в месте, где Порчи было особенно много, и где она пыталась отобрать у людей некую “растящую силу времени”. Поэтому они и принялись самочинно карабкаться от нее вверх по Древу Жизни, чем навлекли на себя гнев Единого. За это Он, во-первых, низверг их обратно вниз, во-вторых, саму Порчу, конечно же, уничтожил огнем, и, в-третьих, благожелательный интерес к людям стал проявлять намного реже. Так что последующие пророки, Авраам, Моисей, Христос, Магомет едва-едва могли докричаться до Него и принуждены были самостоятельно просвещать и рафинировать человечество, чтобы оно мало-помалу выращивало собственное Древо Жизни.

Я, естественно, подумал, что, может, под Порчей всеведущий Ботаник разумел Плазмонта, который, допустим, изрядно донимал первых людей. И, может, первобытные художники изображали именно нитеплазменных тварей в виде узорчатых орнаментов на всяких сосудах.

А еще я подумал, что вдруг под башней затаился очередной плазмонт или его спорозоит, который делает сейчас свой подкоп. Это опасение стало кодом доступа к трансквазеру, на каких-то остатках своей энергии он открыл хрональный канал.

Апартаменты со всей их обстановкой сделались просто зарисовками, потом заструились. Струи, в свою очередь, на виртуальном экране обернулись хрональными линиями, с которыми я смог поработать опытной рукой, только не слишком удачно. Похоже, я выкинул кусок не той стены… и оказался снаружи, за “бортом” башни, над пропастью. Одно мгновение ужаса, погасший в пустоте вой и пожарная сетка-уловитель поймала меня, чтобы доставить на землю в целостности и сохранности. Через минуту внизу собралась толпа, чтобы галдеть, указывая на дырку, образовавшуюся в стене шикарного комплекса. Этим мне и удалось воспользоваться, чтобы незаметно скрыться с места происшествия.

Я догадался, что меня, наверное, скоро отловят, поэтому захотелось в виде лебединой песни справить два дела — навестить Соню в ее инкубаторе-едукаторе, а потом ужраться до усрачки. Я взмахнул рукой и подкатил кибермобиль-клоп.

— Куда едем, шеф?— спросил “клоп” развязным тоном.

— В Царское Село.— Сонькин едукатор находился в одном из городков-спутников Нового Петербурга.

— А вы что потеряли персон-карту?

— Да по дороге получу дубликат.— Лишь бы мой идентификатор не попал в списки беглых государственных преступников.

По дороге я еще собрался было заскочить в лавчонку, купить ребенку подарок. Но едва высунул нос из кибермобиля, как заметил “хвост”. Две бронированных гермокара торопились со всех колес за мной.

— Ты не можешь побыстрее крутить педали, хрен ты мой опавший?— обратился я к “клопу”.

— Понял шутку, ха-ха три раза. Однако на этой трассе скорость движения ограничена девяноста километрами в час.

Эта реплика будет стоить ему головы. Я отодрал панель, несмотря на крики “Что вы делаете?”, “Вы еще пожалеете!” и стал управлять кибермобилем напрямую.

Однако бронированные вездеходы упрямо нагоняли меня. При этом все транспортные средства перед ними расступались, а передо мной скапливались. Да и управлять машиной, вставляя разъемы в слоты и снова выдергивая их, было не слишком удобно. Один гермокар дал предупредительный залп из базуки и мой “клоп” чуть не перевернулся, еще и осколки наделали дырок в капоте. Все, попался я. Неожиданно со мной поровнялась мощная машина, в которой сидел четырехрукий бравый синий мутант, похожий на Шиву, и делал мне знаки, мол пересаживайся, ковбой.

Я вписался в гостеприимно распахнутую дверку его машины — хотя едва не промахнулся и не угодил под колеса. Скорость у муташкиного гермокара была побольше. Кроме того, тоннель начал ветвиться, и несколько веток уходило в сторону Озерков, где отловить искомого человека можно разве что с помощью крутой облавы. Мутант подбадривал меня фразой “Не ссы, прорвемся”, и слишком активно давил на все рычаги, отчего я понял, что он сильно набрался какого-то “антифриза”. На крутом повороте ни Шива, ни его автопилот не удержали сцепления, и мы все вместе впилились в стену тоннеля. Тьма ударила меня своими тяжеленными кулаками.

12. “Восставший ото сна”

Помехи. Настройка канала. Сигнал четкого приема. Дуплекс.

Очнулся я от слов: “Коллега генеральный, программа закончилась.” И сел на койке, которая одновременно напоминала и операционный стол, и кресло пилота. Я — генеральный уполномоченный? Марк-27? В голову не приходило никаких вразумительных объяснений.

— У вас посттравматический шок.— пояснила тихим участливым голосом фигура в белом.

— Кто я, ядрен батон, и что со мной приключилось-то?

— Вы — начальник Технокома. Ваша пси-структура проходила тренировку в виртуальных пространствах.

— И с какого момента все стало виртуальным?— довольно тупо спросил я.

— С точки “Сияние поглощает дом-колодец “Лягушатник”. Коллега генеральный, я вам уже сделал инъекцию, которая позволит быстро снять синдром раздвоения и вернуть вас в базовую реальность.

Значит, реальность заключается в том, что… недавно, пару часов назад, я улегся на эту койку, и к моей вене прикоснулся инъектор, который позволил мне быстро перенестись в смоделированную историю. Инъекция отключил заглушки мозга, а через биоинтерфейс Анима потекли блоки виртуальной информации от гиперкомпьютера. Итак, все это случилось лишь с моим персонажем.

Однако мой персонаж был слепком с человека по имени Ф.К123, а в виртуальном поле реконструировались реальные события, по крайней мере в общих чертах.

Что же произошло? Нападение эскадры сатурнян на Землю, уничтожение спецлаборатории и поглощение нашей

искусственной Икс-структуры могущественным нитеплазменным божеством. И по-прежнему стоит торчком вопрос — что предпринять? Начинать третью тотальную войну или снести пощечину и понаблюдать дальше. Для ответа остается совсем немного времени. Несколько дней, а то и часов.

Я поднялся с койки — меня бережно поддерживали два квибсера, они же помогли мне добраться до апартаментов. Вернее везла меня дорожка-самодвиг, а квибсеры только бежали впереди и позади, сжимая бластеры — это на всякий пожарный случай.

Апартаменты были те же самые, что и во сне, только теперь я был не гостем в них, а полноценным хозяином.

Из соседнего зала вышла Катерина. Да, у меня есть женушка и дочка Соня — человеку моего ранга разрешено иметь при себе семью.

— Эти виртуальные сны — такие опасные для психики.— замечает вполне искренним голосом Катя.

— Были. А сейчас есть надежные антишизоидные средства. Только девять из десяти виртуальщиков лишаются ума. Девять уже лишились.

Из детской комнаты донесся Сонькин голос, а потом выглянула и ее рожица.

— Па, я тут еще немного поиграю с пегасиками.

— Только смотри, чтобы они тебе не нагадили на головушку.

Из детской выпорхнул один из этих пегасов. Маленькая лошадка, размером с кошку, да еще крылышки имеются. Это не кибер, и не биоробот, а мутант. Крылышки играют в основном декоративную роль, пегасик летает не лучше курицы, но справить нужду на вашу макушку сумеет.

Катерина обнимает меня ласково, глаза ее смотрят нежно и преданно, она укладывает меня на пузырчатую кровать, которая так приятно массирует спину, и начинает колдовать на мне. Неужели все это правда — не могу до конца поверить. Но правда и то, что корабли Сатурна незаметно для нас добрались до самой Земли и сейчас находится на ее орбите. Эскадра сатурнян не откликается на запросы, так же как и их ставка на Титане. Что это для них — объявление войны, или решение локальной задачи, или демонстрация силы? А вдруг мы к войне готовы гораздо хуже, чем они? “Если завтра война, слепим пушку из говна, в жопу пороха набьем, всех фашистов перебьем”,— прямо застрял в ментальном поле этот невесть откуда взявшийся мемо-осколок.

С другой стороны, если бы сатурняне хотели начать масштабную войну, они бы нанесли удар по какой-нибудь нашей военной базе вроде “Вальхаллы” на Каллисто или производственному комплексу типа “Квибсердома”, что на

астероиде Паллада. Впрочем, искать логику в действиях сатурнян не обязательно — ведь ими управляет мегавирус, прозываемый нами Плазмонт. Это самый секретный и самый опасный наш враг со времен первого столкновения с ним в земной деревеньке Оменовка. Тогда одолеть врага смог только капитан Алекс К123. Но кто-то из членов разведгруппы занес спору Плазмонта на Меркурий — половина его населения вскоре пропала без вести. Там нитеплазменная тварь была побеждена опять-таки благодаря клону К123 по имени Терентий. У меня сейчас имеется в заначке клон Ф.К123, но, увы, это не слишком развитый тип.

Как же можно одолеть Плазмонта без всяких подвигов — нормальным, техническим, конвейерным путем?

Известно, что размножается этот иноматериальный хищник спорозоитами. Попадая в благоприятную среду спорозоит начинает делиться, превращаясь в шизонта. Шизонт становится источником агрессивных гамет, которые способны активно поглощать и переформировывать нашу организованную материю, могут также оставлять в ней свои управляющие гнезда и очаги. Нитеплазменное существо проникает в наш мир благодаря хрональным каналам. И с этим мы вполне способны бороться, обрубая, спутывая и закорачивая их. Страшнее другое: плазмонт скрыт от нас, он обитает в сырой материи и способен там организовывать новые реальности, которые могут незаметно окольцовывать и быстро подменять собой целые фрагменты нашего мира. И нам не успеть…

В мое ментальное поле, предъявляя приоритетные коды доступа стремились проникнуть свежие сообщения и не желали сбрасываться на решение в резидентную кибероболочку. Опять невеселые вести. Соединение сатурнянских кораблей выдвигается в пограничный сектор 14Ю-39, в его составе три тяжелых крейсера. Ушел со своей базы на Гиперионе сатурнянский линкор класса “Фудзияма” — похоже, курс взят к астероидной группе “троянцы”. Но “возможно” это только отвлекающий маневр. В любом случае нашей ганимедской базе пора заняться развертыванием веерной обороны. Вдобавок, потеряна связь со всеми зондами-разведчиками, висящими непосредственно над кольцом Сатурна по обе стороны от эклиптики. Наверное, сатурняне потихоньку и разом сшибли их. Разведывательная информация поступает только с маломощных капсул глубокого проникновения, вся она настолько отрывочна, что не удается слепить единую картину по передвижениям вражеских бортов. Вот потому-то они столь скрытно покидают места постоянного базирования. А до Земли, скорее всего, добираются, развертывая мощные хрональные каналы. Вернее Плазмонт их проводит по

своим каналам-щупальцам, и это можно назвать образцовым симбиозом. Наше военное командование должно немедля кинуть несколько разведывательных дивизионов на воссоздание цепей слежения над плоскостью эклиптики, а для начала хотя бы заняться хрональным сканированием… И еще мне совсем не нравятся взаимоотношения между “Алеф” и “Бет”. Похоже, бюрократическая конкуренция становится слишком нездоровой. Не исключено, что какие-то бетовцы пошли на прямой контакт с нитеплазменным демоном. Впрочем, какой там контакт. Он берет за душу всех, кто ему поддается. Ладно, с бетовцами потом разберемся, каким-нибудь деликатным бюрократическим способом…

Итак, мы уже в курсе, что плазмонт не един, он множественен, особи имеют разную степень разумности и агрессивности, но при этом все они сообщаются по нитеплазменным каналам, проходящим вне нашего мира и образующим сеть. Победить сатурнянского демона может лишь другой плазмонт, притом дружественный нам и вообще свой в доску. Однако, прежде, чем он дозреет, его почует божок с Сатурна, подчинит или поглотит. У нас нет времени на долгое выращивание и дрессировку искусственного плазмонта… Но если в него внести, как матрицу развития, пси-структуру человека, тогда разумность и сопротивляемость нашего выродка вырастут резко, скачком. Что, если все-таки попробовать Ф.К123 на роль матрицы для Икс-структуры?

Однако Катерине такой вариант не придется по вкусу… А почему это потолок проливается дождем? Я просыпаюсь?

13. “Проснись — обворовали”

Помехи. Настройка канала. Четкий прием. Дуплекс.

Как, я опять — Фома К123? Не хочу быть Фомой, мне начальником больше нравится… И все-таки я — обычное подмастерье тринадцатого ранга, расходный материал. Поэтому я на койке в штаб-квартире Технокома, жду начала очередного опыта. Аз есмь клон К123, который якобы особо приспособлен к борьбе против Плазмонта. Да, вивисекторы уже отложили в сторонку сэндвичи и достали свои скальпели и зажимы. Видимо, когда я впилился в стенку тоннеля и валялся в отключке, меня подсоединили к резидентной кибероболочке Технокома. Я имел честь видеть виртуальный сон, в котором считал себя начальником Технокома. Причем, это было сделано не ради прикола, а лишь для того, чтобы я осознал громадье замыслов

генерального коллеги и сложность ситуации — ведь и сатурняне, понимаешь, наглеют на глазах, и подчиненные от рук отбились. После оказания столь высокого доверия я в дальнейшем, само собой, буду действовать без выкрутас, с чувством долга и большим энтузиазмом. И умру за Техноком с улыбкой на устах.

Итак, мне предстоит с надлежащим усердием исполнить задание космической родины — стать сильным и умным плазмонтом. Но не тем плазмонтом, который против нас, а тем, который “за”.

ЧАСТЬ II

Боль и страдание являются неизменными спутникам бесконечной войны форм и основой совершенствования.

Невидимый Пророк, Итог Молчания

Сидела старуха в Железном Лесу
И породила тем Фенрира волчий род;
Из этого рода
Станет один Мерзостный тролль
похитителем солнца.

Прорицание вельвы

14. “Снова о пользе чтения”

Четкий прием. Симплекс.

“Пацаны, мы нехило знаем историю 21 века, так называемую эру Солнечной Системы, когда сыпанули, как из рога изобилия, страшненькие сюрпризы и неприятные диковины.

Однако в нашей башке засели лишь те события, которые случились после войны “грязных ног”. Она стала для нас точкой отсчета. Тогда бубухнуло криминальное городское “дно”, обернувшись скопищем бандгруппировок. К ним присоединились толпы обездоленных и озлобленных, короче, урки непричесанные, которые вместе со своими шмарами и детишками рванули из перенаселенных скудных стран к сытой жизни. У них были чумовые паханы, что поставили на террор и прочий беспредел. Кое-какие диктаторские режимы вложили в руки всего этого хулиганья сверхмодерновые и вдобавок портативные средства поражения: ракеты, бинарные газы, ядерные боеприпасы, штаммы патогенных микробов. Мировое “дно” замахнулось на то, чтобы стать мировой “крышей” во всех отношениях, поэтому упирало на идею Джихада и Исламской Революции: карающий Бог поможет-де перевернуть мир и почистить фраеров-безбожников по части

деньжат, побрякушек, баб, домов и прочего барахла.

Солдафоны развитых стран, намастачившиеся на борьбу с бронетанковыми дивизиями противника, стали метать икру, когда началась партизанщина и прочий террор. Месяцами шла мочиловка, бои то затухали, то вспыхивали по новой, десятки городов были раскурочены, тысячи и тысячи народа врезали дуба. Когда война стихла, даже последний лох стал въезжать, что человек не способен по-умному управлять сам собой и все руководство было передано информационным технологиям.

Информационные технологии, то бишь кибероболочки, помогли народу скинуть все заботы. Облегчившись, человек разумный в два счета стал неразумным чуркой, который был на полную катушку использован доселе неизвестными паразитами — плутонами и мегавирусом Плазмонтом.

Когда информационные технологии на Земле были загашены, то народ перестал подмахивать паразитам, однако одичал, и вся история пошла почти с нуля.

В Космике информационные технологии были взяты под крутой контроль. Удовольствие оказалось дорогим — человек в натуре оказался операционной системой, монстром без чувств и привязанностей. Душе сделалось паршиво, и она потянулась к Вере, но огребла “подарок” в виде темной религии. Полномочным богом сатурнян стал недавнишний паразит — Плазмонт.

Где причина такой лажи, нам не врубиться, пока не крутанем колесо истории еще взад.

Рубеж девятнадцатого и двадцатого веков. Повсеместно подходит капец дикому варварству, темным суевериям, неприглядной нищете, эпидемиям от чумы до сифилиса, кошмарной смертности. Никто уже не строит нарочитые пирамиды из черепов на манер раскосого пахана Чингисхана. Отрешенность выходит из моды, миллионы людей заканчивают ковыряться в носу и встревают в исторический процесс.

Но заодно им уже не нужна вера в единого Бога. Милости, которая покончит с нуждой, бескормицей и прочей невезухой, они ждут теперь от промышленности, науки, государства, класса. Ну и дождались — полста лет не прошло, как миллионы людей обчищены, подведены под расстрел, жмурами сделаны за ради промышленности, науки, государства, класса, а Милости все нет. Двадцатый век получил под занавес “грязноногую” войну, где вера в Единого стала вертаться обратно, однако с обликом все более жутким. Теперь уже не Милости ждали от Бога, а кары, отмщения и прочего зажима.

Однако в том, что благостная Вера приказала долго жить, сами религии тоже крепко виноваты. Они напрасно давали знать,

что Милость получит каждый, кто не залетел по статье, то бишь заповедь не нарушил, и каждый, кто нарушил, но быстренько покаялся. Народ не находил подтверждений тому, что в случае покаянной проворности и покорности догмам будет все тип-топ и привяжется хорошая жизнь. Люди совсем не въезжали, что в их душах — тоже Бог, и пока там все грязно как в сортире, не стоит ждать Высшей Милости. Единственная “милость”, которой всегда хватало — это была немилость по отношению к иноверцам и еретикам: резню-то всегда можно устроить. Под конец народ решил, что церковники ему лапшу вешают и отказал им в десятине. Но обернулось это тем, что в дурные мозги стали легко западать всякие языческие соблазны и жестокие культы, отчего народу казалось, что притулился к чему-то крутому и великому.

Короче, к концу двадцатого века особи homo sapiens так и остались в куче своей мелкими крысятниками, без внутренней свободы и силы духа, потому-то и получили по рогам при встрече с Будущим.

Вот почему новой религией большинства землян стал аятоллльский Ислам, извращенный в культ Немилостивого Бога.

Вот почему паразит и хищник Плазмонт заделался подателем Милости для тысяч и тысяч слабосильных душ по всей Космике.”

Анонимный пользователь сетевого эфира. Самостоятельная передача, 2075 г, округ Тарсис, префектура Марс. Сообщение терминировано службой “Бет”.

15. “Никто не заметил потери бойца”, сентябрь 2075г. (месяц фруктень 10 г. от Св.Одервенения.)

Помехи. Настройка канала. Четкий прием. Симплекс.

Сановный муж Одноух катил в стольный град из подначального Березовского воеводства. Путь лежал по Новому Теменскому шляху, где было не страшно, даже в сей предвечерний час, буде на землю уже легли длинные тени. Потому и охрана большая не требовалась — токмо два десятка ратников. Головы воров и татей были насажены на колья, каковые отмечали версты — дабы служить назиданием любому, кто поддастся бесовскому искушению. Много усилий было положено, дабы конец поставить вольному перетеканию народа с места на место, поскольку “жидкое” состояние рождает тягу к воровству и татьбе. Теперь почти не осталось бесполезного, праздного и вредного люда, каждый ноне прикреплен к правильному месту: крестьянин — к земле в своей деревне, дворянин и стрелец — к своему полку, казак — к своей заставе, ревнитель веры — к

своему приходу, мастеровой и подмастерье тащат свое тягло в посаде. Даже купец, искони подвижный человек, прикреплен повинностью к определенному пути и товару и посему обязан отчет держать перед приказными дьяками, како на таможнях, так и в родной слободе. Всякий должен утруждать себя пред лицом государя, дабы мог Пресветлый за всем пригляд держать и правильное руководство иметь.

Одноух удовлетворения ради вспоминал, насколь удачно исполнял он поручения государевы в своем воеводстве — скорый суд над бродягами и разбойниками чинил; подати брал и с сохи, и с лавки, и с короба, и с быка, и с барана, и за проезд через мост, и за переправу через реку, и за стакан испитой водки; сторожевые полки исправно содержал, гоняя дворян на ратную службу, и не давая боевым холопам почивать спокойно; мосты да дороги ладил и вовремя починял — так что по ним и волосатый слон гульнет, не порушит; зерно в казенные житницы засыпал; что положено — в столицу отсылал, сколько надо — на голодный год оставлял; остальное давал на пропитание дьякам, служилым и холопам. Да еще превратил вотчины князя Березовского и прочих изменников в образцовые казенные поля. Не со стыдом воевода появится пред очи государя.

Одноух отпил из жбана с пивом, с кряканьем закусил хреном… и почувствовал недомогание в животе своем — неприятную тяжесть, напор гнилых ветров и шевеление дурных веществ. Он махнул рукой дьяку, сидевшему рядом на низкой скамеечке, тот проворно высунулся в окно возка и крикнул кучеру, чтобы остановился — господину сойти надоть.

Одноух спустился по мигом приставленным ступенькам, зыркнул по сторонам и вперед — шагах в десяти подле обочины шелестели малиновые кусты, поглядывая веселыми темно-красными глазками. Туда воевода и направил стопы свои, оставя легкую летнюю шубу на куньем меху в руках у холопа. Несколько ратников двинулось было следом, но Одноух обронил, не оборачивая головы: “А вот глупости не надо. Человек хочет, чтобы никто у него над душой не торчал.”

Воевода, хрустя сучьями, протиснулся вглубь кустов, и когда воинов не стало видно, спустил порты, сел орлом, сунул в рот несколько сочных ягод и опростался. Сразу стало хорошо и приятно…

Неслучайно взгляд его притянулся к поросли свежей травы — та яркая была, словно лучезарная и как будто звала его к себе. А что ежели ею подтереться? Воевода поднялся, со спущенными портами засеменил к яркому травяному пятну, оказался посреди его и тут… провалился. Как в котел каши, в болотную жижу, в

выгребную яму. Он и вякнуть не успел, как у него в устах будто кулак застрял. Жижа вся состояла из мышц мощных, она скручивала воеводу, сдавливала — словно целая толпа заговорщиков, оттягивала голову, пережимала выю как злоумышленник. Одноух почувствовал, что тает, пропадает почти без боли, инда перестают слушаться одна за другой, и ноги, и руки, засим растекаются объемное брюхо и широченная спина. Гуща залепила очи, воевода еще успел почувствовать, как она проливается в череп, спокойно помыслил: “А что хоронить-то будут?”, и перестал быть…

Ратники, вволю надымив своими чубуками, смекнули, что больно долго их господин изволят отправлять надобность. Начальник отряда и два десятника осмелились зайти в кусты, дабы проведать сановного мужа, и изрядно удивились. Воевода лежал со спущенными портами совсем без чувств в луже какой-то грязи — где угадывались и истлевшие тряпки, и даже человеческие кости. В лице его и кровинки не было. Воины крикнули лекаря и он, немало помучившись, привел-таки высокого начальника в правильное чувство. Тот сел и долго, распахнувши рот, глядел вперед себя безо всякого смысла. Затем непослушным ртом произнес:"Княже Эзернет, это я — холоп твой, Страховид” и наконец позволил отвести себя к возку…

А где-то не слишком далеко шествовал по тропе другой странник — в посконной рубахе и портках, в драной серой рясе, накинутой сверху, каковая выдавала некогда бывшее у него духовное звание. На правом плече у расстриги сидел большой ворон, впрочем, пернатый мог перебраться на шапку или на суму. Мог также взлететь, и, нарисовав пару кругов, усесться обратно.

В очередной раз прочертив воздух, ворон словно бы принес какое-то известие скитальцу, тот сошел с тропы, пробрался сквозь поросль молоденьких ив и оказался возле реки.

Там с десяток деревенских мужиков заканчивали ладить ладью — тесали последние досочки под гребные колеса, тончили прямую сосенку, дабы сгодилась под мачту, вили из пеньки веревки под ванты, сшивали парус из кусков холстины, разогревали смолу, собираясь законопатить щели.

Несколько мгновений мужики, слегка повернув головы, как бы нехотя смотрели на внезапно появившегося странника, но тут ворон бодрым начальским голосом пробаял:

— Здравствуйте вам. И рты-то позакрывайте, а то мухи туда нагадят.

Оттого мужики засмеялись, а самый рослый и плечистый из них даже снял с головы шапку.

— Экая знатная вошь у тебя из волос выпала,— сказал

скиталец.

— Да ты чего брешешь, самая разобыкновенная вошь.

Тем не менее мужик заглянул в шапку и тут же свесил челюсть на грудь. Постояв так, выудил из головного убора большого жука, который вроде был сделан из единого куска серебра, однако еще перебирал лапками и шевелил крылышками.

— Фокус-покус, егда завод кончится, паки поверни ключик у него в попе,— объяснил расстрига.— Вы скажите, мужики, зачем лодку ладите?

— Будем зерно на казенную мельницу возить по воде, как повелел воевода Одноух. Там дьяк привоз учтет и подать возьмет — а дома у себя молоть запрещено, во “избежание укрывательства хлебных припасов”. Сие наставление нам староста передал, а он ездил в городище, чтобы на майдане перед приказной избой послушать глашатая. “Кто не слышал, тот виноват”, так было сказано.

— А дальше мельницы проплыть можно? — вопросил скиталец-расстрига.

— Как же, проплывешь. У нас путевая бумага токмо до Оттоки, где запруда устроена,— сказал другой мужик, мелкий и сильно усатый.— А ты, коим образом, мил человек, странствуешь?

— Своим соизволением, на пердячем паре, господа мужики, вкруг городищ и больших слобод, мимо дозоров и разъездов, что устраивают черные стражи, воеводские стрельцы и прочие мракоделы. Вы отвезите меня хоть до Оттоки, а за сей добрый поступок оставлю вашей артели такого вот жука. И еще немало фокусов покажу.

Деревенские люди замялись, пока самый рослый, почесавши затылок, не молвил:

— Взять с собой можно. Только в пути не шибко высовывайся, лучше даже рогожкой прикройся, а то лихой человек тебя заметит и настучит, куда надо. Тебя в острог уволокут, да и нас батожьем накажут… Звать-то, как тебя, вольный скиталец?

— Меня прозывают Фомой, а вот эту пернатую тварь — Сашей.

К полудню лодка была закончена, мужики столкнули ее в воду, одни стали парус поднимать и направлять его гафелем, другие поставили лапотные ноги на педали гребных колес, третьи принялись отталкиваться от речного дна шестами, ну а мелкий, сильно усатый мужик уселся к кормилу.

Вскоре лодка достигла деревни, где уже были построены сходни, протянувшиеся над прибрежными камышами. Почали подъезжать телеги с хлебом, запряженные поджарыми ездовыми

свиньями. Деревенский люд, выстроившись цепочкой, принялся из рук в руки передавать мешки, кои укладывались, в конце концов, на днище лодки. За какой-нибудь час суденышко была загружено, осело в воду, изрядной работою шестов выведено к речному глубоководью, по коему предстояло плыть дальше.

Ворон потешал мужиков советами насчет правления лодкой, а скиталец Фома прямо из-под рогожи травил байки про то, како бедствуют бесы в преисподней. Что плавают они-де на кораблях-мракорезах и прислуживают им живые куклы, что жгут друг друга издаля огненным чиханием и обращают в лед хладным пыхтением, а мужик с бабой передком не трется, а посылает к ней крылатый хер. Чему селяне несказанно удивились, поскольку и обычный-то хер спокойно в штанах не сидит.

А вот, когда стали подплывать к запруде, то рослый мужик, что стоял на носу, приметил малахаи и кафтаны воеводских стрельцов, разместившихся на мельнице.

— Ты вот что, распоп Фома,— сказал он,— ложись-ка под хлеб. Эй, Пахомыч, Фердинант, Макдональс, раскидайте там мешки подле мачты и, как упрячется гость, снова уложите сверху в два ряда.

Мужики споро выполнили работу, и скиталец-расстрига исчез под многопудовым грузом, лишь ворон его остался сидеть на топе мачты.

Ладья причалила к мельничной пристани, и тут стрельцы, вопреки обычному, встали рядышком и принялись наблюдать за разгрузкой хлеба.

— Эй, Денисыч, сразу признавай, никого не прячешь ли?— обратился стрелецкий десятник к рослому мужику.

— А зачем мне такое нужно, я что порядка не знаю?— скучным голосом отозвался селянин.

— Ты вон те мешки, что возле мачты уложены, не забудь перетаскать на мельницу.

— Да нам перекусить пора, начальник, с утра не евши.

— Я те дам перекусить по соплям. Заканчивай сперва дело, едок.

Завершающие мешки были подняты со днища ладьи, и тут раздались крики. Голосили и мужики, и стрельцы. На днище виднелась голова, остальное же тело уже разошлось на ленты, кои протягивались сквозь невидимые щели вниз. Вот и голова располосовалась, чтобы протащиться, как и все остальное, меж досок. Последним наблюдался нос, каковой несколько раз подпрыгнул, расплелся и пропал.

— Глянь… аах… плывет зараза,— раздался потончавший голос стрельца.

Неподалеку от борта лодки, сквозь воду, стало заметно тело. Кто-то без толку стрельнул из пищали. Но когда дым рассеялся, “заразы” и след простыл, видно заплыла под пристань, а там и вовсе подалась в нужную ей сторону. Настало тягостное молчание, нарушаемое громким граем куда-то летящего ворона.

— Кто это был, гнида?— стал подступать десятник к Денисычу.— Кто, отвечай, сгною.

Денисыч же будто весло проглотил.

— А никого и не было,— вмешался мелкий мужичок.— Привиделось. Вам с перепоя, а нам с устатку и не евши. Ну, можа, водяная свинья проплыла.

— Ты что мелешь, сам свинья!— заверещал десятник, а потом остыл и замолк.

“В самом деле,— рассудил он,— скажешь, что упустил бродягу, так начальство и морду наверняка набьет, и может сослать на пограничье, под ордынские пули. Доложишь, что имел дело с нечистой силой, то ревнители веры за меня возьмутся, станут пятки поджаривать, дабы узнать, не вошел ли я с ней в сношение.”

А тем временем в кармане у взопревшего Денисыча щекотно заелозил лапками серебряный жук.

— Вкушающий золото и драгоценности ждет тебя,— объявил царедворец с кукольным личиком и не без труда распахнул расписную тяжелую дверь.

Одноух перенес толстомясое свое тело через порог, коснулся лбом изразцового пола, как того требовало придворное вежество и, поднявши глаза, встретился с пронзительным совиным взглядом царя.

Пресветлый принимал воеводу в небольшой Яшмовой Палате. Его будничный наряд составлен был из длинной рубахи китайского шелка, широкого хитона, расшитого золотой да серебряной нитью и обсыпанного яхонтами, а также шапки-мономашки с изображением крестного древа на маковке. Трон стоял в углу на возвышении, исполненном в виде жены-львицы с очами из оникса. Кроме Макария и Одноуха в палате было токмо два дворцовых гвардейца из караула, старший думный дьяк и писец.

Из сей палаты сановники и царедворцы выходили либо обласканные, либо никто их больше не видел и не слышал. Гулял слух, что на каменном полу имеется потайной люк, и ежели царь обопрется ногой на лапу женольвицы, то отворится колодец, каковой поглотит повинного человека. При падении оный злодей не разбивается, упав на груду тряпья и хрупких костей, но внизу в подземелье проживает стая волков — изощренных мучителей.

Или же семейство коркодилов. Или же вообще неведомые чудища.

— Ну, давай, Одноух, рассказывай, чем прославил свое воеводство?

— Исполнял твою волю, надежа-государь, об чем тебе прекрасно известно из моих донесений.

Как показалось внимательному царю, что-то новое засквозило и голосе, и во взгляде боярина.

— Ну-ка, проверим, как исполнял. Словно муха сонная или со рвением ума и бодростью духа. У нас тут каждый твой чих сочтен и записан.

Думный дьяк раскрыл книгу в толстом переплете из коркодильей кожи поверх обложечных досок и стал зачитывать мерным голосом:

— В Березовском воеводстве недоимки в прошлом годе составили пять тысяч целковых, в столичные хранилища не прибыло зерна супротив условленного количества — двести тысяч пудов, холстины — пятьдесят тысяч аршин, пеньки — семьдесят тысяч аршин, меда — восемь тысяч ведер, пива — тысяча бочек…

— Так ить, засуха была и недород, селяне слезно у меня просили корма дать, дабы скотину не резать.— стал сопротивляться Одноух. Однако царь свел брови свои, образовав грозные морщины на лбу.

— Не противься и не перебивай, когда тебе человек правду говорит. Впрочем, хватит о том. Ты мне лучше скажи, мастер срамных дел, отчего у тебя в воеводстве волхователи один за другим резвятся, смущают народ, учат неповиновению?

— Да будет угодно великому царю послушать меня. Я в прошлом годе семерых волхователей и ведунов споймал и казнил лютой смертью, в нонешнем — еще трех. Всех предавал искусным пыткам, чтобы в своей волшбе признались и покаялись. Я… я новую казнь изобрел — закачивание воздуха мехами через заднепроходное очко до полного разрыва окаянного преступника.

— Волхвов принародно казнил, изобретатель?— с лукавством вопросил царь, немного поддавшись вперед и прищурив глаз.

— Принародно, великий царь.— радостно подтвердил воевода и осенил себя знамением крестного дерева.

— Значит, дал им покрасоваться напоследок. Да еще диспуты с ними, лицемерами, устраивал, тщась свою ученость показать. Тоже прилюдно. И что показал? Сквернавцы и кощунники ересь свою в чистые головы втюхивали с твоего произволения и наглядно доказывали преимущества дьявольского умствования. Оные злодеи ведь кажным словом, кажным своим действом в соблазн вводят неискушенного человека… Гордыней и

надменством отличился ты, воевода. Одни хоромы твои чего стоят, каковые ты отгрохал на Выселках, хозяйствуешь там, словно в имении своем, горничные девки толпами бегают, всех ты их перепортил, козел, страстям своим низменным потакая. Говорено же было, что нет у тебя своей земли в воеводстве, а просто обозначены поля и выпасы, с коих тебе кормление идет. И жить тебе надлежит в казенном доме, каковой выделен в городище для таких как ты, царских слуг…

Думный дьяк не раз наблюдал подобные сцены. Дело быстро кончалось тем, что разъегоренный воевода ударялся в ноги царю и, пуская сопли из носа, просил помиловать его, не сечь повинной головы и дать только срок на исправление всех дел.

Однако Одноух не ударился в ноги. А наоборот с предерзостью огрызался, не замечая как пошли наливаться красным щеки государя. Даже попрекал Пресветлого. Дескать, нехорошо, что молоть зерно дозволено на одних только казенных мельницах. Вследствие сего селянин не возжелает хлеба растить больше, чем необходимо для прокорма семьи и немногочисленной скотины. Оскудеет, мол, и осунется оттого Теменская земля.

Царь вдруг перестал хмуриться и как будто возбудил в себе веселие.

— Лукавишь ты, Одноух. От одного только казенного помола не оскудеет Теменская земля. И обязанность сия лишь малая добавка к тому порядку, который я устраиваю в своей Теменской вотчине. Но аще порядок мой неумен, все мои деяния тщетны и радею я о пустом, так чего ж ты…— щеки государя совсем уж набрякли от крови,— так чего ж ты, таракан запечный, раньше об том молчал? Спокойно, небось, принимал ласку и кормление из моих рук. Или кто-то тебе шепнул, что боятся царского праведного гнева тебе не стоит, поскольку Пресветлый уже не жилец на сем свете? Ты, сдается мне, с волхователями столковался, кудесники поборают тебе. Замыслил ты подобрать скипетр и державу, выпавшие из моих ослабевших рук!..

Крик государя оборвался, зато Одноух с воплем исчез во внезапно открывшемся колодце. Немногие знали, что существует не только подземелье, куда падают осужденные царем на растерзание, но и оконце, через которое Макарий мог подсматривать за мучениями. Однако на сей раз пресветлый царь не потешил себя зрелищем. Подсматривать он любил только за тем, как отдают концы его личные вороги, немало досадившие ему, особливо пока он был маленьким и слабеньким царевичем. А Одноух просто рассердил его своей жестоковыйностью и вызвал выплеск гнева; с утра-то еще зуб елдырил, немало досаждая

государю. При иных обстоятельствах дело могло ограничиться лишь вправлением упрямых мозгов воеводы.

Надежа-царь кабы пожелал, то увидел бы, что Одноух, хоть и упал в колодец, прямо на хрупкие костяки былых жертв, однако не поломал ноги и не поранился. И прянувшая к нему стая волков-палачей вдруг замерла. Не впился серый вожак в пах жертвы, не стали терзать жилы человека молодые волчары.

Дело в том, что не человеком пахло от сброшенного в колодец, а чем-то совсем незнаемым и страшным. Инда вожак заскулил и подался назад. Тут упавший вдобавок изменил свой облик и… встала голова молодого воина на грузное тело воеводы, и улыбнулись глаза, которые некогда принадлежали верному слуге князя Березовского — Страховиду. Потом еще раз произошла перемена обличия — и рожа лютого кромешника Демонюка слепо глянула в полумрак подземелья. Вожак еще сдал назад. Но тут увидел, что перед ним лежит туша барана, из вспоротой шеи коего еще стекает кровяная струйка. Кровь пахла как кровь, даже еще лучше и ярче, запах предсмертного пота резко проникал в нос и наполнял волчьи жилы сладострастным трепетом. Зверь рванулся вперед и запустил трехдюймовые клыки в брюхо жертвы. И тут другие звери увидели, как их вожака поглощает мертвый баран — прямо подвижным животом своим, который был подобен водовороту. В него канула вначале волчья голова и толстая гривастая шея, потом передние упирающиеся лапы. Матерый хищник вдруг резко изнемог и оставил сопротивление, лишь по подергиваниям задних лап приметно было, что живой он еще. Вскоре вожак полностью скрылся в брюхе барана и ненадолго там все успокоилось, ежели не считать мелких сокращений. Волки, трусовато припадая задом к земле, подползли ближе, но внезапно баранья туша просто расползлась и из кучи требухи вновь восстал вожак, только весь облепленный слизью и дрожащий.

Вначале не пахло от него как от собрата-волка, и стая никак не могли признать в нем своего предводителя. Потом привычный запах возвернулся, однако недоверие сохранилось. Стая угомонилась и, как встарь, признала первенство старого волка, егда он задавил своего непокорного племянника.

По Новотеменскому шляху нескончаемой чередой тянулись к стольному граду повозки, телеги, кибитки, запряженные ездовыми свиньями и быками — те своими скотскими мозгами хорошо знали обязанность и понимали дорогу, потому не нуждались в управлении и понукании. Самое время было урожай сдавать, месяц фруктень заканчивался. Холопы, отряженные воеводами, и крестьяне, отпущенные старостами, везли в Теменск

хлебное зерно, всякий овощ, мед, соленые огурцы и капусту в бочках, моченые яблоки и клюковку, сало в шматах, обернутых тряпками, клети с гусями и говорящими воронами, бутылки с пиявками. За телегами брели тучные коровы, круторогие вожаки-бараны подгоняли стада овец, хотя и разумели, чем завершится сей поход в одну сторону. Цепочками брели таежные великаны — рыжие волосатые слоны. К ним порой привязывали мохнатых носорогов — сей мощный зверь только в близком присутствии слона смирнел и терял свое обычное упрямство. По обочинам гнали единорогов и барадов — некоторых, самых норовистых, со спутанными передними ногами. Гордые животные то и дело останавливались, тщась ущипнуть редкую травинку и почти не обращая внимания на погонщика (лишь твердая рука воина-наездника сможет полностью укротить их).

У мужика Петровича не все сегодня ладилось. Ездовой хряк Борька, супротив обычного, вел себя нервно, то начинал гнать вперед, пока не утыкался в задок переднего возка, то замирал, пока не принимались орать и вопить десятки возничих, коим не было пути. То и дело подбегали государевы дорожные стражи, грозясь скинуть телегу с дороги и отобрать половину поклажи. А поклажей являлись говорящие вороны в клетках — птицы особо ценные, учитывая, что часть из них разрешено продать во зверином ряду на базаре. (Умная ворона горазда и дом сторожить, предупреждая хозяина о ворах, любит мышек ловить и беспризорных кошек гонять, долбая их по макушке, а некоторые пернатые старухи способны судьбу прорицать, вещая о грядущих напастях, особливо грозах и пожарах.) Суетливы и крикливы были вороны, может, оттого, что прилетел к ним кавалер из леса, который так и сыпал словами: “Бабы в кучу, рубль нашел”, “Петрович, не оборачивайся, у нас тут интим”, “Эй, красавица, иди поближе и подними хвостик”.

После одного сильного толчка на выступающем булыжнике послышался легкий треск, Петрович глянул на колесную ось, и тут пришлось ему обомлеть и удивиться. Не тому, что ось уже надтреснула. А тому, что снизу к днищу телеги прилепилось почти плоское существо, отчасти схожее с человеком.

— Ты кто будешь?— вопросил, несколько запинаясь, селянин.

— Я — тележник. Дух нечистый, проживающий в телеге. Ты меня не выдавай, не то ревнители веры за тебя ить возьмутся.

— Но тебя Борька боится, нечистый дух.

— А у тебя, мужик, скоро ось сломается, и если не я, твою телегу выкинут с дороги.

— А какой с тебя может быть прок?

— Сейчас переквантизацию заделаю, понял? Лишняя

древесная масса излучением станет, часть получившейся энергии употреблю на превращение древесных углеводов в углеродный кристалл, кое-какие кванты пространства в гравитоны перекачаю и слегка укорочу гравитационный радиус на дороге… Короче, я заменю собой переднюю ось, и будь доволен.— отозвался нечистый. Опустив ноги на землю, он принял половину веса телеги на себя и чуть приподнял передние колеса в воздух.— Никто и не заметит. Ну, согласен, сердечный?

— Не-а,— запротивился Петрович, внутренней молитвой пытаясь отвадить нечисть.

Однако чуть протопал еще Борька, и напрочь сломалась ось.

— Тебя предупреждали, мужик,— удовлетворенно заметил ворон, ненадолго отвлекшийся от подружек в клетке.

Дорожный страж мигом засек непорядок и сурово распорядился:

— Ну-ка, пшел вон с дороги, бродяга.

— Да, как же, начальник…— но тут заткнулся селянин, да и страж отошел, потому что бодро двинулась вперед телега, а Борьке сильно полегчало, против чего он не возражал.

Только исходило ныне от повозки багровое сияние и все время будто катилась она под гору, чего прочие путники, осоловев от солнца и водки, не замечали — на радость трусоватому Петровичу.

Так и пришлось ему двигаться к столичному городищу Теменск с нечистым духом в виде привода. Лишь егда доставил Петрович припасы, куда положено — на хозяйственный двор пыточного приказа — развалилась тележная ось. Из нее в грязь посыпались камушки, в коих даже темный мужик не мог не признать алмазы. Он дрожащими руками быстро собрал их в чистый мешочек, спрятал за пазуху и прижал локтем. А вскоре закопал в своем курятнике, отрыл же пять годов спустя, когда куры уже сдохли с голодухи. Вот тогда Петрович и стал сиятельным графом Петровым-Телегинским.

Черный полковник Остроусов как верный и преданный слуга был зван на царскую волчью охоту. Говорили, что на сей раз в охотничьей потехе примет участие та волчья стая из подземелий дворца, что выкормлена человечиной. Впрочем, и дичь для волчар окажется подходящей — десятка с два заарестованных воров, бродяг, волхователей, лжеученых и лжеписателей, а также пленные пираты-шэньцы и злодеи-ордынцы, к ним еще было добавлено несколько “снежных людей”, мохнатых обезьян, которые умеют острить сучья и бросать камни. Само собой, что “дичи” никакого оружия положено не было, за исключением тех веток, что она сорвет, и камней, каковые подберет. Охотничья

потеха должна была совершаться в небольшом Трошкином лесу, что с трех сторон окружен озером, полным коркодилов, а с четвертой стороны стоит топь непролазная.

“Дичь” заранее завезли в лес, а на следующий день переправились туда на плотах и участники охоты, числом двадцать пять: преимущественно важные офицеры черной стражи, а также несколько ближних дьяков из пыточного приказа. Им полагалось в помощь еще десятка три загонщиков. Впрочем, царь слегка занемог и по совету лекаря не стал предаваться потехе. Однако прибыла царица Марина, она собиралась охотиться с небольшой револьверной пищалью, причем со спины волосатого слона; со всех сторон государыню блюли и защищали огромные дворцовые гвардейцы в панцирях из зеркальной стали.

Полковник Остроусов тоже прихватил с собой знатное оружие — ручную картечницу и большой запас зарядов к ней, увязанных в мешочки, да еще двуствольное ружьишко, да вдобавок пару пистолетов с тремя поворотными стволами. Не забыл черный офицер и любимый тесак с широким лезвием, снабженным зубчиками у основания — чтобы приканчивать раненную ино покалеченную добычу.

Вперед других к берегу пристал плот с волками-охотниками. Надсмотрщики спустили их с цепей, сопроводив короткими приказами. Потом и охотники-люди, растянувшись в веер, пошли лопатить местность. Посреди, как тому и надлежит быть, шествовал слон с государыней, около Пресветлой кучковалось большинство участников охоты — чтобы непременно держаться поближе к благосклонным очам Ее Царского Величества.

Полковник не стремился к тому, поскольку имел прямоходный доступ к великому царю. Ни одно предприятие по устранению сановных и знатных государевых преступников не обходилось без Остроусова. Жалко, что большинство из супротивников царя уже бесславно сгинуло, став прахом и тленом, посему свидания с государем становились все более редкостными, хотя и случались не реже раза в неделю. Иногда они происходили в бане, отчего полковник узнал, что Величество не чурается в своих пристрастиях и мальчиков, ино и некоторых животных тварей вроде гладкошерстных козочек.

Остроусов оказался на фланге охотничьей цепи и долгое время брел по густым травам вдоль берега озера, но потом все ж повернул в глубь суши. Справа от него были только загонщики, ближайший сосед слева располагался в сотне шагов.

Полковник слышал выстрелы, то редкие, то целыми залпами, ему же никакая добыча как назло не попадалась. И только час спустя Остроусов едва не угодил ногой в петлю-ловушку, каковая

силой согнутого дерева вознесла бы его на высоту в двадцать аршин. А вскоре после того заметил он голую спину, мелькающую желтизной среди листвы. Выстрелом из ружья “дичь” сразить не удалось и пришлось спешно ставить картечницу на сошки дабы пальнуть “по-настоящему”. Сделавши еще с полсотни шагов, среди сбитых веток и листьев Остроусов отыскал замызганное кровью и изрешеченное тело. Полковник носком сапога перекинул мертвечину на спину, и лесные мухи мигом уселись на выбитый глаз. “Раскосая морда,— молвил внутри себя черный страж,— судя по порткам — китаез.” Полковник почему-то пожалел, что не застрелил своего, теменского. Как-никак, был он человек опытный и умелый к истреблению “червей”, то бишь внутренних супротивников государя. А среди сих “домашних” ворогов и крамольников большинство продвинулось и сподобилось высокого положения за счет войны с теми же шэньцами и ордынцами. Стоит только вспомнить изменника князя Березовского, иже был покаран за измену со всей своей родней и челядью.

Впрочем, спустя пару сотен шагов бравому полковнику явилась возможность шпокнуть своего, теменского. Злодей внезапно обрушился на черного стража с высокого дерева, уцепившись за стебель вьющегося растения. А потом хотел воткнуть рогатину прямо в око сшибленного с ног охотника. Но тот, будучи испытанным воином, не преминул откатиться в сторону и приемом “ползунцы” опрокинуть преступника. Оный еще изловчился вскочить первым, подхватил полковничье ружье, навел, но черный страж дуло отвел в сторону и выстрел пришелся мимо. А вот пуля охотника, вылетевшая из пистоля, не миновала живота “дичи”. Полковник столь изнеможден был поединком, что даже не стал добивать раненого пилением глотки, а просто пристрелил, послав ему пулю в лоб.

Вскорости встретилась еще одна “дичь”. Узкая вертлявая спина, будто подразнивая, то и дело мозолила Остроусову взор. Однако все несподручно было взять мельтешащего преступника на мушку и даже выстрел из картечницы не достал того. Сия ускользающая добыча по-настоящему обозлила черного стража. Догоняя ее, он быстро употел, выделения горячей кожи стекали со лба прямо в буравчатые глазки. Полковник обронил тяжелую картечницу, следом меховую шапку, там ружье. Юркая похожая на ящерку “дичь” подпустила было его совсем близко, но, метко запистонив шишкой по голове, снова набрала дистанцию.

В некий миг полковник принудил себя к успокоению и чуть охладевшей головой отметил, что совсем не слышит загонщиков с их бубенцами и даже звуки выстрелов сделались далекими-

далекими.

Решил тогда Остроусов плюнуть на добычу и выбираться к толпе охотников. Но вместо того стал он блуждать и как будто выписывал круги по одному участку леса, каждые двести шагов натыкаясь на все ту же сломанную березу. Страх более и более сдавливал горло, злоба распаляла кровь, полковник опять заприметил ненавистную спину, совсем рядом, бросился за ней, и вскоре… у той самой березки повстречал волка. Остроусов поклясться мог, что зверь сей из царской стаи, ежели точнее, вожак. Злобность серой твари сразу ощутилась, близкая, но пока удерживаемая. И перво-наперво ласковым голоском полковник стал напевать:

— В лесу родилась елочка… — Однако тут вспомнилась другая песенка, про козлика, от которого немного осталось.— Ну, ну, не дергайся, серенький. Я — свой, царский.

А волчара уже клыки показал, желтые, но заметно смазанные кровью. Впрочем, Остроусов уверенно знал, что звери-охотники из царской стаи не бросаются на людей, пока не почуют в них жертву.

— Порядок, серенький, полный ажур, не серчай. Ты, я вижу, справно поработал сегодня, полязгал ужо челюстями. Вдругоряд встретимся, колбаской угощу. А теперь беги дальше, сам я выберусь.

Но волк так не считал. Не сходил с места, смотрел неотрывно янтарным взглядом, и лишь слегка морщинилась шкура на его носу. Пожалел черный страж, что ему не ведомы надсмотрщицкие слова и приказы.

— Лады, стой здесь. Ино я побегу дальше.

Однако едва Остроусов шаг сделал, как волк зарычал и потянул вперед пасть с трехдюймовыми клыками, на одном из коих была хорошо заметная щербина. Полковник с трепетом помыслил: стольких уже растерзала и изодрала сия пасть; волк, наверное, во всех двуногих стал узнавать свою законную добычу. Превозмогая страх, протекший слабостью в жилы, черный страж потянулся к заткнутому за кушак трехствольному пистолю.

Однако мелькнула серая молния, и спустя мгновение Остроусов смотрел на свою окровавленную ладонь, а также пистоль, бесполезно валяющийся на земле. Волк был совсем рядом и вдобавок наступал с нарастающим утробным рычанием. Полковник вдруг понял, что ужо кинулся наутек.

Бежать, удирать с поджавшейся мошонкой пристало только жертве. Полковник уверен был, что волк считает именно так. Зверь-охотник и гнал Остроусова тем самым образом, каковой подходящ при загоне добычи. Волк держался на постоянном и

близком расстоянии от бегущего тела, порой делая выпады, ино вырывая лоскуты из богатой епанчи, ино открамсывая шматы плоти. Не успела бы кукушка прокуковать, как полковник был совершенно уже истерзан и посему не бежал, а тащился, зажимая раны, с нутряным кряхтением и жалобными стонами. Вскоре заполз он под какой-то поваленный ствол. Там черный страж попытался оборониться тесаком, но зверь вырвал оружие из немощной руки вместе с парочкой пальцев. Остроухов туманящимся взглядом заметил, что зубы зверя нацеливаются на его пах и взвизгнул как боров под ножом…

Следующие два часа в Трошкином лесу происходило не то, что обычно. Охотники стали дичью. Волки нападали на них из самых неожиданных мест, так что редко удавалось и оружие с пользой применить. Пищали и пистолеты, оброненные из коченеющих рук черных стражей, попадали к бывшей “дичи” — ворам, татям, лжеученым, лжеписателям, пленным разбойникам-шэньцам и хищникам-ордынцам, а те неплохо знали, коим образом использовать огнеплюйное оружие. Скоро бывшие охотники тикали со всех ног — и становились еще уязвимее. Волк с прыжка впивался в шею, обрывал сухожилия ног, кромсал икры и ляжки. Вор и окаянный тать прыгал с дерева на дерево, используя ветви и вьющие стебли, а затем обрушивался прямо на голову беглеца. Красные стежки прорисовывали пути отступления и заканчивались тупиком в виде мертвого или умирающего черного стража.

Отступал и волосатый слон вместе с царицей, дворцовые гвардейцы умело держали оборону, метко отстреливая любого, кто попадался на глаза.

Но и воры-разбойники стрелять умели, ибо всю жизнь питались смертоубийством. Прилетевшая из лесу картечь глубоко проникла в слоновью ягодицу. Животное стало с ревом метаться из стороны в сторону, тщась даже взгромоздиться на задние ноги. С городка на его спине будто листья слетали люди: погонщики и воины. Еще один выстрел — и огромный зверь, раздавив и расшвыряв немало ратников, скрылся в чащобе. Вместе с царицей. Преданные гвардейцы собрались было броситься вдогонку, но тут прямо с крон деревьев посыпались здоровенные каменюки, кои швырялись мохнатыми обезьянами. Одновременно к воинам метнулись волки. Там и сям высовывались разбойники и воры, метко долбая из трофейных пищалей и ручниц.

Слон пробежал, не разбирая пути где-то с полверсты, а затем быстро изнемог от потери крови, упал и стал подыхать. Царица, свалившись с его спины, немного подвернула ногу, но была способна еще и к бегу, и к быстрой ходьбе. Она чуток

поозиралась, пытаясь разобраться, в какой стороне может быть озерный берег. Но тут сзади, ино сбоку, послышалось волчье урчание, отчего государыня стала слушаться только своего страха и бросилась бежать, высоко поднимая юбки. Прямо перед ней вдруг встали густые заросли с небольшим пробелом между двух деревьев, растущих из одного корня. Царица ринулась туда и… застряла.

Древесные стволы защемили ее с боков. И как она ни дергалась, ни отталкивалась руками и ногами, ослобониться не удавалось. Волчье рычание раздалось совсем рядом. Обернуться государыня не могла, как ни крутись, но вскоре почувствовала волчьи челюсти на своем теле и обмочилась — пока они не впивались в плоть, но терзали ее одежды. А потом царица почувствовала прикосновение звериного волоса к своим оголенным ягодицам, сердце ее словно упало в бездонный колодец и что-то пронзительно и больно вошло в ее лоно…

Блок 16. “Мене, Текел, Фарес”

Четкий прием. Симплекс.

Следующим днем, когда стало ясно, что участники царской охоты сами уже не вернутся, по приказу государя в Трошкином лесу высадилось три сотни воинов. Они огнем и острием уничтожили волков, воров, татей, лжеученых, лжеписателей, шэньцев и собак-ордынцев и собрали окоченевшие изъеденные тела охотников, загонщиков, надсмотрщиков. Макарий Чистые Руки не очень опечалился смерти царицы. Она давно тяготила его своими придирками и зудежом, чуралась некоторых видов любовных ласк, и ей, видишь ли, не нравилось его тяготение к мальчикам, козочкам и горничным девкам. (Макарий с юности своей считал, что лучшая сторона женщины — нижняя, а снизу не видно, императрица ты или кухарка.) Но государь был не на шутку обеспокоен и встревожен дурной приметой. Ведь его волки, лично взращенные и вскормленные с рук кровью и мясом государственных злодеев, изменили ему самым подлым образом.

Сие никак не укладывалось в голове. Макарий, уединившись вместе с кувшином легкого полусухого вина в палате Небесного Спокойствия, чьи стены были из прозрачно-голубого лазурита, мыслил и мыслил о неприятном. Стая была умна и хорошо выдрессирована, десятки раз все проходило без сучка и задоринки, однако ныне… А ведь звери взбесились после того, как к ним сброшен был воевода Одноух! Они отведали его — и словно отравились. Ино не отведали вовсе?

Макарию от огорчения расслабило живот, государь лишний раз посетил покой Задумчивости, то бишь нужник. Там стоял массивный горшок из чистого золота, опорожнить который могли только четверо сортирных холопов, и там же играли лучшие балалаечники и скрипачи. Задушевный “концерт для попы с оркестром” помог царю принять государственное решение.

Он срочно вызвал к себе десяток палачей из пыточного приказа и несколько лекарей-трупорезов, повелел им спуститься в подземелье, дабы удостовериться — есть ли там кости воеводы. Старший лекарь с приторной улыбочкой осведомился об особых приметах преступника, и думный дьяк Егорка, найдя в хранилище памятные бумаги на Одноуха, прочел, что на лбу у того имелся шрам, вернее вмятина в виде подковы — от сильного удара каблуком. Царь еще, поворошив память, точно вспомнил в коем наряде явился к нему дерзкий боярин.

Лекари и палачи спустились в подземелье и стали перебирать

там кости и остатки одежды. Действовали они со всей правильностью и вниманием, ведя точный учет погубленным душам. По черепам сосчитали сто двадцать мертвецов, но вмятины в виде подковы на лобной кости не увидели ни разу. Еще страннее то, что были найдены целыми, совсем не изодранными, а лишь слегка обгаженными, шуба, шапка, сапоги и кафтан воеводы.

Макарий дотошно прослушал подробный доклад лекарей и палачей, затем позвал к себе верховного ревнителя веры, благочестивого Святоеда, и, поведав ему о всех перепитиях, осведомился:

— Слушай, благочестивый, не могло ли статься так, что Одноух превратился в волка и отмстил мне в колдовском обличии?

— Вполне возможно, великий царь.— охотно отозвался столп истинной веры.— О случаях оборотничества сообщается во вполне серьезных обстоятельных книгах, написанных как в домашинную эпоху, так и в послемашинную, наипаче следует отметить древних авторов Флавия Филострата, Институриса и Шпенглера, братьев Гримм, Шарля Перро, а также современного нам Люцифера Терроруса из Шварцвальда. Сдается мне, что и Одноух уже не был Одноухом, когда явился к Вашему Величеству. Любопытно было бы узнать мнение авторов машинной эпохи по вопросу вурдалачества и оборотничества, так сказать выявить научный подход к проблеме. Однако же в наших собраниях книг того времени ничего достопримечательного я не встречал, если не считать таковым смехотворные измышления господ, именуемых фантастами.

— В Космике небось разобрались с энтим делом вполне по-научному.— недовольно буркнул царь.

— Но, великий царь, они не делятся с нами никакими важными сведениями.

Макарий чуть не ли спрыгнул с трона и стал мерять лазуритовый пол ногами, обутыми в сафьяновые туфли с загнутыми носами.

— Я заставлю этих небесных козлов поделиться со мной всеми важными сведениями, я на них, шельмецов, крепко надавлю. У меня, между прочим, есть, чем пронять их. Как-никак, я им поставляю, во-первых, органы человеческие свежезамороженные, во-вторых, целыми ведрами отборных живчиков, из которых космические богатыри вырастают, в-третьих, клюкву, морошку, травы и корни лекарственные, грибочки, панты марала, лягушек, пиявок и другую живность, ну и так далее. Взамен имею не так уж много: ну, семена устойчивых

урожайных растений, ну, поросят, цыплят и прочую юную скотинку, которая якобы меньше болеет, лучше слушается и будет больше приплод давать, ну, еще там по ерунде, инсекс… инсектициды, пестициды, музыкальные гандоны, трусы женские и мужские, снадобья от чумы, холеры, триппера и еще кое-каких хворей. Короче, надо связь с Космикой налаживать.

Макарий, подойдя к стене, покрутил око ангела, изображенного на барельефе, в тот же миг нижняя часть крылатого небесного создания повернулась, открыв ход в потайные покои.

Царь, придерживая венец, и верховный церковнослужитель, держась за митру, вступили в узкий низкий проход, потом еще спустились по винтовой лесенке и оказались в темном склепе, заставленном каменными саркофагами.

— Всякий раз запамятываю прихватить с собой факел или хотя бы свечу,— великий царь обложил по матери неприятную темень.— А храмовники весь склеп как назло заставили своими гробами. И выбросить неудобно, все-таки Владыки Чистоты и их первые замы тута лежат. Ежели сам не будешь уважать верховных особ минувшего времени, как же требовать уважения к собственной монаршьей персоне?

— Ваше Величество, третий гроб слева, не ошибитесь как в прошлый раз, а то опять на скелет напоремся,— напомнил главный клерикал.

Наконец, на лицо и выставленную вперед руку государя упали плотные голубые лучи. То же повторилось и с главным ревнителем.

— Узнавание завершено, доступ открыт,— слова неведомого существа просочились сквозь затхлую тишину, и приятный свет залил склеп.

Его посетители, уже стоявшие возле условленного саркофага, сдвинули тяжелую плиту, и из глубин могилы поднялся на подставке черный плоский ящичек. Представ очам, сей предмет оснастился несколькими рядами кнопочек-пупырышек. Ревнитель Святоед потыркал их пальцами, и над ящичком восстал призрак. Сия сумрачная тень возгласила гулким, но скорбным голосом:

— Назовите причину выхода на связь и код соединения.

— Раньше я запросто мог перетолковать с кем угодно, а сейчас ко мне пристают то с каким-то кодом, то с протоколом связи. Можно подумать, что это они — царские особы, а не я.— проворчал Макарий, но с призраком заговорил любезным голосом.— Мне нужен кто-нибудь покруче из Технокома по важному делу, код соединения 128A765. Как вы понимаете, сие определяет высокую срочность и уровень доступа.

Призрак уныло молвил:

— Подтвердите ваш статус.

— Я по-прежнему царь, монарх, самодержец всея Теменского царства, Макарий Чистые Руки.

Случилась небольшая пауза, после чего призрачный рот криво ухмыльнулся, глаголя:

— Генеральный уполномоченный касты “техно” открыл свой канал. Соединяю.

Над ящиком вместо первого восстало другое привидение — то был образ молодого человека, почти юноши, с весьма свежим и холеным лицом, каковое весьма разнилось от свирепой вырубленной топором рожи Макария.

— А, коллега царь, давненько тебя не слышал. Как дела?

Макарий не в пример обычным своим умолчаниям и околичностям заторопился поведать о последних происшествиях.

— … Понимаете, коллега генеральный, мне нужна научная экспертиза, мне потребны именно научные, а не колдовские способы борьбы с поганым оборотничеством и дьявольскими чарами.— завершил свое изъяснение царь.

Призрак заговорил не без высокомерных ноток:

— Ну надо же, мы вам понадобились, Макарий. А еще недавно мнение Технокома вас совершенно не интересовало. Лично я пытался с вами связаться и напомнить, что чрезмерная централизация власти приводит к обеднению экономической жизни, что забой талантливых военачальников означает потерю обороноспособности, что преследование бродячих торговцев вызовет застой в сфере обращения товаров, а скармливание ученых и писателей диким зверям ведет к отставанию в очень важной образовательной сфере.

Царь стиснул скипетр, аж костяшки пальцев побелели, но быстро уразумел, что гневное волнение делу не подмога.

— Да они — лжеученые и лжеписатели, без них, паскудников, всем сферам легче будет… И что вы там понимаете, сидите, как на облаке, и еще пытаетесь меня учить. Я с беспутниками боролся и бороться буду, ино сделается почин развалу и смуте. И вправду сказнил я где-то четыреста-пятьсот отъявленных злодеев, не считая всяких мелких воришек и сквернословов, но ведь люди теменские зрят воочию, что не попускаю я злу, не поблажаю разбою. За то меня уважают, трепещут, ждут моей благосклонности, ценят мою ласку. Короче, по-вашему говоря, ситуация под контролем.

— Вы — неоригинальны, Макарий. Все тираны и диктаторы, Ци Ши-Хуанди, Иван Грозный, Робеспьер, Ленин, Сталин, Гитлер, Пол Пот, хан Амангельды отбрехивались подобным образом. Все

они говорили о борьбе с анархией, неуправляемостью, паразитизмом и плутократией, обещали переделить богатство в пользу бедных и поставить производительные силы на службу обществу. А выливалось это в уничтожение всех самостоятельных, инициативных, талантливых, знающих людей, в подавление честной соревновательности, в отсечении оптимальных вариантов развития технологии и социума, и в итоге — к кровавой смуте или распаду государства.

Царь все-таки не воздержался от праведного рычания.

— Ну, ладно, довольно меня воспитывать, аки маленького царенка! Севодни же перестану направлять товар в Космику, и глазопялить буду, как вы запляшете, егда останетесь без грибов, ягод, трав и свежезамороженных человеческих органов. Небось, забыли, что доселе человечинку у меня выписываете. Я же мертвецов собираю не по лекарням и погостам — там только протухшие. Я вам посылаю свежеказненных воров и изменников. Чуток повисит он на виселице, тут веревка подпиленная обрывается и падает он прямо в чан с азотом жидким… Короче, мне потребно знать, в каких случаях человечишко превращается в волка?

На сей раз призрачный собеседник ответствовал быстро и с охоткой.

— Человечишко не превращается в волка, действует одна и та же мимикрирующая структура, которую мы называем Плазмонтом, а вы, если угодно, можете величать демоном, который мучает вас за грехи. Итак, на предыдущей стадии Плазмонт, взломав хрональный экран, конвертировал полностью или частично органические и психические структуры человека по имени Одноух. По-вашему говоря, пожрал тело и душу. Ну, а потом Плазмонт принял образ загубленного им воеводы для успешного внедрения своих хрональных каналов в физический мир.

— Ага, Одноух уже не был Одноухом, нежить заранее слизнула его.— шепнул Макарий верховному ревнителю и снова обратился к космику.— Как же можно одолеть сего окаянного оборотня?

— Бесстрашием, честностью и праведностью, коллега царь.

— Меня тошнит от энтих слов.— царь скривил лицо свое.

— Нет, друг мой, это почти что физические понятия, неформальные характеристики хрональной силы. С Плазмонтом очень тяжело бороться, потому что он не от мира сего. Однако этот демон не пробьет хрональный экран своими каналами, пока не соблазнит тебя или не застращает. Более того, согласно некоторым гипотезам, сознание человека — элемент Поля

Судьбы, которое предопределяет все на свете… благодаря ему Плазмонт может оказаться жалкой плесенью, картофельной гнилью. Макарий, в твоем царстве нет ли случайно пророка или учителя на уровне Ботаника?

— Если бы завелся, обязательно бы его казнил за бомжизм и тунеядство. Из вероучителей мне за глаза и за уши хватает моего Главревнителя.

Призрак молодого человека не сумел скрыть своего огорчения.

— Я так и знал, что с самодержцем мы намучаемся, плюсы централизации будут перекрыты минусами произвола и полного огосударствления… Ладно, надежа-царь, пора выдать кое-какую информашку. Тебе на выручку движется другая нитеплазменная структура, уже наша, смастеренная в Технокоме. Замаскирована она, правда, под бродячего фокусника. Возможно, это существо будет откликаться на имя Фома.

Царь сплюнул и растер сафьяновым сапогом.

— Тьфу ты, да как мне, порфирородному, принять подмогу от такого ничтожества? Вот не можете вы без этих штук.

— Чтобы вылезти из унитаза с дерьмом сгодится и туалетный ершик.— отозвался призрак уставшим голосом.

— А чем-нибудь более надежным вы поспешествуете мне?

— Макарий, я разблокирую для тебя тайник номер пятнадцать. Там найдутся полезные штучки, которые помогут притормозить Плазмонта, к ним вдобавок приложена обучающая программа. И еще, проведи все-таки некоторую либерализацию. Сними хотя бы повинности с купцов и открепи ремесленников от посадского тягла.

— Ну-ну, бегу снимать и открепять, подметки на ходу отваливаются. Первым делом сниму повинности с белки в лесу, пускай орешки не собирает,— съехидничал царь.

Однако привидение все-таки настаивало на своем:

— Дорогой царь, у нас есть сведения, что диктаторы и самодержцы легко становятся добычей нитеплазменных структур, отчего превращаются в форменных чудовищ. Не исключено, что самые жестокие правители в период максимального своего кровохлебства были уже не людьми, а мимикроидами Плазмонта. В частности, провели мы тщательное сканирование мумии одного известного вождя и обнаружили следы большого нитеплазменного гнездовья. Тем не менее, в прошлом ни разу процесс конвертации не был доведен до конца, и если это произойдет сегодня, то появится жуткий апокалиптический властитель-нечеловек. Он разрушит и поглотит не только социальные, но и физические структуры всего старого мира и

построит из них свою новую реальность, в которой не будет места человеку. Если этот властитель сожрет Землю, Космике с ним уже не управиться, слишком много хрональной силы он насосет! Вся солнечная система накроется.

— После меня хоть трава не расти. Про светопреставление я уже читал и в ветхом евангелии, и в новом. У меня во дворце и пострашнее вещи случаются. Так что прощевайте,— царь откровенно зевнул.

После того, как призрак удалился, Макарий и ревнитель веры Святоед со всей резвостью покинули душный склеп и вернулись в палату Небесного Спокойствия. Государь, не медля, вызвал дежурного офицера и потребовал по-быстрому снарядить скрытый царский выезд.

Тайник номер пятнадцать находился на Старохрамовой дороге, которая некогда вела к главному Храму Чистоты, то бишь Нечистоты. Впрочем, после его разорения и подавления мятежа храмовников она уже вела в никуда. Кости окаянных мятежников, лежащие под полусгнившими виселицами иногда плясали и даже пели, как утверждала народная молва, отчего путника сюда и калачом не заманить было.

Шестеро ражих стражей полчаса рьяно рыли в условленном месте (через три виселицы от главного эшафота), прежде чем наткнулись на металлическую дверку, вернее, люк. Его Царское Величество лично смахнул грязь с радужного пятна на броне и приложил к нему длань, после чего ход в подземелье открылся.

Самодержец всея Темении, скинув горностаевую шубу, собственноручно выудили из тайника два черных короба. Оные предметы были поставлены в царский поезд, дверка тайника закрылась, и стражи вернули землю обратно, примяв сапогами получившийся могильный холмик.

Всю ночь царь и верховный ревнитель разбирались с чудесными возможностями устройств, хранившихся дотоле в коробах. Одно из них острословный вероучитель прозвал “демонобой”, другое — “демонометр”. Первое напоминало скипетр, другое — державу, только было полегче и с глазком, который выдавал всякие мудреные знаки. К утру изучение устройств еще не было закончено, однако царю нестерпимо восхотелось отдохновения от трудов, то есть завалиться с первой попавшейся бабой на огромную кровать под муслиновый балдахин и сделать триста семьдесят первого незаконнорожденного царского сына. Самодержец ударил в колокольце, зовя дежурного офицера, и в покоях немедленно появился черный страж… в коем нельзя было не признать покойного Остроусова. Макарий на мгновение помыслил, что,

должно быть, уже спит, однако на нос покатились капли хладного пота. Но прежде, чем тело и душу поразил дикий обессиливающий страх, вспомнилось ночное обучение. Царь схватился за державу-демонометр, она показывала близкое присутствие икс-структуры по азимуту тридцать, то есть в районе двери, где стоял мертвец Остроусов с обычной своей улыбочкой.

— Ты иди отсюдова, марш на кладбище, чертово копыто.— заорал Макарий, пытаясь испытать праведный царский гнев.

Но стервец-мертвец пошел не на кладбище, а прямо к самодержцу, все шире разевая рот, каковой сразу стал похож на черные ворота. Завизжал и с тонким пуком рухнул в обморок верховный ревнитель, превратившись в кучу хлама на изразцовом полу.

— Ах так,— царь направил на псевдопокойника жезл демонобоя, втайне не веря в возможность избавления. Но тут мерцающее зеленоватое немного пушистое облачко окутало нежить.

Она пыталась выдраться, меняла очертания, корчила рожи, принимала обличие то воеводы Одноуха, то неведомого воина, то волка, то царицы Марины, то коркодила, то медузы, то комка переминаемой глины, то вообще несуразного квадратного чудища с кнопками. Однако царь неотрывно придерживался правильного азимута, и волшебное облако сковывало нечисть получше всяких кандалов. Враг человеческий, в конце концов, потерял всякий облик, превратился в червивую кашу, затем в узорчатый рисунок, завитушки еще поползали, как червяки, но вскорости истончали и растаяли с легким шипением. Получившаяся синеватая хмарь закрутилась полосками и втянулась в одну точку, которая тоже исчезла.

— То-то, не достал ты меня, поганец,— промолвил царь и с чувством удовлетворения глянул на верховного ревнителя, однако тот не видел победной сцены и лежал без чувств в луже своей мочи.— Казнить Святоеда что ли, ино трус поганый и знает слишком много? Ладно, сие всегда успеется, я сегодня чего-то добрый и зело отважный.

В стольном граде Теменске было многолюдно, имелось где затеряться даже бродячему фокуснику и скитальцу-проповеднику. На ярмарку окрестные крестьяне обязаны были доставлять лучший съестной товар, лесную ягоду, садовый фрукт, огородный овощ, и продавать по “смешной цене” под угрозой битья палками по пятками. Надлежало также, стоя в торговом ряду, блюсти улыбчивость лица, проворство рук и неленность тела. При отсутствии оных свойств можно было немедленно получить в морду от городового. Скиталец Фома почти без опаски бродил в

толпе обывателей, слоняющихся по базару. Питаться ему не хотелось. Его совсем не тянуло к харчам с той поры, как он уразумел, что уже не является человеком. (Насыщался он иным способом, причем в два приема: во-первых, вытягивал хрональную силу из разомкнутых пси-структур, сиречь из слабых зависимых алчных душ, и, во-вторых, помощневшим хроноканалом расщеплял какое-нибудь вкусное вещество вроде натрия или углерода вплоть до полного усвоения.) Чтобы видеть, слышать и ощущать подобно человеку, ему приходилось немало напрягаться — в противном случае он начинал видеть со всех сторон, даже то, что находится в потайной глубине чужого тела, и слышать, како скрипят сухожилия ног, како хлюпает перевариваемая пища во чреве. (Прикосновения Фома чувствовал лишь тогда, когда через канал хроноволнового преобразования создавал себе подобие кожи. Если же канал ненадолго терял фокусировку, то мир представлялся в виде турбулентных струй, вибрирующих линий, потоков пульсирующих пузырей.) Тем временем, на Дворцовой площади, где гуляла ярмарка, для назидания и потехи уже затевалось действо. Помост был выстроен давно, изрядно заляпан — причем грязью являлась запекшаяся кровь — и давно не мыт, вероятно из каких-то педагогических соображений. Сейчас на нем, расставя ноги-столбики, встал парадно одетый глашатай и возгласил:

— Праведным решением Его Царского Величества и приговором всего честного народа ныне смертию карается государственный преступник, именовавшийся ранее князем Ишимским. Оный злодей, не смирившись с потерей нечестно нажитого добра, смущал невинные умы коварными речами, предавал поруганию справедливые устои земли нашей и лаял, как собака, на святую церковь.

Двое черных стражей ввели преступника, следом появился и палач с огромным бердышом.

Нечеловек Фома охватывал восприятием всю Дворцовую площадь и ощущал на ней и тупое равнодушие, и сочувственное трепетание, и злорадное удовольствие. Но в ком-то билась решимость и звенела воля к борьбе. Нечеловек пожалел, что не может сделаться бесплотным, но могущественным духом, и сразу унести осужденного в безопасное место. (Фома вынужден был непременно помещать свое психическое ядро в какую-то телесную форму, иначе начиналось скольжение по каналам мира сырой материи, которое могло закончиться незнамо где, хоть на Сатурне.) Палач заставил жертву опуститься на колени, шлепнув ее по плечам, попрыскал на нее водой из своего рта, посыпал мукой — блюдя многочисленные секреты своего мастерства.

Засим отошел на пару шагов и заиграл толстыми мышцами, изготавливаясь к удару — ибо желал снискать рукоплески и одобрительные возгласы народа.

Буде бердыш уже возделся, дабы раскроить преступника наискось, от правого плеча к левому боку, раздался выстрел, и палач рухнул, пуская широкую струйку крови из губатых уст. И тут Фома засек своим многослойным многофокусным зрением, как на разных концах майдана, даже на крышах домов заплыли дымком стволы пищалей. Заварилась суматоха, пошла давка, мигом обезумевшая толпа ринулась во всех направлениях, топча нерасторопных, а князь Ишимский прямо со связанными руками соскочил с помоста. Однако же со стороны Детинца быстро появилась цепь черных стражей, каковая дала ответный залп, пришедшийся в основном на бегущий люд. Двое человек, подскочившие на помощь князю Ишимскому, тоже были скошены свинцом. И вернуться бы ему вскорости на плаху, кабы не странное событие.

Стражи перестали видеть приговоренного к казни, для них площадь нежданно изменила свой облик. Напротив плахи появилась еще одна плаха, токмо большего размера, а дальше еще одна, каковая заслоняла свет, но имела очертания размытые и нечеткие, а потом еще одна, уже как гора или грозовая туча.

Злодей князь Ишимский сам перестал видеть стражей — со всех сторон теперь были рыночные ряды — вдоль одного из них государев преступник и бросился бежать, ино лететь. При том липкий пот стекал по его лбу, спине, ногам, ведь путь не кончался и был совсем безлюден, коли не считать нескольких упокойников, распростертых в пыли и грязи. Князю Ишимскому помыслилось даже, что сам он тоже преставился и оказался в аду. А не упал обессилевший злодей лишь потому, что невдалеке замаячила худая, даже тщедушная фигура в серой рясе, которая как бы поманила и повела его. Ито наткнулся бежавший с плахи на одного из своих сотоварищей. Верный человек провел князя Ишимского узкими улочками к возку, каковой и вывез осужденного вон из города в бочке из-под пива. Когда прошло наваждение у стражей, то государственного злодея и след простыл. (Нечеловек Фома отметил, что, немного поиграв с реальностью, он, похоже, внес большие изменения в учебник истории. Впрочем, нынче ему полагалось выполнить задание начальства, спасти гнусного царя Макария и тем самым поддержать стабильность исторического процесса. Только вот какую телесную оболочку для этого мерзкого дела подобрать?) Неспокойно царствовалось теперь Макарию. После истребления нежити, принявшей вид полковника Остроусова, напасти не

исчезли. Напротив, они сменяли одна другую. Стоило только самодержцу снарядить выезд из дворца, как случалось происшествие. То рушилась на дорогу стена дома или посреди улицы начинала зиять бездонная яма, или же путь густо зарастал деревьями. Ино на деревянной мостовой весь поезд принимался скользить словно по льду, ино прилипал к ней колесами и копытами, словно клеем была она промазана. А один раз царский возок застрял в неглубокой навроде лужице, да намертво, и к тому же стал утопать. Пришлось его спешно бросить — и пока царь выбирался, сам едва в оной луже не утонул, еле вывернулся из объятий грязи.

В итоге Макарий порешил никуда более не ездить и запил горькую в своем дворце, стоящем за крепкой и широченной стеной Детинца. Даже баб он прекратил воровать на городских улицах, а довольствовался горничными девками и дебелыми кухарками. Впрочем, и тут напасти не прекратились, а скорее умножились. Развелись во дворце какие-то крысы преогромного размера, иже просачивались в самые мелкие скважины, и ухитрялись харчить людей, особливо сдобных кухонных баб. Опричь того, грызуны сожрали и верховного ревнителя Святоеда, об чем царь не шибко сожалел — главный вероучитель много ведал лишнего.

Царь, лично возглавя дворцовую гвардию, устроил облаву на колдовских тварей вместе со своим демонометром и демонобоем. Взламывал Величество полы и стены, открывал самые темные подвалы, спускался, не радея о животе своем, в самые глубокие подземелья, сыскал не только кучу человечьих костей, но даже несколько совершенно забытых узников, которые издавна питались мышами, слизнями и пауками. Узникам тут настал конец от меча и копья — на тот случай, ежели они связаны с бесовской силой. Попадались навстречу и дьявольские крысы, каковые тут же истреблялись жезлом-демонобоем. Наконец, в самом дальнем углу самого большого подземелья (что располагалось под Поварской башней, где готовился харч для всего двора), встретился царю крысиный король, крысодракон. Тот будто состоял из множества сросшихся тварей, причем, некоторые головы у него были человеческие — словно позаимствованные у пропавших кухарок, у Святоеда и каких-то неизвестных лиц. Вдобавок, новые и новые крысы то и дело отпочковывались от поганого многоглавца.

Царь с гвардейцами, не спужавшись, свирепо бросился в бой. И рубили они крыс мечами да секирами, и гвоздили палицами, и жгли факелами. А самое главное — самодержец хоробро и умело орудовал демонобоем, замыкая крысодракона в уничтожительное

пушистое облако. И замкнул — многочленное чудище ревело, как будто силилось что-то сказать, судорожно дергалось, разделялось и вновь соединялось, меняло облики, обращалось в клубок змей и коркодилов, в стайку обольстительных девиц, в собрание почтенных старцев, но Макарий не выпускал преисподнюю нечисть из своих мощных уз. Он умело совмещал прицел демонобоя с его целеуказателем и нажимал на кнопку с волшебной надписью “Delete”.

Но прежде чем исчезнуть, крысиный царь промолвил:

— Не врага, а друга ты лишил ты телесной оболочки, ведь я — посланец дружественного Технокома. А враг остался рядом с тобой. Вряд ли я еще сумею помочь тебе, тиран.

Государь, не смутившись, вопросил:

— Если ты друг, то зачем сшамал Святоеда и столько кухонных баб?

— Таковы законы функционирования моих телесных форм, им нужна легкоусваиваемая физическая энергия. К тому же все, кого я расщеплял, имели внутри гнездовья враждебной нитеплазмы.

Царь не поверил такому признанию и додавил уничтожительную кнопку.

И вот брань закончилась — крысодракон и его подданные превратились в шевелящиеся завитушки, затем в синеватый туман, иже растаял полоска за полоской, узор за узором.

Самодержец даже пожалел, что нету рядышком какого-нибудь летописца, а еще лучше писателя-повествователя, который анонимно сочинил бы повесть “Об убиении окаянного чудовища благоверным кесарем Макарием”. Однако насколько он мог припомнить, последнего непридворного повествователя сожрали собаки во время царской охоты, а трое придворных писателей скончались один за другим от обжорства, пьянства и любовных излишеств еще в прошлом годе.

Государь опосля немеркнущих подвигов хорошо попарился в баньке, попользовался отроками, недавно взятыми в дворцовую гвардию, и криворожими свинарками, таскавшими помои дворцовым хавроньям — даже такие никудышные девки распаляли царский хрен после одержанной победы. Всего было отдрючено двенадцать особей обоего пола, не считая двух коз — Макарий погоревал, что подобные вещи нельзя занести в летопись и даже подумал о перемене веры. А почему бы не принять негритянскую религию вуду, в которой приветствуются половые подвиги и даже искусное людоедение?

Выпив жбан вина, доставленного из-за Урала-хребта, самодержец, наконец, угомонился и улегся почевать на перины из

лебяжьего пуха.

Но всю ночь напролет царю казалось, что кто-то давит ему на грудь и проснулся он с ранья — дремы не было ни в одном глазу, лишь сухость во рту, колочение сердца и тягость с пучением в кишках.

“Переупражнялся я вчера на радостях,— невесело подумалось самодержцу,— увы, нет счастья в жизни.”

Он окликнул постельничего слугу, тот не отозвался; ударил в колоколец, караульный гвардеец не явился.

— Ну, я им покажу,— шептал царь, опуская ноги в собольи чувяки,— колесую, разорву деревьями, скормлю свиньям.

Макарий выбежал из спальни и споткнулся об постельничего, который, как и положено, дрых у порога. Вернее не споткнулся, а вляпался. В свете масляной лампы было видно, что верный слуга лопнул посреди, по краям длинной раны бахромой свисали нити, более того они шевелились, как и содержимое живота. Царь с проклятием вернулся в спальню, схватил демонометр и демонобой, уничтожил рваную куклу, в которую превратился его верный слуга, и выскочил из покоев в коридор. Двое дворцовых гвардейцев, как и надлежало, стояли на страже по обе стороны от резных позолоченных дверей. Вернее не стояли, а висели на нитях, уходящих куда-то вверх. Те еще сокращались и удлинялись, отчего воины немного шевелились. Царь разорвал одну из нитей и дернул на себя. Она потянулась из гвардейца, как из тряпичной куклы. Макарий отпустил нить, но она продолжала вылезать, а следом полезли и другие. Через минуту от верного воина остался на память лишь какой-то веретенообразный остов.

Самодержец с захолодевшим сердцем кинулся бежать по дворцу, призывая на помощь живых людей. Но к нему приближались люди неживые, а может вовсе нелюди: то полковник Остроухов, то воевода Одноух, то царица, то другие покойники, в основном крамольники и ослушники, что были умерщвлены после скорого царского суда. Жезл демонобоя изничтожал нечисть, но валом валила новая и новая. Уже нитки словно черви поползли из стен, потолка, пола, кои вскорости стали походить на полуистлевшую рваную ткань. Дворец расплетался и распадался, как гнилой саван…

“Я тебе не дамся, ты не поглотишь меня, не примешь мой облик и не станешь править от моего имени. В Пороховую башню!”— собрав последние остатки царской гордости, решил залитый потом Макарий.

Когда он бежал по мостику, ведущему в башню, ноги его вязли, оскальзывались и запутывались в нитях, которые свисали космами, напоминая бороду великана. Но царь непримиримо

орудовал демонобоем, расчищая себе дорогу.

Мостик разлетелся, едва самодержец добрался до башни. Однако бронзовая дверь была заперта на крепкий замок, а ключей царь не захватил, раньше не до них было.

Сзади рассыпался дворец, и надо было поторапливаться. Впрочем, дверь башни оказалась червивой и расползлась под ударом жезла.

В пороховом погребе царь на ощупь развязал один из мешков с взрывным зельем, выудил из кармана огниво и чиркнул трутом. Первая искра упала мимо, в то время как сзади уже расплелась двухаршинная стена. Пыл боротьбы так захватил царя, что он даже забыл про свой страх. Сие поспособствовало замыслу. Вторая искра влетела ровно в порох.

Море света — последнее, что узрел царь, прежде чем провалиться в темную бездну.

17. “Ишимский Смутьян”

Четкий прием. Симплекс.

После взрыва в Пороховой Башне Детинца, почти весь столичный град не спал. Были подняты на ноги и черные стражи, ночевавшие в своей казарме в Детинце, и городовые стрельцы на своих дворах, и служилые двух полков, квартировавшихся в Теменске. Многие люди, даже не слишком одетые, в одних портах и рубахах, скопились на Дворцовой площади, ожидая известий о здоровье царя-батюшки.

Тем временем ратники оцепили Детинец, городовые стрельцы окольцевали дворец, а черные стражи вошли в него. Каково же было удивление их, когда они обнаружили во многих местах сильно изъеденные стены, осыпавшуюся штукатурку, обрушившиеся перекрытия и кровли, будто дворец стоял заброшенным уже не менее сотни лет.

Из дворцовой гвардии, ближних слуг и подручных холопов оказалась найдена едва ли половина — да и то в каком-то обалдении, в полусне и полном беспамятстве на предмет истекшей ночи. Остальные же как в воду канули.

Но к великому облегчению и радости государь обнаружился в своей опочивальне. Был он немного смурной, ничего не знающий — не ведающий о ночном происшествии. А после личного осмотра дворца и башни возжелал молвить слово народу, скопившемуся на площади.

И говорил он с народом, после чего некоторые теменцы впервые сказали, что царь — подмененный.

Молвил Макарий, что волей неба спасен он от худой смерти, и за спасение свое собрался облегчить житие всякому люду, избавив его от излишних повинностей и крепостей. Крестьянин возымеет право раз в три года перебираться с земли на землю, а также молоть хлеб на своей мельнице и не ссыпать зерно в казенные житницы, пусть вольно торгует хлебом сам и платит невеликий налог монетой. Мастер и подмастерье больше не прикреплены к посаду, пусть занимаются чем хотят, без всякого тягла, лишь бы себя прокормили и уплатили малую подать казне со своих изделий. Купцы также вольны торговать, где хотят и чем хотят, лишь бы не пробовали миновать таможню и дорожную заставу. А государевы холопы могут идти, куда им желается. На все облегчения будут изданы царские указы и наставления. Однако же, несмотря на общее смягчение правил утруждения и послушания, кара за проступки окажется тяжкой.

И в самом деле, указы вышли. И пришло облегчение ко многим, а ко многим болесть головная, как сыскать себе пропитание — ежели не продал свое изделие и свой хлеб, никто уже из казенной житницы не снабдит тебя. И роптали обездоленные

— кто привык помногу хапать из царских хранилищ и кто любил тянуть помалу, но часто. Особливо часто неудовольствие выказывали отпущенные государевы холопы, ибо привыкли сии малодушные люди жить по указке и кормиться с царской руки. Стали сбиваться они в шайки и грабить вольных купцов да других проезжих по большим дорогам и на ночных улочках-переулочках. Ижна в дома забирались, опустошая имение и насилуя девок. Прибивался к оным разбойникам тот народишко, что не смог прокормится ни на земле, ни в лавке, ни за трудовым орудием. Присоединялись ленивцы и оглоеды, людишки никчемные, но до богатства охочие. Примыкали те, кто собрался использовать мягкость правил, дабы удовлетворить свою наклонность к душегубству и мучительству.

Стали просачиваться и волки-ордынцы через сторожевые черты, двигаясь мимо острожков, по лощинам и оврагам, не разжигая огней, скрываясь от теменских разъездов. И сии хищные проникновения учащались, поелику казаки и прочий воинский чин начал отлынивать от пограничной службы или относиться к ратной повинности без должного радения. Ордынцы углублялись в населенную страну верст на пятьдесят, затем поворачивали и, развернувшись широким крылом, мчались назад, захватывая детей в седельные корзины, также пленяя отроков, отроковиц, скот, хватая всякое удобопереносимое имущество. Тожно творилось и на севере, где шэньские пираты грабили приморские

селения и, двигаясь вверх по рекам, вязали в полон много мирного люда и сметали все ценное.

И народ тогда возроптал, требуя другой милости от царя: не вольности, а исполненного суровости наказания для разбойников, повольников, грабежников, мучителей и воров, для всех, кто не усрамляется наложить руки на жалкий скарб вдовы и сироты.

И тогда вышел царь к народу на Дворцовую площадь и глашатал:

— Надо ли вам еще вольности, люди теменские?

— Нет, ни в коем образе, великий царь,— отозвался народ.

— Так чего же вы от меня хотите? Кар и казней?

— Да, да, отмщения преступным, смерти их предать. Надежа-царь, умертви татей и мучителей.

Постоял немного государь, обождал, пока умолкнет народ, и молвил, а слова его раскричали глашатаи по всем углам.

— Не дождетесь от меня казней. Ждете вы немилости к другим, но когда она коснется вас, срамоделов, за ваши собственные прегрешения, начнете вы роптать. Не от человека, даже не от царя должно приходить наказание, ведь и государь не знает и не видит всего на земле. Кара будет приходить от сил небесных и подземных. Небесное воинство отступится от повинного, а посланцы ада вопьются в него аки звери ненасытные.

Сказав сие, царь немедленно удалился в Детинец, а народ разошелся, скребя в головах, ибо полагал, что беззаконие и злодейство долго еще будут гулять по земле теменской.

Однако вскорости городовые и квартальные надзиратели стали находить во рвах и яминах разорванные ино поломанные тела разбойников и злодеев — и как будто не человеком, а большим хищным зверем были они преданы лютой смерти.

По всей теменской державе не отягощались виселицы и не сотрясались плахи, не оглашались зычным гласом приговоры, однако каждое утро там и сям обнаруживались свежие мертвецы. И народ обычно знал, за что были погублены и какое правило преступили сии люди. Словно зверем мощным раздирались и торгаши-обманщики, и купцы-барыги, и хапуги-самогонщики, и срамники-похотливцы, и лукавые ремесленники, что выдавали плохой товар за хороший. Всем им худая скверная кончина наставала. Тут снова загулял слух, что царь подмененный, что на самом деле страшное он чудище, кое по ночам рыщет по улицам и людей гложет.

А затем в верховьях Васюгана и Тары стали собираться испуганные и недовольные, особливо бывшие государевы холопы, и сбиваться в вооруженные толпы. Возглавил их князь Ишимский,

дабы идти на столицу и пресечь жизнь самодержца-кровопийцы, кем бы он ни был, зверем или человеком. Предводитель разбойников сам претендовал на престол, ибо наглядно показывал свою высокородность — имелись бумаги, согласно коим предок князя был нефтяным бароном еще до Святой Чистки.

Знал князь Ишимский, что дурны нравом, своевольны и плохо обучены его люди, не сладить им с теми полками, что по-прежнему преданы царю, и особенно с черными стражами. Посему вошел ушлый князь в сношение с ханом Большой Орды Рузбеком и подговорил его выступить совместно против Макария.

С нарочным хан прислал письмо:

“Смилна рахмам рагым. Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Знавал я твоего отца, княже, добрый был аскер. Надеюсь и ты перенял от него по воле Аллаха упорство и терпение. Готов я оказать тебе военную помощь, невзирая на то, что ты иноверец. Теменская земля одна из немногих в Сибири, что не стала еще в веру истинную — Мохаммад дени, и криво верует в Господа-промыслителя. Алла акбар. А иллягяиля илл алла. Ну да получишь ты престол по воле Аллаха, с помощью моей конницы и бека Тулея, и тогда правильно уверуешь в Бога. Хуа рахману рагыму, хуво могу лязи. Вспомни, какие погибели настигли земли Запада, потому что не было у них веры. Гордились они своим могуществом и многоумием, вложенным в машины. Но то была не их сила, а сила дьявола Иблиса. Впрочем, уже тогда трепетали люди Запада перед воинами Джихада. И пришел день, когда Аллах-каратель разбил машины, Иблис в страхе отступил, а люди Запада вспотели от страха и оказались слабыми, как женщины. Пришли тогда моджахеды и федаины, убили нечестивцев и взяли их имущество, их дома и жен. Аллах способствует праведным, а безбожников погубляет. Да здравствует Исламская Революция. Алла акбар, иллала акши хадо.”

В те дни, когда пожелтела листва дубов, во многом числе вступили ордынские кони в пределы теменской земли, однако встретили их не враждебные казачьи заставы и разъезды, а дружественные шайки восставших холопов. Соединившись, оба воинства двинулись вдоль правого берега Иртыша, немало разоряя встречное население.

Десятки верст князь Ишимский и союзный ему бек Тулей преодолели, не встречая особого сопротивления. Казаки, открепившись от своей заставной службы, дали деру кто куда. Те немногие, что остались верными царю и отечеству, могли лишь докладывать о быстром продвижением разбойничьего войска. Сторожевые войска тоже откатывались, не ища ратной брани.

Ведь многие дворяне не вернулись в полки, а жировали в своих поместиях, кои дарованы им были под условие честной службы.

К разбойничьему войску прибивалось немало бездумного срамного народа, и крестьяне, и казаки, и охотники, и ремесленники, и воры, и бортники, и дезертиры-бегунки. Все хотели легкой добычи и нетрудного прокорма, а ордынцы, как у них ведется, упивались убийством и мучительством.

Дотла разорив очередное село за то, что доставило мало припасов и снеди, выехало разбойничье воинство на берег Иртыша для переправы — и начало вязать плоты из изб, разобранных на бревна.

Когда первые отряды уже принялись садиться на плоты, перед очами князя Ишимского, наблюдавшего за сим с крутояра, неожиданно возник человек тщедушного телосложения в серой рясе.

— Не спеши, княже,— рече он,— не наступай на столицу.

Князь потянулся к пистолю.

— Что-то я не совсем просекаю, незнакомец, коим образом преодолел все посты и дозоры.

— Не будем обсуждать мое проворство,— ответствовал неизвестный человек и протянул руки ладонями вверх, показывая, что нет у него оружия.— Звать меня Фомой. Я тот, кто провел тебя от плахи до свободы. Вспомнил?

Князь вынужден был согласиться, что помнит серорясого, и спрятал ствол за кушак.

— Да, ты большой мастак внезапно появляться и исчезать. Чего же тебе надобно от меня, Фома? Я не откажусь наградить тебя, так что проси смело.

— Не надо мне бочонка золота. Прошу тебя, княже, не ходи на столицу. Тебе не справиться с Макарием, потому что не Макарий он и даже не человек. Война с тобой даст царю-чудовищу хороший повод поглотить всю страну. Он ведь питается слабыми покорными душами. Прими мой совет и останься на правобережьи Иртыша, инда изъяви покорность самодержцу. Отпиши ему послание, что, дескать, создаешь ты новую пограничную стражу для обороны от супостата-ордынца.

— Даже пожелай я, то не смог бы сего сделать. Со мной десять тысяч отчаянных людей, имя которым саранча: им либо нестись вперед и вперед, пожирая все на своем пути, либо сдохнуть с голода. А прежде чем сдохнуть, они приколотят меня гвоздями к доске и пустят вниз по реке. Нет, я не смог бы устроить из них пару пограничных полков даже при большом хотении. Кроме того, идут со мной ордынцы бека Тулея — небось знаешь, каковые они хищники, в любой миг их вострые сабли

могут обратиться на нас…

— Ясный князь, смотри,— к предводителю подбежало несколько ординарцев, но он и так уже заметил. Вздыбилась на реке волна, встала слегка бурлящей зеленоватой стенкой и не пропускала плоты, вернее, отбрасывала их назад. Из неподвижного водяного вала медленно вылетали струи, схожие с червями, и затем возвращались обратно.

— Воспользуйся сим явлением, княже. Скажи своим воинам, что узрел дурное предзнаменование,— настойчиво зашептал Фома.

— Эка ты постарался, чародей… Значит, колдовать супротив меня принялся, зловонный огрызок?— налившись яростью, Ишимский Смутьян снова выхватил из-за кушака пистоль, но серорясый уже отвернулся и зашагал прочь.

— Позволь мне, бачка,— вызвался покарать один из ордынцев, прибывших с донесением от бека Тулея.— Я соединю его голову с его задницей.

Поскакал нукер, догоняя колдуна и выхватывая на ходу саблю.

— Ва-ах,— выдохнул он, нанося косой удар страшной силы, призванный развалить серорясого напополам.

Но удар пришелся на воздух, потому что колдун мгновенно сместился в сторону. Снова и снова резал саблей нукер, но всегда мимо. Кудесник почти неуловимо для ока перебегал с места на место, доводя своего противника до полного исступления. Кончился странный поединок тем, что ордынец достал саблей серорясого, но сила удара направилась в обратную сторону. Трещина прошла по руке, туловищу, ноге тюркского воина. Когда князь подъехал к нукеру, от того осталась лишь треснувшая глиняная кукла. А колдуна и след простыл, так же как и водяной стены на реке. Сие, взаправду, выглядело дурным предзнаменованием, но князь Ишимский посчитал, что нет у него иной дороги и велел продолжать переправу.

Через две недели воровское воинство уже подходило к городищу Ишиму, откудова сам предводитель был родом. По пути на левобережье Иртыша число разбойников увеличилось вдвое за счет тех, кому неохота было вкалывать и в поте лица добывать хлеб свой, кто алчен был до чужого имущества. В то же время пахотный народишко, что допреж с радостью встречал разбойничье войско, вскоре проклинал его, наглядевшись на то “облегчение”, которое случалось с хлебными закромами, свинарнями, овчарнями и разными припасами. Оттого и пошла молва, что разбойничье воинство воюет не в поле, а в курятнике.

Смутьян заняло городище Ишим без боя, три дня его воины

беспробудно пьянствовали, сбив замки на казенных водочных погребах. Немало было взломано и податливых бабьих сердец, и того, что в женском естестве пониже расположено.

А затем разбойничье войско потянулось из Ишима по Восточнотеменскому шляху, оставя небольшой гарнизон в городской крепости. В узости между Красных Холмов походные порядки сильно растянулись, а тут ордынские разведчики доложили, что на высотках заметили разъезды и дозоры царских воинов-серокафтанников.

Князь Ишимский почуял, что настает час решительной битвы, ведь до столичного града Теменск осталось не более двух недель пути.

Ратоборству предстояло случиться в сложной местности, и Ишимский Смутьян задумался о том, как трудно маневрировать его разгульным воинством. Однако же отправил карабкаться на холмы наиболее обученные слаженные отряды, где поболее бывших боевых холопов и поднаторевших в ратном деле казаков. Конные сотни ордынцев, как порешил князь на совете с беком Тулеем, также должны были укрепить и расширить фланги.

Брань завязалась на правом фланге: воровские отряды прямо на гребне холма столкнулись с серокафтанниками, численностью не менее полка. Царские воины встретили наступающих свинцовым ветром, но князь Ишимский с помощью наводчиков, облепивших высокие сосны, удачно прицелил мортиры. Устроивши меткий обстрел, разбойники сумели опрокинуть передний вражеский полк, на его плечах спуститься с холма, там ударить в средний полк и после жестокой сечи принудить его к отступлению. Теперь главные силы князя Ишимского смогли выйти из узилища в чисто поле.

Они поддержали изнуренный правый фланг разбойничьего войска и погнали средний царский полк; кто уцелел из серокафтанников, тот жалко скрылся в окрестном лесу. Впрочем, не до их преследования сейчас было. Перед воровским войском лежало полверсты чистого поля, простреливаемой земли, за которой стоял большой полк царя. Однако уже ни князь Ишимский, ни бек Тулей не сомневались в своей победе.

Порешили они немедленно ударить главными силами в чело вражеского войска, заодно ордынская конница должна была предпринять натиск на левом фланге, чтобы окружить царский стан или хотя бы зайти ему в тыл.

— Ништяк. Не будет нам тут позора,— молвил князь Ишимский, глядя с пригорка, как толпа воров с ревом почесала через поле вперемешку с полуприрученными медведями и полудикими псами. С ходу разбойники палили рьяно из ручных

мортир и картечниц, их весомо поддерживали десятифунтовые пушки, поставленные чуть поодаль, на высоте.— Должны допереть, а там они уже сомнут большой царский полк. Мои урки — хуже зверей.

На левом фланге, как думалось князю, поводов для кручины и беспокойства еще меньше. Ордынцы неслись на своих единорогах, свистя саблями, улюлюкая и визжа, так что чертям тошно бы стало. Смутьян представлял, какая жуткая музыка врывается в уши царских воинов. Перед ордынской лавой еще мчались чумовые единороги без всадников, но с крыльями-клинками, прикрепленными к седлам — зверей опоили соком серых поганок, чтобы рвались вперед, все иссекая на своем пути, пока не рухнут замертво.

Князь Ишимский заморгал и стал прикрывать глаза от солнечного света своей рукой в кольчужной перчатке — на мгновение ему показалось, что несущаяся конница затянулась легкой синеватой дымкой. Впрочем, хмарь сия сразу пропала. Однако в очи бросилось такое, что князь Ишимский никак не мог поверить — ордынцы по дуге разворачивались назад. Вскоре вся лава во главе с беком Тулеем помчалась наперерез толпе разбойников, по-прежнему прущей в сторону царского стана.

“Гнусная измена, не имеющая никоего повода.— князь покрылся испариной от клокочущей злости,— сколько раз можно было вырезать всех ордынцев и скормить их земле.”

Через минуту тюркские нукеры врезались во фланг пешей толпы, и пошла кровавая потеха. Когда солнце Сварог показало свой глаз из-за тверди земной, около пяти пополудни, пешая толпа разбойников была поголовно посечена. Засим ордынцы (меньше половины прежнего числа) ополчились на последние силы, что оставались у князя — запасный полк. Ишимский Смутьян отдал все необходимые приказы, чтобы изготовились его воины к отражению конного натиска.

Неплохо обученный запасный полк начал порядную стрельбу залпам — принося все больший урон коннице, которая зажималась по бокам сходящимися грядами холмов. С высот по всадникам еще молотили мортиры и легкие пушки, выбивая их десятками.

Когда конница оказалась совсем близко, князь перестроил свой полк из цепей в полукруг, ощетинившийся штыками и пиками. Его воины стояли на коленях, в полроста, чуть согнув ноги, сиречь в три четверти роста, и в полный рост. Они в последний раз разрядили ручницы с пищалями, и тут налетели ордынцы. Однако всадники после недавней сечи порядком истомились, чумовые звери с режущими крылами пропали

незнамо куда, да и ездовые единороги изрядно выдохлись. Они еще пробивались сквозь пеший строй, разбивая копытами кости и терзая челюстями плоть людскую. Но копья и пики кололи спереди, с боков, сзади, короткие тесаки били в живот, кинжалы подрезали сухожилия. Через полчаса конница оказалась выкошена, напрочь выбита, немногие ордынцы унесли свои спины от пуль и скрылись на лесистых холмах. Однако же, и запасный полк оказался сильно потрепан, каждый четвертый был выведен из строя.

И тут в уши князя Ишимский проникла проклятая музыка: барабанный бой и рычание труб. Будто серая волна покатилась к нему, се наступало царское войско, заметны были и подвижные холмы — страхолюдные волосатые слоны.

— Нового удара не выдержим, так что улепетываем, не отяжеляясь обозом,— кратко приказал разбойничий предводитель,— сейчас в ущелье бегом, потом на холмы направо, налево и врассыпную. Встречаемся возле условленной переправы через Иртыш…

Но означенной встрече не суждено было состояться, разрозненные отряды воров без устали преследовались царскими конниками — гусарами, уланами и казаками. Черные стражи устраивали облавы на мелкие разбойничьи шайки, скрывающиеся в лесах, на болотах, в зимниках, заброшенных хуторах. Везде справно поработали боевые псы и волки-охотники. Ни в чащобе, ни в кустах, ни на кочке, ни в скирде сена, ни в погребе, ни на чердаке не мог от них укрыться беглый вор. Прыжок, лязг челюстей, взбрызг крови, задушенный крик, и начинается дикая трапеза. Понемногу волки и псы отвыкли харчить все подряд и повадились выедать у трупа только самое вкусное — ляжки, ягодицы, печень. Через две недели звери настолько обожрались и обленились, что потребовалось доставлять свежих голодных с неутоленной злобностью из воеводских и столичных псарен и волчарен. Впрочем, ровно через две недели князя Ишимского уже вывели в кандалах на лобное место в стольном граде Теменске. На удивление толпе, казнь опять не состоялась. Благочестивый царь сообразно духу своего человеколюбия помиловал государственного преступника, заменив смертную кару на заточение в темницу — вплоть до “исправления нрава”.

Собравшийся у лобного места народ не опечалился отмене кровавой потехи и не обрадовался нечаянной милости — ибо не знал, чего хотеть от надежи-государя. За один месяц сгинуло и исчезло не меньше народа, чем за прежние десять лет правления царя Макария. Однако же и проступков: и сквернословия, и женобития, и воровства, в самом деле стало куда меньше, чем в

первые десять лет царствования, хотя народ тогда беспрестанно потчевался назидательными казнями и пытками со всех эшафотов.

Снова возгласил глашатай государевы слова на Дворцовой площади — пусть не мыслят люди, что судьба их зависит от человечьего произвола. Бдит и карает не царь, бдит и карают нечеловеческие вышние и преисподние силы. Сам же кроткий человеколюбивый царь лишь заступается за грешников пред строгим лицом Неба.

И кара настигала преступников и кощунников за воровство и татьбу, за дармоедство и лень, за пьянство и алчность, за похоть и тщеславие, гордыню и сребролюбие, драчливость и уныние. И ни про одного покаранного человека соседи и ближние не могли сказать, что невинен он. В отличие от повальной болезни или стихийного бедствия кара не была слепой, а разбирала правых и виноватых, приходя лишь по верному адресу.

Кара могла настичь повинного в любой миг, разорвать его на мелкие кусочки (легкая, но поучительная смерть), сварить изнутри (тяжелая), размазать по стене или земле, вывернуть наизнанку и выжать.

Иные буйные негодяи исчезали на день или даже неделю, а потом возникали снова, только тихие, смирные и работящие. Иногда, впрочем, не появлялись вовсе.

Порой кара приходила в виде волка — коего не брали ни клинок, ни пуля. Зверь появлялся там, где его и не должно быть по причине крепких ворот, дверей, замков, запоров. Зарезав жертву, он пропадал также таинственно, как и появлялся. Бывало, что перед прощанием принимал он облик человека, красивого и молодого, иже проходил сквозь стену. Сей вурдалак никогда не причинял вреда детям и женщинам.

Из-за быстрого, неотвратимого и скорого суда почти все злодеи забросили свои скверные дела. Но выяснилось, что наказание смертию приходит за скверные мысли еще чаще, чем за дела. И боролись злодеи изо всех сил со своими дурными мыслями. Боролись с мысленным злом и те люди, кои никогда не решились бы на скверное деяние. Однако чем больше уничтожали внутреннее зло, тем более дурные мысли пленяли голову, и в конце концов приходила кара. Иные люди совершали какой-нибудь ужасный проступок, чтобы поскорее получить возмездие и не выдерживать мучительную борьбу с собственными злыми помыслами. Короче, никогда еще так много подданных царя Макария не жила в таком неуютстве, страхе и ужасе.

Однако теменские люди в большинстве своем соглашались, что разбой и татьба сошли на нет, что от царя исходит одна лишь

милость и защита, что кротостью своей приближает он приход Мессии, который избавит от погибели всех праведных и подающих надежды на спасение. Инда некоторые злодеи, кои явились с повинной головой в царский Дворец, после чистосердечного слезного покаяния пред ревнителями второевангельской веры, получали прощение от государя. Соответственно ярость Преисподней благодаря заступничеству Пресветлого навеки отвращалась от сих покаявшихся людей. Премного радуясь за отпущение грехов, поступали оне в младшие отряды черных стражей, в матросы обской флотилии, шли в казенные мастерские и рудники, некоторые уходили иноками в пустынь, где сочетали молитвы и послушание — рубили и пережигали лес, готовя поля для переселенцев. Однако же находились и те жестоковыйные упрямцы, что втайне обвиняли царя в вурдалачестве и ночной лютости.

Вскоре после оглашения царской милости князя Ишимского ввели в Детинец через малые двери в воротах, отконвоировали по улочкам, стиснутым между высоченных стен, по узким сумрачным переходам, затем втолкнули в какой-то подвал, отчего помилованный немало еще катился по лестнице, сосчитав не менее пятидесяти ступенек.

Князь нутром чуял, что взаправду никакой милости он не дождется, однако после поражения под Ишимом ему было решительно все равно. Ведь битва-то должна была закончиться поражением царских войск, но получилось как раз наоборот. Впрочем, аще сражение завершилось бы честным проигрышем, переживание имелось бы большее. Ишимскому Смутьяну даже льстило, что одолеть его получилось лишь грубым вмешательством непреодолимых колдовских сил.

Сейчас в раскаленной голове Ишимского Смутьяна снова вставали картины, кои рисовали его побег от палача и переправу через Иртыш. Оба раза вспоминался серорясый колдун Фома. Оный волхователь вроде бы желал разбойничьему предводителю добра, но действовал образом совершенно непонятным. Серорясый предугадывал и предупреждал, что дьявольские козни будут употреблены против князя. Так ить случилось на поле под Ишимом, где излилась прорва колдовской мерзости. Только сие весьма отличалось от обычного волхования и ведьмачества. К примеру, за две недели бегства, кончившегося пленением на Иртышском берегу, княжескому взору не встретился ни один ордынец. И сейчас Ишимского Смутьяна мучило крепкое сомнение, были ли всадники, что посекли наступающие толпы разбойников и ополчились на запасный полк, теми самыми тюркскими нукерами, коих привел бек Тулей. Не случилось ли

подмены? А ведь подмена могла свершиться лишь на поле брани, егда ордынцы яростно полетели в атаку на царское войско. Не явилась ли синеватая хмарь знамением адских антихристовых сил?

Князь потерял счет времени, когда дверь темницы открылась — совсем не та дверь, через которую его втолкнули — а может и не открылась она вовсе, но рядом возник царь Макарий.

Едва произошла сия встреча, как князь Ишимский уразумел, что самодержец — не человек, что именно он неведомыми, но мощными чарами сгубил разбойничье войско на поле под Ишимом и следующей его жертвой будет вся держава Теменская.

— Изыди, нечистый,— произнес князь и сотворил защитный знак “крестного дерева”.

— Ты мне в общем-то по нраву, князь, и твое чутье, и твоя воля крепкая. Да и некоторые твои сведения мне потребны,— негневно произнес царь-колдун.

“Нет, сия фигура точно не Макарий, не та речь, не те ужимки”,— подумал князь, который многажды встречался с царем в боевых походах и во время выездов ко двору еще с отрочества.

— Что, Ишимский вельможа, не похож я на Макария? Ладно, мне сейчас притворство не надобно. Скорее уж я — Страховид, бывший боевой холоп. В чем-то мы с тобой сродни. Я взял престол из мести, и ты восхотел из мести того же, ан силенок у тебя не хватило.

— Да уж, как могло их хватить? Я воевал честно, а на твоей стороне выступали все силы ада,— с неудержимой горечью молвил князь.

Псевдомакарий не стал отпираться от упрека, только сказал, что адских сил была лишь малая толика, а князь продолжил:

— Ну коли ты признал, кто есть таков на самом деле, ясно, что мне отсюдова не выйти. Потому изволь ответить напоследок, были подменены нукеры бека Тулея на поле под Ишимом?

— Правильно мыслишь, князь. Всякий, чья душа исполнены гнева ли ярости, страха ли, смирения ли, становится добычей Сильного. Ибо нет у тревожной слабой души никакой защиты и сама она лишь сосуд для Жаждущего.

Князь неожиданно ощутил бездну, перед которой оказался.

— Кто со мной говорит, сам Сильный и Жаждущий, или только слуга его?

— Тот адский владыка, который вдыхает в меня жизнь и действует от моего лица, мог бы объяснить все толком, кабы захотел… а я просто имею чувства, помыслы, порой чудные, я помню себя человеком по имени Страховид, и человеком по

имени Демонюк, и боярином Одноухом, и полковником Остроусовым, и нечеловеком, владыкой далекой и грозной планеты. Кстати, как там мой друг из преисподней по имени Фома? Похоже, ты встречался с ним.

— Сдается мне, что он единственный, кто способен стать камнем, о который ты зубы-то обломаешь.— произнес князь с некой надеждой на отмщение.

— Способен, но не станет. Невеликого духа человечек, хоть и запеченный в оболочку из мощных сил. С твоей крепкой волей ты бы скорее ухайдакал меня. Еще ты помысли о том, что боимся мы сил адских, а живем в мире земном, значит, им не так-то просто проникнуть сюда. Мы сперва должны впустить их, своей немощью душевной, своим малодушием, страхом, пристрастием низким, своей скверной… Толкни меня, князь, своей крепкой рукой и я упаду, како всякий другой смертный.

Вспомнил князь о том, что многие родичи безропотно шли на плаху, малодушно не решаясь противопоставить царю-губителю ни хитрость, ни измену, ни другое оружие. И Ишимский Смутьян пихнул колдуна, каково следует. Ему даже показалось, что Псевдомакарий еще более тщедушный, чем кажется на первый взгляд. Исполняющий обязанности царя полетел, шлепнулся на спину, и даже тощие его ноги взметнулись вверх.

Князь-Смутьян не смог удержать улыбку, как впрочем и сам псведоцарь. Тот долго и радостно хихикал, валяясь на каменном полу.

Но едва колдун поднялся, как в глазах его появились две желтые точки, кои вскоре окрасили яркой желтизной и радужки, и белки. Потом на фоне ровной светящийся желтизны обозначились щелевидные черные зрачки. Князю стало не по себе, отчего-то вспомнил он некоторые свои неприглядные дела и то, что ради власти своей допускал и мучительство, и грабеж, и избиение невинных.

— Ну-тко, толкни меня снова,— приторным голосом предложил Псевдомакарий.

Князь Ишимский опять пихнул его в туловище, хоть и менее бесшабашно. На сей раз псевдоцарь стоял неколебимо, как столб.

— Вот ты утратил уверенность, открыл свое сердце робости и сим немедленно увеличил мою силу.

Уже во второй части фразы голос Псевдомакария стал шипящим, челюсти колдуна удлинились, шея и тело вытянулись, кожа позеленела, из пасти потянуло могильным хладом, а на оголившемся черепе так и заходили желваки.

— А теперь попробуй толкни меня, княже, коли решишьсяяяя…

Слабость проникла в жилы князя, он почувствовал себя маленьким, ничего не значащим, ничтожным, скверным и отошел к стене. Тем временем царь-колдун покрывался слизью, а заодно таял и исчезал.

Напоследок раздалось шипение с едва различимыми словами:

— Милости небесной вряд ли дождешься ты, так что изведай милость мою. Поверь мне, она вряд ли окажется лишней для тебя.

Князь увидел слизь на себе, он попытался отскоблить ее, но она снялась вместе с кожей. Оголилась плоть, струйки крови протянулись по воздуху наподобие волос, однако же боль не терзала его. Ишимский Смутьян хотел было взбежать по лесенке ко двери, но поскользнулся, упал и восстать уже не мог, едкая слизь быстро пожрала его ноги, а засим и руки. Князь видел, как исчезает его плоть, обращаясь в красную дымку, засим тончают до полного исчезновения жилы и, наконец, тают кости. Нестойкое тело оборачивалось узорчатыми струйками тумана, который закручивался блуждающим вихрем. Слизь облепила ланиты, чело, глаза князя и он не смог видеть, хотя еще слышал хлюпанье, чмоканье и бульканье растекающейся плоти, потом пропало и дыхание. Какое-то время бывший Смутьян отчетливо ощущал биение своего сердца. Но и оно тоже замерло, сменившись молчанием. Внезапно страх пропал, и князь почувствовал себя как будто в материнском чреве, смерть была уже позади, а впереди — новое рождение.

Слабо шевельнулась мысль: “Так вот она какая, милость твоя.”

И новое рождение настало. Исчезающим сознанием прежнего человека князь узрел хоровод колоссальных звездных сфер и поразился дивной их музыке. В калейдоскопе мелькающих красок и объемов, кои напоминали водовороты и смерчи, различал он облики сотен людей, и среди оных было немало знакомых ему. Нарождающимся новым сознанием Ишимский Смутьян уже воспринимал свою следующую родину, далекую от Солнца, но полную собственного густого словно бы жидкого света, гармоничную, сложно-симметричную, похожую на дворец с высокими арками, стрельчатыми окнами, легкими башенками, ажурными галереями. Мир сей словно состоял из тонких нитей, по которым текла быстрая сила. Благодаря ей менялись очертания, фигуры росли, таяли, играли цветами и обличиями, чередовали друг друга, пропадали и случались вновь. Мир сей, возможно, не был живым, но он существовал и мыслил.

Тут старое сознание окончательно потухло, а новое было еще слишком слабым и непосредственным, потому князь Ишимский,

бывший житель Земли, забыл себя.

19. “Варфоломеевский день”

Помехи. Настройка канала. Четкий прием. Симплекс.

Примерно в это время, но только в другой точке пространства, начальник Технокома принял определенное решение. Он выступил на Совете кастовых уполномоченных и настоял на том, чтобы направить усиленную лунарскую эскадру к Земле — в первую очередь для наблюдения, с четким указанием избегать, насколько возможно, боевого соприкосновения. Представитель касты кшатриев весомо возразил, что уж воевать — так воевать, нечего раззадоривать врага своим слюнтяйством. В итоге Совет издал директиву прямого действия: военно-космический флот, внутренние войска и антитеррористические группы привести в повышенную готовность, патрулирование и разведку осуществлять на предбоевом уровне, десантно-штурмовым частям и командам спецназа работать по программе “Весенний гром”. Ганимедскую эскадру, усилив за счет ударных соединений каллистянского и марсианского флотов, направить в район передового базирования — на дугу 14Ю — для развертывания веерной обороны. При нейтрализации непосредственной угрозы применять все средства огневого воздействия, в том числе и по оперативным тылам противника.

Война уже дышала гарью в лицо.

Сознание начальника Технокома, которое он называл ментальным полем, каждую секунду принимало сообщения — мемо-элементы по многим каналам. Те же мемо-элементы сбрасывались в вычислительную среду резидентной кибероболочки. Если генеральный не вмешивался, она сама вырабатывала решения, применяя процессорные ресурсы, расположенные во всех секторах Солнечной Системы. Марк-27 пока и не вмешивался, хотя ясно было, пора что-то предпринимать кардинальное и неожиданное для противника.

Впрочем противник сам предпринимал неожиданное и события шли своим неприятным чередом.

0.20. Сектор 10А-56. Патрульный корабль военно-космических сил обшмалян мощной плазменной пушкой с астероида Теллус, загорелся и взорвался.

3.15. Высадившееся на Теллус подразделение космической пехоты не углядело там никаких следов противника. Однако при возвращении на базу транспортный коптер и прикрывавший его

эсминец были внезапно атакованы сатурнянским кораблем и раскурочены ракетными залпами.

4.40. Дивизион ВКС, который вскоре прибыл в сектор 10А-56, не смог найти противника, облажались и автоматические средства слежения в соседних секторах. Но когда поиски уже завершались, дивизион напоролся на мобильное минное поле. Миноторпеды с боезарядами-синуклерами за несколько минут превратили корабли в гроздья серебристых шаров, а затем и в комок спекшегося мусора.

6.05. Стянутые к району 10А-5 корабли Церерской оперативной группы все же увидели на экранах своих локаторов и с помощью зондов-разведчиков вражеские борта в количестве трех боевых единиц. Произведенные ракетные залпы превратили местоположение неприятеля в море света — применялись сверхмощные аннигиляционные боеголовки. Вскоре выявилась накладка: взрывами накрыто и два эсминца той же оперативной группы, которые, судя по данным телеметрии и радиорапортам, должны были находиться совсем в другом секторе.

7.50. Церерская оперативная группа напоролась на сатурнян в секторе 10А-58. Рейдеры противника моментом рассекли походный порядок оперативной группы и, подавляя электромагнитные излучения, нейтрализовали все системы навигации и наблюдения. Из двенадцати бортов, вышедших с Цереры, вернулось только два.

9.54. Противником ударил по военно-космической базе класса “Перун” и другим стратегическим объектам Цереры, включая шахтовый узел дальнего нейтринного слежения. Время подлета вражеских ракет после обнаружения составило всего две минуты. Космикой потерян контроль сразу над десятью секторами в префектуре Астероиды.

10.30. При входе лунарской эскадры в земной сектор, сатурнянские корабли “ушли в тень”: покинули его, причем в неизвестном направлении. Ни один наблюдательный узел не засек их ни в пассивном, ни в активном режиме отслеживания.

Начальник Технокома знал, что в главном штабе военно-космических сил царит паника, еле прикрываемая совещаниями, коллегиями и прочей бессмысленной активностью, что генеральный уполномоченный касты кшатриев призывает “товарищей космофлотцев к спокойствию и выдержке”, но очко-то у него сильно дергается. Начальник Технокома воспринимал как счастье, что от него не требуются оперативные решений, есть лаг для обдумывания директив и указаний. Для начала, решил генеральный техно, уточним инструкции и потребуем дисциплинированности в борьбе с нитеплазмой, подправим

протокол работы со спецаппаратурой, но вот зараза, все это годится только для непосредственного контакта… Да, Сатурн наглядно показал свою силу, в два счета отобрав у Космики контроль над доброй третью Пояса Астероидов. И, тем не менее, сатурняне долбанули отнюдь не по самым важным и чувствительным точкам. И даже из земного сектора пока что убрались. Если забыть о чести, гордости и славе, то имеется еще возможность предотвратить войну или хотя бы оттянуть ее начало. А время может сработать и на нас, если успеть подсуетиться.

— Включи Чертковица,— шепнул генеральный, и внимательная кибероболочка тотчас соединила его закрытым каналом с важным алефовцем.— Старик, ты уже, наверное, знаешь, какая заваруха. Сатурняне нас крепко прощупывают, и мы, кажется, выглядим не очень. Нужны резкие неординарные шаги. Проект “Параллельная жизнь”, закончившись бесславно, многому нас научил. “Человек-оркестр” не был доведен до конца, но мы уже сообразили, что солдат, вооруженный трансквазером — это наше чудо-оружие.

— Есть еще проект “Нечистая сила”, в него многое вложено, и времени, и средств,— напомнил глава “Алефа”.

— Он сейчас на исполнении и невесть чем закончится, кроме того проводится целиком на Земле. А мы не в курсе, где сатурнянский Плазмонт нам врежет по соплям; по большому счету, он способен подсиропить повсюду, сам или через спорозоитов, шизонтов и прочих гадов, входящих в его сеть. Короче, нам нужен второй “Человек-оркестр”, то есть носитель диффузного трансквазера, а затем третий, четвертый и так далее, вплоть до роты и батальона.

Чертковиц был не в восторге.

— Мы проводили испытания лишь на одном подмастерье, даже аналитические отчеты и то не подготовлены. Внешним источником питания для трансквазера сплошь и рядом выступала пси-структура самого Фомы. Одному Богу известно, способен ли кто-то повторить его немеркнущие подвиги. По большому счету, это испытаниями назвать трудно, скорее какая-то эквилибристика на краю пропасти.

— Чер, лучше бы обходиться без всяких подвигов. Нужно, чтобы у трансквазера был автономный чисто технический источник питания, не зависящий от человеческой пси-структуры.

— Коллега генеральный, мы его уже слепили, и по-моему фурычит он нехило. Но все-таки возможна ситуация, с которой не справятся ни процессор трансквазера, не его источник питания.

— Странно мне такое слышать от технаря. Хорошая техника

— это та, что не зависит от психических и физических свойств человека-оператора, и поэтому в среднем дает лучший результат, чем плохая техника… Слушай, Чер, нам не стоит сейчас разговаривать словно двум бюрократам, скорее уж как парочке бандитов, чья шайка накануне засыпки. Мы ведь одной ногой уже над раскрытой парашей.

— Хорошо, шеф, я лично готов взяться, так сказать, за сплошную трансквазеризацию. Сейчас мы заканчиваем наладку аппаратуры, и на примете есть толковые люди, вполне подходящие для носительства.

Генеральный неожиданно для себя замялся, потому что впервые в жизни почувствовал смущение, чувство совершенно излишнее для руководителя такого масштаба.

-… Старик, ты был на Титане во время войны, в том чертовом Храме. Извини, но у меня сейчас кое-какие сомнения насчет всех, кто там побывал и выбрался назад.

— Просканируйте каждый мой квант и убедитесь, что я неинфицирован. На Титане меня демон не пронял, ну, а нынче я тем более ему не по зубам, вернее, не по щупальцам.

— Ладно, готовьтесь, я буду у вас, в Рынь-городе, через несколько часов.

Если “Человек-оркестр” сможет повториться, причем не в каком-то безалаберном Фоме, а в серьезных и ответственных людях, тогда и будет толк от сомнительных и рискованных контактов с плутонами… А вот, кстати, кто-то еще просится на связь. С начальником “Бета” нельзя не пообщаться — испытанный надежный руководитель подразделения. Однако, Марка-27, едва он услышал голос Джафара Т804, вдруг передернуло — просто подумалось, что внутри хорошего знакомого может таиться поганая нитеплазменная червоточина.

— Коллега генеральный, “Алеф” усиленно задымляет работы по нескольким крупным и при том опасным проектам, а ведь согласно Уставу Технокома именно наша служба отвечает за внутреннюю безопасность всей технической сферы.

Актерствовать и валять дурака тяжело лишь тому, кто боится последствий. Марк-27 как пожизненный руководитель был освобожден от ответственности.

— Посмотрите, коллега Джафар, что творится вокруг, а вы — о какой-то ерунде вроде мелочного нарушения Устава. Шифры германских разведдонесений времен второй мировой были разгаданы лишь потому, что посылались они в срок и по всем правилам уставов. Для вермахта это обернулось немалыми потерями.

— Позвольте не согласиться, шеф. Во всех армиях и флотах

большое количество потерь — это результат несоблюдения так называемых мелочных правил. Боюсь, что служба “Алеф” своим самоуправством вызвала сильное неудовольствие сатурнян и толкнула их на разведывательно-диверсионные рейды.

— Джафар-бей, а мы и не должны вызывать удовольствие у противника.

— Мы должны реально оценивать соотношение сил, коллега генеральный.— твердо и в общем справедливо произнес испытанный соратник.

— Служба “Алеф”, смею верить, пытается увеличить нашу силу.

— Коллега генеральный, служба “Алеф” не увеличивает нашу силу, а пытается сделать нас придатком к чужой силе. Плутоны…

Да, искусственная соревновательность явно перешла в маниакальную ненависть, опять получилось не то, что задумывалось.

— Стоп, Джафар, не надо сплетен. Твою службу тоже обвиняют в контактах с извергом рода человеческого, проживающим на Титане. Мы вскоре продолжим содержательную беседу, но сейчас я спешу, “стрелка” уже забита…

Генеральный вырубил связь и почему-то пожалел о том, что отчасти “засветил” свою поездку в “Алеф”.

Впрочем, решения он никогда не менял, повторные раздумия могли бы лишить его необходимого запаса времени и уверенности в себе. За минуту дорожка-самодвижка перебросила его в ангар, который находился на том же уровне. Люк коптера открылся бесшумно и быстро, даже показалось, что он просто растворился в воздухе. Генеральный расположился в салоне, а кибероболочка, внимательно следившая за магнитной аурой его настроения, мигом создала полномерную виртуальность: как будто он сидит в челне, плывущем по Неаполитанскому Заливу. Причем, применялось не только подключение к нейронам через биоинтерфейс, но и управление газовыми вихрями — для имитации ласкающего ветерка. А кроме него была голубизна вод, нежные краски утреннего неба и льющийся отовсюду чистый голос: “O, dolce Napoli”.

Генеральному даже понадобилось усилие воли, чтобы выйти из нарковиртуального мультика, когда коптер прибыл на место, в комплекс “Алеф”. Когда открылся люк, Чертковиц уже стоял рядом, выказывая всяческую готовность. Рядом торчала еще пара человек в обычной форме, но, судя по их волевым физиономиям и какой-то напружиненности, они были из сектора внутренней безопасности “Алеф”, вернее бывшего сектора — упразднить его пришлось по настоянию Джафар-бея. В общем, все правильно:

Устав возлагает обеспечение безопасности Технокома только на службу “Бет”.

В комплексе “Алеф” не было столь привычных дорожек-самодвижек, с готовностью подхватывающих вас, поэтому до лифта пришлось топать пешком, после него — тоже. В конце концов, Чертковиц, Марк-27 и двое охранников оказались в просторном гулком помещении с глянцево-черными стенами.

— Мрачновато тут у вас.— заметил генеральный.— Похоже на зал ритуальных торжеств. Мы не ошиблись в номере комнаты?

— Интерьер вполне функционален.— сказал, как бы оправдываясь, Чертковиц.— При имплантации диффузного трансквазера эти стены играют роль квантового отражателя. Кстати, мы собираемся применить процессор другого типа, гораздо более связанный с ментальным полем.

— И в кого будет имплантирован трансквазер нового образца?

— Сперва в меня,— отозвался Чертковиц.— Я действительно наведывался в тот самый Храм, но никакая зараза не пристала ко мне. Проверьте хоть сейчас.

С потолка сразу опустилось несколько колец мощного стационарного сканера, который вскоре объявил, что очагов и гнездовий нитеплазмы в коллеге не обнаружено.

— Чер, на что похож Храм Плазмонта?— спросил генеральный.

— Да ни на что. У него нет конкретного места. Сегодня Храм здесь, завтра там, он может занимать огромное здание, а может разместиться в маленькой комнатушке, при этом в него влезает сколь угодно большое количество людей. Не все вошедшие в Храм возвращаются обратно, или возвращаются, претерпев изменение… Большинство спецназовцев, ворвавшихся в Храме, не погибли. Они просто не вернулись или вернулись другими.

— Надо полагать, их воля была сломлена.

— Не совсем; у них не нашлось должной воли для сопротивления изощренному врагу. И это так понятно. Ведь мы, космики,— круглые нули, коллега генеральный. И никуда от этого не деться.

— Чер, у нас никого не мучают и не принуждают зазря, как это бывало в разных земных диктатурах. У нас все разумно, все оправдано, иначе Космике просто не выжить. Ноль — разве это плохо, если позволяет достичь высокой управляемости и защищенности всего общества?

Начальник “Алефа” не слишком был настроен продолжать этот разговор, вернее показывал, что только служебная вежливость не позволяют ему заняться другими делами.

— Коллега генеральный, мы обитаем в мире, в котором как никогда мало Милости. Есть множество естественных и сверхъестественных сил, есть определенное их Единство, которое следует называть Богом. Благодаря этому существует Вселенная, жизнь, и так далее; мы включены и в Множественность, и в Единство, выполняем какие-то полезные строительно-монтажные работы на небольшом кусочке космоса. Но милостивая сила почти не заметна, ей как будто не в чем проявляться, Единство-Бог словно не любит нас, не излучает нам своего человеколюбия, и вроде не замечает, что каждый из нас боится стать ничем. Так вот, сатурнянский Плазмонт верно уловил этот момент, он имитирует, играет роль милостивой силы, которая примет, сохранит и обласкает нашу душу.

Марк-27 умел точно оценивать квалификацию и интеллектуальный багаж своих подчиненных, однако не страдал избытком чутья к их личностным особенностям. Тем не менее, сейчас он уловил, что Чертковица что-то гнетет.

— А почему, старичок, ты вернулся неизмененным?

Неожиданно беседа была прервана, все присутствующие в мрачном помещении ощутили толчки и даже тряску. Чертковиц сразу стал получать сведения от кибероболочки комплекса. Слабые марсотрясения случаются, подумалось Марку-27, вследствие разных естественных процессов, идущих в грунте. Но подыскать сколь убедительную причину для эрозионного или электрохимического разрушения большого пласта почвы не удавалось даже резидентной кибероболочке. А пласт должен быть большим, чтобы затрясти махину комплекса. Да, бывают еще прорывы подмерзлотных вод ввиду вулканической активности, но вулканы Тарсиса давно потухли, и вообще все движения мантии держатся под строгим контролем.

Впрочем, и начальник службы “Алеф”, и генеральный техно быстро обо всем догадались и понимающе переглянулись.

По стенам поползли первые трещины, они становились все просторнее, начал крошиться сверхпрочный углепластик, затрещала рвущаяся арматура из нерушимого волоконного сплава.

— Через пять минут будет поздно. Плазмонт доберется до нас.— сказал Чертковиц,— поэтому пора поставить точки над “е”. Коллега генеральный, я вернулся неизменным только потому, что у меня нет пси-структуры, души, как угодно…

— Из этого следует, что ты…— неожиданно у генерального сильно запершило в горле.

— Да, у меня никогда не першит в горле и не слезится глаз, потому что я — не человек. Если бы мне сделали вместо

сканирования на нитеплазму, к примеру, операцию удаления аппендицита, то это стало бы заметно. Я — изделие плутонов, или в какой-то мере один из них. Генеральный, я зазвал вас сюда, чтобы имплантировать диффузный трансквазер, конечно же, не себе, а вам. Но враги сработали на опережение. Вы, наверное, проболтались Джафар-бею насчет предстоящей поездки. Зря, начальник службы “Бет” — это целая грибница нитеплазмы. А сама “Бет” — гробница для Технокома.

Трясущееся здание наполнилось звуками тревоги, голосили перебивая друг кибероболочки, тот же бардак царил на радиоканалах, отчаянно мигали аварийные панели и сигнализаторы, лихорадочно летали разновеликие пузыри — пленочные сфероэкраны с оповещениями.

— Как будем эвакуироваться?— поинтересовался Марк-27. Он еще не нервничал, ведь большую часть жизни его учили не переживать.

— Насколько я знаю Плазмонта, уйти от него не так-то просто — цеплячий, гад. Возможно, с трансквазером это будет проще. Но с диффузным возиться некогда. Пожалуйста, встаньте вон в тот очерченный голограммой кубик.

Здание дернулось, как подраненный зверь, и в стенах помещения появились две зияющие прорехи. С одной стороны — плутон, с другой — плазмонт, подумал Марк-27. “Оба — хуже”, как говаривал один вождь, но все равно выбор ясен.

— У нас мало времени,— спокойно напомнил Чертковиц.

Начальнику Технокома, казалось, что он видит цифры в глазах старого приятеля, что слышит, как скрипят у того сервомеханизмы, хотя это, конечно, было не так.

— Ладно, двинулись, коллега плутон.

Марк-27 занял место в кубе. Он услышал слова команды, и тут ему показалось, что стены, потолок, пол помещения обрушились на него, да так быстро, что размазались длинными черными кляксами. Когда шок прошел, генеральный увидел только охранников, Чертковиц куда-то запропастился, а к груди (сквозь комбез или разорвав его) прилипла малоприятная черная масса, похожая на большую толстую пиявку.

“Уж не превратился ли Чертковиц в трансквазер?”— первая мысль была и смехотворной, и довольно похожей на правду. Затем начальник Технокома переключился на более насущный вопрос, и кибероболочка вывела на зрительный центр план здания и возможные пути эвакуации. Попытки же пообщаться с кем-нибудь за пределами комплекса не увенчались успехом. Плазмонт делал свою работу чисто.

Марк-27 двинулся по кратчайшей, к ближайшему коптерному

ангару, охранники припустили за ним. Однако уже за дверью он столкнулся с картиной, мало напоминающей ту, что была двадцать минут назад.

Сыпались пластиковые панели, вспучивались и проседали перекрытия, изгибались и трескались стены, рвались балки из крепчайших титан-неодимовых сплавов, крошился, как пенопласт, углепластиковый наполнитель. Хуже того, в конце коридора уже появилось синее узорчатое сияние, поднималось оно и по шахте лифта. Кибероболочка комплекса бодро вещала о потере контроля над все новыми секторами здания.

Оставался еще один незанятый путь: на два уровня вверх по шахте воздушной регенерации, а затем по вентиляционному каналу до коптерного ангара.

Один охранник бластерным импульсом взломал защиту воздушной шахты, второй отошел глянуть, не остался ли кто на уровне-этаже. И тут его схватил синий туман. Эта хмарь лишь внешне напоминала вихреватое облако какого-то газа, с телом человека она взаимодействовала как сверхъедкая кислота. Марк-27 видел, как лопается кожа, пузырятся и исчезают ткани, тончают и рвутся сухожилия и кровеносные сосуды, как кости оголяются и затем расщепляются на длинные щепья. И что самое чудовищное — боль корябала лицо охранника только первую секунду, а потом оно разгладилось, прекратились и дерганья с конвульсиями. Человек распадался и таял без боли, а под конец вроде даже с удовольствием.

— Вот зараза, тикаем, парень,— потончавшим голосом протрубил Марк-27 своему охраннику. “И куда только лоск подевался,— подумал генеральный, мимолетом глянув на свое отражение на какой-то зеркальной поверхности: сальная, потная рожа, всклокоченные редкие волосики, бегающие глазки, полураскрытый рот.— Хорошо, что оппозиционеры не видят.”

В воздушной шахте, помимо регенерационных фильтров, которые легко поддавались разрушению, единственную сложность представляли гладкие стены; даже при наличии вакуумных присосок нога легко оскальзывалось, и можно было просвистеть по кратчайшей линии (длиной в 200 метров) прямо к земле.

Через два уровня генеральный сильно вымотался, и охранник вытаскивал его из шахты как мешок. Пока крепыш из бывшего сектора безопасности пробивался в вентиляционный канал, можно было полюбоваться, как рушатся перекрытия и оголяется сильно покореженный несущий каркас. В канале двигаться было проще, чем в шахте, если не считать выхлопов, прилетающих из ангара — кстати, на этот случай годилась кислородная маска

комбеза. Однако внезапным и неприятным образом вентиляционная труба не выдержала какого-то насилия и оборвалась. Выглянув из возникшей дыры, можно было увидеть, что весь этот уровень и вдобавок три нижних рухнули. Не осталось ни полов, ни стен. А наверх изгибающимися и переплетающимися струями возносится чертов синий туман.

Марк-27 послушал, как Анима говорит о перевозбуждении нервной системы и рекомендует лечь да расслабиться. Начальник Технокома не мог лечь, но все-таки немного расслабился, сбросив лишний пар. Затем подумал, что если прогуляться по уцелевшим балкам несущей конструкции, можно еще добраться до второго отрезка вентиляционной трубы.

— Пойду первым,— вызвался верный охранник.— Коллега генеральный, я не смогу провести вас за руку, страховочного троса у нас тоже нет, так что повторяйте мой путь в точности.

Молодец начал путь довольно удачно. Там, где ему можно было просто перепрыгнуть с балки на балку, он перебирался нарочито аккуратно. На каком-то хлипком куске арматуры он даже потопал, показывая, что тот вполне надежный. Парню оставалось метра три до второго отрезка канала, когда туман, клубившийся вроде бы намного ниже, вдруг пустил в него луч-отросток. Тоненький вроде бы лучик, но охранник сорвался и лишь в последний момент смог задержаться на балке, схватившись за нее обеими руками. Похоже, что-то тяжелое скручивало и тянуло его вниз.

— Держись, Т078, не трухай. Я сейчас помогу тебе.— впервые пообещал генеральный одному из тысяч своих подчиненных.

Марк-27 никогда не занимался эквилибристикой, не бегал над пропастью, но сейчас деваться было некуда — честь требовала. Он довольно лихо, с наскока преодолел первые метры. Потом чуть не сорвался, однако уцепился за какую вертикальную балку, устоял и понял, что панический страх прошел. Он много раз слышал от солдат, что когда стреляешь, уже не страшно, и сейчас понял, что его бой начался. Через пару минут Марк-27 оказался возле охранника и схватил того за руку. Парень явно нуждался в помощи, его физиономия была искажена и залита потом.

— С генеральным не пропадешь,— Марк-27 считал себя мышечно натренированным, но сейчас понял, что охранник тянет чуть ли не центнер, и это при марсианской-то силе тяжести.— Только не дрейфь, парень, тварь использует твой страх.

На секунду генеральному показалось, что еще немного и он вытянет охранника наверх, но тут кожа на руках Т078 лопнула, кровь брызнула и стала перистым облачком, хрустнули, ломаясь,

кости, и оголяясь, потянулись сухожилия, чтобы тоже разорваться от сильного натяжения.

Руки парня примерно до локтя остались висеть на балке, а все остальное полетело вниз. Генеральный поразился тому, что в момент, когда боль должна была достигнуть максимума, лицо охранника выглядело спокойным, он даже улыбнулся, что никак не объяснялось каким-нибудь шоком. Синий туман убивал — или поглощал — свои жертвы милостиво. Он был единственным во всем космосе, кто давал легкий конец. И при этом легкость заключалось не только в избавлении от физических мук, жертва Плазмонта не испытывала никакого ужаса и даже психического дискомфорта. Она твердо уповала на близость новой лучшей жизни, радости и кайфа!

“Чем же мы платим за такую великую милость”,— подумалось Марку-27, но в этот миг арматура под ним осела, так что он едва удержался, а отростки синего тумана оказались совсем рядом. Генеральный почувствовал, что слепая, но всевидящая, безрукая, но всемогущая сила подступается к нему. Внезапно “пиявка”, пульсирующая на груди у Марка-27, растеклась и обволокла все его тело сплошным черным доспехом. Изменился и синий туман. Теперь он представал в виде твари, чем-то напоминающей спрута или даже медузу. Щупальца ее были словно испещрены присосками, однако мозг-процессор трансквазера по-своему расшифровал полученную информацию. Виртуальный экран показывал, что отростки твари состоят из множества сегментов, похожих на пузыри. Пузырчатые щупальца заполонили все пространство и как будто впитали его.

“Похоже, Плазмонт устроил себе здесь очередной Храм,— подумал генеральный.— Значит, отсюда будет тяжело выбраться. А еще тяжелее выбраться неизмененным.”

Он немного прополз то ли по балке, то ли по щупальцу, впереди был один из сегментов-пузырей, который, встречая его, разбухал непропорционально быстро. Генеральный немного отступил в нерешительности и оказался… внутри пузыря. Не просто оказался, а катился по сверхгладкой стенке в бесконечную воронку. По ходу дела Марк-27 размазывался, растекался, превращался в поток струй, которые били во все стороны, словно разжимая преграды. В конце концов, стенка пропала, а начальник Технокома перестал различать, где он и куда спешит. Наконец, слив прекратился, неясные тени сконденсировались, и генеральный техно обнаружил себя в своем кабинете… нет, это скорее был не кабинет, а тронный зал.

Марк-27 восседал на троне, в натуральном тронном зале, причем, не в каком-нибудь варварском царстве на Матушке-

Земле, а в великой Космике, где никогда не заходят Солнце и звезды. Ментальное поле открыло все свои входные порты и стало жадно всасывать информацию, словно иссохшая земля — неожиданно пролившийся дождь. Первое, что понял генеральный о новом мире

— это подарок Плазмонта. Здесь все подвластно воле начальника Технокома и положен конец рассогласованным усилиям себялюбивых особей. Обитаемая часть космоса стала сферой деятельности одного могучего разума. Его генерального разума.

Собственно, тронный зал был не один, их были сотни, и царь Марк-27 присутствовал со своим троном сразу во всех. Мощные трансквазеры обеспечивали это мульти-присутствие одновременно во многих зонах пространства, а мощное ментальное поле вытягивало сведения из тысяч узлов и точек и туда же проталкивало команды. Количество зон, узлов и точек все увеличивалось и вот уже царь находился практически везде: и в термоядерных “бутылках” реакторов, и в гигантских матках инкубаторов, даже внутри газовых гигантов Юпитера и Сатурна, где тоже имелись подданные, чьи тела состояли из кремнийорганики, а жилища — из полимерного льда. Благодаря тысячам хрональных каналов царь находился везде. Более того, он перестал быть посторонним, он сливался с наблюдаемым, с его сутью и судьбой. Для Марка-27 не существовало теперь хорошего и плохого, любимого и нелюбимого, он сам был космическим океаном, вернее — центром его симметрии. Царь мог управлять состоянием планеты и состоянием атома, если от того зависела судьба планеты. Марк-27 представлял собой единство и множественность, он мог жить каждой маленькой жизнью и хранить в себе жизнь всей Солнечной Системы. Он думал об Общем, решая, зачем нужна каждая конкретная жизнь. В нем не было жестокости, но творил он лишь одну подлинную милость бесполезной особи — давал легкую смерть. Впрочем, уже за это подданные обожали его безмерно.

И вот такой светлый мир Марк-27 мог получить в подарок, ему даже не надо было соглашаться, от него требовалось только не отказываться.

Здесь все было по справедливости. Даже проявив невероятную волю и огромное желание, великий царь не смог бы заниматься житием-бытием каждой отдельной частички, лелеять каждую капельку жизни, превращая этот мир в богадельню. Марк-27 обязан был всеми силами бороться с опасностями, безмерно далекими от каждой отдельной особи. Хаос и паразитизм нарастали на верхних уровнях Мироздания, в Поле

Судьбы. Они казались силами любви и милосердия, призванными ублажить каждую тварь, но при том нарушали равновесие враждебных сил, симметрию противостояний, динамику единства, вели всю вселенную к энтропийной кончине. В физической Вселенной полпредами этих псевдомилостивых сил являлись многочисленные Учителя Утешения, то есть ведьмаки и волхователи, которых приходилось неустанно выискивать и выдавливать, как гнойники. Один из них сейчас кочевал по спутникам Юпитера и проповедовал, что великий царь — лишь оспинка на физиономии Мироздания, струйка отравы в космическом океане.

Кто-то из таких ведьмаков-утешителей устроил диверсию на Каллистянской Фабрике Жизни, где из материнского вещества беспрерывно появлялись тысячи существ с разнообразными свойствами (без этого непрестанного творения невозможны мировое единство, множественность, симметрия). Из неохватного чрева матки ежесекундно выплескивались марсиане трех полов (мерзлотники, кормильцы и песчаники); юпитерианские лопастники и ромбовики, призванные совместно осваивать кипящие глубины; земные рабочие и бойцы, коим надлежит заселять обезлюдевшую экваториальную область планеты-мамы; мягкотелые космогоны, которые идеально заполняют полость корабля, выдерживают любые перегрузки и, как черви, способны регенерировать даже при повреждении 90% тканей. Особую гордость представляли недавно поставленные на поток мозговики, напоминающие кочны капусты. Мозг и мясолистья (представляющие модифицированный раскрытый желудок), вот и все, что требовалось для обеспечения бесперебойной работы ментальных сетей.

Проклятый фанат направил на материнское вещество генератор дезорганизующих факторов, отчего оно напрочь потеряло свои способности младшего демиурга. Обалдевшая матка не смогла наделять новые особи соматическими и психическими структурами согласно каноническим матрицам. Фабрика превратилась в кашу из бунтующей протоплазмы, которая стала заливать планетоид, уничтожая все на своем пути. Пришлось мощными пучками антихрононов отправить эту кашу к чертовой матери вместе с Фабрикой. Теперь даже всезнающий царь не в состоянии подсчитать полный ущерб…

А Катя? А Сонечка? Откуда-то пришли эти слова, они что-то ведь означают. Катя и Сонечка — какие-то особи? Или нет, не какие-то, а свои. И кому на самом деле нужны эти мириады неприкаянных тварей, купающихся в собственном бессилии и одиночестве? Кому нужен этот океан податливого бессилия?

Марк-27 соскочил с трона, свалился, оступившись на подножке, но когда поднялся, его снова защищал черный доспех, который как бы подсказывал, что делать дальше. Сегмент стал извергать генерального техно, как желудок — переперченное кушанье. Воронка вывернулась вверх жерлом, и несостоявшийся царь космоса заскользил наружу. Выход прикрывал трехглавый страж, который с готовностью изрыгнул пламя. Но хрональные линии щита, породив мезонное облако, заставили отступить электромагнитный импульс. Меч погрузился в тело монстра и рассек хронолинии, что порождали кванты пространства. Пространство задохнулось в гравитационном коллапсе и огонь остался внутри стража, испепелив его.

И снова начальник Технокома оказался среди сегментов-пузырей, которых было немеряно даже на одном единственном щупальце.

“Не вышел из меня царь всея Солнечной Системы, который еще собрался поправлять Бога, ну, и я, в общем, не настаиваю. Не могу, кстати, сейчас отказать в симпатии тому парню, который раздолбал эту Фабрику Хреновой Жизни. Впрочем, есть у меня большие подозрения, что это Чертковиц, вернее мозг-процессор трансквазера, испортил всю малину. Вовремя он мне напел про Катю и Соньку.”

Однако не получилось у Марка-27 выбраться из этого змеящегося пространства, из марсианского Храма Плазмонта, как ни старался. Снова протек начальник Техноцентра внутрь одного из пузырей-сегментов. Стало тесно, но под напором хрональных сил сегмент быстро расширился и сделался целым миром.

И снова Марк-27 оказался в мире грядущей великой Космики. Только был уже не царем, а скитальцем-волхователем. Его пока не сумели отловить внутренние войска и антитеррористические группы. Он разрушал ненавистную систему, которая использовала на полную катушку любую человеческую особь, могла предать ее, могла стереть в порошок, если усматривала какую-то “угрозу” для равновесия сил и симметрии противоположностей. А в награду особь получала фальшивую милость в виде безболезненного умерщвления.

Волхователь за здорово живешь ликвидировал Каллистянскую Фабрику Жизни, где начальство плодило всякую нечисть, из-за которой человеку житья не стало. Подобрался по канализационной системе, где только двухметровые глисты плавают, под самый реактор. Диверсию свершил не столько генератором дезфакторов, хотя тот также принимал участие, сколько своей бунтующей душой. Пси-структура направила потоки хрононов по пересекающимся векторам, отчего были

нарушены балансы всех реакций, и суматошная энергия разнесла проклятый инкубатор.

А что при этом сгинуло столько нечисти — наплевать — она недостойна высшей Милости, поскольку не более чем дьявольская отрыжка, мерзостное исчадие Геенны.

Вскоре ему предстоит уничтожить Фабрику Смерти — то бишь всю информационную сеть Солнечной Системы, которая присосалась к каждому человеческому уму. Он принесет людям любовь и прощение, он скажет: хватит работать на проклятую паутину. Люди, конечно, ответят: чем мы будем жить завтра, ведь если рассыплется инфосеть, рухнут заводы, связь и транспорт, мы останемся без воздуха, воды, тепла и еды. Но он возразит им: не волнуйтесь об этом, любите друг друга, любовь заменит вам воздух, воду, тепло и еду, взыскуйте и обрящете Милость небесную. Аще и умрете телесно, а душу спасете от скверны…

И опять вспомнились Катя с Соней. Их надо спасать от скверны, губя телесно? Эти души порождены миром, но скверны в них меньше, чем в нем, потому что горят они сознанием, и страхом, и привязанностью, и тоской. Волхователь такую “любовь” наведет, что всем каюк настанет, и людям, и нелюдям, останется лишь машина равнодушного космоса. Нет, такие шутки не для нас.

Марк-27 снова выступил на бой. Сегмент не слишком охотно стал отвергать его. Трехглавый страж выхода успел выдохнуть пространственный вихрь, который, однако, был погашен щитом, накопившим большой гравитационный заряд. Меч погрузился в тело монстра и перерезал те хрональные линии, что нагнетали мезонные потоки. Мезоны, распадаясь, излучали электромагнитные кванты, и этот распад, в конечном итоге, привел к пространственному взрыву. Тот разнес тело стража и выбросил генерального из ловушки.

“Не получился из меня волхователь-подрывник, хоть поначалу сама идея вызывала энтузиазм. Опять мозг-процессор Чертковиц меня вовремя подучил вспомнить о нужных вещах. А нынче я очнулся и не могу себе отказать в симпатии к разумной власти, делающей для людей то, что они сами себе не устроят из-за своей прижимистости и невежества.”

Виртуальный экран начал гаснуть. Сегменты стали просто узелками-присосками на щупальцах, которые извивались где-то внизу. Тварь словно была ошарашена двойным побегом облюбованной добычи.

Генеральный ухватился за наклонную балку и стал подтягиваться руками и ногами на манер обезьянки. Таким макаром он добрался до второго отрезка вентиляционного канала

и уже через пару минут оказался в ангаре. Там стоял последний коптер, совсем не тот глянцевый аппарат, на котором начальник Технокома пожаловал сюда, а какой-то обшарпанный летак. Однако Марк-27 вовремя взмыл в хилую худосочную атмосферу Марса, за кормой рассыпался в прах комплекс “Алеф”. Вначале на экранах заднего обзора еще был виден смятый и местами разорванный каркас из сверхустойчивого сплава, с которого свисали драные волосья трубопроводов и кабелей. Внутри его блудно копошился синий медузоидный туман, орнаментированный вихревыми завитушками. Потом балки распрямились вверх и чуть отогнулись в стороны, образовав что-то вроде тюльпана. Наконец, синева исчезла и “на память” остался только жутковатый металлический цветок.

Всю обратную дорогу генеральный дрожал, и это было вызвано не только тряской ветхого коптера. Выходить на связь даже с резидентной кибероболочкой он опасался, чтоб не вычислили враги, поэтому лишь внимательно прослушивал эфир на всех волнах. Источники массовой информации бодро вещали, что комплекс “Алеф” в Рынь-городе стерт в порошок, причина взрыва (или серии взрывов) пока неизвестна, расследованием сейчас занимается отдел безопасности службы “Бет”. По внутренним каналам Технокома ничего примечательного не пробегало, все службы хранили благородное молчание, низовые подразделения — тоже. Вся каста техно доверилась известной мудрости бетовцев. Поскольку “Алеф” занимался не оперативным управлением, а исследованиями и разработками, то исчезновение директории службы могло сказаться лишь через неделю-другую.

Прибыв в новопетербургскую штаб-квартиру Технокома, Марк-27 первым делом влез под бесструйный душ, а потом сказал:

— Я немедленно издам указ о ликвидации службы “Бет”. И еще о том, что функции директории “Алефа” передаются центральному аппарату Технокома. Тексты с приложениями возьмите с моего киберрасширения.

— Минуточку,— отозвалась киберсистема-секретарь.— Кажется, у вас есть более спешные дела.

Кибероболочка штаб-квартиры уже вливала в ментополе генерального, что на втором уровне здания идет стрельба. И на пятом тоже применяется оружие. Третий и четвертый уровни не просматриваются. И что оперативники отдела безопасности “Бет”, скорее всего, участвуют в нападении. И что им сопротивляются только сотрудники некоторых секретных отделов центрального аппарата, имеющие оружие.

Начальник Технокома не почувствовал опустошенности,

наоборот азарт. За время полета в Новый Петербург он легко убедил себя, что нарыв уже созрел и лучше он вскроется сегодня, чем завтра. По крайней мере, меньше будет угроза абсцесса. Однако на кого можно положиться сегодня? Немало алефовцев уцелело, сейчас он уже знает всех их поименно, но надежные люди либо в Рынь-городе, либо за пределами Марса, и без приличного оружия. Сотрудники “Гимеля”, “Далета” и других служб — это просто безоружные клерки.

— Опять кавардак, как он мне надоел… Немедленно соедините меня со штаб-квартирой касты кшатриев, дайте-ка мне срочно их генералиссимуса.

— Секундочку.— отозвалась киберсекретарь (эта система считала себя женщиной по имени Настя, поэтому и предпочитала нежное малоуместное сопрано).— Марк-27, генерального кшатрия там нет, он где-то в Поясе Астероидов и на звонки гражданских не отвечает, наверное, боится, что сатурняне вычислят и накроют.— “Настя” даже хихикнула, как девушка.— Но на месте первый заместитель, тоже вояка порядочный.

— Ну, давай его… Паша, голубь вы наш саблезубый, привет. У меня, пожалуй, впервые в жизни настоящие неприятности.

Физиономия вышедшего на связь генерала выглядела радушной, даже ласковой.

— А у меня каждую минуту неприятности, даже когда в туалете сижу.

— Вы не понимаете, час назад уничтожен комплекс “Алеф”, сейчас… неизвестные атакуют штаб-квартиру Технокома.

— Понимаю, даже знаю,— голос вояки был приторно сладким.— Только какие-такие неизвестные, коллега Марк-27? По нашим точным сведениям, ни в Новом Петербурге, ни в Рынь-городе нет никаких незнакомцев в черных масках и тем паче ужасных сатурнян. Увы. Значит, вы там что-то у себя переэкспериментировали.

— Паша, мы не проводим экспериментов по уничтожению самих себя. Происходящее в Технокоме угрожает национальной безопасности Космики.

— Коллега Марк-27, Космика подвергаемся нападению сатурнян, с которым мы едва справляемся, вот это действительно напряг. Согласно Державному Уставу, армия и флот занимаются отражением внешней угрозы. А для борьбы с собственными подрывными элементами, теми, кто не спускает воду в туалете и стряхивает пепел на ковер, у технарей есть подразделения внутренней безопасности.

— Но именно они представляют опасность.

— Ничего не могу поделать.— в голосе кшатрия наконец

засквозило малопочтительное ехидство.— Ваша хваленая каста сама настояла на подобных формулировках в Уставе и тем самым положила начало феодализации и распаду единого оборонно-полицейского механизма. А сейчас мы, воины, не желаем, чтобы нас втравливали в какие-то непонятные разборки, не желаем, чтобы нас снова и снова подставляли.— вояка все более распалялся и звенел непритворным настоявшимся гневом.— Вы там экспериментируете, господа технари, а мы головы складываем!

— И мы складываем,— попробовал встрять начальник Технокома. Первый раз он кого-то о чем-то просил, и это сразу превратилось в унижение.— Призывники из технарей составляют половину личного состава на флоте.

— А откуда взялись эти плутоны, эти сатурняне?— не унимался первый зам генералиссимуса.— Вы их породили. И я не удивлюсь, если завязка новой войны тоже связана с вашей бурной деятельностью. Кстати, несмотря на многочисленные смелые эксперименты Технокома, в любую войну мы по технике крупно отставали от противника и расплачивались за это собственным горелым мясом. Так что преуспели вы, техно-вайшьи, только в интриганстве… Ладно, меня вызывают из Пояса Астероидов, новые страсти-напасти, так что я отключаюсь. Очередных вам благ, коллега Марк-27.

— Штабная крыса, паркетный генерал, застольный воитель, сортирный бомбардировщик…

Но бранные слова не долетели до берлоги военных, потому что нападающие перекрыли все каналы коммуникации с внешним миром, сразу после того как кшатрий ушел со связи. Бетовцев, видимо, устраивало, чтобы начальник Технокома, выслушав от генерала “некролог”, ничего уже больше не услышал.

— Этот Паша, конечно, порядочный хам, но и вам не стоит вставать на одну доску с ним. Будьте выше.— справедливо заметила “Настя”.

Однако Марк-27 не слушал псевдодевушку, кибероболочка штаб-квартиры как раз сообщала ему, что хотя коммуникационный узел не поврежден и не захвачен противником, однако тот контролирует все линии внешней связи, а для развертывания резервных связных каналов требуется не менее часа напряженной работы соответствующих подразделений.

Начальник Технокома на свое удивление не скис, хотя было ясно — если победит Джафар-бей, то он станет новым генеральным уполномоченным касты, а материальный ущерб и людские потери спишет на прежнее руководство, которое, мол,

оторвалось от широких народных масс касты “техно” и погрязло в коррупции. Ну, а прежнее руководство, конечно же, по-быстрому окажется вымаранным из списков живых и получающих высокую зарплату. Начало войны с сатурнянами и все прочие грехи будут свалены на старое начальство Технокома и закопаны вместе с ним в могилу. Ставки выглядели очень высокими, но Марк-27 вдруг почувствовал вкус к этой крупной игре, столь разительно отличающейся от привычной ему рутины. Он не растерялся, а напротив сосредоточился, и, четко передвигая мемо-элементы по ментальному полю, стал посылать сотни команд по линиям внутренней связи. Пожалуй, более всего его вдохновило то, что сегодня Катя и Соня отправились на экскурсию в район южной полярной шапки…

Не все команды исполнялись, как ему хотелось, однако оперативно были установлены бронещиты на все важные переходы и задраены все люки (нападающие не смогли отключить дублирующую систему энергопитания). Все сотрудники, способные обороняться, включая самого генерального, получили разнообразное оружие, заняли огневые позиции и были извещены по поводу маршрутов отхода на случай натиска превосходящих сил. У некоторых “бойцов” пришлось брать под контроль нервные цепи, дабы остановить мандраж, а нерешительность превратить в упорство. Марк-27 чувствовал, что его уверенность — это почти что физическая сила и, пока он не стушуется, остается шанс на выигрыш.

Начальник Технокома быстро сколотил команду из наиболее боевитых смекалистых мужиков, в основном тех, что послужили на флоте, и направился в сторону коммуникационно-информационного узла — именно туда пробивались основные силы нападающих, ломая стены и прожигая люки. Мультиинформационный узел связывал Техноком со всеми без исключения искусственными организмами типа робот, робик, кибер, кибероболочка, где бы они ни находились. Каждые семьдесят два часа любое мыслящее или вычисляющее устройство получало через инфоузел новый командный процессор, стартовый модуль или же программу-терминатор, в некоторых случаях — и программу конкретных операций. Системы, не получившие свежего командного процессора или не исполнившие программу-терминатор, оказывались вне закона и уничтожались всеми доступными средствами.

Не получить сигнал по техническим причинам организму было затруднительно — при передаче использовались линии УКВ, микроволновые, дециметровые, мазерные, лазерные, широкополосные, узконаправленные, рентгеновские, гамма-

лучевые, магнитные, магнитогидродинамические и, последнее время, даже нейтринные, защищенные от всех помех. Ретрансляторы Технокома, как правило защищенные поглотителями, скрытно присутствовали во всех секторах Солнечной Системы, и даже за Плутоном.

В свою очередь искусственные организмы каждые тридцать шесть часов посылали мультиинформационному узлу Технокома системный журнал с отчетом о всех проделанных и непроделанных операциях, также рапорты по установленному протоколу и, в случае особой важности, данные телеметрии.

Марк-27 для контратаки на нарушителей решил воспользоваться системой поддержания двух защитных периметров, если точнее, самонаводящимися змеетрубами, по которым поступала бы при нужде металлопластиковая гуща. (Такая труба мастерски подбирается к пробоине, случившееся вследствие метеоритного или ракетного удара, и испражняет вещество, что мгновенно застывает под действием электромагнитных полей.) Двигаться по биополимерным трубам, которые имели собственную перистальтику, предстояло в потоке металлопластиковой гущи — без нее не срабатывали бы пропускные клапана. Поэтому и пришлось десяти отважным технарям надеть гермокомбезы повышенной прочности.

А вот мультиинформационный узел имел внутренности гиперкомпьютера, внешность же — титанокерамического додекаэдра, каждая из граней снабжена была отдельным входом и системой доступа. Додекаэдр находился в огромном зале, который одновременно являлся внутренним периметром, и поддерживался на одном месте системой растяжек. Эта повышало его живучесть в случае попадания метеорита или ракеты на двадцать процентов — по сравнению с установкой на неподвижном фундаменте.

В случае разрыва растяжек должен был включиться генератор сферического гравитационного поля, который мог бы удерживать на весу информационный узел, перемещать его в нужную сторону и обеспечивать ему дополнительную защиту.

Десять бойцов Технокома появились на разных ярусах внутреннего периметра — все облепленные металлопластиковой гущей. Один из технарей, попав под широкофокусный луч бластера, так и застыл в глыбе пластика — до лучших времен. Враги уже пробились в зал через два входных люка и шли на приступ додекаэдра, однако оказались в невыгодной открытой позиции и меткий залп из плазмобоев и сквизеров навеки остановил большинство из них. При этом несколько растяжек оказалось повреждено и информационный узел закачался, если

точнее заколебался. “Еще несколько минут лихой перестрелки с применением гамзеров и плазмобоев, и он рухнет,— подумал генеральный,— или, чего доброго, бетовцы специально перерубят оставшиеся растяжки. Почему нет? Ведь если не получилось взять узел, то, на худой конец, можно и ликвидировать его. После этого искусственные организмы по большей части превратятся в кучу лома и кашу из отрывочных алгоритмов. (Дублирующий узел, установленный в службе “Бет”, по указанию генерального был полностью дезактивирован полгода назад — во избежание самостийных действий бетовцев.) В итоге, Империя Космика останется беззащитной перед всеми недоброжелателями и врагами, включая зловредную окружающую среду, ну и быстро накроется вместе со своим гонором.”

Марк-27 дал команду кибероболочке штаб-квартиры на активирование гравитационного генератора и оптимизацию параметров удерживающего поля, однако сигнал не прошел. Враги теперь взяли под контроль внутренние каналы связи и отсекали чуткими фильтрами “не-свои” сообщения. Оставалось последнее — пробраться на потолочный свод и “раскрутить” генератор вручную.

И, между прочим, это предстояло сделать самому начальнику Технокома — ведь именно он находился на верхнем ярусе. Марк-27 поозирался и, не найдя более подходящей кандидатуры, забросил мономолекулярный шнур с перстня-катушки, чтобы зацепился за одну из потолочных балок. Нитеробот быстро потащил генерального вверх, но и бетовцы, заметив опасное передвижение вражеского тела, стали налегать на усердную стрельбу. Однако нитеробот совершал всякие обманные извивы, так что ничего у них не вышло. Впрочем, едва Марк-27 оказался на самом верху, противник пустил несколько “умных” ракет типа “Чижик”. Однако никакой ум не помог, когда с плеча генерального разрядилась кассета контрет с ловчими сетками и заставила бубухнуть всех “чижиков”.

Марк-27 побежал по балке, направляясь к люку, виднеющемуся на своде, но тут вспышка гамзерного выстрела… и стальная конструкция оказалась перерублена. К тому же, же додекаэдр лишился еще нескольких растяжек — бетовцы, похоже, спешно расправлялись с ними. Марк-27 с третьей попытки пробил дыру в потолке и запустил в нее нитеробота. Тот пошарив, нашел, где зацепиться, и, когда балка уже рушилась вниз, генеральный опять взмыл.

Несмотря на то, что около задницы пролетали плазменные заряды (огненные эллипсоиды с температурой 3000 К), Марк-27 удачно проник во внутренности гравитатора. Киберрасширение

откопало заначенную в своем архиве схему гравитационного устройства и вывело ее на виртуальный экран.

Генеральный сейчас находился во внешнем кольце гравиконденсаторов. Пульт управления был смонтирован в том же кольце, но с противоположной стороны. Пять минут ползком по кольцевому тоннелю — и Марк-27 окажется в самом нужном месте. Но вскоре генеральный понял, что его ждут с распростертыми объятиями. Бетовцы уже пробрались к пульту и собирались укокошить своего бывшего начальника, едва он покажется в поле зрения, а ему и рыпнуться будет некуда в узком проходе. Выстрелы из бластера, оплавлявшие титанокерамику тоннеля, намекали Марку-27, что перспективы неблестящие.

Тогда оставался последний путь: по радиальному тоннелю, в центр гравитатора, именно там сходились контакты инициирующего спин-аппарата. Если перезать линии управления, идущие от пульта, и вручную соединить контакты, то начнется работа: вращающийся диск в сверхпроводящем магнитном поле образует муаровое поле, и каждая из его ячеек будет испускать гравитоны по параболическим траекториям. Но до этого светлого события генерального уполномоченного уже не станет во Вселенной. Неоднородное гравитационное поле просто разнесет его на кусочки дерьма. Весьма поганая кончина.

Кстати, большой начальник почти не размышлял об этом, напряженка борьбы полностью захватила его, игровой азарт вытеснил страх и мандраж. Вскоре Марк-27 добрался до спин-аппарата и первым делом пережег концевики линий управления. Контакты с трудом, но все же поддавались его рукам, вот первый из них вошел в паз, второй, третий… последний. Послышалось мощное гудение, словно бы урчание огромного зверя, встающего ото сна и пробующего первую голодную слюнку. Внезапно появился один из бетовцев, и Марк-27 едва успел вогнать в темную фигуру, заполонившую тоннель, полный гамзерный импульс. Подчиненный сразу стал блеском и паром. По узости прилетела горячая волна и сконденсировалась на пленочной маске капельками — тем, что осталось от человека. Как раз и генеральный почувствовал на себе нарастающую напряженность поля. Марка-27 душило и одновременно разрывало, боль усиливалась скачками, никакая Анима выбросами эндорфинов не могла утешить. Он еще думал, о чем думать напоследок? О Боге Едином? Просить о спасении души?— но то, что предопределялось всей его жизнью, вряд ли можно было изменить или усилить в последний момент.

И он стал мыслить о Кате. Ему даже показалось, что она стоит рядом с ним, ее руки, грудь, бедра прикасаются к нему и

как будто снимают боль — а едва полегчало, заработал трансквазер Чертковиц, до этого будто дремавший.

Впрочем нет, и раньше мозг-процессор не спал, это он запустил в центры восприятия Катеринин образ. А затем меч рассек часть хронолиний гравитатора, что конвертировали электромагнитные кванты в гравитационное поле. Избыток гравитонов превратился в кванты пространства. Начальник Технокома заметил яснеющим взглядом, что свод, словно надувшись, выгнулся в обратную сторону, вдобавок его испортило множество трещин. Полузадушенное тело генерального упало через одну из них вниз. Марк-27 успел схватиться за какую-то потолочную балку, но она сразу просела, а потом оторвалась одним концом от сопряженной конструкции. Изрядно истомившийся генеральный стал съезжать вдоль наклона. Но все-таки сумел удержаться и не рухнуть вниз. Сверху он видел, что додекаэдр информационного узла устойчиво висит в гравитационном поле, отчего в жилах заиграл дополнительный энтузиазм.

Внизу валялись трупы бетовцев. От них поднимался пар — и это было не только следствием глубоких термических поражений. Пар выглядел синим, насыщенным, вскоре стала заметна его полосатость и узорчатость, в конце концов в нем прорисовалась медузоидная дрянь, распустившая множество щупалец. Они пытались обвить додекаэдр, проникнуть внутрь его или хотя бы сорвать.

Марк-27 знал, что нитеплазменная тварь одновременно размыкает пси-структуры защитников Технокома, намереваясь вытянуть из них хрональные силы.

Генеральный уцепился мономолекулярной нитью за балку и спустился на одну из граней парящего додекаэдра.

Хрональный меч, имевший теперь законное имя Чертковиц, неплохо знал свое дело. Он перерубил один агрессивный хроноканал, и вниз упал обрубок щупальца, потом отсек другой, который только что хотел стреножить генерального. Марк-27 почувствовал цепкую тяжесть, которая начинала раздирать его мышцы, срывать органы и ломать кости, но, изловчившись, вывернулся из объятий третьего щупальца.

Щупальца свились, и возникло ячеистое марево, вскоре затянувшее весь огромный зал. Потом марево мигом сгустилось в пятидесятиметрового цельнометаллического гиганта, зал оказался ободранным, лишившимся всех сияющих молибденовых панелей.

Монстр, сделанный из ворованных материалов, ухватил додекаэдр и выдернул его из сферического гравитационного поля.

При этом высвободилась энергия, как при падении с высоты в километр, так что гигант проломил своей тушей внутренний периметр. Однако удержал стотонный инфоузел.

Марк-27 по ходу дела едва не слетел с одной из граней додекаэдра, но успел привязать себя беседочным узлом к одному из крепежных рымов. Во время толчка нитеробот расплылся широкой лентой, позволив генеральному и удержаться, и не сломаться пополам. Однако при торможении Марк-27 сильно ударился о титанокерамическую поверхность всеми своими костями, разбил губы и нос.

Несмотря на многомерную боль, генеральный не терял из виду виртуальный экран.

Монстр представал сплетением пульсирующих линий, но мозг-процессор трансквазера быстро просек главную схему. Осевой хрональный канал гиганта генерировал пространственные кванты, которые придавали ему объемность. В радиальных хронолиниях пространственные кванты преобразовывались в электромагнитные поля. Электромагнитные кванты во множестве микроканалов тормозились и порождали ячейки гравитонов. Гигант наливался тяжестью. В возвратных хроноканалах гравитационное поле наводило мезонные облака. Мезоны втягивались в осевой канал. Все система фурычила как огромный вампирический приемник и трансформатор хроноволновой энергии.

Генеральный заскользил по гладкой грани додекаэдра, с ходу перескочил на руку монстра, добежал до его плеча. Лазерные лучи, брызнувшие из красной чудовищной морды чуть не испарили Марка-27, но меч ударил по радиальным хроноканалам, и пространственные искажения начали пучить гиганта, распространяя по нему импульсы тепловой энергии.

Марк-27 опять зацепился нитероботом и спустился вдоль громадной спины вниз, до пола, где и подрезал возвратные каналы, проходящие через ступни. Стиснутые в хроноловушках гравитационные поля разрушили столбоноги гиганта, который рухнул и превратился в рассыпчатую кашу из зерен металла, колеблющихся по температуре возле точки плавления. Падал монстр вперед, так что додекаэдр вновь оказался в сферическом гравитационное поле. И при том обрел громадную энергию, словно его вознесли на высоту в километр. Марк-27, оказавшись на границе гравитационной неоднородности, заработал внушительное ускорение. Частично его удалось поглотить, когда трансквазер внес пространственные искажения. Но все равно осталось около двух “же”. Генеральный, прокрутившись несколько раз вокруг додекаэдра вместе с обломками монстра,

наконец рухнул и еще скользнул по полу, высекая искры металлическими носами ботинок. Движение закончилось в точке соприкосновения со стеной, в результате чего начальник Технокома сломал два ребра, лишился сил и чувств.

Когда Марк-27 очухался и слегка активизировал ментальное поле, то нашел себя в лазарете. Лазарете штаб-квартиры Технокома. Госпитальный блок работал в обычном режиме, не было видно никаких вооруженных бетовцев. Значит, красивое и дорогое здание удалось отстоять.

— Да, коллега генеральный, мы не только здание отстояли, но еще и крепко отшили бетовцев.— подтвердил первый зам, который, наконец, вернулся из какой-то инспекционной поездки. — Потому-то они, обидевшись, засели у себя в логове, а мы на них наседаем. Сейчас комплекс “Бет” в осаде, а мы лихо идем на приступ. Самое главное, сорвались их попытки взять под контроль искусственные организмы в разных концах Космики. Бетовцы не успели расшифровать все наши коды доступа до того момента, когда мы переключили всю связь на себя.

— Значит, коммуникационные каналы восстановлены?

— Для нас — да, для недруга — это сплошной темный лес. Мы, включили резервные линии, то есть излучатели и ретрансляторы линейных гравитационных волн, к ним УКВ-конвертеры, чтобы оконечные устройства смогли воспринять сигналы. Для бетовцев это был большой сюрприз, весь проект резервной связи разрабатывался службой “Далет” в абсолютном секрете. Наша стратегия работает, шеф, бюрократическая конкурения — все-таки неплохая штука.

Голос первого зама зазвенел от еле сдерживаемой гордости, ведь именно он закинул идейку столь удачного проекта в хваленое ментополе генерального техно.

— Для справки, стратегия бюрократической конкуренции вообще-то называется “разделяй и властвуй”…— сказал Марк-27. — А как бы и мне выйти из темного леса и полюбоваться, что там за лихо творится с их комплексом. Подключи ко мне канал.

И тотчас начальник Технокома получил желанную видеокартинку: комплекс “Бет” и окрестности. Со всех сторон его окружают бронированные гермокары, активно шмаляющие из плазмобоев и бластеров, на него заходят штурмовые катера, производя ракетные залпы и бомбовые удары.

— Каким макаром нам удалось собрать столько сил? Совсем недавно этих бравых бойцов не было и в помине. У них, что, закончился тихий час?— поинтересовался Марк-27 у своего зама.

— Нас вдруг поддержали вояки, коллега,— с охотцей отозвался надежный человек,— если точнее, внутренние войска и

антитеррористические группы. Сам генеральный кшатрий распорядился со своей секретной базы в Поясе Астероидов. Дескать, военные поняли, что правда и сила на стороне центрального аппарата и службы “Алеф”, поэтому решили ускорить агонию службы “Бет”.

— Понятно — чтобы бетовцы меньше мучились. Это называется гуманизм по-космикански. Кстати, если не ошибаюсь, парадом по-прежнему командую я.

И Марк-27 передал всем командирам, чтобы внутрь комплекса “Бет” не входила ни одна штурмовая группа, а на огневые позиции были бы выставлены антихрононовые бластеры, которых уже немало в арсеналах ВКС. Всех, добровольно покидающих комплекс “Бет”, шерстить на предмет наличия очагов и гнездовий нитеплазмы — главе снабженческой службы немедленно доставить спецаппаратуру.

Когда началась пальба антихрононовыми бластерами по точкам уязвимости, то непросвещенные люди немало удивлялось тому, что сталось вдруг с огромным зданием, исполненным в виде песочных часов. Оно задрожало будто живое испуганное существо, пустило пузырящуюся слизь и как бы обросло подвижным косматым синим мехом — ну, просто, чистый зверь. Ну, а дальше сходство с гибнущим зверем только увеличилось. За счет сизого сияния “животное” приобрело еще и апокалиптический облик. Словно сгнившая плоть расползались стены и перекрытия, оголяя балки несущих конструкций, смахивающих на кости. Позже рассопливилась и стекла вниз даже арматура. Марк-27 не включал трансквазер, но готов был побиться об заклад, что сейчас рвутся хрональные линии: главные осевые, радиальные, микро и возвратные, распадается цепочка квантовых трансформаций и хронального катализа у гада по имени спорозоит.

В мрачном итоге от всего шикарного комплекса осталась серая рытвина, похожая на огромную язву. Никто из бетовцев так и не сдался в плен, не вышел из комплекса на проверку своей личности. А было их там четыреста двадцать шесть человек. Одновременно антитеррористические группы производили задержания бетовцев за пределами комплекса в разных точках Космики. Сто двадцать пять человек оказали бешеное сопротивление и были уничтожены с помощью обычного оружия и антихрононовых бластеров, еще тысяча триста сотрудников службы “Бет” спокойно дали себя задержать. Ни у одного из них не обнаружились очаги и гнездовья нитеплазмы. Впрочем после личного досмотра и сканирования было возбуждено двести пятьдесят уголовных дел по фактам хищения мощных кристаллов

памяти (с записями нелегальных глюковиртуальных мультиков) и фактам использования нелецензионных киберсимбиотических организмов, типа волоконных робочервей (имплантируемых в мышечные ткани) и жидкостных роботов (циркулирующих в кровеносных и лимфатических сосудах).

Все эти сведения моментально поступали в ментальное поле (кору мозга и киберрасширение) генерального техно.

— Мы накрыли всего лишь одного-единственного спорозоита сатурнянского Плазмонта. Но слава Космическому Ветру, восемьдесят процентов десантников, выбравшихся из Храма на Титане, работали именно в главном комплексе “Бет”,— сообщил начальник Технокома председателю Совета кастовых уполномоченных столетнему брахману Бурбаки.

(Каста ученых-брахманов была на протяжении всей истории Космики самой малочисленной и маловлиятельной, тем не менее, глава правительства всегда происходил из нее — вероятно, для предотвращения распрей и раздоров между более массовыми кастами. Увы, со временем такая формула власти привела к значительному ослаблению фигуры председателя и обособлению каст. Упоминание об этом печальном факте мгновенно появилось в ментополе генерального.)

— А остальные двадцать процентов?— ласково поинтересовался главный брахман.

— Остальных сейчас выявляем и проверяем. Никто не уйдет от сканирования, коллега председатель.

— Это хорошо…— Бурбаки замялся, подыскивая напутственные слова.— Я всегда говорил, что изучение нитеплазменных объектов приведет к самому крупному скачку в фундаментальной науке за последние сто лет, возможно, к изменению всей картины мира, причем в пользу человека.

— Именно так все и будет. А как же иначе? Мое почтение, до свиданья.— Марк-27 по-скорому обрубил канал правительственной связи и, потребовав от докторов немедленного заживления своих ребер, обратился к первому заму.— Максимум через пару дней я должен вылететь в Пояс Астероидов, и никаких возражений. В крайнем случае буду ходить там в корсете.

— А может еще в бюстгальтере и чулках?— пошутил первый зам. Генеральный никогда юмор не зажимал, а наоборот поощрял его в кадрах наряду с исполнительностью, однако сейчас подумал, что царь в такой ситуации немедленно бы казнил смешливого придворного.

Впрочем мгновение спустя Марк-27, интегрировавшись в свою кибероболочку, уже бродил по информационным зарослям

Техносферы. Нужные сведения были похожи на лесные ягоды, затерявшие среди листвы — бесполезных и зачастую энтропийных данных. Иногда генеральный проваливался в ямы, попадал в ловушки и встречался с дикими зверями — все эти блокировки устраивались хитрозадыми бюрократами, кормившимися от своего доступа к какой-то важной информации. Но могучая резидентная кибероболочка позволяла Марку-27 с честью выходить из любой заварушки. Ему удалось собрать и структурировать все ментофайлы и мемо-ассоциаторы, оставшиеся на резервных носителях после разрушения директории “Алеф”. Далее можно было соединить в проектное задание все, что относилось к разработке трансквазеров-симбиотов и нитеплазменных сканеров.

Начальник Технокома отдал кому надо приказы по созданию аппаратных комплексов, призванных обнаруживать и уничтожать нитеплазменные образования любой степени скрытости. По квантовым возмущениям должны были определяться хрональные каналы-щупальцы от места “отсоса” хроноэнергии до места ее использования.

Еще надо было найти и подготовить людей, способных к симбиозу с новой аппаратурой. На это требовалось время. Но времени Сатурн не оставлял. По крайней мере генеральный техно уже сейчас должен был выехать на бой.

Поэтому он покинул штаб-квартиру Технокома и перебрался в каюту военно-космического крейсера “Петергоф”, отправляющегося в пояс Астероидов. До старта оставалось двадцать минут, когда с вахты у трапа доложили, что к начальнику Технокома пожаловала женщина-техно достаточно высокого ранга. Проверка на нитеплазму не выявила ничего вредного.

— Пропустить,— распорядился генеральный, несколько скиснув.— остальное выявлять буду я.

— Куда это ты намылился?— бросила Катя с порога.

— Пора навести порядок в Поясе Астероидов и Сатурнянском пограничье.

— Ах так, тогда я направляюсь на Землю, тоже наведу там шороху.

Генеральный изумился такому выкрику. С горечью он подумал, что ангел неповиновения упорно гуляет вокруг него, но тут вспомнил, что еще может принудить всю Техносферу к послушанию, хочет она того или нет.

— Коллега Е.А195, воспрещаю вам как начальник.

— Ах, какой Зевс-Громовержец, из глаз молнии, из попы гром,— поддела Катя.— Только я уже вне досягаемости твоих

перунов, потому что ушла из касты “техно” к старателям. Знаешь, там принимают всякий сброд, не ужившийся в порядочных кастах.

У начальника Технокома неприятно заныло сердце, хотя ему было каких-нибудь двадцать пять лет, а физиологически и того меньше.

— Это по меньшей мере глупо, старатели сильно ущемлены по части техпомощи, пособий и пенсий. Кроме того при любой оказии их первыми волокут в тюрягу, то есть в исцелитель… И вообще, жена да убоится мужа своего. Я говорю: нет.

— В Космике нет жен. Забыл что ли, или ментальное поле прохудилось?— Катерина с максимальным ехидством отчеканила слова.— Институт брака и семьи окончательно отменен двадцать лет назад. Просто мы с тобой вместе работали, и комендант здания не выгонял меня, когда мы и ночевали вместе.

Начальник Технокома начал ощущать свое бессилие и это ему не понравилось — ведь у касты старателей “шудра” отсутствовал даже генеральный уполномоченный, на которого можно было бы повлиять. Лишь пару раз в год эти грязные типы устраивали свои сходняки, на которые волен был пожаловать любой член касты, имелась бы охота и деньги на билет. Большая сходка и решала наболевшие для всех вопросы, пополняла общак, из которого кормили старателей-калек, посылала запросы в правительственный совет насчет снижения налогов и сборов, а в личную жизнь ни к кому не лезла.

— Ты не сможешь захватить на Землю высокоэнергетическое оружие, а также средства связи и слежения — во-первых, это вряд ли тебе поможет при встрече с Плазмонтом, во-вторых, нарушит негласные договоренности с Сатурном и еще больше приблизит полномасштабную войну.— строго предупредил Марк-27, но заметил, что нет в голосе величавой твердости.

— Не надо мне бластеров и прочей ерунды, все это до смерти надоело и здесь.

Генеральный понял, что самая близкая душа фактически взбунтовалась против него и сейчас он почти так же одинок, как и остальные космики. Даже Соня сильно отдалится от него, ведь не может же такой клоп без материнской или инкубаторской опеки.

— Катя, ты собралась на Землю из-за Фомы, но пораскинь мозгами и имплантами. Во-первых, что он из себя сейчас представляет? Ф.К123 уже не-человек, нелюдь, как выражаются варвары.

— Стал он нелюдью из-за тебя, это ты поинженерил, главный мастер. А душа-то у него живая в отличие от твоей приморожeнной.

— На мне, Катюша, вся Техносфера лежит, поэтому я не могу каждому таракану нос вытирать. Кстати, ты, кажется, забыла о ребенке.

— В генетической карте Сони сочетаются мои гены, твои и Фомы, коего ты тараканом назвал. Не забывай, что ее рождение — итог одного из первых удачных опытов по слиянию трех гамет. Я, между прочим, весьма рада, что ты потом заинтересовался судьбой детеныша, а также его матерью. Большое спасибо и кибероболочке, которая, перепутав тебя с Фомой, дала ему знать, что он — папаша. Ну, вернее, один из папаш. Ф.К123 — член нашей триады, и я должна встать рядом с ним у той стены. Но это будет завтра. А сегодня я встану рядом с тобой… вернее лягу.

Парадная форма Катерины, повинуясь мысленному приказу, распахнулась, но не до конца. А так, чтобы волна пробежала по организму Марка-27, сладко пощекотав ему позвоночник.

— У меня еще не срослись два ребра. И вдобавок надет корсет. Ты доканать меня хочешь, Катерина?

— Я не буду тебя кантовать, генеральный.

— Крейсер стартует через пятнадцать минут, Катя.

— Ну так задержи его еще на пятнадцать, в пути догоните на форсаже.

Генеральный хотел проявить державную суровость и твердость, но тут понял, что штаны мешают и даже пленяют его, поэтому просто произнес:

— Ну… хорошо, уговорила.

— Да ладно не ври ты, паршивец, про “уговорила”.

Марк-27 ощущал, что его, несмотря на скорое расставание, соединяет с Катериной хрональная ниточка, по которой идет волна к ней, и от нее. Женщина, следуя любовному приему, уселась на него, но тяжести он не почувствовал, хотя много размышлял о своих едва сросшихся ребрах. Под форменным кителем у нее вообще ничего не было, а под форменными шароварами неожиданно оказались чулки. И это было здорово. Генеральный вдруг подумал, что точно так же она сидела и на Фоме, когда тот летел из Пояса Астероидов. Подмастерье тринадцатого ранга видел эти грудки-яблочки, и эту словно стянутую талию, и эти тугие бедра, и ощущал что-то похожее, когда она старательно вбирала его плоть в себя. Впрочем, сейчас плоть почти не чувствовалась, одни лишь энергетические потоки. Но злиться на Фому отчего-то не хотелось. На то и триада, ети ее налево, может, она — светлое будущее модифицированного человечества.

21. “Ледяное царство”, октябрь 2075 г. (листень 10 г. от Св.Одервенения).

Помехи. Настройка канала. Четкий прием. Симплекс.

Вышел царь к народу на Дворцовую Площадь и опять речь держал:

— Немало еще тех, кто упрекает меня в том, что навожу я порядок и благочиние скрытым вурдалачеством и ночной лютостью. Скажите мне, люди добрые, явления природные происходят волей человека или велением Неба?

— Велением Неба,— без размыслия отозвался народ.

— Скоро будет вам явлено то, что никоим образом не получится отписать на царя. Придет вам ледяное испытание. И токмо у меня обрящете вы милость. Опричь меня некого будет просить о защите.

И в самом деле, далеко не истек месяц листень, как мороз сковал землю. А поколику пред тем непрерывно шли дожди, и потоки дождевых вод затопляли улицы, и реки выходили из берегов, то кругом ныне лег толстый лед. На брусчатые мостовые, на тропы и дороги, на поля, на деревья и кусты, на кровли и стены. Кое-где хлипкая крыша не выдерживала навалившегося льда, и изба разваливалась. Оставшуюся без крова семью принимала родня или соседи — по доброй воле или же по распоряжению старосты, который исполнял соответственный указ царя-батюшки “о приимстве бездомных”. Однако намучившись жить приживалами иные бездомные люди строили себе жилище из ледяных глыб — по примеру некоторых северных народцев. Внутри ледяной избы устраивался шалаш для детей и новорожденной скотины — так и перебивались. А впрочем, замечено было, что в этакой постройке было скорее тепло, чем холодно.

Рушились по причине ледяного натиска и крепкие терема сановных людей, да так, что погребало их заживо. Уцелевшие начинали возводить новые хоромы, но ломались стропила под тяжестью льда, и тогда уходили бояре гостевать к крестьянам, себе на огорчение, а быдлу на радость. Черные же стражи поголовно перебрались в казармы Детинца, иже хоть и напоминал белую гору, однако держался крепко.

Над всей Темением висело безоблачное яркое голубое небо. Однажды не взошло солнце Сварог и больше уже не появлялось, впрочем света из-за того меньше не сделалось. Потом стало исчезать за дымкой, словно удаляясь, главное солнце — Ярило.

Но когда пропало совсем, небеса оставались такими же яркими и голубыми. Луна, опять-таки, не всходила на небо, однако темень никак не сгущались. Напротив, всю ночь напролет лежали прозрачные сумерки, выйдешь из дверей — и весь двор до зернышка видно. Ни волк, ни вор незаметным не пролезет у внимательного домохозяина.

Кому удавалось вернуться в Темению из-за кордона, говорили, что там по-прежнему гуляют по тверди небесной и солнышки, и Луна. Сиречь, возле границы небо закрывает сплошная облачная пелена, а несколько верст проедешь — и светила тут как тут. Но вскорости все те, кто пробирался в теменскую землю, стали подвергаться немедленной стылой смерти, ино вести из-за "бугра" прекратили поступать.

Впрочем, не токмо хлопоты причинял лед, имелась от него и потешность. Ребятня каталась с горок, каковые имелись повсюду — хоть с крыши собственного дома съезжай — и, наладив коньки, мчалась по улицам, частенько уцепившись за проезжие сани. Детвора и даже отроки с отроковицами придумали и другую забаву — выделывать изо льда разные фигурятины — смешные либо страховидные: Змеев Горынчей, лешаков, яговых баб в избах на курьих ножках, Кощеев в теремах. Ревнители второевангельской веры не возражали, иж изо льда усердно вырезали святых отцов и самого Ботаника.

Потом люди взрослые стали подмечать, что фигур и строений изо льда куда больше, чем могли бы вырезать дети, отроки и прочий несурьезный народец. Ледяные изваяния произрастали будто сами и все менее напоминали что-либо привычное. Получались фигуры, коим простой народ и названий подобрать не мог: диски, конусы, пирамиды, многогранники или же их сочетания, и прочие непонятные геометрические формы. Но чаще всего возникали столбы с увесистой верхушкой, метко прозванные "ледохерами". Случалось и так, что самовоздвигались ажурные строения с гроздьями башенок-луковок, соцветиями стрельчатых окон, легкими куполами и арками. Иногда хоромы сии были сплошные, иногда — полые внутри, с ходами, каморками, залами, мостками и галереями, узорами и барельефами по стенам.

Ледяных изваяний и строений становилось все более, они поднимались там и сям, снося и подменяя собой прежние избы и терема из дерева да камня, однакоже роптать и хулу возводить было не на кого. Разве что на силы преисподней, которые устраивали грешнику ад прижизненный.

Все чаще стали обнаруживаться "заморозки" — это егда выросший за ночь лед прорастал спящему ино пьяному человеку в

самое нутро. Ледохеры же пригвождали теменских людей к потолку или нанизывали на себя. Но таковые кары редко постигала домашнюю скотину, невинную и бездушную. Отчего теменцы все более охотно постигали объяснение, что наказание неизбежно грядет лишь всем сатаноидам и врагам неба. Однако на ком грехов-то нет, скрытых или явных?

От горы-Детинца ледяные потоки шли в разные стороны, образуя новый белый город, каковой мало по-малу захватывал, замораживал и разрушал старый город, деревянный и каменный. Ревнитель веры Многомол через глашатая доводил до каждого уха, что надежа-царь обороняет детей своих, народ теменский, от промораживания, хладной напасти и зябкой смертушки. Страдая-де за других, стоит каждый божий день наш государь босой на снегу и чужие грехи искупает. А как полностью отстрадает и все чужие грехи искупит, то и кара сменится милостью. И легковерные с маловерными поголовно соглашались с Многомолом. Только вот маловерные люди считали, что кара сменится милостью опосля того, как все живые померзнут, никаких тогда тебе забот и нужд: снегом питайся, снегом умывайся, снегом подтирайся.

То же, что и в стольном граде, только с меньшим размахом, деялось по иным городам, слободам, селам и весям. Лед, как правило, начинал разрастаться от приказной избы или воеводского дворца и первым делом захватывал лучшие улицы с богатыми изукрашенными хоромами и булыжными мостовыми. Но лед резвился и в полях, и в лесах, имея распространение от рек и озер. На смену растениям древесным и травяным, приходили побеги ледяные, высокие и раскидистые, со множеством корней уходящих в землю и большими белыми кронами. Ледяные деревья были еще переплетены вьющимися ледяными стеблями. Во сем присутствовала и стройность лепая, и дивная гармония; угадывались и арки высокие, и галереи полувоздушные, и своды легкие. Ито лес становился похож на город, красивый и ладный.

Многие люди, зная о количестве накопленных ими грехов, а также неотвратимости ледяного возмездия не только для себя, но и для ближних своих, закручинились сердцем и ослабевшие души свои отдали во власть страха. И чем более предавались они страху, тем скорее наступал лед. И чем больше было льда, тем голубее и ярче он делался, все более напоминая по цвету небо, все больше источая сияние. Окромя того, от него на расстояние до одного-двух аршин исходил синеватый туман. А потом внимательные стали примечать, что лед как будто необычайный, составлен он не из смерзшихся кристалликов, но из тонких

переплетенных нитей. И синеватый туман также из нитей, токмо расплетенных, похожих на волосы. А потом сии ледяные нити стали обнаруживаться и в незамороженных вещах, в съестных припасах, в бревнах, досках, глине, камнях, и даже в покойниках. Люди примечали и то, что не всякий лед является холодным, иногда он и теплый, ижна горячий обжигающий; блуждают на нем голубые огни, однакоже не истаивает он. Иной раз лед словно бы дрожал, напоминая собой тварь живую. Обмолвлено было и то, что оный дрожащий лед, нарастая и образовываясь, как будто оттягивает в себя тепло и жизнь у земли, деревьев, воздуха, разных бегающих и ползающих тварей.

Вместо них начали появляться твари ледяные, дотоле неведомые. В лесу ужо встречались снежные василиски и драконы. Хладные хищники представлялись то неподвижными сугробами, в который однако не попади ногой, то кружили белыми хлопьями, догоняя наездника, то внезапно заваливали путника, бросившись с дерева, и даже гнались за ним снежной лавиной. А могли одним взглядом подвергнуть холодному умерщвлению. Снежные чудовища в виде синего тумана проникали сквозь любую крохотную щель, в любую горницу ино светелку, кою вмиг заваливали снегом и замораживали вместе с жильцами. Скоро от снежных извергов не стало никакого спаса. И только отряды черных стражей, вызывая слезы радости и умиления, именем веры и царя били особо крупных драконов из ледобойных пушек и заговоренных ружей.

И выступал верховный ревнитель веры со словами утешения, упирал на то, что кое-где наказание уже обратилось в великую милость. Великие числом ордынцы, что, решив попользоваться окончанием осенней распутицы, вторглись с разбоем в пределы Теменского царства, да заледенели прямо на скаку. И в самом деле многих замороженных нукеров вскоре выставили на площади перед Детинцем. Среди них были и заледеневшие панцирные сипахи, присланные султаном Туркии, вместе со своими ятаганами, и “воины веры” с зелеными повязками на головах, явившиеся с войной из Иранского имамата.

С севера на санях доставили небольшой корабль с шэньскими пиратами, целиком вмерзший в прозрачно-голубую глыбу льда. Было видно, что китаи оказались схвачены ледяными оковами в миг отчаянного борения за живучесть своего суденышка. Доставившие его черные стражи сказывали, что в Обском проливе стоит немалое число и более крупных кораблей-джонок. Да только все вмерзли в лед по самые мачты. Уже их ни выломать из морозных оков, ни привезти в столицу — никаких силушек не хватит.

Оттого, что чохом погублены были хищники-налетчики, пришла радость ко многим людям и почувствовали они еще большее расположение к царю-благодетелю. Ведь лед защищал Темению от свирепого ворога получше любого войска. Не сдобровать теперь никаким обидчикам, налетающим из степей, приплывающим из-за морей. А скоро лед-отмститель придет в их стойбища да логовища и напрочь выморозит!

Вот в чем милость-то заключается, смекнули люди теменские, — в немилости к лютым непримиримым врагам, приходящим извне и имеющимся внутри. Теперя уж неможно было с проповедями Многомола не согласиться. Вот и воры все вымерзли, и простолюдины делают себе справные дома изо льда и не стынут, и ни один праведник не охладел до смерти. А задавлены ледяными глыбами и пробиты ледохерами в своих жилищах токмо нечестивцы и злодеи. И вчерашние гордые вельможи низвергнуты во прах, влача дни свои в конурах, сараях и прочих жалких юдолях. Уловив благостное настроение толпы, верховный ревнитель Многомол стал толковать, что через небесную Милость скоро грядет конечное очищение всего мира: из души каждого благоверного произрастет к Престолу Господнему Крестное Древо — только будет оно ледяным, а не зеленым.

Внезапно перед теменским людом появился великий царь с непокрытой головой. С соборного крыльца стал он говорить, и негромкий голос его проникал в каждое ухо. И сказал государь, что час избавления близок и все непогибшие до сего дня обрящут ныне спасение. Назавтра души их раскроются, как семена по весне, и первые побеги крестных ледяных дерев устремятся к небу. И не окажется болье вовек ни болестей, ни скорбей. Все души будут в Одном, и Один будет во Всех.

Однакоже назавтра прямо на Дворцовой площади, взломав толстый лед, выросло дерево, никак не ледяное, а вполне зеленое. Простояло оно там всего с полчаса. Черные стражи изрубили его на куски и утащили в Детинец. Они внесли поленья и сучья в царские покои, с приличествующей аккуратностью уложили на ковер, но так и не узнали, что случилось потом.

Царь-государь подошел к поленьям и сучьям, и, склонившись, протянул к ним руку. В ответ деревяшки ощетинились длинными занозами. Молвил тогда венценосный:

— Вот ты и объявился снова, Фома, только вредителем стал. А я уж думал, что застыл где-то мой горемычный. Значит, не примерз ты задницей к горшку, а решил сделаться владыкой зелени и поспорить со мной своей властью.

Словно услышав сие одна из длинных заноз, вернее острая

щепка, вонзилась в руку Его Величества, но тут же сгорела, не оставя и щепоти золы.

— Решил повоевать? Ну, добро, приступай.

И соперник царя-колдуна приступил. Там и сям взламывая лед, стала появляться зелень, как правило хладоустойчивых пород — ели, сосны, лиственницы, коим снизу еще подстилал мох. Осыпались ледяные изваяния, трескались статуи, падали башенки, рушились своды и галереи, рассыпались ажурные хоромы. Повсюду сквозь ледяной панцирь прорастало дерево. Бился и кололся лед повсеместно, и в селах, и в городищах, и в лесах, и в полях. А еще сквозь просветы в небесной дымке заглядывало в мир то одно, то другое солнце. Будто под его лучами снежные драконы и василиски превращались в тающие льдинки на иглах веселых елочек. Случайная или неслучайная толпа недоумевала при виде сего — то ли уж пришел час избавления, то ли кары покамест чередуют друг друга.

Замечено было, что неугомонная зеленая поросль не хуже льда уничтожает и жилье, и погреба со съестным, и хлевы, и овчарни. Поскольку лед был везде, и на жилищах, и на дорогах, то при борении зелени с хладными оковами погибало все полезное, созданное для жизни и пропитания человека.

Однако при виде сей непримиримой брани оживились, воспряли сердцем и противники царя, кои без устали считали его ответным за наведение льда и ужаса. Самые восторженные сторонники зелени полагали, что ради победы над ледяным царем ничего не жалко, ни построек, ни припасов. Они только и жаждали увидеть великого кудесника, Владыку Леса, насылающего зеленую волну, дабы под его водительством начать открытый бой с окаянным Дедом Морозом, сидящем во дворце. А пока что они принялись убивать из засад черных стражей.

Впрочем, Дед Мороз, кто бы ни был им, словчился нанесть ответный удар — лед стал более подвижным и хищным. Сферы, диски, веретена, ромбы, состоящие из ледяных нитей, внезапно возникая и двигаясь так, словно бы не было земного тяготения, нападали на зелень и замораживали ее. Ледохеры появлялись ниоткуда, дабы поразить противника и скрыться в никуда. Верноподданные государя радостными кличами встречали каждую победу сил льда. Они уверяли, что внутри каждого зеленого растения имеется зело червивая сердцевина, выдающая его адское происхождение. Крепнущие сторонники зелени, зеленщики, и сторонники льда, холодильщики, с завидной частотой принялись драться друг с другом, употребляя в урон противной стороне все более хищные орудия, вплоть до картечниц и мортир.

Таинственный повелитель зелени сим временем наслал дивные растения: грибницы неведомым и быстрым образом змеились под землей, чтобы в нужном месте пустить отростки. Те поднимались, раздалбывая лед с помощью крупной, твердой шляпки, похожей на шелом. Оные грибы прозывались в народе “херодолбами”. Херодолб сей, размером с хорошую бочку, вздымался за считанные мгновения, сметая все на своем пути, и не только лед, но и людей, живность, постройки. Учитывая силу его немереную, таковое вздутие зачастую оказывалось смертельным — иной люд погибал под обломками, других притискивало к потолку или к стене. Нередко благоверные теменцы молились о крепости льда, впрочем были и те, что возносили мольбы о ниспослании большей силы грибам. Перезревшие, сделавшие свое дело херодолбы лопались и тучи спор падали на очистившуюся землю, чтобы пускать в нее тонкие корешки.

А в общем, за недолгий срок сплошной ледяной покров был взломан, на многих просторах оголилась земля. Зеленщики собирали свои силы в окраинных воеводствах и уездах, где редкими были сотни черных стражей, а воеводские и городовые стрельцы легко подкупались и клали болт на свою службу. Горожане, сумевшие сохранить свои состояния, доставали горшки с золотыми монетами из схронов и подземелий и щедро раздавали их на создание зеленого ополчения. Высокородные люди, особенно те, в ком честь еще не угасла, по преимуществу юноши из уцелевших боярских родов, вставали в первые ряды “зеленого” войска. Возглавили ополчение мясник Игнат, вложивший много денег в сие полезное мероприятие, и некая знатная по облику женщина. Она называла себя царицей Мариной и предъявляла законные права на теменский престол ввиду того, что “ее супруг венценосный государь Макарий был изведен коварным колдуном-оборотнем”.

Однакоже дьяки, невеликого пошиба купцы и мастеровые, мелкий приказный и служилый люд, что выступал за смирение и послушание, твердое укрощение преступников, повсеместную нерушимость границ и величие благоустроенной державы, по-прежнему верили в милость царствующего Владыки и поддерживали всем сердцем государя, сидящего в Детинце. А некую женщину прозвал Лжемариной, чокнутой прошмантовкой и воровкой. Вдобавок к царскому войску и черной страже любители крепкого порядка и крепкого льда образовали так называемые “холодильные отряды”.

Поскольку Игнат мало в чем разбирался, кроме забоя говяд и разделки туш, все начальство над повстанцами было возложено

на Лжемарину. Она постаралась учесть ошибки Ишимского Смутьяна и избегала многолюдного похода к столице, каковой мог вызвать озлобление разоряемого населения и привести к полному побиению зеленщиков. Большая часть ополчения была распущена по домам, остались лишь немногие, но искусные воины, кои действовали невеликими отрядами. Их дело было многозвучно глаголить или втайне нашептывать, “озеленяя” народ, шпионить-соглядатайствовать, используя сочувствующих, а также “покусывать” осиными ударами черных стражей и холодильные сотни. Зеленые отряды направлялись только в те местности, где лед был по большей части взломан, и совершали свои вылазки из чащоб и болот, чтобы, поразив противника, сразу же скрыться обратно.

Кроме того, Лжемарина искала встречи с зеленым кудесником, понимая, что от его колдовской подмоги зависит успех всей военной кампании. Претендентка на престол спешила туда, где живее появлялась зелень, но Владыки Леса так не разу и не встретила. Он понимала, что волшебник хочет утаить свое обиталище из-за боязни попасться в ловушку царя-колдуна. При том “царица” не сумлевалась, что нет почти пределов могущества у чудища, сидящего на троне. Она и ее ближние соратники носили на шеях амулеты-обереги, каковые светились алым пламенем, когда ледяной Макарий брал силу от людей, растений, животных и минералов, и полыхали голубым огнем, когда протозлыдень направлял накопленную мощь на создание ледяных построек, снежных чудищ и изведение своих врагов. В вершья шеломов у зеленщиков были вделаны колдовские кристаллы, каковые помогали их обладателям оставаться невидимыми для царя-колдуна, зрящего насквозь всю Темению. Помимо амулетов-оберегов и колдовских кристаллов лжецарица и ее присные имели щиты для отражения демонических ударов и мечи для магической рубки и колки. (Кои на самом деле были антихрононовыми бластерами, об чем ведала лишь одна предводительница, провезшая их на Землю контрабандой. Дело было подсудное и по закону за это полагалось два-три года в женской зоне на Амальтее.) Сейчас лжецарица со товарищи располагалась в деревеньке Бутово Винчевского уезда Васюганского воеводства, сообщавшейся с остальным миром токмо речным путем. Их было пятьдесят сабель не более. Однако Игнат уверял, что может заплатить за ратные услуги пяти тысячам бойцов и еще столько же встанет под знамена зеленщиков бесплатно и с превеликой охотой, приведя с собой боевых псов и медведей-артиллеристов. Впрочем даже низколобый Игнат имел соображение, что все десять тысяч

возможных повстанцев могут быть насмерть заморожены, ежели до них доберутся льды. А льды добираются прежде всего туда, где больше страха на сердце. Потому Игнат и многие другие укрепляли дух свой, частенько прикладываясь к бурдюкам с бузой и пивом. Однакоже ноне было от чего попраздновать, намедни отряд одолел снежного василиска, не потерявши на рати ни одного воина. (Зеленщики шли по лесной тропе, как вдруг с окрестных деревьев стал медленными большими хлопьями ниспадать снег. Незаметно он закручивался в огромную неправильных очертаний тушу. Да вдруг предводительница кинулась на чудище с саблей в руке. Сверкнула зеленая молния, и василиск, пораженный в самую точку уязвимости, мгновенно превратился в капель на ветвях.) В избе, где квартировались вожди повстанцев, вдруг появился оборванный человек невеликого роста. Судя по еловым иголкам, застрявшим в зипуне и сильному запаху золы оборванец на самом деле был лазутчиком. Да и говорил он так, будто наушничал, слегка наклонившись, почти не шевеля губами, полушепотом.

— В Губошлепово, Тимохино, Сидиромово пришли холодильные отряды, сведение есть, что вверх по заледеневшей Таре движутся конные черные стражи. Заметно больше льда стало и в лесу, и на дорогах. Знаться, идут приуготовления к большой облаве по всему Винчевскому уезду.

— А здеся у нас как раз лучшие люди, все жаждут битвы,— Игнат откушал водки, крякнул и заел салом.— Пора братву подымать. Митек, сможешь провести их лесной тропой сюда?

— Не сомневайтесь, начальник, за день-другой многих доставлю.— ответствовал уверенным голосом оборванец-лазутчик.

— Повяжем холодильщиков и яйцами на лед!— вскричал безусый Петрушка, юноша из родовитой боярской семьи Сумчатых, которую изводил своими расправами истинный Макарий и добил своими ледохерами царь-колдун.

“Царица” показалась из-за парчовой занавеси, каковая огораживала личную половину горницы — туда не имел права показываться Игнат и прочие зеленщики за исключением фаворита Петрушки, иже преданно исполнял любые пожелания своей государыни. Из того укромленного места доносились иногда странные звуки, как будто предводительница переговаривалась с демонами, слышались еще непонятные подвывания, шипения и даже чавканья. Чавкала явно не “государыня”, за столом она вела себя куда лучше остальных и мало-помалу приучила сотрапезников затворять уста во время жевания, одолевать рыгание и выпуск ветров. (Однажды даже

Игната выставила из-за стола и отстранила от котлового довольствия — вплоть до той поры, пока чавкать не разучиться. Назревал раскол между вождями ополчения, но мясник пошел на попятную, сознавая, что после одоления врага придется соблюдать все правила дворцового приличия, иначе заграница засмеет.) Против волховства и колдования приспешники не возражали — дабы победить царя-колдуна им требовалась царица-чаровница.

Сейчас Марина, она же Катерина, имела облачением атласные черные шаровары с серебряношитыми лампасами, красные сапожки из мягкой кожи, парчовый камзол, доставленный из-за Урала-хребта и черные очки — их она почти никогда не снимала. Была “государыня” высока ростом и умеренна по части грудастости, волосы стригла покороче даже чем мужи, кольцо носила в ухе, как и бояре. Кабы не гладкое весьма белое лицо, поди пойми, что она человек бабьего пола. Впрочем, при прохождении некоторых деревень и сел, “царица” пользовалась большой накладной бородой.

— Эй, Митек,— обратилась она к лазутчику,— говоришь, что холодильщики уже добрались до Тимохино? А можешь на карте показать, как они продвигались?

— Отчего ж нет, государыня. В лучшем виде.

“Царица” словно ниоткуда достала похоже что лист тонкой бумаги, на коем обрисован был вид местности с высоты птичьего полета — да только кто мог оттудова землю оглядеть, ну разве что колдунья, обернувшаяся вороной.

— Чичас, чичас, обвыкнусь глазом,— лазутчик поморгал, посопел и наконец приспособился,— отряды двигались так и так, там на санях, а здесь пешим ходом. Конных же стражей впервые заприметили вот здесь, у ракитного лога.

Прямо под пальцем Митьки появлялись чудные линии. Эти линии — диво дивное! — проходили скорее над картой, образовывали узоры, завитушки. Некоторые из этих завихрений подкрашены были в красный цвет, другие в синий, еще мерцали там колдовские письмена — сие напоминало некий призрачный водоворот.

— Здесь происходит отсос хроноволновой энергии, а тут она используется на продвижение льда и холодильщиков.— пояснила “царица” круговорот магических сил.— В каком-то смысле противник пытается нас окольцевать, но на рожон не прет.

— Неровен час, окружат нас вороги. Пора линять отсюдова, государыня.— ответственно молвил Игнат, стряхивая крошки с бороды.— Подадимся к Никольскому скиту, а потом я соберу братву и внезапно ударим по врагу.

— Внезапно не выйдет, Свет-Игнат… Мы тронемся к Русальему озеру, ибо там происходит аккумулирование магической энергии — я, кажется, расчухала конфигурацию нитеплазменной грибницы. Сможешь провести нас туда, Митек?

— До самого озера не доведу, но есть мужики надежные, кои помогут.

Внезапно Митек встрепенулся, так же как и “царица”. Мужичок и предводительница переглянулись, после чего он выскочил прямо в окно. Следом выбежало из дома еще несколько воинов и сама Лжемарина. Увидели они, как разведчик, будто коршун, преследует кого-то, а тот удирает к тыну, ограждающему двор, причем стремглав. В руке у “царицы” появилось что-то похожее на копье, оно сделалось зеленой молнией, которая навсегда остановила удирающего.

Когда воины подбежали к тыну, то увидели тающую в судорогах гадину. Какой-то мешок с лопастями-отростками. Немного погодя тварь-шпионка распалась на серебристые нити, а там и вовсе исчезла.

— Похожа на разжиревшего кальмара или… обитателя облачных слоев Сатурна. Ладно, полчаса на сборы и айда.— велела “царица”.

— И в самом деле пора сматываться,— сразу согласился Игнат.

Тут же протрубил рожок. А через полчаса еще один раз. Сорок человек зеленщиков двинулось в путь, причем по дороге к ним присоединялись дозорные, спускавшиеся прямо с деревьев. У некоторых повстанцев под полушубками были легкие кольчуги, на ремнях у всех висели щиты, мечи, дротики, короткоствольные пищали, сумки для пуль и рога с порохом, за кушаки заткнуты были пистоли, к наручам приделаны крохотные, но мощные арбалеты. Все зеленщики двигались на лыжах из шкурок, пригодных как для снега, так и для грязи, кое-кто нес шелом на голове, другие на поясе. С отрядом бежало несколько молчаливых боевых псов с широкими лапами, несколько запаршивевших, но хорошей хватки и злобной породы.

Полдня зеленщики шли лесом, старательно избегая заледеневших участков, причем “государыня” Марина-Катерина то и дело посматривала на оберег, висевший на ее шее. И псы все время ловили ноздрями разные воздушные ручейки. Возле двух сломанных березок Митек вдруг закричал выхухолью, и вскоре как будто из дерева появился мужичок, сущий лешак с виду — новый проводник. Потом понадобилось еще полдня пути, не было остановки даже тогда, когда большой лесной крабопаук приклеил и утащил Петрушку Сумчатого. При других обстоятельствах

надлежало устроить по ветвям облаву, дабы в итоге выудить из паутины обреченного человека — был бы тот обездвижен уже и пропитан пищеварительными соками (кои, как поняла “царица”, являются сильными протеинолитическими токсинами). Лжемарина всплакнула, многих людей она потеряла и ранее, но не привыкла их лишаться из-за какой-то ерундовины, навроде трупоедки или вот крабопаука. А ведь Петрушка всегда с преданностью смотрел на нее своими блестящими глазами, прямо как на богиню (потому-то она и оставила намерение переспать с ним).

В конце концов зеленщики добрались до места, где скапливалась бесовская сила. Озерцо Русалье, бывшая балка, заполненная затхлой водой, располагалось на почти равных расстояниях от Тимохино, Губошлепово и Сидиромово. И, кстати, льдом затянуто не было, хотя выглядело каким-то маслянистым.

— Окружить озеро цепью, направить на его середину антихрононовые излучатели, тьфу, копья.— повелела “царица” своим верным и присным.

Короткие копья обернулись зелеными молниями, поразившими густые темные воды. Озерко тут и встало кипящим горбом, который изблевывал из себя тяжелые струи, а те на лету превращались в чудовищ. Похожи они были на гроздья рук и ног, слипшиеся и сросшиеся головы с моргающими глазами и слюнявыми ртами. Ожившие толстые кишки с гнусными звуками ползли на берег. Вылезали желудки с распахнутыми зевами, в коих что-то мерзко копошилось. Испражнения и то выпрыгивали на берег. Сие внушало законный ужас и отвращение к человеческому естеству. Однако цепь бойцов покамест держала оборону.

Горб восстал еще больше, превратился в столб, уходящий в белесое небо. Оно будто тоже выгнулось вниз, столб сократился, как мышца, и высь резко приблизилась к зеленщикам. Протекшее вниз небо принадлежало другому миру, каковой был виден все лучше и лучше даже незоркому оку.

Различимы были облака, схожие с летящими ажурными дворцами из драгоценных каменьев. Оные сияющие дворцы лепы были и дивно соразмерны, имели стрельчатые арки, соцветия высоких окон, гроздья башенок, легкие портики и фасады, изящные галереи и мосты-паутинки. Воздух иного мира, сочный, насыщенный яркими цветами, содержал в себе летучую жизнь: переливчатые пузыри с ветвистыми лучами-отростками, парящие диски, веретена, додекаэдры, икосаэдры и прочие многогранные фигуры, сменяющие и перетекающие друг в друга. Се был строгий мир, полный красоты, и он приближался. Он являлся соблазном,

диковинным и зовущим. Однако крайне опасным.

— Это Сатурн. Открылся какой-то мощный хроноволновой канал.— вскричала заполошно “царица”, но было поздно. Чужой соблазнительный мир быстро снижался, тянул к себе, все быстрее вращался над головой. На нем обозначились известные черты лица, нос, рот, козлиная борода царя-колдуна.

— Теперь вы не уйдете от моей милости,— раздалось прямо в голове лжецарицы и ее приспешников.

Марина-Катерина поняла, что еще немного, и они окажутся в нечеловеческом мире. Царь-колдун победил и отправит весь теменский люд на Сатурн.

И вдруг столб был рассечен. Сатурн потерял точку опоры на Земле, хотя был еще силен. Сверху, от чужого неба, протянулись темные вихри, они, словно руки слепого, пытались нашарить что-то на Земле. И тут “царица” уразумела, это “что-то” — она сама. Руки-смерчи ворошили все точнее, магический кристалл, помогающий укрываться от всевидения царя-колдуна, оказался бесполезен, от соратников не было никакого проку.

Женщина побежала, петляя среди деревьев, оскальзываясь на камнях, но рука-вихрь ужо дотянулась до нее, вернее до подвздошной области, отчего немедля случилась полная утрата сил, а в сердце воцарилось безразличие. Лжегосударыня, теряя обычную телесность, стала растекаться, обращаться в струю, в легкий ручеек, каковой втягивался мощным водоворотом Сатурна. Меркнущим взглядом она зрела впереди непомерную утробу, готовую навсегда поглотить ее. Сей ревущий зев имел сходство с жерлом огромного вулкана, а у нее не было ни рук ни ног, дабы как-то упираться и противодействовать невыносимой силе притяжения. Но нежданно пагубное движение замедлилось. Появился новый поток и новая тяга, токмо уже направленная в противоположную сторону. Какое-то время две тяги боролись между собой. И, наконец, обратная возобладала, она даже вывернула жерло вулкана наизнанку. Случилось сие с великим потрясением и ревом.

“Царица” нашла себя в позе, неподобающей царице — попа на земле, ноги разбросаны.

Чужое небо съеживалось и улетало, все более напоминая воздушного змея, запущенного шаловливыми пацанами. Следом и озеро постепенно улеглось, и лишь легкая рябь напоминала о недавних происшествиях. Соратники были как обалдевшие, и токмо храбрый мясник Игнат достал из-за пазухи флягу с водкой и сало в тряпице, чтобы как-то запить и заесть дьявольские козни и ковы.

Егда “царица” опамятовалась и оглянулась прояснившимся

взором, то заметила, что подле берега на озере чуть выше поверхности воды стоит человек в серой рясе с вороном на плече.

— Ну что, претендентка на престол? Еще чуть-чуть, и улетела бы в черный ящик, а на лице демона появилось бы чувство глубокого удовлетворения.— молвил новый человек.

— Фома, ты ли это? А кто еще мог меня выручить, вокруг же сплошные лохи и чурки.— сказала “царица”, чувствуя, что съеживается, уничтожается ее страх и тревога.— Наконец-то я нашла тебя.

— А мы и не терялись,— проскрипел ворон.

— Очень плохо, Катя, то есть царица Марина,— отозвался серорясый,— плохо, что нашла. Это означает, что и царь-батюшка Плазмонт засек меня раньше времени своими рецепторами. А теперь уходим. Я открываю хронокоридор, скажи своим людям, чтобы следовали точно за мной, никаких дозорных и разведчиков, шаг влево, шаг вправо, прыжок вверх — все это вызовет большие неприятности. Повторяю для особо одаренных — кто начнет самовольничать, может оказаться, например, на Сатурне, а то и подальше.

“Царица” с раскрытыми объятиями направилась в сторону колдуна, но тот притормозил ее предостерегающим жестом и словами:

— У меня большой поверхностный заряд гравитации, поэтому тебя, барыня-государыня, может отшвырнуть метров на сто.

— Он о тебе беспокоиться, глупая,— добавил ворон.

Колдун двинулся в сторону от озера, он словно гнал перед собой теплую волну, которая заставляла таять лед. Из-за испарений справа и слева от тропы поднимался густой туман. “Царица” сделала знак, чтобы приспешники топали следом — чинно и рядком, как велел серорясый.

Ноги великого кудесника не касались земли и, как ни старалась “царица” догнать его, сие не удавалось. Вскоре взмокли люди, тяжело запыхтели собаки. Катя-Марина подумала, что всей ее спортивной подготовки не хватит, чтобы выдерживать заданный ход еще хотя бы с полчаса. Однако довольно внезапно тропа закончилась, и весь отряд оказался в деревне Сидиромово. Но не нашел там ничего, окромя замороженных и нанизанных на ледохеры тел, даже козы и собаки превратились в ледышки. Иней лежал везде, хотя вблизи он больше напоминал серебряную паутину.

— Итак, к сидиромовцам тоже пришла “милость” царя в виде полимерного льда. Похоже, что худо сейчас приходится вашим сподвижникам во всех окрестных деревнях,— сказал колдун зеленщикам и обратился лично к “царице”.— Я думаю, Ваше

Величество, Вы построили слишком маломерную модель для определения хронопотоков, особенно их нуль-вторых тензоров. Надо было оперировать хотя бы девятью измерениями.

— Ведь в сырой материи их как минимум двадцать семь.— дополнил ворон.

— То есть, царь-колдун может орудовать еще в двух реальностях?— спохватилась “царица”.

— Как минимум. Даю маленькую справку с высоты моего нынешнего опыта. В мегамире, состоящем, в основном, из сырой материи, можно спокойно организовать три одновременные реальности… Но и мы кое-что умеем. Мы уйдем туда, где за тучей белеет гора, и если Он к нам сунется, дадим по носу. Помнишь, дорогая царица, слова Ботаника: “На Единого надейся, а Милость себе пробивай”. Сейчас сматываемся в темпе. Здесь слишком большое напряжение, тяжело разобраться с хрональными линиями.

По дороге Марине-Катерине немало желалось потрогать Фому, даже прижаться к нему, но тот был таинственно неуловим. Впрочем путь оказался недолгим, остановились зеленщики совсем недалече от деревни. Вот волхователь замер, протянул руки перед собой, а затем развел их в стороны — пространство будто бы чуть-чуть качнулось и поддалось. Не объявились какие-то там ворота золоченые-расписные, не распахнулись со скрипом двери, ведущие в иномирье. На поляне лишь возник невеликий пористый шар, сходственный с осиным гнездом.

— Пожалуйте в серебряное царство, господа зеленщики.— прокаркал ворон.

Боевой пес подбежал к шару, очевидно собираясь толкнуть его лапой. Но тут и лапа, а следом и весь зверь превратились в дымную полоску, которая мигом втянулась в одну из мелких пор, испещряющих колдовской предмет.

“Царица” отважно ступила вперед, и увидела, что шар вдруг сделался больше и выше ее. Еще один смелый шажок, и ее потащило в одно из отверстий, каковое ноне предстало чем-то вроде входа в пещеру. Затем было мгновение несуществования, или очень необычайного существования. Марина-Катерина стала похожа на струйку и словно стекала бы по гладкой стенке какой-то воронки…

Когда зрение ее прояснилось, мысли стали сочетаться друг с другом, а чувства с ощущениями, небо выглядело пасмурным и как будто слегка посеребренным. Лед не бросался в глаза, но все деревья стояли голяком, инда и хвойные породы, земля также была скучной серой. Там и сям словно цветы из семечка, только за один присест, вырастали соратники-зеленщики. Они трясли

головами, словно пытаясь составить таким образом суждения, с тревогой озирались, едва сдерживая коленотрясение, пялились на неприятственное небо и деревья.

Последним появился сам серорясый колдун, и все вздохнули с облегчением, кто-то даже встал к дереву — отлить. Как вскоре выяснилось, облегчение было преждевременным. Что-то неуловимое, прозрачное, и в то же время мощное, злое заскользило по мертвому лесу.

— Это мне по вкусу еще меньше, чем полипептидный слизняк,— пробормотал колдун.— Словно какой-то чертов бочонок прорвало, и бешеный выброс хрональной энергии направился именно в нашу сторону.

Невидимое стало видимым, когда оказалось совсем рядом. Всякая адская нечисть, звери-уроды, напоминающие ящеров, медуз, разожравшихся червей и амеб, сгустки и пучки рук, ног, голов, орущих ртов, танки с тевтонскими крестами, паровозы с красными звездами, огнедышащие саламандры-плазмоиды, хладометные снежные василиски. По бокам этой кавалькады катились комья смерти — огромные сгустки раздавленных костей, расплющенных внутренностей, растерзанных шкур.

— Промашка вышла. Лично мне никто тут не нравится, особенно эти херы на колесиках.— перекрикивая паническое разноголосье, провозгласил ворон.— Тикаем в золотое царство. Короче, перезагрузка, мальчики и девочки!

Снова появился шар — осиное гнездо, в которое все охотно провалились… и перенеслись в куда более приятственный мир.

Здесь на елях и соснах густела хвоя, по земле стелился упругий мох, впрочем, листва уже облетела, как-никак, месяц дождень на носу. Однако никакого льда, нигде не снежинки. А с ясного бессолнечного неба струился золотистый свет.

— Нам теперь в Сидиромово,— распорядился колдун.— И не удивляйтесь: здесь все, за исключением неважных частностей такое же, как в мире первичным.

— Кто имеет “против”, тот может выйти отсюда вон,— предупредил ворон.

Все зеленщики имели “за”. Воины смиренно, как овцы, поплелись вслед за колдуном, потому что сильно трусили — куда-то они попали? Однако мало-помалу люди стали узнавать дорогу (они по ней уже хаживали), вот и знакомые две березки, тянущиеся из единого корня, и камень, схожий с саблезубым тигром.

На подходе к Сидиромово зеленщики взвели курки давно уже заряженных пищалей и ручниц, приготовили пороховые бомбы и сняли с ремней свои противоколдовские щиты, но наипаче

внимательные заметили по спокойному свету своих амулетов-оберегов, что бесовские силы покамест не угрожают.

В самом селе теперь не нашлось ни одного замороженного или убитого ледохером человека. Были там живые люди, причем, именно те, кому полагается лежать мертвым. Сие обстоятельство сильно обескуражило зеленщиков. Кое-кого из повстанцев даже понос со страха прохватил.

И селяне, в свою очередь, искренне поразились объявлению на майдане отряда зеленщиков, да еще средь бела дня. И вообще они изумлялись всему и вид имели обалдевший.

— Ладно, Фома, не хочешь обниматься, так хотя бы объясни, почему ожили мертвецы и почему они такие остолопы?— выступила “царица” от имени и по поручению повстанческого движения.

— Ты действительно хочешь это знать, матушка-императрица? Сие есть тайна загробной жизни.— заметил ворон.

А колдун не слишком охотно изъяснил:

— Стринговая пси-структура, которая и есть душа, в отсутствии тела, то есть стабилизируюшего хронального поля, распадается за сорок дней. А если мы ей дадим тело, хотя бы в другой реальности, то срок этот увеличится весьма значительно. Однако при трансфер-переходе в новую телесность теряется до девяноста процентов прижизненной информации — поневоле станешь остолопом, куклой несмышленной.

Серорясый дал время отряду лишь на то, чтобы напиться и чуть-чуть перекусить, а затем, оставя в деревне троих повстанцев, велел прочим двигаться в путь.

Игнат, наконец, догадался, что оказался в тридевятом царстве, каковое хоть и схоже с родными краями, но таит в себе многие незнаемые хитрости и коварства.

— Достопочтенный кудесник, а то, что мы здесь харчим и пьем, се — настоящее?— предводитель зеленого ополчения стал выяснять важнейший для себя вопрос.

— Настоящей некуда, от этого всего можно еще и прибавить жирку, добрый Игнат. Интересно, у тебя когда-нибудь была талия?— отозвался ворон вместо колдуна, а сам серорясый неожиданно поровнялся с “государыней”.

— Ну как, царица-мастерица, объяснить этим приятным людям, что в сырой материи достаточно энергии и скрытой массы, чтобы образовать еще несколько миров вдобавок к нашему? Другое дело, что все последующие реальности будут информационно зависеть от исходной, будут ее довольно верными слепками и несколько кривыми отражениями. Вторая реальность, откуда мы вовремя удрали, сформировалась на

основе мрачных мыслей царя-Плазмонта о светопреставлении. Страховид-то не раз выслушивал от церковников проповеди на тему “Апокалипсиса” и “Пророчества Вельвы”, которое тоже было введено Ботаником в числе канонических книг. Подбавили перцу и представления кромешника Демонюка о приятном, то бишь душегубном времяпрепровождении.

— Слушай, Фома, а в золотом царстве ты что-нибудь испытываешь ко мне… ну, после всего, что я тебе сказала в марсианских Озерках?— вдруг несколько невпопад поинтересовалась “государыня”.

— Я удаляюсь, потому что становлюсь лишним,— невесело промолвил ворон,— тут сугубо личная тема поднята.

И птица действительно взмыла вверх.

— После всего я стал еще лучше относиться к тебе,— ответствовал колдун.— ведь я успел полюбить себя…

— Значит?..— не поняла женщина, несмотря на все внимание.

— Значит, я стал такой большой, что смог вместить тебя в свое сердце, или орган, его замещающий, всю тебя, с пороками и достоинствами… и, покуда я есть, ни один волосок не упадет с твоей головы. Кстати, легче всего полюбить себя в каком-нибудь маленьком уютном мирке, вроде этого. Но сперва мы попытаемся установить приблизительные его границы и уязвимые места в периметре обороны.

— Царь-Плазмонт может напасть на нас?

— Еще как может, но пока не готов…— колдун неожиданно погрезил.— Эх, до чего я хотел бы встретить Ботаника. Уверен, что его пси-структура обрела новое тело в одной из дополнительных реальностей.

Через полчаса — многажды быстрее чем в исходном мире — добрались зеленщики до Тимохино. Там тоже нашлись селяне, кои опять-таки удивлялись появлению зеленщиков средь бела дня на майдане, и заодно полному исчезновению льда, инея, изморози. Впрочем удивление было не таким, как у сидиромских остолопов, а умным и содержательным.

— Я перетянул сюда тимохинцев в наилучшем виде,— пояснил серорясый.— у зеленого движения, надо полагать, должен быть крепкий тыл. А один мужик, как известно, трех героических воинов всегда прокормит.

— Господа мужики,— выступил на майдане Игнат в привычной роли вдохновителя, распорядителя и утешителя народных масс,— волноваться вам не о чем. Хучь вы и оказались, по сути, в тридевятом царстве, однако жратва и выпивон здесь подлинно настоящие, а царя-антихриста и его лютых присных

нетути. Некому с вас поборы брать… кроме нас, бойцов народно-освободительного движения. Так что живи, мужики, в волю.

Не успел закончиться митинг и политпросвет, как раздалось гиканье и селяне увидели, что с опушки леса на них бежит конно-пешая толпа с пищалями, рогатинами, палашами, тесаками, медведями и прочим оружием. Зараз и выстрелы раздались — ядро, пущенное из мелкой пушчонки развалило курятник.

— А говоришь — нету здесь царя-антихриста и его присных, — упрекнул деревенский старец Игната,— молод еще, чтобы врать.

— Это какое-то недоразумение,— спешно заявил ворон.

Зеленщики стали срочно приуготовляться к обороне, занимали выгодные позиции у тына и крайних домов, бросая негодующие взгляды на серорясого колдуна.

— Не стреляй,— возопил вдруг Митек,— стяги и хоругви у них нашенские.

— Я так и знал, что наши,— каркнул ворон,— но специально поддерживал напряжение, чтобы приятнее было потом расслабиться.

Митек, невзирая на выстрелы и махая шапкой, кинулся прямо в поле навстречу несущейся толпе. И тем самым предотвратил кровопролитие. Оказалось, что на приступ села пошел другой отряд зеленщиков, один из самых лучших, состоящий преимущественно из людей зело опытных в ратном деле: казаков, боярских детей, служилых дворян-перебежчиков. Сей лихой отряд отсиживался в дремучих лесах, в схронах и землянках, единенных подземными ходами, ожидая вестового от “царицы” с приказом на лихой налет. Но таковой не поступил, вместо того вдруг все зазеленело и исчезла даже паутиновая изморозь. Хоробрые мужи-зеленщики приняли сии обстоятельства за новые хитрости царя-колдуна и решили выйти на решительную рать. Большинство из вновь прибывших повстанцев поняли объяснения Игната и “царицы” на свой лад — что по воле и старанию еще одного кудесника оказались они прямо на том свете. Поскольку исламские воззрения благодаря Орде глубоко уже проникли в теменцев, “заживо взятые на небо” стали выискивать вечно девственных гурий и на худой конец принялись опорожнять запасы бузы, имевшиеся в деревне.

Однако неожиданно выступил колдун и призвал к собранности, бесстрашию и сосредоточенности, потому как от внутренней силы зависит бытие и житие зеленого царства. А гурии-де непременно появятся в большом количестве, но потом — сейчас не до них.

Составив гарнизон деревни из представителей обоих отрядов,

колдун велел соединенной ватаге двигаться дальше. И вскоре после полудня, на пути в Губошлепово, зеленщики вдруг уткнулись в предел, в границу мира. Собственно, представлял оный всего лишь туман над топью, но дальше никакой дороги не было.

Волхователь какое-то время разгонял туман и укреплял сушу, но потом бросил сие бесполезное занятие.

— Не хочу растрачивать силушки на борьбу с хаосом, с сырой материей.— растолковал он “царице” и прислушивающимся зеленщикам,— тем более, здесь царь-Плазмонт не станет прорываться, и для него эти места слишком сырые. Ладно, будем продолжать обследование.

Однако заниматься дальнейшим обследованием значительная часть повстанцев не восхотела, особенно зеленщики-казаки из второго отряда. Они, плюнув на намерения колдуна, решили отправиться в Сидиромово и Тимохино на постой и пропой. “Царица”, естественно, могла бы настоять на своем, но решила не применять принуждение к вольным людям без особой на то нужды.

— Если бы они принимали участие в выборах, то обязательно избрали бы крокодила в президенты,— словесно уколол ворон несознательных зеленщиков.

Однако около сорока человек все равно откололось и направилось в обратную сторону. Однако не успели они отойти и на версту, как серорясый остановился и словно бы прислушался. Да и псы зарычали, поводя раздувающимися ноздрями. И действительно, с той стороны, куда ушли возжелавшие отдыха люди, донеслись звуки выстрелов и разрывов пороховых бомб.

— Вляпались дураки, сразу видно, что в детский сад не ходили,— подытожил ворон, выписавший пару кругов, а колдун махнул рукой, мол, идем на выручку. “Царица” повторила приказ бодрым начальственным голосом, хотя настроение, конечно, упало.

Звуки выстрелов все множились, доносились также и крики, когда воинственные, а чаще жалобные.

— Как бы не было засады,— колдун сделал знак, чтобы отряд остановился и рассредоточился в стороны от тропы. Скоро и “царица” заприметила небольшие темные шары, кои лепились к ветвям и к земле. Некоторые из тех подозрительных штучек прорастали нитями, каковые соединяли их вместе.

Даже Марина-Катерина почувствовала, что от Фомы пошла разрывающая сила. Шары стали выворачиваться, разбухать и просто лопаться, полетели ошметья нитей, похожих на вырванные с корнем волосы.

Из уничтожаемых шаров начали спешно вываливаться злобесные существа, иные уже мертвые или искалеченные, другие помятые, но вполне способные ко злодеяниям.

Среди них были и черные стражи, и холодильщики, и волки-палачи, и адские всадники-шайтаны, и саламандроидные чудовища, источающие жар, и снежные василиски, и истекающие клеем слизни, и медузы, испускающие потоки щупальцев, и монстры, состоящие из множества рук и ног, и полузвери-полулюди, и паровоз с красной звездой, и танк “Тигр”.

— Мы ведем репортаж со стадиона в Нужниках. Команда засранцев наступает по всему полю, исход встречи неясен,— прокричал ворон и куда-то скрылся.

“До чего изощрен этот чертов Плазмонт — танк и паровоз меня доканали, потому что специально в мой адрес подброшены, я ведь много посмотрела фильмов про Отечественную войну и про вагоны на север с репрессированными,— с горечью подумала Марина-Катерина, укрываясь от “тигрового” выстрела,— и до чего опасна нитеплазма, хотя действует только через каналы хроноволнового преобразования.”

Залпы из пищалей ни к чему не привели. Тогда зеленщики взялись за противоколдовские мечи, копья и щиты. Катя затем долгое время не видела серорясого колдуна. Она тоже орудовала мечом, и ее, как обычно, прикрывали пятеро лучших воинов. Предводительница знала, что ее состояние чутко воспринимают все зеленщики, поэтому сосредоточенностью подавила страх. Целеуказатель на забрале, который простые повстанцы принимали за магический узор, помогал прицелиться и нанести удар, ведь точки уязвимости у чудовищ находилась вовсе не в груди или в голове, а там, где сходились силовые линии.

Существо, каковое показалось бы жирной амебой, если бы не просвечивающий скелет ящера, плевалось и плескалось жгучим едким ядом. Струи клейкой отравы взлетали в воздух, на мгновение как будто замирали, подбирая направление, а засим молниеносно разили. Немного погодя и щиты, и панцири были облеплены ядовитой гадостью, которая шипела, быстро проедая металл и медленно исчезая под воздействием антихрононового поля. Тут даже верные ратники стали разбегаться, не желая гнусной язвенной смерти. Вот какой-то зеленщик стал добычей жабовидного монстра, иже втянул человека одним вдохом в свою огромную пасть, словно пушинку. Тот коротко поболтался в мягком животе зверя, а затем быстро истаял. Другой повстанец, пораженный длинной иглой чудища-скорпиона в ногу, вдруг стал растекаться, бурливо разжижаясь снизу вверх. И булькающую лужу, оставшуюся от человека, принялась лакать стайка мелких

собаковидных бесов.

“Царица” двинулась на костлявого слизняка, выдержала поток отравы, но потеряла при том напрочь изъеденный щит, проскочила под брюхом, запрыгнула на ствол поваленного дерева и жвахнула копьем-молнией в энергоинформационный узел, находящийся в районе задницы. Чудище сразу превратилось в зловонное болотце, вернее, клубок причудливо завитых слизнеобразных ниток. Оно успело, впрочем, извергнуть спереди и сзади стайку мелких костлявых слизнячков, которых “царица” посекла кинжалом, хотя и они брызгались отравными струйками.

Потом Катерина-Марина еще посекла саблей из зеленого огня тощего злыдня, похожего и на обезьяну и на лиану; тот опутал собой несколько деревьев сразу и высовывал там и сям когтистые пальцы. Это ему не помогло и он превратился в бессильно повисшие сопли.

Наконец стая чудовищ, так и не достигнув решающих успехов, стала испытывать какое-то угнетение. Шайтаны и уроды неточно разили своими клыками и когтями, мимо плевались, не извергали из чрева мелкую хищную живность — та, наоборот, изгрызала их изнутри. Танк и паровоз усохли до размеров игрушек. Вскоре все чудища стали добычей разящего меча и копья. Царицыны воины на этом не остановились и бросились на выручку тому отряду, что ранее направился на постой и пропой. Но спасать уже было некого — в низине, служившей местом брани, остались лишь обрывки тел или раскисшие их остатки.

Здесь чудищ не было видно, наверное, большинство из них участвовало в нападении на основной отряд зеленщиков и успело сгинуть, небольшие быстро исчезающие вихри указывали на ретировку остальных.

Можно было оглянуться и сосчитать потери. Если не считать двадцати человек, составлявших гарнизоны деревень, то в поход выступило семьдесят. Из них в живых оставалось едва ли сорок, в том числе, пять серьезно раненных, отравленных и покалеченных. Вскорости их тоже не стало. Тела их разорвались, из чрева полезли нити, которые составили было узорчатый орнамент, но обернулись вскоре белесыми червями. Пришлось сию гадость спешно уничтожить.

Потом из глубины леса появился колдун Фома вместе со своим вороном. Глядя на него, и “царица”, и воины не могли сдержать ропота. Правда, птица выкрикнула первой:

— Слава победителям! Не забудьте, я вас первый поздравил.

— Отсиделся, значит, во время рати под кустом,— молвила с всей язвительностью Марина-Катерина,— мы и в ледяном царстве Макария-Плазмонта не имели такого количества потерь, как здесь

за столь короткий срок.

— Ты не совсем права,— мягко возразил колдун, и Катя вспомнила волны разрывающей и угнетающей силы, которые не посягнули на нее и ее бойцов.

— В первичном мире нам бы точно настали кранты, в этом, третичном,— чуть не настали. Чуть! Почувствуйте разницу.— выкрикнул с негодованием ворон.

— Катя, я, кажется, общался со Святым Ботаником!..— голос колдуна задрожал, и "царица" почувствовала торжественность события.— — Он почти случайно проходил через этот мир и дал мне хороший совет, каким образом справиться с царем-Плазмонтом. Катя, он недавно виделся с Авраамом, тот в свою очередь научил, как лучше беседовать с Богом. Незадолго до встречи со мной Ботаник разговаривал с Моисеем. Тот до сего дня сухой педантичный и немного косноязычный человек, то есть сверхчеловек. Еще раньше Ботаник перетолковал с Лаоцзы, Гаутамой и несколькими махатмами. Те уверены, что физический мир — это что-то вроде изображения с помехами на плохом телевизоре. У Ботаника уже назначена встреча с Иисусом. Сын божий собирается рассказать, почему был уверен в скором конце света. Ну, помнишь слова Христа: "Не сейте, не жните, в житницы не собирайте". Правда, Мухаммед пока уклоняется от встречи, но это до поры до времени. Надо ведь обсудить очень щекотливый вопрос о гареме пророка.

— Да подожди ты с гаремом. Что тебе подсказал Ботаник?

— А это пока секрет. У царя-антихриста длинные уши.— лукаво отвечал колдун Фома.— Открою только одно обстоятельство

— тебе предстоит сыграть роль живца.

Сие обстоятельство повергло Катерину-Марину в мрачные размышления, а Фома тем временем взахлеб выдавал сведения, полученные от Ботаника: скоро-де предстоит встреча Авраама, Моисея, Иисуса, будды Майтреи и других важных сверхсуществ. Обсуждаться станет вопрос о пришествии Мессии. Когда все будет согласовано, Мессия, естественно, придет, и тогда мы научимся любить себя, а, стало быть, и Бога; так что долгожданная Милость станет самой важной составляющей Единого… Лишь после настоятельных требований "царицы" колдун Фома вернулся к "производственной теме".

— Понимаешь, надо заставить царя-Плазмонта влезть сюда своим психическим ядром, своей энергоинформационной осью — у любого нитеплазменной твари, кстати, конфигурация напоминает юлу. Это сделать непросто, учитывая его мощную периферию. Однако, он уже перенес свое ядро с Титана на Землю.

Кроме того, в Плазмонте сидит пси-структура Страховида, кстати, путевый был парень, и еще пси-элементы злодея Демонюка. Я думаю, они сильно портят нрав царя-колдуна, придавая ему замашки Антихриста. Мы все, кроме тебя, Катерина, свалим из золотого царства, но я сделаю его двуслойным, состоящим из засекреченной внешней зоны и открытой внутренней. Плазмонт начнет пробиваться сюда, все более распаляясь, все более концентрируя силы во внешнем слое для нанесения проникающего удара. Едва противник устремится на последний и решительный бой, ты сбежишь, а ловушка захлопнется. Чик — и отхватим ему головку.

“Царице” сей смелый замысел не шибко по нраву пришелся, хотя она не забывала, как лихо распоряжалась ближними и дальними своими.

— В этой мышеловке я сыграю роль сыра… И с чего ты решил, что я уж настолько аппетитна для нитеплазменного царя?

— Ты для него нежелательная хрональная линия, неудачный поток времени, он видит, что с тобой связано нарастание энтропии, то бишь неясностей, непоняток и неприятностей, ну и, конечно, рассчитывает, что я где-то поблизости от тебя. Он бы с радостью соблазнил тебя и взял бы даже в законные супруги-царицы, но поскольку ты не согласна, он попытается тебя сшамать.— охотно объяснил колдун Фома.

“Царица” почувствовала в словах серорясого некую облегченность по отношению к своей персоне, потому стала возражать:

— Почему это я не согласна на брак? Худой мир и супружество лучше, чем хорошая война и незамужнее девичество.

— Да уж, девичество…— ворон не удержался от хмыкания.

— Подумай, он же противное липкое чудовище… такое же, как и я.— сказал колдун.

— А ты мне все равно нравишься.— решительно возразила Катерина-Марина.

— Любовь зла, полюбишь и козла,— справедливо подытожил ворон.— А тут вовсе не козел в качестве суженого, а колдун высшей категории.

В этом царстве так и не взошло ни одно солнце, но небеса источали теплый золотой свет, и хотя в исходном мире владычествовал зима, здесь набухали и распускались почки, а сквозь землю пробивалась нежная робкая травка. Уцелевшие ратники расположились на полянке, кто зализывал раны, кто грустил о погибших товарищах, кто чесал в голове, кто чистил и чинил амуницию, кто играл с псом, кто выпивал и закусывал. Страсти явно улеглись и царило какое-то странное

ублаготворение.

Фому и Марину-Катерину скрывали от воинов-зеленщиков кусты кизила.

Лик колдуна был, как всегда, непроницаемым, использовал он весьма скудный набор мимических движений.

— Я все не могу понять, Фома, испытываешь ли ты ко мне хоть какие-нибудь чувства? Человек ли ты… в какой-то степени?

— Если я стал нечеловеком, то не по своему желанию. Заявлений и рапортов с просьбой превратить меня в нечистую силу не подавал. То есть, я никогда не рвался в спасители или губители человечества.

Женщина опять почувствовала неловкость, ведь с серорясым трудно было не согласиться, в Космике ни у кого желания не спрашивают, прежде чем пустить в оборот. И она была деятельной участницей этой принудиловки. Наконец, Марина-Катерина придумала слабое оправдание.

— Значит, так легли матрицы в Поле Судьбы.

Колдун неожиданно охотно согласился с таким суждением и молвил:

— Сейчас я обхожусь без настоящего человеческого тела, приходится лишь имитировать его. А помимо фальшивой телесной оболочки, есть у меня еще нитеплазменные структуры. Сама понимаешь, что попав в другой организм, душа моя драгоценная изменила девяносто процентов своих чувств.

— Но десять-то процентов не поменялись, разве этого мало?

— вопросила с надеждой “царица”.

— Может, и не мало. Только эти десять приходятся на самые глубокие слои души. Чтобы отозвалась эта глубина, надо еще донырнуть до нее.

— Я не знаю, Фома, получится ли у меня, но попытаюсь. Ведь здесь, на Земле, я стала соображать в жизни и смерти гораздо больше.

— Вот кабы соображали мы на троих, я был бы уместен,— отметил ворон,— а так я становлюсь третьим лишним и каким-то неприкаянным. Улечу на какую-нибудь удаленную ветку, стану думу думати, жратву жрати. Хочу еще отметить, что в вашей ситуации попытка может стать пыткой.

Отвесив напутственные слова, пернатый друг перемахнул через кусты.

А “царица” примкнула свои уста к устам колдуна. Вначале она чувствовала только тепло псевдочеловеческого вещества. Потом добавилось нечто важное. Во глубине души что-то стронулось, покатило, и этой волне отвечала, резонировала другая, идущая из человеческой сути колдуна. “Царица” даже

испытала легкое головокружение, какое случалось с ней только раз, когда она впервые поцеловалась с парнем. (Работала она тогда в технической обслуге ганимедской базы, а он был мичманом с боевой горы класса “Эверест”, которой, казалось, ничто не могло навредить. Но через неделю началась малая война с сатурнянами. Боевая гора вместе с красавчиком-мичманом сгорела, как спичка, при первом же столкновении с вражескими штурмовыми катерами. С тех пор Катя не раз предавалась эротике и сексу, однако ничего кроме щекотания некоторых нервных центров не испытывала.) Две волны, имевшие, вероятно, хрональную природу, соприкоснулись и закружились в вихре, заставив отозваться и телесные и бестелесные элементы Кати и Фомы.

“Царица” еще приходила в себя, когда колдун уже поднимал зеленщиков. Через полчаса отряд был в Тимохино, и еще столько же времени понадобилось, чтобы добраться до Сидиромово. И везде, где появлялся серорясый кудесник, людишки становились столбиками дыма и исчезали в шарах, похожих на осиные гнезда. Колдун еще давал им наставления, но не принимал никаких возражений. Часа через полтора все скудное народонаселение зелено-золотистого мира составляли лишь Фома, “царица” и десяток псевдолюдей из Сидиромово.

Сидиромовские остолопы бродили по майдану, иногда бросали фразы и слова, впрочем, тщились и помогать. Но после того, как на них шикнули, обиделись и в дело больше не встревали.

— Сейчас я исчезну, Катя,— молвил колдун,— а ты двинешься по тропе, ведущей в Губошлепово, но около саблезубого камня свернешь и направишься к холму, поросшему мелкими сосенками. У его подножия будет озеро, рули вдоль его берега к мыску, заросшему камышами. Там и оставайся, пока не получишь от меня новые наставления. Не теряй внимательность, являться в человеческом обличии я не смогу, поэтому указания мои будут иметь вид знамений и природных явлений.

— Будь бдительна, красавица,— напомнил ворон.— опасайся заманухи и кидняка.

Договорил колдун и исчез вместе со своей птицей как всегда неброско: просто на его месте появился смерч в сеточке разрядов, каковой снес пару избушек, упала молния с ясного неба, вихрь с затухающим шипением втянулся в “осиное гнездо”, которое тоже исчезло.

Сидиромовские остолопы, раззявя рты, снова окружили “царицу”, но она постаралась поскорее удалиться от них, не забыв прихватить с собой мешок со всякой снедью, коей в лесу не

сыщешь — сало, солонину, пшено и гречу. Ну а котелок у нее свой был царский — с гербом в виде гвоздя и молота.

Без особых затруднений, лишь пару раз заблудившись — ведь впервые она путешествовала по лесу без провожатых — “царица” Марина-Катерина добралась до условленного места на озере. Почувствовала страшную усталость, каковая накопилась за бесконечный световой день и, уронив голову в котелок, “смежила вежды” (как выражались коренные теменцы и некоторые космиканские лингвисты).

Она продрала “вежды” из-за холода. Землю уже прикрывал легкий снежок. (Не полимерный-ниточный, а нормальные ледяные кристаллики, замороженная аш-два-о.) Сие, скорее, указывало не на близость врага, а на удаление друга.

Надо было срочно пошукать топливо для костерка. Хворост напрочь отсутствовал в золотом царстве, может, потому, что было оно как бы новорожденное ино свежеиспеченное. Костер недолго потрепыхался и задохнулся, пустив едкий дымок. Снова шестерить насчет дровишек было неохота, Катерина-Марина завернулась во все, что имела, и стала грызть шоколад. Несмотря на запрещение брать припасы из Космики, она пошла на контрабанду, ведь шоколад на Земле был варварским — горьковатые комки, кои доставляли из-за моря, из земли Майя, где светлых божеств ублажали обильными человеческими жертвами.

Веселье явно закончилось. Отзвенел чудесный месяц, когда Катерина была варварской царицей, властительницей разбойников. Началась царская жизнь со встречи с князем Ампер-Омским. Сей знатный муж благоволением Божьим остался жив после всех опал в глухом Пудинском уезде Васюганского воеводства, где никогда не хозяйничали черные стражи и не случилось сплошного оледенения. (Катерина заранее наскребла всю мало-мальски подходящую информацию по всем банкам данных, что отсасывали сведения по новейшей истории Земли.) Три дня и три ночи пропировала космиканка в усадьбе, каковая сильно напоминала крепость, и где собрались уцелевшие, но весьма потрепанные сливки Теменского общества: князья, бояре древних, даже допромышленных родов, испытанные и славные военачальники, некогда могущественные иерархи второевангельской церкви, даже храмовники попадались.

Три дня и три ночи в каменном замке посреди густой тайги. Сад с бассейнами, фонтанами и мраморными наядами да нимфами, дворцовые анфилады парадных залов, украшенных бронзой, зеркалами, панно, позолоченной лепкой и резьбой, а рядом за баллюстрадой — чащоба, где ревут медведи и тигры, и

ломает сучья гигантский лось.

Ее сразу провозгласили царицей бала, а потом государыней всея большой и малой Темении. Три ночи пиршеств, мазурок и вальсов, бряцания оружием и провозглашений великого похода во исполнение великих чаяний. Но едва вельможи узнали, что Космика не даст ни сил, ни средств, то сразу стушевались. У того старость, у сего подагра, у третьего дети малые по всей стране. Пожилой храмовник по имени Северин Касьянович присоветовал “царице” поскорее расстаться с благородной публикой, отставить идею о великом походе, дабы не повторить судьбу князя Ишимского, а напротив действовать малыми и незаметными силами, состоящими из лихих “отмороженных” воинов, живущих оружием. Заиметь надобно в каждом селении надежных людей, намастачиться в скрытой переброске, сосредоточениях и рассредоточениях сил, создавать лесные укрепрайоны, состоящие из землянок, схронов, подземных ходов, вороньих гнезд, ловушек и капканов — для “посторонних лиц”. Найти господ состоятельных, мало зависимых от властей, типа мясников и пивоваров, кои смогут подкармливать повстанцев. Ну и, наконец, обрести великого светлого мага, который сломает хищный лед.

Потом настала менее блестящая, но все же интересная жизнь: лесные тропы, казаки-разбойники, налеты и засады, ночевки на деревьях и в землянках, ядовитые гады, дикие звери и полудикие люди, кои привыкли после сытного обеда чистить зубы кинжалом. Но сегодня осталась “царица” Марина-Катерина совсем одна, да еще в виде кусочка сыра, а крыса-то — жутко большая и страшная. Фома стал нечеловеком, Марк-27 никогда и не был настоящим человеком, Соня же — дочь всей империи.

— Эй, замерзла поди,— раздался молодой приятный голос.

Сперва помыслилось, что некто, демон или человек, застал ее врасплох, закутанной, запеленутой. Из-под башлыка и накидки сейчас видела она толико полоску земли подле своих ног. Вторая мысль была об оружии, но ежели рукоять меча нашарилась сразу, то с пистолем оказалось хуже. Ладно, решила Катерина, попробуем атаковать одним мечом — внезапно, как показывал ей храмовник Северин. Разлетелись накидки, и через мгновение клинок был приставлен к горлу неожиданного собеседника, аж кровь потекла из небольшого надреза. Марина-Катерина отметила с удовлетворением, что на сей раз она не сплоховала. Впрочем, и незнакомец, судя по всему, не питал никаких враждебных намерений. Молодой, стройный како тополь, одного с ней роста — немаленький для теменца; глядя на его одежду и амуницию — вольный охотник или казак.

— Царица,— узнал ее неизвестный человек.— меня зовут

Скрин. Я — свой.

Ей показалось, что она видела его в каком-то из зеленых отрядов.

— Как здесь очутился?— чиркнула она резким “царским” голосом.

— Троха Кабан послал меня на разведку к Сидиромово, проведать нет ли там холодильщиков и “черных”. Когда до деревни совсем немножко оставалось, заприметил странный шар, он на ветке висел и был как… осиное гнездо, что ли. Подошел поближе, и тут меня скрутило, а шар вдруг раздулся, в нем открылась дыра, здоровая, как дупло у дуба, ну, меня туда и втянуло. А вослед такая тошнота, едва не блеванул, и голову закружило, и я прямо как растекся. Егда очухался, почал пробираться в Сидиромово, но там вместо мужиков какие-то ходячие мертвецы. Побродил изрядно, в Тимохино вообще никого не сыскал, но неподалеку видел кости побитых насмерть людей — се наши были, зеленщики,— и вот тебя встретил, царица, слава Богу.

“Царице” хотелось верить словам Скрина, лицо его выдавало бывалого, но довольно прямодушного человека. Известен был ей и Троха Кабан, главарь одного из зеленых отрядов, каковой кантовался в лесах неподалеку от Сидиромово. Впрочем, “царица” покидала еще вопросы насчет Трохи и его отряда. Скрин же ответствовал правильно в тех случаях, когда должен был знать, и не сказал того, чего не имел права ведать.

Окромя того, новый человек проворно устроил настоящий костер, добыл острогой несколько карасиков из озера и сварганил неплохую ушицу. Обед обернулся дружественной пирушкой. Скрин, кстати, не разу не перешагнул границ дозволенного даже в рассказках о своей повольничьей жизни и выказывал только преданность. Когда веселая трапеза была в разгаре, покачнулась вдруг земля и крупная зыбь покрыла озеро.

Что-то тряхнуло мир, созданный Фомой, непонятное творилось в его недрах или на его границах, где-то высвобождалась доселе связанная сила и, проходя вдоль перепада потенциалов, сотрясала организованные структуры. Еще толчок, и водяной вал, дотянувшись до “царицы” и воина-зеленщика, облепил сапоги тиной.

— Тикаем, царица,— Скрин потянул Катерину-Марину за рукав, и она решила, что довериться опытному лесовику будет правильным.

Близость холма была опасной, потому что с него катились валуны, один крупнее другого, и вообще казалось, что в глубине его просыпается с кряхтением и потягушками некое могутное

чудище. Однако, и лес не выглядел менее устрашающим, деревья в три обхвата прыгали, как чертики на пружинках, а те, что в два охвата, бессильно валились. Потому, едва увернувшись от нескольких упавших стволов, беглецы выскочили из чащи на опушку. Оставалась последняя более-менее приемлемая дорога по узкому лугу, но и там земля превратилась в подвижную гущу, напоминающую кашу на огне. Ноги вязли, застревали и даже проваливались. Однако крепкая рука воина всегда выручала “царицу”, да и кроме того, он умело подбирал направление.

Потом заметно стало, что не токмо “царица” с вольным зеленщиком несутся сломя голову, но и земля движется под ногам. Будто ее кто-то скручивал, как свиток, ино сдирал, словно кожу с черепа. Тут настоящая жуть обуяла Марину-Катерину и склизко протекла в каждую жилку, заставив зашататься. Даже две мысли не могли сцепиться вместе, отчего “царица” безропотно дала Скрину потащить себя в какой-то мшистый овраг. Тот становился все глубже и глубже, словно рана от сабельного удара, инда породы почвы становились все более красными. Марина-Катерина не прочь была остановиться, но воин своей сильной волей и мощной десницей увлекал за собой. В какое-то непрекрасное мгновение слои земли сдвинулись и закрыли бегущих сверху. Скрин не останавливался, он бежал и бежал по подземельям, озаренным багровым сиянием, словно был уверен в скором выходе — и не только на свет, но также из корчащегося золотого мира. А “царице” все более казалось, что она живьем попала в нутро какого-то левиафана. Впечатление усиливали и густые слизневидные капли, кои падали и стекали со стен тоннелей, и провисали на манер нитей, и как будто способны были ползать. Наконец, бег закончился тупиком в некой каверне, то ли пещере, то ли полом органе громадного тела.

— Я не верю, что отсюда есть выход, чертов Фома,— дрожащим голосом упрекнула “царица” отсутствующего колдуна.

— Не сомневайся в хорошем, государыня.— уверенно проговорил Скрин, не выказывая никаких признаков размышлений и переживаний.— Старуха с косой как ни старалась, не могла зацепить меня. Я даже ушел живехоньким с Ишимского поля, хотя от супостата не прятался.— Воин показал страшный рубец на своем предплечье.— Вражий мишка царапнул. Ну я его тоже бжикнул по брюху тесаком.

“Царица” вдруг поняла, что больше не интересуется замыслом колдуна Фомы — каковой вряд ли включал ее чудесное избавление из ловушки — теперь она целиком полагалась на простого теменского разбойника.

Они устроились в углу пещеры, совсем рядом друг с другом и

“царица” почувствовала, что ее одиночество имеет предел и сейчас закончится. Претендентка на престол, чая скорого освобождения от страха, прильнула к крепкому плечу вольного воина и ощутила себя маленькой и слабенькой, а он приобнял ее, и дал почувствовать, что она под надежной защитой.

Она прикоснулась к его губам и сразу устыдилась прежних сомнений: не только внутри, но и снаружи Скрин был настоящий земной мужик. (Он был не гаметой Плазмонта, не мутантом, не космиканской пастеризованной человекоособью, а мощным носителем человеческой энергии — и по своей биологии, и по пси-структуре, и по матрицам судьбы.) Срочно, спешно соединиться с ним, решила Марина-Катерина, и конец томлению души. От сего смелого соития родится тот, кто спасет и Землю, и Космику.

Едва она решилась, как почувствовала, что он проникает в нее, словно вмиг не стало одежды. И оттого словно происходит падение в бездну, только бездна эта не страшная, не выворачивающая душу, а сладкая, ласкающая изнутри и снаружи, нежная. Но неожиданно все оборвалось. Скрин вскочил, пещерные стены и потолок уже рушились, капли не ползали, а прыгали, вели себя зло и хищно. “Царица” уразумела, что сработала ловушка серорясого колдуна, только попался в нее не сатаноид, а любимый, суженый. (Она как будто услышала слова Фомы: суженого расширим, чтобы лопнул). Катерина-Марина и Скрин побежали куда-то вместе, во вновь открывшиеся проемы, только нити становились все гуще и в чрево вливалась распирающая волна. Причем на Скрина она действовала куда сильнее. Он дрожал и как будто невероятным усилием сдерживал себя. А потом он вдруг сделался схож с волком, под нестерпимый волчий вой его затрясли судороги, члены раздулись, стали как тыквы, и в итоге разлетелись прямо по стенам. Марина-Катерина в отчаянии стала метаться по подземелью, как будто хотела скрыться от своей тоски-печали. Капли превращались сейчас в каких-то вредных насекомых, которые, падая на “царицу”, цеплялись липучками и крючками — но одних вовремя разрывало в ошметки, а других, напротив, растягивало в ниточки.

А то, что осталось от ее любимого, сделалось нестерпимым чудовищем, громадным будто сто ящеров. Она поняла, что Скрин — не кто иной, как сатурнянский Плазмонт. Он сейчас преследовал ее, она убегала, хотя по-прежнему любила его. Ведь это сраный Фома порушил ее жизнь ради своей ловушки. Любимый превратился во вращающееся жерло огромной воронки, чье сильное притяжение было обращено на Катерину. Егда она уже хотела противу всяких инстинктов сдаться и закрыть глаза,

пошла тяга обратная. Она сперва распирала воронку, потом вывернула ее и начала скручивать, сжимать. А Катерину сия великая сила отшвырнула от гибельной опасности. Лжецарица из-за чересчур быстрого движения словно разлетелась струйками, но в конце долгого полета был расплескивающий удар.

Буде она распахнула очи, то увидела над собой нелепое пластилиновое лицо Фомы и озабоченные ряхи других зеленщиков, среди коих выделялось краснотой мурло Игната.

— Вставай, вставай, курносая, кто опаздывает на завтрак, тот остается дежурным по столовой,— пропел ворон.

— Ты вовремя очнулась.— молвил Фома своим бесцветным голосом,— вот посмотри, что я сейчас сделаю с твоим ухажером. Джинн-то в бутылке.— В ладони у серорясого лежал шарик, схожий с осиным гнездом. Колдун размахнулся и швырнул его в сторону Ярилы.— А бутылка на солнце… Прости меня, Страховид.

— Он тоже по своему несчастный,— пробормотал ворон.— Все это очень мне напоминает стародавнюю историю о Фенрире, то ли волке, то ли тролле, который, выполняя волю каких-то судеб, чуть не схавал весь мир… Но простите меня великодушно, что я не смог удержаться от проявления своей эрудиции.

Удовлетворенно отряхнув руки, Фома сказал Марине-Катерине:

— Ты без пяти минут настоящая царица Темении. Будь уверена, земский собор проголосует за тебя, там заправляют наши люди. Но Игнату придется выделить место главы тайного совета, это такой новый орган запроектирован — фактически предпарламент.

— Да провались ты к центру Сатурна вместе со своим органом!— вскричала “без пяти минут царица Темении”.

— По рычанию узнаю самодержца, а я ей еще хамил. Ой, пропадет моя буйна голова. Моим последним желанием на плахе будет покакать.— дурашливо запричитал пернатый друг.

22. “Коронация начинается”

Четкий прием. Симплекс.

Через три недели после погибели коварного царя-колдуна состоялось венчание Марины на царствие.

Впрочем, сей срок потрачен был с толком на побиение “черных” и холодильщиков. Оные лютые вороги, хоть и огорчились исчезновению царя Макария, однако с зеленщиками дрались отчаянно. Желали они посадить на престол своего

государя, такого, что стоять будет за порядок, благолепие и крепкое устроение державы Теменской. Нового венценосца подобрали они из своей среды — полковника черных дел Кровопускова. Думали холодильщики и черные стражи: пусть оный и не способен заниматься ведовством и волхованием, но вредителей души и тела истребит споро и с большим искусством. Верховный ревнитель Многомол поддержал смиренное начинание и назвал Кровопускова помазанником Божьим. Новый царь должен был не столько милость нести, сколько нещадно карать, не отдавая наказание злыдней на откуп высшим силам, кои могут кое-чего и недоглядеть на земле Теменской.

Однако служилые дворяне, стрельцы и казаки побоялись восшествия на престол грозного государя, не желали они более зависеть от милости и суда одного человека. Восхотелось им более покойного и привольного житья, посему в борьбе с зеленщиками они участия не принимали. Напротив, некоторые полки даже ударили на черных стражей. Особливо сия подмога потребной оказалась в престольном городе Теменске при одолении Детинца, который дотоле считался неприступным, инда сам хан Амангельды со своими огнедышащими колесницами не смог взять его приступом. Однако колдун Фома произрастил зеленый мост через стены, и тогда зеленщики решительным кровопролитным приступом закончили междуусобную брань.

Тут же среди дымящихся руин Детинца под вновь появившимися солнцами был созван Земский Собор. Ненужные люди так и не успели добраться до него, а нужные отбирались вождями зеленщиков прямо на Дворцовой Площади из толпы. Выборным от черни давалось по три полтины за правильное употребление голоса, отчего они были рады стараться за государыню Марину.

Впрочем многие выборные и без полтины желали избрать Марину на царство — успели уже узнать, что не злобива она, и умом быстра, и сердцем щедра, и в правлении своем склонна придерживаться добрых обычаев, а не собственного самодурства. Да кроме того и лицом, и голосом зело красива.

Уже вечером того дня новый верховный ревнитель веры Добродей — бывший дотоле попиком в захолустном уезде — помазал лоб царицы соком крестного дерева. По зеленому ковру государыня вышла из дверей собора к народу, который приветствовал ее появление криками “Здрав буди”, “Многие лета”, “Любо” и бросанием шапок. И радостью наполнились сердца народа, когда услыхали обещание венценосицы не карать и не свирепствовать без суда, не неволить ради гордыни своей, не утруждать службами и повинностями сверх необходимой меры.

Далее случилось всякое: и ослабление тягот и крепостей, и очередное размножение воров и татей, и мятежные замыслы некоторых вельмож из Тайного Совета, и притеснение народа со стороны кое-каких бояр, и даже опалы и казни, но в целом люди теменские признавали, что никогда у них не было еще такого сочетания воли и достатка как при царице Марине.

Однако не знали, не ведали они, что творится на душе у государыни. Не царствием тяготилась она. Хотя Фома вскоре после победы исчез, ей удавалось правильно употреблять власть, тем более, что постоянно рылась она в залежах исторических и антропологических сведений, прихваченных из Космики на мемокристаллах. Тосковала она по дочке, но и с Соней нередко получалось перемолвится словечком с помощью закрытого канала гравитационной связи (кое-кто из Технокома пособлял ей остаться незамеченной для надзирающих органов Космики, которым вряд ли бы понравилась старательница на посту земной царицы).

Главная тягость душевная заключалась в ином — вскоре после воцарения Марина-Катерина почувствовала, что понесла. (Аппаратура, имевшаяся в одном из тайников царя Макария, позволила определить не только факт беременности, но даже пол эмбриона и его генетическую карту.) Марк-27 не являлся отцом царевича, так же как и Фома, да, собственно, по времени зачатия не мог им стать. И напрашивалось такое умозаключение: отцом был Плазмонт, сатурнянский демон, овладевший Мариной-Катериной в виде воина Скрина. Не заставила она себя избавиться от ребенка, тем более, что и самое тщательное сканирование не обнаруживало в ней присутствия нитеплазмы, ни в очаговом, ни в диффузном виде. К тому же Скрин по всем качествам своим был человеком. Плазмонт постарался соблюсти точность, поскольку в нем жила пси-структура настоящего теменского воина по имени Страховид. Да и генетическая карта будущего царевича не показывала присутствия чего-либо нечеловеческого. Однако насколько велика была опасность в случае ошибки! Изнемогла Марина-Катерина от тяжелых дум.

Однажды царица проплакала полночи из-за душевного изнурения, и задремала только к утру. А егда открыла глаза, поняла, что ей помешал свет. Оный приходил не из окна. Темень лишь слегка проряжалась готовящимся взойти Сварогом. Свет стоял облаком возле кровати. Царица откинула полог и увидела Ботаника. Она зараз поняла, что к ней явился Святой Учитель, не только по сходству с имевшимися иконописными образами, но и по золотистому нимбу, и по источаемой им милости, которую не отягощало никакое лукавство.

— Ты мучаешься, дочь моя, и я не мог пройти мимо.— молвил он.

— Ты поможешь мне, Святой Учитель?— потянулась государыня к светозарному существу.

— Ты сама должна помочь себе,— кротко ответствовал он, и царица со вздохом сожаления откинулась снова на подушки.

— Возлюби себя, дочь моя,— напомнил Ботаник.— Человек не нуждается ни в покое, ни в мире, толико в любви к самому себе.

И тут государыня наконец поняла, что имеет в виду Учитель Жизни.

— Я оставлю ребенка.

— Ты права, Катюша. По роду и плоти своей он человек, а какова будет душа его, зависит от того, что ты дашь ему, что призовешь из Поля Судьбы. Запомни, твое дитя — это ты, лучшая твоя часть, потому что он еще не разучился любить себя.

— Но я еще царица. Что я скажу народу? У цариц дети не появляются с бухты барахты, государыня — это не крестьянка, которую может поиметь у колодца любой воин, остановившийся, чтобы напоить коня.

— Поскорее заведи себе мужа, лучше какого-нибудь старичка из благородных князей, иже не будет досаждать тебе своими любовными домогательствами. Настанет времечко, егда народ придет к мысли, что детище твое зачато с помощью небесной силы.

Царица вздрогнула, предощущая величие грядущих испытаний.

— Какую судьбу ты ему определяешь? Мессии?

— Нет, время Мессии еще далеко не настало. Сейчас должен явиться его Предтеча, великий воин и царь, который силой оружия искоренит очевидное зло и создаст империю Срединного Пути как на Земле, от Атлантического моря до Великого океана, так и в бездне, от Меркурия до Плутона.

И святой гость растаял, оставив после себя лишь несколько радужных пятен, кои куда-то поплыли и исчезли с глаз долой.

Царица вняла словам Ботаника, иже оказались столь созвучны желаниям ее сердца, хоть вряд ли убедилась в том, что сей светозарный образ не порожден лукавством Плазмонта. Она понадеялась на усердие своей души, на то, что сподобится Милости Божьей чистотой помыслов.

23. “Кольцо Марка-27”

Четкий прием. Симплекс.

Начальник Технокома прибыл в район 10А-5 на борту “Петергофа”: крейсер I ранга, только что сошедший с Деймосской верфи, входил в состав марсианского ударного соединения, которое призвано было навести порядок в Церерских секторах.

Здесь и был опробован аппаратный комплекс, с помощью которого предстояло остановить беспредел разумной нитеплазмы. С крейсера вылетели зонды-сканеры, которые установили периметры слежения; начальник Технокома сам сновал повсюду на юрком коптере, прощупывая вражеские структуры, ускользая из самых цепких захватов. Так впервые была определена конфигурация нитеплазменного быстроделящегося шизонта. Удалось выявить энергоинформационные узлы, точки уязвимости и главные хрональные каналы, по которым столь скрытно перемещались сатурнянские корабли.

По точкам уязвимости долбанули мощные антихрононовые бластеры, шизонт благополучно развалился, и хрональные каналы оказались обрублены. В итоге сатурнянские корабли потеряли главное боевое качество — скрытность. Выяснилось, что их тут целый рой, особенно много штурмовых катеров и истребителей, пытаются они все время оказаться на флангах или в тылу, но легко нынче поддаются обнаружению и уничтожению. В ходе недельных боев и прочесывания сплошняком астероидов диаметром более двадцати метров были уничтожены все вражеские борта класса “рейдер” и крупнее. Пожгли и основную массу мелких аппаратов. Впрочем, часть ловких “мальков” ускользнула в суматохе, и их пришлось давить чуть ли не в районе Весты.

Следующая серия боестолкновений состоялась в секторе астероидов “троянцы”, плывущих по орбите Юпитера. Здесь на основе имеющегося опыта противник был вычислен быстрее, хотя Марку-27 приходилось опять мотаться на своем коптере, влезая во все дыры. Была пара зубодрожательных случаев, когда уже казалось, что не вывернутся из “объятий”, но все же удалось скоренько зарисовать нитеплазменную структуру, именуемую спорозоитом. Размеры у нее оказались более скромные, чем у шизонта, но вела она себя агрессивнее и опаснее.

По мощному хрональному каналу группа кораблей противника, включающая линкор класса “Фудзияма”, пыталась прорваться в центр ударного соединения ВКС, к боевой горе “Урал”. Но вектор атаки был вовремя рассчитан и канал по-быстрому закоротили антихрононовой пушкой. Пространственные кванты оказались перештампованы в гравитоны, и сильная гравитационная волна, испещренная

множеством неоднородностей, буквально разметала вражескую группировку. Покромсать разрозненные сатурнянские корабли с вырубившимися двигателями и ослепшими навигационными системами уже не составило особых трудов. Это занятие представило интерес только для особо кровожадных космиканских командиров.

Когда юпитерианское пограничье было вычищено, ударные соединения ВКС, состоящие из марсианских мобильных подразделений, а также оперативные группы с Ганимеда и базы Ананке стали выдвигаться к Сатурну.

Сперва настал черед спутника Феба. Марк-27 нашел в этом районе несколько не слишком подвижных спорозоитов. Те, для скрытой проводки противокорабельных ракет, пытались выпустить по угрожающим векторам хрональные каналы. Однако хрононовыми излучателями каналы удалось “склеить” и “закольцовать”. В результате, вражеские ракеты вначале заблудились на спрямившемся гравитационном радиусе, а затем принялись клепать друг дружке. Но их еще оставалось несколько десятков после исчезновения хрональных каналов, были они по-прежнему опасны и не обнаружимы в электромагнитном диапазоне слежения. Однако мощный огненный вал, исторгнутый “Уралом” и проведенный вдоль пучкового гравитационного поля, смел оставшиеся ракеты вместе с сатурнянскими кораблями и превратил Фебу в обугленный камень.

На борту флагманской боевой горы состоялось совещание высшего комсостава. Генеральный уполномоченный касты кшатриев, начальник штаба флота, а также командиры соединений напирали на то, что надо довершить разгром противника, поскольку его обнаружение нынче дается сравнительно бесхлопотно, и он явно в организационном раздрае.

Марк-27 выступал против: дескать, реальные возможности сатурнян еще не прощупаны как следует, все ли нитеплазменные структуры дезорганизованы — тоже вопрос. А ведь именно сейчас космиканские силы входят в зону коренных структур Плазмонта.

Однако военная директория большинством голосов в две трети постановила разгромить противника в его логове, то есть атаковать внешние спутники Сатурна — Япет и Гиперион, и создать условия для штурма Титана.

Генеральный кшатрий отчасти учел предостережения начальника Технокома. Главный воин решил предпринять не только фронтальный натиск, но и, совершив обходной маневр над плоскостью эклиптики, обосноваться в тылу у противника и циркулировать в районе внешнего и среднего колец Сатурна.

Для операции в кольцах была сформировано новое ударное

соединение в составе трех крейсеров, в том числе “Петергофа”, и десятка более мелких кораблей.

Марку-27 предложили перебраться на флагманскую боевую гору “Урал”, которая должна была оставаться на почтительном удалении от зоны боевых действий. Начальник Технокома до конца не понимал, почему его снова тянет рискнуть. Впрочем, генералиссимусу было объяснено, что никто лучше начальника Технокома не просекает нитеплазменные структуры и при удалении от зоны боевых действий его ментополе перестанет воспринимать и оценивать всю полноту информации.

— Коллега Марк, я не хочу каркать и мешать подвигам, может, вы захотели на золотую доску героев в Державном Музее, но в таком случае неплохо бы позаботиться о своем преемнике,— напомнил генеральный кшатрий.

— Не волнуйтесь, сменщики у меня всегда найдутся, все они прошли специальную систему отбора, и в случае моей кончины немедленно и с радостью займут место генерального техно. Это железно произойдет также и в том случае, если я не смогу эффективно осуществлять связь со всей Техносферой.

Генеральный воин покрутил кончик длинного уса (у кшатриев длина подносной растительности зависела от ранга).

— Ну что ж, человеку вашего ранга я не то, что приказывать, даже советовать не рискну, но все-таки рекомендую взять с собой дополнительное аварийное оснащение.

Через каких-нибудь полчаса ударное соединение, расставшись с основными силами флота, взяло курс к кольцам Сатурна. Длинная эллиптическая траектория должна была вывести космиканские корабли к щели Кассини-2 за средним кольцом. Большая часть пути должна была протянуться в нейтральной пустоте, кое-где усеянной космиканскими зондами и сатурнянскими разведчиками — которые были не слишком страшны для мощной группировки. Сверхсовременные трансквазерные двигатели серьезно возмущали пространство, а панели-поглотители жадно съедали электромагнитные импульсы, так что что отдельный корабль было обнаружить сложнее, чем карасика в мутном пруду.

Скоростные двигатели оставляли на размыслие совсем немного времени — лишь сорок восемь часов. Почти весь этот срок Марк-27 уделил трудам в резидентной кибероболочке. Начальник Технокома порешил избавится от псевдоконкуренции и обустроить на основе службы “Бет” сотни мелких фирмочек, которые будут по-настоящему состязаться между собой. Чтобы мальки-фирмешки не пускали выделенные ресурсы “налево”, а занимались только научно-техническим прогрессом, Аниме

каждого директора были даны секретные инструкции. В случае непотребных воровских деяний понижать содержание энкефалинов в его мозгу, чтобы преступного человека регулярно грызла совесть и душили сны-кошмары.

Но и самого генерального кое-что мучило. Его интересовала женщина-офицер — третий навигатор “Петергофа” Анастасия О200. И даже повышая уровень серотонина в крови, не удавалось избавиться от мыслей об этой женщине, напротив они становились еще более концентрированными. Марк-27 поймал себя на том, что старается, через капитана или первого навигатора, дать ей какое-нибудь поручение, требующее непосредственного контакта — например, насчет того, чтобы поучиться у нее работе с голокартографическим астропроектором.

Она, естественно, явилась после приказа своего командира, но первым делом поинтересовалась по поводу начальственной блажи:

— Зачем вам это, коллега генеральный? ГКА-проектор нужен только профессиональным навигаторам и требует определенного поворота мозгов, остальные же люди довольствуются картинками звездного неба, которые подбирает для их гвизора или Анимы какая-нибудь оболочка в астро-архиве.

— Я ни в одном деле не являюсь ни остальным, ни прочим. Мозг плюс киберрасширение дают достаточные возможности моему ментальному полю.— вежливо, но слегкой спесью отозвался Марк-27.

— У вас на каждый орган имеется киберрасширение?— как бы невинно полюбопытствовала женщина и добавила.— В том числе и на тот, что болтается между ног?

Дерзостью своего вопроса она показала, что совсем не похожа на Катерину, которая всегда смотрела на Марка-27 как на полубога. Женщина-кшатрий не видела в нем ни властелина-небожителя, ни мудрого наставника. Она разглядела в нем только молодого мужика, который хочет подклеиться. С такими ситуациями Марк-27 еще никогда не сталкивался и весь доступный объем информации не создавал основы для полезного умозаключения.

— Я мог бы показать тебе просторы Техносферы — с помощью резидентной кибероболочки, мы могли бы понырять вместе с роботами-рыбами в кипящие озера Меркурия и полетать вместе с киберптицами в облаках Юпитера.

— Слушай, дорогой, мне хватает моей навигации и я вряд ли забалдею от каких-то кипящих озер, если они только не в котле на камбузе.

Марк-27 еще раз поразился тому, что эта женщина так интересует его, ведь у нее нет ни широты кругозора, ни пытливости ума, ни пиетета по отношению к крупному иерарху державы.

Однако он, не обращая внимания на колкости, попросил ее начать объяснения. По ходу дела Марк-27 отмечал, что говорит офицерша очень логично. На конкретных примерах, которые подобрал он сам, О200 отработала весьма толково и даже классно. Генеральный заметил, что женщина все-таки хочет произвести благоприятное впечатление. Сейчас, когда она находилась столь близко к нему, ноздри отмечали и тонкий запах духов — это тоже предназначалось для него, а не для несения вахты. А еще Анима генерального сообщала о повышении уровня адреналина в его крови — он волновался.

Марк-27 решил, что зашел слишком далеко и постарался закоротить урок.

— Ну-ну, а еще говорите, что вам есть дело до всего,— насмешливо сказала женщина,— ведь мы даже не дошли до сопоставления данных курсового счисления с полярными проекциями.

Анастасия удалилась, а генеральному не понравилось собственное отражение в зеркале. Какой-то он красный, потрепанный, даже потный, не похожий сам на себя. Затем Марк-27 подошел к картопроектору и, изрядно помучившись, наконец разместился в звездном пространстве над плоскостью эклиптики. Перед ним был яркий синеватый шар Сатурна, его кольца, от A до E, с узорами, лучами и овалами, пятнышки спутников, чуть поодаль светился красный мудрый глаз Юпитера. Два великана казались столь схожими, но являлись столь враждебными друг другу. Это еще от мифов пошло: владыка времени и мудрой горечи Сатурн был соперником Юпитера, обуреваемого всеми человеческими чувствами и желаниями.

Внезапно через кибероболочку крейсера поступило малоприятное сообщение — пропал первый навигатор. Напрочь исчез в районе двигателя-трансквазера, который представлял дисковидное расширение в корабельном миделе. Там же находилась резервная рубка, которая иногда использовалась офицерами для навигационных наблюдений в оптическом диапазоне. Сам трансквазер было не в чем обвинять, он мерно перекручивал пространственные кванты в гравитоны и укорачивал гравитационный радиус, что ускоряло скольжение корабля по виртуальной поверхности континуума-реальности.

Судя по всему, первый навигатор, каким-то образом преодолев кодированные люки, оказался на внешнем контуре

двигателя, где и был “перекручен”.

Несмотря на то, что можно было спокойно общаться через бортоболочку корабля со всем экипажам, генеральный техно пришел в кают-компанию, где уже собрался комсостав “Петергофа”.

Впрочем, при появлении начальника Технокома оживленная дискуссия стихла.

— Скорее всего, первый навигатор погиб в результате собственной небрежности.— ответственным голосом заявил капитан Роман К109.

— Вы хотите сказать, что ваш офицер перепутал преобразовательный контур трансквазера с сортиром и при этом проявил максимум упорства, чтобы попасть туда, куда не надо.— съязвил начальник Технокома.— А я думаю, первый навигатор вряд ли бы так ошибся сам по себе. Кто-то ему помог.

— Ну и кто по вашему этот помощничек? Может, укажете пальцем?— не совсем почтительно спросил капитан.

— Коллега генеральный намекает, что конкурента убрал второй или третий навигатор. По-крайней мере, так принято у них в Технокоме.

Это сказала, вернее нахамила Анастасия. Генеральный поморщился. Прозвучала еще одна неприкрытая дерзость. Непрозрачный намек на разборки в Технокоме. Но то была дерзость двойная. Если бы не посиделки возле проектора, Анастасия О200 не позволила бы себе такой выходки.

— У кшатриев тоже много чего принято.

И генеральный ровным голосом выдал “небольшую” справку на предмет кабинетных перестрелок, отравлений, инфицирований и незаметного введения хищных кибер-имплантов на “дружеских” офицерских пирушках, напомнил о случаях намеренного оставления боевых позиций и выдачи секретов оголтелому врагу, о подставах целых полков во время военных действий, и всего прочего, что позволяли себе товарищи офицеры и генералы в борьбе за чины.

После этого доклада кшатрии несколько приуныли.

— Так вот, друзья мои,— закончил генеральный,— я не настаиваю на своем мнении. Просто из-за некоторого воинского простодушии вы не совсем понимаете с каким изощренным противником имеете дело.

И Марк-27 вышел. Спустя шесть часов аппаратура засекла в кольцах Сатурна “пухлую” ооцисту Плазмонта, готовую выпустить спорозоитов. Через шесть-двадцать Анастасия навестила Марка-27.

— Я хотела узнать, коллега генеральный, будем ли

заниматься динамическими астрокартами, ну и кроме того собралась извиниться. Только не подумайте, что я пытаюсь отвести от себя подозрения.

— Я думаю, коллега навигатор, нам будет не до уроков в ближайшее время. И охотно извиняю — ведь мы ошибаемся лишь из-за недостатка информации. Разве мы сморкались бы двумя пальцами, если бы знали, что в пятидесяти процентах случаев содержимое носа попадает на башмак?

— Честно говоря, поначалу я не воспринимала вас как человека.— призналась женщина.— Генеральный Марк-27 был для меня некой функцией, чем-то растворенным в Техносфере, какой-то синусоидой в ее резидентной оболочке.

— Голубка моя бронекрылая, важно еще одно обстоятельство. Согласно рекомендации Ботаника, надо любить себя, чтобы увидеть свое подобие в другом. Именно себя, а не высокую идею, державу, класс, нацию, касту, начальника. Это я вам как синусоида говорю. Усекли?

— Усекли.

— Ну, а теперь идите работать, рентгеновское солнышко.

Уже возле двери, которая с готовностью распахнулась, Анастасия спросила, не оборачиваясь.

— Вы мне не доверяете после того, что случилось с первым навигатором?

— Я не доверяю даже себе, но это тоже от недостатка любви к собственной персоне. Впрочем, я все-таки ощущаю, что вы здесь ни причем, хотя зад… чувствую, что у нас на пороге большие неприятности.

Под ударным соединением Космики (или над ними, смотря что считать верхом и низом) простиралось внутреннее “креповое” кольцо.

Генеральный технарь рассчитал параметры соприкосновения с противником вполне точно, но исходя из тех мемо-элементов, что поступили в его ментальное поле. Нитеплазменные структуры придерживались границ кольца и в этой каменной каше невозможно было напрямую прощупать их ни зондами-сканерами, ни с борта разведывательного коптера.

Однако, с помощью хронолокаторов дальнего действия были верно определены энергоинформационне узлы, точки уязвимости и хрональные каналы. Их оказалось немало и надлежало мимо одних проскользнуть, другие закоротить, третьи закольцевать и запутать.

До кольца, вернее до начала скоростного торможения, оставалось не более двух часов полетного времени, и “креповое” сейчас напоминало бескрайнее как будто вспаханное поле с

холмиками и озерками. Настал момент пошмалять по точкам уязвимости — заработали антихрононовые бластеры и хрононовые излучатели.

Однако, на сей раз целеуказание не было точным, ооциста осталась цела и даже стала выпускать спорозоиты. Генеральный видел на гвизоре нитеплазменного мониторинга, как со вспаханного поля стали подниматься вихри, похожие на смерчи пустыни. Дальномеры тут же выдали, что корабль находится к ним гораздо ближе, чем должно получатся по данным курсовой прокладки.

— Мы, увы, находимся не там, где нам кажется.— передал Марк-27 командованию соединения, но оно, скорее всего, и так уже сообразило,— один из навигаторов “Петергофа” нас предал. Вся информация по нитеплазменным структурам была завязана на навигационные и курсовые данные, так что мы в любой миг можем оказаться под ударом. Отводите корабли по безопасным траекториям, я немедленно начинаю передавать поправки на баллистические параметры… Кстати, подозреваемых нехудо бы запереть в каптерку.

При отступлении крейсер “Петергоф” оказался в арьергарде и поэтому стал первой мишенью для внезапно вынырнувших сатурнянских кораблей. Собственно, не совсем внезапно они появились, к этому моменту ориентация в пространстве была восстановлена, однако после обнаружения вражеских бортов времени оказалось меньше, чем в обрез. Несколько хрональных каналов удалось закоротить, однако, спродуцированный гравитационный всплеск был столь близким и мощным, что, расшвыряв сатурнянские корабли, он накрыл “Петергоф” и бросил к планетному кольцу. Неуправляемый полет начался с больших повреждений корпуса и двигателя, сорванного со своего фундамента. Произошло несколько боестолкновений с терпящими бедствие сатурнянскими кораблями. Плазменные и бластерные выстрелы, а также направленные взрывы вдоль пучковых гравиполей, и ракетные залпы с коротких дистанций могли бы уничтожить “Петергоф” без остатка, но враг сейчас плохо управлял своим оружием, поэтому только разнес системы навигации, жизнедеятельности и еще несколько боевых частей.

Уцелевшие члены экипажа и пассажир в лице начальника Технокома разлетелись по аварийным шлюпкам. В самый последний момент кто-то уловил позывные навигаторов, чьи Анимы жалобно попискивали из каптерки.

Капитан Роман К109 выразился однозначно:

— Да пошли они к черту, я сейчас никого не отправлю в БЧ-5, это сверхсовременное корыто может взорваться в любой момент,

создав приличную зону хронально-гравитационно-пространственной неопределенности. Я не хочу вместе с ребятами превратиться в новый Тунгусский метеорит.

— Я вытащу их и уйду на последней шлюпке.— вдруг вызвался начальник Технокома, опять-таки неожиданно для себя.

— Я не могу приказывать и указывать вам, коллега генеральный, но вы поступаете странно.

Марк-27 бежал по коридорам гибнущего корабля, преодолевая отсек за отсеком, вскрывая заблокированные люки с помощью секретных кодов аварийного доступа. Пару раз его отбрасывало потоком горячих газов, но все равно он ощущал, что ему не только страшно, но и интересно.

В одном из отделений каптерки нашелся второй навигатор, он едва не застрелил генерального, но получил сапогом в промежность и кулаком в челюсть, заодно стало ясно, кто тут предатель с гнездом нитеплазмы внутри. В другом отделении нашлась Анастасия. Слава богу, сукой-“наседкой” был только второй навигатор.

Едва генеральный и Анастасия О200 отлететели от корабля на последней исправной шлюпке, тот превратился в расширяющуюся зону хронально-гравитационно-пространственной неопределенности, как и предвещал капитан Р.К109.

Марк-27 понимал, что если даже они уцелеют, то окажутся хрен знает где, а может случиться и кое-что похуже.

Оказались они прямо в гуще и толчее внутреннего кольца. Серебристо-голубоватое сияние окружало их со всех сторон, оно было весьма густым и непрозрачным — обильный свет, посылаемый гигантской планетой, рассеивался среди ледяной и прочей пыли, а также обломков покрупнее — всего того, что осталось от спутников Сатурна, злополучно угодивших в предел Роша.

Паршивым оказался не только визуальный пригляд, радар не смог бы вычленить искусственное тело среди массы обломков, запеленговать источник электромагнитного излучения здесь тоже было затруднительно. Если, конечно, не считать ревущего на метровых волнах Сатурна.

Когда-то в этих краях работали старатели, потом прятались космиканские спецназовцы, на которых сатурняне устраивали охоты и облавы. Сейчас шлюпка шла от одного крупного обломка к другому, стараясь оставаясь скрытой для возможных наблюдателей.

Никакой другой шлюпки с “Петергофа” Марк-27 и Анастасия не встречали и не пытались встретить — если кто-то из

соратников и уцелел, то вряд ли бы смог предоставить “гуманитарную” помощь, зато у него на хвосте мог уже сидеть сатурнянский охотник. Впрочем, нельзя было полагаться на незатейливую аппаратуру спасательного суденышка, которая проворонит нитеплазменные структуры, недорого возьмет. Это означало, что хрональные щупальца возможно уже елозили поблизости.

План генерального был хоть и рисковым, но продуманным: выйти из кольца с внешнего его края и, подавая сигналы тревоги, ждать там помощи от своих и надеяться, что не появятся со своей “помощью” товарищи сатурняне.

В путешествии по кольцу Марк-27 взял на себя слежение за всеми видами противников, а Анастасия О200 занималась навигацией и была, кстати, славным помощником.

Сканер засек электромагнитный “гул”, конечно же, неожиданно. С шлюпкой сближался какой-то аппарат небольшой мощности или с хорошо заэкранированной силовой установкой. Причем, судя по параметрам, это явно был чужак. А на шлюпке же вовсе не имелось бортового оружия. Правда из амуниции выделялась довольно мощная, но портативная пусковая установка для ракет типа “корабль-корабль”.

Вражеский аппарат все более приближался, скорее всего он засек “кряхтение” шлюпочного движка, который пришлось включить, чтобы увернуться от увесистого валуна.

— Надеюсь, мы правильно соображаем, по какой траектории вражина сближается с нами.— сказал Марк-27, удивляясь своему спокойствию.— Настя, сейчас ты высадишь меня на ближайшем обломке и пойдешь дальше на чистой инерции. Я попробую подстрелить басурмана, по крайней мере отвлеку его на себя. Если уцелею, включу радиосигнализатор и ты как-нибудь нашаришь меня.

— Какое чертово благородство.— с наигранным свирепством произнесла навигатор.— По таким замашкам видно аристократа. Ладно, выпрыгивай. Или тебя подвезти?

— Не надо. С ручным движителем я доберусь до укрытия за пятнадцать минут.

Он подхватил ракетную установку и заплыл в шлюз.

— А ведь жизнь действительно интересная штука — если по настоящему любишь себя.— сказал Марк-27 напоследок и выпрыгнул в серебристо-голубой туман.

Тот, в самом деле, напоминал не космическое пространство, а теплый сироп, даже не хотелось думать, что его температура чуть выше абсолютного нуля.

До своего “окопа” Марк-27 добрался действительно за

пятнадцать минут, за это время шлюпка явно уже перестала отслеживаться “чужаком”. Обломок, к которому надо было притулиться, состоял из кремниевых солей и смахивал на хрусталь с металлическими прожилками — красивый, в общем-то, камушек. Но не успел Марк-27 рассмотреть драгоценность, как появился сатурнянский истребитель, похожий на полураскрытую книгу. Генеральный знал, что тот шарит сейчас всеми детекторами, поэтому попытался втиснуться в какую-то щель. Замаскировавшись насколько вышло, он стал наводить трубу своей ракетной установки на вражеский аппарат. Надлежало с толком применить самонаводящуюся боеголовку. Ведь на такой крохотной дистанции даже тренированному мозгу не в жилу управлять ракетой, и радиозащита противника могла навести глушняк. Так что Марк-27 прицелился и бесхитростно пальнул.

Случилась промашка, причем очень досадная. Видимо, истребитель своим защитным полем сильно исказил образ цели. Сетовать долго не пришлось, потому что сатурнянская машина открыла ответную пальбу из бортового плазмобоя, все более точно обрабатывая обломок. Плазменные шары испаряли и плавили хрусталь вокруг Марка-27, образуя не слишком элегантную кайму. Впрочем, генеральный радовал себя тем, что истребитель вряд ли шмальнет своей ракетой — на таком малом расстоянии его же взрывом и накроет.

На груди зашевелился трансквазер Чертковиц. Не успел начальник Технокома оценить картинку из хронолиний на виртуальном экране, как перенесся по хрональному каналу в более удобную огневую точку, расположенную прямо над кабиной истребителя. Оставалось только засадить ракету ровнехонько в “яблочко”. Боеголовка нейтрализовала защитное поле истребителя гравиимпульсом и, проделав аккуратную дырочку в корпусе, влетела внутрь. После краткой паузы от летательного аппарата оторвался здоровенный кусок обшивки, сопровождаемый огненным хвостом. Это немного напоминало кончину термоса. Обшивка, “украшенная” бородой из проводов и лохмотьями из труб, пролетела совсем недалеко от Марка-27, вместе с ней совершали последнее путешествие обугленные и размельченные остатки нескольких сатурнян. Через вскрытое чрево истребителя виднелась наполняющая его изморозь — все, что имелось внутри, распылилось и замерзло.

Марк-27 постарался оторваться от останков истребителя как можно дальше. Ближайший крупный обломок находился в какой-то полумиле. Пока генеральный добирался туда с помощью ручной пшикалки, появилось у него впечатление, что его сносит

каким-то пока что слабеньким течением. Впрочем, в этом тумане, где в элементе не видать никаких звезд, трудно было разобраться с угловыми скоростями. Но то, что поддавалось обычному визуальному пригляду — этот обломок — как-то расплывалось и даже размазывалось. И тут Марк-27 догадался, что захвачен хрональным каналом какого-то очередного спорозоита. Генеральный, конечно, потребовал объяснений от трансквазера, но тот все объяснил. После применения хроноволнового преобразования в борьбе с истребителем невозможно было не попасться в объятия нитеплазменной структуры, а она весьма мощная, несмотря на то, что тянет несильно.

Марк-27 быстро сообразил, что начни вдруг Анастасия разыскивать своего недавнего спутника, она быстро попадет в нитеплазменный захват.

Сперва начальник Технокома применил секретный код, который смог вырубить радиосигнализатор Анимы, чтобы тот самовольно не запищал в чрезвычайных обстоятельствах. Нейтринный маяк не подчинился бы даже генеральному, но услышать его могла разве что боевая гора.

Затем Марк-27 вздрючил свой трансквазер, пытаясь вырваться из мощного пучка хрональных каналов, захвативших его. Менторуки так и не смогли распутать хитросплетенных хронолиний, антихрононовый меч не сумел найти и поразить точки уязвимости — вокруг была сплошная неуязвимость. Процессор услужливо подсказал начальнику Технокома, что он скорее всего попал в так называемую родовую нитеплазменную структуру, черпающую энергию из естественного хроноволнового источника.

Сатурн, Кронос, Владыка Времени. Можно было горько усмехнуться или же радостно прослезиться, но только сейчас, на пороге тьмы, Марк-27 понял, почему Плазмонт устроил свое царственное логово именно на Сатурне. Самим Полем Судьбы этой планете предопределено было стать огромным резервуаром хрональной энергии — что метко подметили древние греки и затем отразили в мифологии и нелженауке астрологии.

Пучок каналов напоминал толстенную пуповину, связывающую Марка-27 то ли с обителью смерти, то ли с местом нового рождения. Игра в самостоятельность была прокакана, трансквазер Чертковиц пожаловался на то, что не в состоянии преодолеть направленное искажение гравитационного радиуса, которое тащит тело многоуважаемого Марка-27 по определенному вектору с нарастающим скаляром. Затем трансквазерный процессор извинился и перешел на позиции стороннего наблюдателя, намекнув, что продолжение спектакля

может быть интересным.

Начальник Технокома сформировал свой последний рапорт для нейтринного излучателя, авось приемники “Урала” или какого-нибудь станции дальнего слежения уловят “лебединую песню”. Но и в лучшем случае, вряд ли в ближайшую пятилетку люди подступятся к хроноволновой кладовке Сатурна.

Марк-27, отрешившись от хлопот, поплыл в серебристо-голубом тумане, через который там и сям протягивались синие полосы. Возможно ядро Плазмонта и было погублено на Земле, но внушительная часть периферии сохранилась, все эти шизонты, спорозоиты, ооцисты, которые радостно кормятся из сатурнянского рога изобилия. Зря мы полезли к ним, подумал генеральный. Конечно, протикают часики и из этой компании выдвинется как минимум один Сверхплазмонт, нитеплазменное божество, но еще раньше мы нашли бы способ безболезненно угомонить его. Скорее всего, мы успели бы подготовить людей, для которых он выглядел бы не страшнее племенного шамана. Фома ведь выполнил свою задачу, угандошил царя-колдуна.

После мыслей о Фоме, подумалось о Кате, ставшей предводительницей разбойников. Если бы она знала, что он уже не тот пастеризованный клон…

В какой-то миг Марк-27 заметил по показаниям гравиметров, что если бы хрональные каналы и отпустили его, то уже не отвязалось бы поле тяготения Сатурна. Генеральный плыл сквозь серебристо-голубой туман и вскоре перестал понимать, жив он или уже мертв. Отключился имплант киберрасширения вместе со своими мемо-кристаллами, не отзывался нейтринный излучатель, не выходил на контакт процессор трансквазера. Сама Анима, компьютерная душа любого порядочного космика, не подавала никаких признаков функционирования.

Начальник Технокома теперь не видел и не чувствовал своего тела. Он протекал сквозь все более густые все быстрее несущиеся облака, которые, в конце концов, стали кипеть. Сквозь кипящее неистовство просматривалось огромное давящее светило, но Марк-27 знал, что это не Солнце, а пульсирующее от своей мощи ядро планеты. Кроме ураганного излучения, оно извергало молнии доныне невообразимой силы. И Марк-27 слышал гром, одна такая лавина звуковых волн могла бы снести огромный город. Начальник Технокома опускался в безбрежный мир вечных штормов, по сравнению с которыми любой земной тайфун показался бы легким сквознячком.

Это был ад. И у него были обитатели — блестящие увесистые губчатые пузыри, похоже, что из металло— или силикатоорганики. Они носились стаями, их многочисленные

сифоны втягивали и волнообразным сокращением выбрасывали “воздух”, их окружала сеточка из разрядов, которые, как будто, служили средством общения. А в общем, это были звери, в лучшем случае полуразумные дикари. Мощными разрядами они глушили или пробивали друг друга, а потом победитель проникал внутрь добычи. Жертва в конце разлеталась чахлыми лоскутками, а охотник превращался во множество туго налитых пузырьков. Видимо поедание здесь в какой-то степени сочеталось с половым сношением и размножением.

Когда Марку-27 стало совсем тоскливо от обозреваемой картины, рядом появился Ботаник. Генеральный сразу узнал Учителя по сходству с реконструкционными изображениями и светозарному нимбу.

— Любишь ли ты себя?— вопросил Святой Ботаник бывшего начальника Технокома.

— Еще недостаточно. Но буду больше, честное технократическое.

— Я верю, поэтому мы пойдем вперед.

Учитель Жизни повел Марка-27 вглубь бурлящего океана, который был одновременно и небом этой планеты, льющим потоки бешеного света. Здесь бывший человек впервые увидел сатурнянский город.

Это был косяк из огромных сплюснутых желеобразных бульб. Наверное, они были живыми, внутри них проглядывались узоры сосудов и мышечные тяжи. Но там же с явной осмысленностью перемещались небольшие вакуоли, слипшиеся в гроздья, сросшиеся, включенные друг в друга. Вакуоли иногда скапливались прямо-таки в толпы, иногда облепляли сосуды и тяжи, а порой уничтожали друг друга. Внутри них еще заметны были какие-то твердые включения, инкременты, похоже что искусственного происхождения, то ли орудия труда, то ли готовые изделия, то ли средства связи и транспорта.

Марку-27 показалось, что город и наполняющая его жизнь в общем-то являются примитивными, чем-то вроде сатурнянской Шумерии или Древнего Египта.

Но Ботаник показал бывшему начальнику Технокома и новый город. Для этого надлежало опуститься еще ниже, вернее, подняться выше, к солнце-ядру. Здесь не было такого беспорядочного бурления, зато все ритмично колыхалось из-за мощного дыхания планеты. Среда состояла из светоносного вещества, как будто разбитого на ячейки и полосы разной степени лучистости. Летящий же город представал единым комплексом-дворцом, то ли слепленным из облаков, то ли выполненным из особого ниточного льда, не боящегося никакой жары, а наоборот

питающегося зноем. Он состоял из созвучий стрельчатых арок, соцветий высоких окон и проемов, изящных фасадов, портиков и галерей, гроздьев легких башенок, мостов-паутинок. Были еще объемы, рельефы и формы, названия которым Марк-27 не смог подобрать. Сновали там переливчатые пузыри со лучами-щупальцами, парили диски, веретена, додекаэдры, икосаэдры и прочие многогранные фигуры. Фигуры перетекали друг в друга, возникали и исчезали, пульсировали и мерцали, играли красками, ореолами и лучами.

Все это не боялось ни бурных течений, ни сминающей силы тяжести.

— Граду сему предстояло сделаться славной столицей у демона. Еще бы, стоит в аду, но легок, прохладен и неприступен. Демон хотел подправить Бога, показать, что умеет творить лучше и минует тяжкие законы Всевышнего. Все, конечно, затевалось ради гордыни и господства.— сказал Учитель, обводя лепоту рукой.— Нынче, после утраты ядра, остались токмо младшие демоны, кои есть простейшие животные, и желание у них одно: уцелеть и размножиться. Честолюбивые помыслы, исполненные спеси и лукавства, кто-то из них заимеет много позже. А севодни тебе предстоит использовать величие града сего во благо человеческое. Так что он — твой. Бери и владей, вдыхай сведения и выдыхай мудрость. Ведь город сей — обиталище живых человеческих душ, забранных в полон бывшим владыкой. Кроме того, тебе предстоит найти и образумить растущего божка.

— Страховид уже образумил.

— Две большие разницы, молодой человек. Княжеский воин был поглощен взрослым умным, даже многоумным демоном. Тебя правомочнее сравнивать с Фомой, каковой стал душой молодой твари. Тебе, конечно, тяжелее придется, поскольку дело иметь будешь не с искусственным образованием, а с естественной особью. Оная в свой срок достигнет зрелости и станет новым божеством Сатурна. И тогда, присосавшись к источнику времени, возьмет под свою власть, вернее вовлечет в свои тенета, множество подобных, но более простых существ… В общем, ежели возлюбишь себя, Марк, то и житию своему возрадуешься. И уразумеешь, что большую радость толико через большее утруждение приобресть можно. Именно так, а не иначе направил нас Господь к пущему совершенству.

— Я пока до пущего совершенства дойду, совсем ошизею.— вяло отозвался бывший генеральный.— Впереди сто тысяч лет одиночества.

— Предсказывать ты пока не научился, сын мой. Вот тебе королева, чтоб не соскучился насмерть.

Свет сделался чуть менее плотным и Марк-27 увидел Анастасию О200. То есть, он догадался, что приблизившееся существо — навигатор Анастасия. И представил, каким чудиком является сам. Впрочем, она по-прежнему интересовала и манила его.

— Оставь волнения, тревоги позади,— увещевал Ботаник,— дочь твоя Соня подрастет и изыщет способ, как узнать о тебе и жизни твоей. А уж, Катерина, извини, важная теперь царица на Земле, не до тебя ей, да у вас и не любовь была, а смех. И впереди, любезный ты мой, так много замечательного, кое вкусишь ты рука об руку со своей ненаглядной. Истинно сказано, плодитесь и размножайтесь, и овладевайте Сатурном…

24. “Скрытая карьера Ф.К123”

Четкий прием. Дуплекс.

Я не оставался в шкуре плазмонта ни одной секундой больше. Все произошло именно так, как и договаривался с начальством. Посадил царя-колдуна в бутылку — и привет. Впрочем, мне кое-кто из штаб-квартиры Технокома непрозрачно намекал, что обратный переход не предусмотрен. Я, само собой, пригрозил, что займу тогда место сатурнянского демона, и со мной Земля и Космика нахлебаются горя. Меня тут стали уговаривать по-хорошему — дескать, сатурнянский Плазмонт лишился только своего психического ядра и дезорганизовался, но возле Сатурна осталась масса его спорозоитов, из которых может вырасти новый полноценный злодей. Обязательно-де вырастет, потому что появились сведения, что эта планета так и сочится хрональной энергией. В общем, начальники били по моему патриотическому чувству и давили на гражданский долг. Но я твердо отвечал, что, пока вырастет полноценная особь, есть времечко в запасе — в общем, родина успеет позвать на подвиг кого-нибудь другого, более образованного и красивого.

Короче, начальство переломилось и пошло мне навстречу, лишь когда я принялся зажимать корабли лунарской эскадры, изображать столб от земли до неба, посещать в виде стаи гигантской саранчи теменские поля и летать в виде змея о двенадцати головах, о двенадцати больших членах, жадных до баб. Таким макаром отмазался я от спецзадания и, кстати, вовремя, потому что еще немного — и моя пси-структура не смогла бы вернуться в исконнее тело. После пересадки взад у меня случился трехнедельный шок, а потом двухмесячная реабилитация. Когда все закончилось и я стал отличать головизор

от унитаза, пришло известие, как будто положительного свойства. Меня сделали начальником Технокома! Карьерная киберсистема собственноручно произвела меня в такие крутые начальником, и никто не возражал. По крайне мере гласно. Ну и ну.

Тут я и узнал про все на свете благодаря своему новому киберрасширению и резидентной оболочке, в том числе и про программу “скрытый лидер”. Марк-27 был последним начальником из серии клонов Марк-2. Он сам выступал за приход свежего человека к руководству еще до того, как пропал в креповом кольце Сатурна. Первый зам мне рассказал, что специальная кибероболочка пасла несколько кандидатур, как из низов, так и верхов Технокома. Потому-то мне и показывали виртуальные сны о том, что я большой начальник, и разрешали интимную связь с такой высокопоставленной персоной, как Катерина. После того, как я отличился в роли плазмонта, выбор окончательно пал на меня.

Теперь я живу, где раньше бывал лишь во сне и под конвоем, в апартаментах штаб-квартиры Технокома, и к моей башке подключена резидентная кибероболочка. Самое главное, Соня много времени находится при мне. Тоскую по Кате, но она теперь — царица с особой судьбой, да и вообще триада распалась, сыграв свою положительную роль. Я многое еще не понимаю, но надеюсь, что рано или поздно пересекусь с Ботаником, и он мне многое порасскажет.

25. “И опять о пользе чтения.”

Четкий прием. Симплекс.

“Тип НИТЕПЛАЗМОИДЫ Феномены мира “сырой” материи, имеющие признаки живых организмов.

Семейство СПОРОВИКИ (SPOROZOA) Это семейство представляет собой группу нитеплазменных организмов, чей метаболизм основан на хроноволновой энергии. Все они ведут исключительно паразитический образ жизни. В процессе эволюции споровики приспособились к глубокому и совершенному паразитированию на самых различных объектах царства организованной материи (физического мира). Некоторые виды паразитируют на носителе-человеке, его психических и соматических структурах, применяя для этого разветвленную систему хрональных каналов, так называемых “щупальцев”.

Одной из форм глубокого приспособления споровиков к паразитизму явилась выработка сложных и разнообразных жизненных циклов, обеспечивающих заражение и использование

носителя.

Отряд ПЛАЗМОНТЫ (PLAZMONTAE) Жизненный цикл плазмонта слагается из закономерного чередования бесполого размножения (шизогонии), полового процесса (развитие гамет и оплодотворение) и спорогонии. Половая и бесполая части цикла как правило распределяются между несколькими носителями.

Спорозоиты получают пищевую энергию, внедряя свои “щупальца” в объекты физического мира. При достаточном насыщении они превращаются в шизонтов, которым свойственно активное амебоидное движение.

Через несколько циклов бесполого размножения шизонты распадаются на мужские половые особи (микрогаметы) и женские половые особи (макрогаметы). Последние богаче снабжены запасными включениями. В объектах физического мира происходит слияние мужских и женских гамет (оплодотворение) и образуется зигота — полноценная взрослая особь.

В процессе развития зиготы она превращается в ооцисту, которая в конце концов разрушается и выпускает в окружающую среду большое количество спорозоитов. Цикл развития плазмонта завершается.

Вид ПЛАЗМОНТ РАЗУМНЫЙ (PLAZMONTUM SAPIENS) Этот организм показывает наибольшую приспособленность к паразитическому образу жизни. Защитные механизмы обеспечивают длительное существование паразита в неблагоприятных условиях. Плазмонт Разумный захватывает не только хрональную и пищевую энергии, но также все виды информации, которые позволяют ему управлять средой обитания, то есть регулировать поведение носителей.

На высшем уровне паразитирования этот организм способен использовать “щупальца” для оптимального изменения линий судьбы (перенаправления потоков событий).

Особо разработана специфическая стадия размножения, включающая носителя-человека. На этой стадии мужская микрогамета Плазмонта Разумного соединяется с человеческой пси-структурой (coitus mnemonicus), образуя насыщенную энергией промежуточную форму, которая впоследствии сливается с женской макрогаметой. При вышеуказанном соединении микрогамета может имитировать поведение и внешний вид человека. Особи Плазмонта Разумного (спорозоиты, шизонты, гаметы, зиготы) имеют личные “охотничьи” ареалы, на которые не допускаются конкуренты, однако в информационном смысле все эти структуры связаны и представляют четкую иерархически построенную сеть. Несмотря на масштабные исследования сетей, предпринятые Королевским Нитеплазменным Институтом, до сих

пор не установлено, представляют ли они какой-то вариант социума, государства, рода или племени.”

“Жизнь нитеплазменных существ”, издание для детей и мальков, т.1, Прозерпинск, Королевство Плутония, 2378 г.

26. “Последний аккорд”

Четкий прием. Симплекс.

“На шестой день сотворил Господь Бог людей: утром хороших, днем плохих, вечером — ужасных. И вскоре увидел, что первые потворствуют последним, последние живут токмо за счет первых, а вот в средних — судьба мира. И порешил тогда Господь первых награждать, последних карать, но сильно сократить и тех, и других в числе. А средних надумал преумножить, и, став маленьким, поселился в их душах. С тех пор люди плохие существуют сами по себе, воюют, воруют, вредничают, предаются честолюбивым трудам и стадным порокам, частенько раскаиваются, все повторяют по новой и получают, что заслуживают — то есть, ничего хорошего. Судьба одного из них не волнует никого, также как и судьба одного древа в дремучем лесу. Но Бог сидит в их душах, дожидаясь, когда они полюбят Его (ибо тогда придет к ним награда великая). Однакоже трудно среднему сделать сие. Истинно говорю тебе: возлюби самого себя, насколько сможешь, ибо в тебе живет Бог.”

Ботаник. “Низинная Проповедь”.

Васильевский остров, зима-весна, 1996 г.